

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЭК

ЕВРАЗИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 20 / Vol. 20

№1 (55)

2026

16+

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Том 20, № 1 • 2026

Тема номера:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МИРЫ ЕВРАЗИИ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов (от 09.09.2025 № ДС/22-пр) журнал отнесен ко второму уровню Единого государственного перечня научных изданий (доступен по адресу: <https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/>). Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Все статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ: 119571 Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ: 199178 Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57/43

АДРЕС ТИПОГРАФИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.ejournal.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2026
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2026
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution — Share Alike («С указанием авторства — С сохранением условий») 4.0 Всемирная

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 20 No 1 • 2026

Topic of the Issue:
CIVILIZATIONAL WORLDS OF EURASIA

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

FOUNDER: 119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Troparevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1

EDITORIAL: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61

PUBLISHER: 199178 St. Petersburg, Vasilievsky Island, Sredny Prospekt, 57/43

PRINTING HOUSE: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61

Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.eijournal.ru

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2026
- © All rights reserved

This content is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, кандидат политических наук, доцент

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдурашитович, директор Бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и защиты избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ), кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амиралли, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор Института Европы Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Россия, Москва), доктор экономических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Project of the Reserch Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPА, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPА, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPА, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, PhD in Political Sciences, Associate Professor

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Director of the Bishkek branch of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD), PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

GROMYKO Alexey, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MEZHEVICH Nikolay, Executive Director of the A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies (Russia, Moscow), Doctor of Economics, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 20, № 1 2026

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Союзное государство: 30 лет на верном пути интеграции 9

ГЛАВНОЕ

Иванов А. В., Попков Ю. В.

Меридиональные цивилизационные коридоры Сибири и их роль в интеграции и социокультурном развитии народов Евразии 11

ЭКОНОМИКА

Мосейко В. В., Юдина В. Д.

Современная торговля услугами в ЕАЭС 24

Каранатова Л. Г., Ворона А. А.

Развитие экономического потенциала международного сотрудничества Российской Федерации со странами БРИКС 35

Гиваргизова Л. С.

Экономические эффекты внедрения возобновляемых источников энергии в странах СНГ на примере Республики Армения 44

Гореловская М. Д.

Промышленный энергодефицит как ограничение экономического роста развивающихся стран 57

Котов Е. В.

Переосмысление советского наследия: новая энергетическая парадигма промышленной модели Донецкой Народной Республики 72

Ли Хао

Экономическая эффективность и пространственная структура литий-ионной промышленности Китая в контексте энергетического перехода 85

Чикова А. Е.

Сравнительная оценка влияния глубины интеграции на динамику благосостояния стран — участниц ключевых интеграционных объединений 93

Хаш-Эрдэнэ Самбалхундэв, Галбадрах Сосорбарам

Современное состояние и перспективы экономического сотрудничества Монголии и ЕАЭС 105

ПРАВО

Ковалёв В. С., Максимов С. В.

Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН: вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 2) 115

Агамагомедова С. А.

Финансовый контроль: особенности гармонизации в Евразийском экономическом союзе 124

Киченина В. С.

Договор о космосе 1967 года: проблемы толкования понятий «исследование» и «использование» в контексте коммерциализации космических ресурсов 132

Долженкова Е.

Становление дискриминационного положения русскоязычного населения Латвии в контексте международных обязательств по защите прав и свобод человека 142

ПОЛИТИКА

Нефедов В. С.

Ключевые геополитические факторы дезинтеграции евразийского пространства на современном этапе 154

Выходец Р. С., Щербань А. В.

Эволюция политики обеспечения информационной безопасности России в условиях геополитической турбулентности 164

Дудайти А. К.

Южный Кавказ в борьбе транзитных проектов: политика конкуренции маршрутов «Восток — Запад» и «Север — Юг» 175

Качук В. Н., Коростелев С. В., Соколов Д. А., Студеновский В. В.

Проблема недостаточности нормативной регламентации использования в медиаиндустрии изображений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта 187

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics

International scientific and analytical journal

Vol. 20, No. 1 2026

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

The Union State: 30 Years on the Right Path to Integration..... 9

MAIN

Andrey V. Ivanov, Yuri V. Popkov

Meridional Civilization Corridors of Siberia and their Role in the Integration and Socio-Cultural Development of the Peoples of Eurasia 11

ECONOMICS

Victoria V. Moseiko, Valeria D. Yudina

Modern Trade in Services in the EAEU 24

Larisa G. Karanatova, Anastasia A. Vorona

Development of the Economic Potential of International Cooperation between the Russian Federation and the BRICS Countries..... 35

Lydia S. Givargizova

Economic Effects of Renewable Energy Sources Implementation in the CIS Countries Using the Example of the Republic of Armenia 44

Maria D. Gorelovskaya

Industrial Energy Deficit as a Barrier to Industrialization and Sustainable Development in Developing Countries..... 57

Yevgeny V. Kotov

Rethinking the Soviet Legacy: A New Energy Paradigm for the Industrial Development Model of the Donetsk People's Republic 72

Li Hao

Economic Performance and Spatial Layout of China's Lithium Battery Industry in the Context of Energy Transition 85

Anastasia E. Chikova

Comparative Assessment of the Impact of Integration Depth on the Welfare Dynamics of Member Countries of Key Integration Blocs 93

Khash-Erdene Sambalkhudev, Galbadrakh Sosorbaram

Current State and Prospects of Economic Cooperation between Mongolia and EAEU..... 105

LAW

Vladimir S. Kovalev, Sergey V. Maksimov

The Pharmaceutical Sector as a Driver of Technological Independence of the EAEU, BRICS, ASEAN: Issues of Pro-Competitive Legal Regulation (Part 2)..... 115

Saniyat A. Agamagomedova

Financial Control: Features of Harmonization in the Eurasian Economic Union 124

Victoria S. Kichenina

The other Space Treaty: Problems of Interpretation of the Concepts of "Exploration" and "Use" in the Context of the Commercialization of Space Resources 132

Ekaterina Dolzhenkova

The Formation of the Discrimination Situation of the Russian-Speaking Population of Latvia in the Context of International Obligations to Protect Human Rights and Freedoms..... 142

POLITICS

Vladimir S. Nefedov

Key Geopolitical Factors of the Eurasian Space's Disintegration at the Present Stage 154

Roman S. Vykhodets, Anastasia V. Shcherban

The Evolution of Russia's Information Security Policy in the Context of Geopolitical Turbulence 164

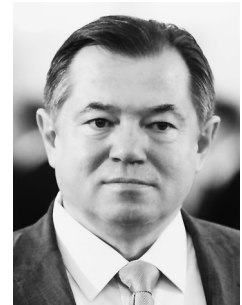
Albert K. Dudayti

South Caucasus in the Struggle of Transit Projects: The Politics of Competition between the "East — West" and "North — South" Routes 175

Veronika N. Kachuk, Stanislav V. Korostelev, Denis A. Sokolov, Victor V. Studenovskiy

The Problem of Insufficient Regulatory Framework for the Use of Images Created Using Artificial Intelligence Technologies in the Media Industry..... 187

Союзное государство: 30 лет на верном пути интеграции

2 апреля исполняется 30 лет со дня подписания Договора об образовании Сообщества Беларуси и России. В связи с этой датой, отмечаемой в Союзном государстве (далее — СГ) как День единения народов Беларуси и России, уместно подвести некоторые итоги и сопоставить глубину интеграционного процесса с ЕАЭС.

Хотя сами институты Союзного государства оформились на пять лет позже, с этого дня уместно вести его летоисчисление. На тот момент это была первая попытка противопоставить центробежным тенденциям на постсоветском пространстве центростремительные. Хотя разговоров о необходимости экономической интеграции постсоветских республик тогда велось много, в реальности преобладали дезинтеграционные процессы. Попытки сохранить единое экономическое пространство на практике свелись к двухсторонним договорам между новыми независимыми государствами о свободной торговле, благодаря чему хотя и удалось избежать появления тарифных барьеров, но обернуть вспять тенденции дезинтеграции не получалось. Подписание Договора об образовании Сообщества Беларуси и России стало важным рубежом, удержание которого позволило в дальнейшем развернуть работу по созданию в 2000 г. Евразийского экономического сообщества, в 2008 г. Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, из которого в 2012 г. вырос нынешний ЕАЭС.

Создание Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана, переросшего в ЕАЭС, перенесло вопросы торговой политики, таможенного, таможенно-тарифного, нетарифного, в том числе технического регулирования на наднациональный уровень Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Беларусь и Россия находятся в единой таможенной территории и имеют общий рынок товаров, услуг, капитала и труда еще с тремя государствами — членами ЕАЭС: Арменией, Казахстаном и Кыргызстаном. Остающиеся еще на этом рынке барьеры во взаимной торговле последовательно снимаются ЕЭК, решения которой обязательны для всех государств — членов ЕАЭС по вопросам ее компетенции.

У органов СГ нет подобных полномочий принятия актов прямого действия, обязательных к исполнению в государствах-членах. За пределами юрисдикции ЕЭК они принимают решения, которые затем имплементируются в национальных нормативных актах или в международных договорах Беларуси и России. К настоящему времени накоплена обширная договорно-правовая база СГ, выходящая далеко за пределы тематики общего рынка ЕАЭС. Она позволяет, пользуясь действующими в ЕАЭС свободами единого экономического пространства, дополнять его совместными программами и проектами, механизмами обеспечения равенства прав граждан в социальной сфере, проведением общих культурных мероприятий.

В дополнение к обеспечению прав трудящихся-мигрантов в СГ реализован принцип равенства социальных прав граждан, в том числе на получение образования и медицинской помощи, пособий, различных услуг. Граждане России, постоянно проживающие в Беларуси, имеют те же трудовые и социальные права, что и граждане Беларуси, и наоборот. Недавно был принят важный шаг в установлении равенства прав в участии в выборах в органы местного самоуправления. Устранены трансграничные барьеры в перемещении не только товаров, но и в передвижении граждан. Можно действительно сказать, что граждане Беларуси и России чувствуют себя на территории другого государства как дома, не замечая также, как правило, пересечения государственной границы.

Конечно, не все трансграничные барьеры и препятствия устранены, что в условиях постоянно совершенствующегося союзного строительства невозможно. Вместе с тем для их устранения ведется постоянная работа. Например, в ходе последнего заседания Совместной межведомственной рабочей группы по рассмотрению вопросов обеспечения равных прав граждан Республики Беларусь и Российской

Федерации было рассмотрено семь вопросов, включая столь значимые, как: об обеспечении прав граждан России на территории Беларуси на получение санаторно-курортного лечения по тарифам, используемым для граждан Беларуси; об упрощении процедур прохождения контроля в аэропортах России для граждан Республики Беларусь; о синхронизации льгот на транспорте для граждан России и Беларуси; об обеспечении равных условий поступления абитуриентов в высшие учебные заведения и др. Важно, что создан механизм устранения любых признаков дискриминации граждан Беларуси и России по отношению к национальным правам. Хорошим примером этой работы является решение проблемы различных тарифов на услуги мобильной связи из-за нахождения абонентов в международном роуминге на территории другого государства. С 1 марта 2025 г. гражданам России и Беларуси доступны комфортные тарифы при пользовании голосовыми услугами связи и услугами передачи данных. Это лишь один из примеров, который наглядно демонстрирует возможности согласования ведомственных и рыночных интересов для отладки продуктивного сотрудничества во благо граждан.

Многие задаются вопросом, насколько совпадают текущие и перспективные повестки деятельности Союзного государства и ЕАЭС. Конечно, между нами есть весомые пересечения в достижении поставленных целей — все же Беларусь и Россия функционируют на общем рынке «пятерки». Но если говорить о различиях, то нужно сказать, что инструменты достижения поставленных целей у СГ и ЕАЭС разные. Например, перед ЕАЭС, как и перед СГ, стоит задача расширения и углубления производственной кооперации, которая становится основой роста взаимной торговли. Сочетая конкурентные преимущества государств-членов, производственная кооперация создает новые возможности для развития, способствует повышению эффективности и росту выпуска товаров и услуг. ЕАЭС обладает инструментом субсидирования процентных ставок по кредитам, привлекаемым для реализации кооперационных проектов, за счет части отчислений от антидемпинговых пошлин, решения о введении которых принимает ЕЭК. У СГ подобного инструмента нет. Намерение о его разработке наталкивается на отсутствие источника финансирования. Решение этой проблемы заключается в создании Инвестиционной платформы на основе специальных инструментов рефинансирования национальных центральных банков. Посредством этих инструментов банки и институты развития могли бы привлекать кредиты для финансирования кооперационных проектов по разумным процентным ставкам, не превышающим их рентабельность.

Но есть и обратные примеры. В то время как в ЕАЭС до сих пор не удалось реализовать ни одну совместную программу, в СГ осуществлено уже более 80 совместных программ и проектов (включая оборонные) с общим объемом финансирования 65 млрд российских рублей. Благодаря их реализации созданы такие новые виды деятельности, как клеточные и генетические технологии в медицине, производство суперкомпьютеров и важнейших электронных компонентов, спутников космического зондирования Земли и другие.

Программы СГ — эффективный, фактически единственный практический механизм создания высокотехнологичной наукоемкой продукции, которая отвечает требованиям нового технологического уклада. Грамотное владение и распоряжение этим инструментом в совокупности с рациональной промышленной политикой — основа для формирования и развития единого научно-технологического и экономического пространства СГ.

*С. Ю. Глазьев, главный редактор,
Государственный секретарь Союзного государства,
академик РАН*

Меридиональные цивилизационные коридоры Сибири и их роль в интеграции и социокультурном развитии народов Евразии

Иванов А. В.¹, Попков Ю. В.²

¹ Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Российская Федерация

e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3125-484X

² Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: yuripopkov54@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1036-9253

РЕФЕРАТ

В рамках актуального направления исследований трансграничных взаимодействий в геополитической перспективе развиваются обоснованные ранее авторами идеи о цивилизационных коридорах, сыгравших и продолжающих играть важную роль в существовании России как евразийской и мировой державы. Анализ основывается на диалектико-синтетической модели цивилизационного подхода в единстве его пространственно-временного измерения, когда общество рассматривается как процесс и продукт объективной и субъективной рефлексии (взаимопроникновения) культур и локальных цивилизаций в исторической динамике. Под цивилизационными коридорами понимаются устойчивые в пространстве и во времени географические, геополитические и транспортно-коммуникативные каналы обмена материальными и духовными ценностями, государственно-административным, хозяйственным и социокультурным опытом между различными региональными и локальными сообществами, народами и цивилизациями. Рассматриваются возможность и перспективы формирования двух меридиональных транспортных коридоров между Севером и Югом Евразии через территорию России, конкретно — через ее сибирский макрорегион. Это: 1) проект «73-й меридиан», подразумевающий создание авиационного грузового и пассажирского сообщения между Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией, Афганистаном и Пакистаном, с осевым геополитическим и экономическим локусом в г. Омске; 2) проект прокладки транспортно-энергетического моста «Алтай — Гималаи» через территории России, Казахстана и/или Монголии, Китая и Индии. Аргументируется вывод о том, что подобные коридоры, помимо чисто экономических, транспортных и энергетических, решают важные геополитические и цивилизационные задачи по укреплению трансграничных социокультурных взаимодействий между разными конкретными сообществами, странами и народами. Эти взаимодействия основаны на общих ценностях и взаимовыгодных долгосрочных стратегических приоритетах развития и обозначаются авторами как транспортно-цивилизационные коридоры. Они оказываются исключительно значимыми применительно к Сибири и ее локальным сообществам. Обосновывается перспективность параллельного продвижения обоих этих стратегических транспортно-цивилизационных меридиональных проектов, важных для внутри- и макрорегионального сибирского развития, международного сотрудничества, укрепления геополитических позиций России, а также интеграции всей Евразии на принципах взаимной выгоды, добрососедства и культурного диалога.

Ключевые слова: Евразия, евразийская интеграция, цивилизационный подход, цивилизационные коридоры, Россия, Сибирь

Для цитирования: Иванов А. В., Попков Ю. В. Меридиональные цивилизационные коридоры Сибири и их роль в интеграции и социокультурном развитии народов Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 11–23. EDN: YYGPGB

Meridional Civilization Corridors of Siberia and their Role in the Integration and Socio-Cultural Development of the Peoples of Eurasia

Andrey V. Ivanov^a, Yuri V. Popkov^b

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russian Federation

^a e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3125-484X

^b Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: yuripopkov54@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1036-9253

ABSTRACT

The authors develop their previously substantiated ideas about civilizational corridors, which have played and continue to play a crucial role in Russia's existence as a Eurasian and global power. They base their analysis on a dialectical-synthetic model of the civilizational approach within its spatiotemporal dimension, where society is viewed as a process and product of the objective and subjective reflection (interpenetration) of cultures and local civilizations over time. The authors define civilizational corridors as spatially and temporally stable geographic, geopolitical, and transport-communication channels for the exchange of material and spiritual values, as well as state-administrative, economic, and sociocultural experience between various regional and local communities, peoples, and civilizations. They examine the possibility and prospects for the formation of two meridional transport corridors between the North and South of Eurasia through Russia, specifically through its Siberian macroregion. These include: 1) the "73rd Meridian" project, which envisions the creation of air cargo and passenger service between Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Afghanistan, and Pakistan, with a central geopolitical and economic hub in Omsk; 2) a project to build an Altai — Himalayas transport and energy bridge across Russia, Kazakhstan, and/or Mongolia, China, and India. The authors argue that such corridors, in addition to their purely economic, transport, and energy purposes, address important geopolitical and civilizational challenges by strengthening cross-border sociocultural interactions between various specific communities, countries, and peoples. These interactions are based on shared values and mutually beneficial long-term strategic development priorities, and are referred to by the authors as transport and civilizational corridors. They are exceptionally significant for Siberia and its local communities. The authors substantiate the prospects of parallel promotion of both of these strategic transport and civilizational meridional projects, which are important for intra- and macro-regional Siberian development, international cooperation, strengthening Russia's geopolitical position, as well as the integration of all of Eurasia on the principles of mutual benefit, good-neighborliness, and cultural dialogue.

Keywords: Eurasia, Eurasian integration, civilizational approach, civilizational corridors, Russia, Siberia

For citation: Ivanov A. V., Popkov Yu. V. Meridional Civilization Corridors of Siberia and their Role in the Integration and Socio-Cultural Development of the Peoples of Eurasia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 11–23 (In Russ.). EDN: YYGPGB

Введение

Предваряя содержательный анализ заявленной темы, сделаем несколько вводных замечаний, проблематизирующих исследовательскую ситуацию.

Во-первых, на уровне важных государственных документов Россия объявлена государством-цивилизацией. Термин представляется неоднозначным, для некоторых экспертов даже сомнительным. Несмотря на это, дискурсивный импульс политически задан, и теперь разные группы исследователей будут активно использовать данную формулу. Наверняка понятие «государство-цивилизация» приобретет разные смысловые оттенки в зависимости от методологических, идеологических и политических пристрастий интерпретаторов. Но вряд ли вызывает сомнение тот факт, что данный политический дискурс, базирующийся на цивилизационном подходе, будет в ближайшее время если не определяющим, то весьма значимым для представителей разных направлений социогуманитаристики, специализирующихся в области россиеведения, регионоведения и смежной тематики.

Во-вторых, в последнее время достаточно распространенными являются разговоры об экономических, энергетических, транспортных и других коридорах. Само их название говорит о том содержании, которое вкладывается в соответствующее понятие. Авторы статьи придерживаются более широкого и системного подхода к интерпретации подобных коридоров, называя их цивилизационными в том случае, если они имеют не только чисто транспортно-экономическое или энергетическое измерения, а способствуют также значимым социокультурным и духовным преобразованиям в тех региональных, локальных и межэтнических сообществах, через которые проходят, оказывая значимое воздействие на развитие стран и народов трансграничных территорий. Такой подход изложен нами в серии публикаций, в том числе монографическом издании [11, с. 138–173]. Например, функционирование вначале чисто торгового пути «из варяг в греки» стало важнейшим фактором становления российской цивилизации, испытавшей благодаря ему и варяжское, и греко-византийское государственно-административное и социокультурное влияния. Именно Днепр в течение столетий крепил связи между братскими русским, белорусским и украинским народами, являясь как бы «становой цивилизационной жилой» восточного славянства. В каком-то смысле нынешняя специальная военная операция — это борьба за то, чтобы Днепр вновь начал объединять славянские народы и был дорогой дружбы, а не национальной вражды и геополитического противостояния.

В силу указанных фактов мы и используем понятие «транспортно-цивилизационный коридор». Так как транспортная составляющая является основополагающей для реализации подобных проектов, а комплекс предполагаемых воздействий включает также экономические, политические и социокультурные преобразования, то полезным представляется воспользоваться именно этим понятием, отражающим важный аспект межгосударственных отношений и характеризующим комплексный механизм трансграничных географических, региональных и локальных связей, а также взаимодействия разных цивилизаций. Не каждый транспортный коридор является одновременно цивилизационным, но все цивилизационные коридоры имеют — в той или иной форме — транспортную составляющую. Понятия «цивилизационный коридор» и «транспортно-цивилизационный коридор» мы в настоящей работе используем как синонимы, поскольку речь идет именно о таких цивилизационных коридорах, которые базируются на транспортных системах.

В-третьих, поскольку речь пойдет о России и ее отношениях с другими странами Евразии, считаем важным зафиксировать свое представление о последней. Евразию мы понимаем не только «как ментальный конструкт, являющийся элементом внешнеполитического мышления» [9, с. 25], но и как реальное географическое, социокультурное и геополитическое пространство, состоящее из многих цивилизаций и субцивилизаций со специфическими этнокультурными и религиозными сообществами, хозяйственными укладами, многообразием образов жизни и ценностных представлений у живущих в нем людей, с разветвленными каналами материального и информационного обмена. Важно, что, несмотря на всю развитость интернет-коммуникаций, транспортно-цивилизационные коридоры продолжают выполнять свои важнейшие функции интеграции евразийского пространства, на чем будет сделан особый акцент далее.

В-четвертых, в последнее время в России в дополнение к известному китайскому широтному транспортному проекту «Один пояс — один путь» появилось несколько важных геополитических и геоэкономических проектов, направленных на меридиональное объединение так называемой Большой Евразии. Данный момент имеет уже самое прямое отношение к тематике статьи.

Один из этих меридиональных проектов развивается Изборским клубом применительно к европейской России и направлен на интеграцию России, Ирана и Индии по оси Волга — Каспийское море — Иран — Персидский залив — Аравийское море — порты Индии [1]. Нами дан обзор исторически сложившейся сети меридиональных цивилизационных коридоров, связывающих Север и Юг Евразии, которые проходят через территорию нашей страны, в том числе и через ее сибирскую часть. Это касается в первую очередь древнейшего цивилизационного моста Алтай — Гималаи [11, с. 161–173].

Известны также материалы, касающиеся проекта грузового и пассажирского авиакоридора, предполагающего связать Россию, страны Средней и Южной Азии по стратегическому 73-му меридиану, где осевым транспортным узлом является Омск. В частности, активно продвигает этот проект известный российский ученый и общественный деятель Ю. В. Крупнов¹.

Возникает вопрос: какие из выделенных выше меридиональных транспортных коридоров являются наиболее перспективными для нашей страны и особенно для ее сибирских регионов? Каково их геополитическое и цивилизационное содержание?

Для успешного решения такой задачи важен адекватный методологический арсенал. Наше исследование базируется на применении синтетической модели цивилизационного подхода (как важной макро-социологической теории) в единстве его синхронического и диахронического измерений, в соответствии с которыми развитие общества рассматривается как процесс и продукт объективной и субъективной рефлексии (взаимопроникновения) культур и цивилизаций в исторической динамике [11, с. 11–137; 14]. Это представление конкретизируется с помощью фокусировки внимания на пространственном анализе отношений социокультурных субъектов, в качестве которых в данном случае выступают конкретные цивилизации как наиболее крупные социокультурные таксоны, а также региональные и локальные сообщества в системе трансграничных взаимодействий.

Понятие транспортно-цивилизационных коридоров. Особенности их формирования и функционирования

Понятие цивилизационного коридора и его функций подробно рассмотрено в обозначенной выше коллективной монографии «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)» [11, с. 138–173]. Под цивилизационными коридорами понимаются устойчивые в географическом пространстве и во времени геополитические и транспортно-коммуникативные каналы обмена материальными и духовными ценностями, государственно-административным, хозяйственным и социокультурным опытом между различными государствами, народами, цивилизациями.

Такие коридоры включают в себя и природно-географические, и социокультурные элементы. Они зарождаются в разное время и под действием различных исторических факторов, преимущественно торгово-экономических и военно-политических. Эти каналы взаимодействия народов и цивилизаций могут прерываться и потом вновь восстанавливаться, входить в различные государственные и межгосударственные образования. Их можно уподобить артериям в организме, переносящим живительную кровь новых идей, ценностей, экономических, технических и социально-политических инноваций, культурных и бытовых достижений. Именно благодаря цивилизационным коридорам типа Днепровско-Черноморского или Волжско-Каспийского народы вступают в наиболее интенсивные экономические, межкультурные и межэтнические взаимодействия.

Коридоры могут первоначально формироваться как сугубо локальные, объединяющие отдельные этнокультурные системы, а впоследствии трансформироваться в глобальные пути взаимодействия ци-

¹ 73-й меридиан. Как сделать из Омска международный логистический центр? [Электронный ресурс] // Трамплин. 13.01.2025. URL: <https://tramplin.media/news/7/6516> (дата обращения: 15.09.2025).

визаций. В предыдущих работах авторы обосновали этот факт на примере становления Арктического цивилизационного коридора, приобретающего ныне особое стратегическое значение для России и всей Евразии [11, с. 183–199]. Заметим, что, выступая на юбилейном X Восточном экономическом форуме в сентябре 2025 г., В. В. Путин особое внимание уделил развитию этого коридора, справедливо называя его трансарктическим. Он должен объединить в целостную систему морской, железнодорожный и автомобильный виды транспорта и использовать потенциал не только Северного морского пути, но и крупнейших впадающих в него рек — Оби, Енисея и Лены¹.

Меридиональные транспортно-цивилизационные коридоры Евразии пересекаются с широтными. В этих пересечениях расположены крупные политические и торговые центры, сыгравшие и играющие до сих пор важную роль во взаимодействии народов и цивилизаций. Таковы исторически Киев и Астрахань, Дербент и Багдад, Нижний Новгород и Казань, Урумчи и Улан-Батор.

Исходно цивилизационные коридоры складываются и функционируют в истории чаще всего стихийно, но могут использоваться сознательно и целенаправленно, становясь важной частью государственной политики. Особенно это касается крупных государств имперского типа, если вспомнить Персию, Рим, Византию, Китай или Россию. От стратегии использования этих коридоров зависит и внутренний прогресс страны, и ее авторитет на международной арене.

Сегодня данный тезис можно и усилить: кто целенаправленно развивает и информационно продвигает цивилизационные коридоры, тот объединяет Евразию и весь мир на собственных правилах «цивилизационной игры», желательно, конечно, в интересах не только собственного, но и других народов. В этом смысле вряд ли случайным является тот факт, что именно народы России, и прежде всего русский народ, внесли и, надеемся, будут и дальше вносить важный вклад в развитие выделенных коридоров Евразии, особенно в Сибири, учитывая наметившийся в России стратегический поворот на Восток.

Более того, именно общее дело, — а прокладка и восстановление транспортно-цивилизационных коридоров является именно общим цивилизационным делом, — может в перспективе стать важнейшим созидательным средством противодействия мировым силам вражды и размежевания, этнокультурного и религиозного сепаратизма. Общее созидание — важнейшее средство политического и духовного объединения людей, стран и народов, что тонко подметил выдающийся русский религиозный мыслитель С. Н. Булгаков, писавший: «... единство мыслей достигается только жизненным единением» [3, с. 308]. Показательно, что известный разрушительный принцип «разделяй и властвуй», до сих пор являющийся едва ли не важнейшим геополитическим принципом Запада, часто реализовывался в истории как раз через разрыв цивилизационных коридоров, через превращение их из дорог мира в средство изоляции и вражды. Это произошло в середине прошлого века в Гималаях, где существовавшие с древнейших времен мирные горные пути между Индией, Китаем, Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном превратились в предмет конкуренции, территориальных споров и даже военных столкновений. Сегодня то же самое, повторимся, произошло с Днепром, который когда-то единил русский, белорусский и украинский народы, а сегодня превратился в кровавую межу в отношениях России и Украины.

Возрождение старых и прокладка новых транспортно-цивилизационных коридоров особенно важны для Сибири с ее огромными континентальными пространствами, слабой заселенностью и редкой дорожной сетью. Их развитие может привлечь на данную территорию новое молодое население, как было во времена целины и БАМа, а также дать импульс ее опережающему хозяйственному развитию, ибо новый транспортный коридор — это всегда новые экономические, культурные и жизненные возможности.

Наконец, Сибирь всегда была местом тесного взаимодействия и срастания различных этносов, продуктивного межрелигиозного и межэтнического диалога. Ее пространство обошли мировые войны, и она была скорее территорией послевоенного примирения и взаимного узнавания народов. Этот сибирский опыт «союза народов» может быть особенно востребованным в современную эпоху глобальных цивилизационных размежеваний и конфликтов.

¹ Путин рассказал о преимуществах Трансарктического коридора [Электронный ресурс // РИА Новости. 05.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250905/putin-2039902381.html> (дата обращения: 15.09.2025).

Перспективы восстановления и развития меридиональных транспортно-цивилизационных коридоров Евразии

Вернемся к обсуждению перспектив трех меридиональных транспортно-цивилизационных коридоров, о которых речь шла выше. Нам представляется, что практическая реализация самого по себе очень важного и открывающего большие политические, экономические и социокультурные возможности транспортного проекта Волга — Каспийское море — Иран — Индия с участием Азербайджана представляется ныне весьма проблематичным. Это связано с тяжелой геополитической ситуацией на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке. Война между Израилем и Ираном показала, насколько хрупок мир в этом регионе и насколько высока вероятность возникновения здесь новых разрушительных политических конфликтов и войн. Тем более что стратегический союз России, Ирана и Индии рассматривается странами Запада (прежде всего Великобританией и США) как откровенный геополитический вызов. Скорее всего, Волжско-Каспийский проект может иметь долгосрочный характер и нуждается в существенных мировых геополитических подвижках для своей успешной реализации.

Более перспективными нам видятся сегодня два сибирских меридиональных транспортно-цивилизационных проекта, связывающих Северную и Южную Евразию. Первый сибирский проект заключается в формировании международного грузового и пассажирского авиакоридора, который пройдет по 73-му меридиану и свяжет Россию со странами Средней и Южной Азии: Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Пакистаном, Афганистаном и Индией. Осевым транспортным узлом здесь призван стать Омск с соответствующей модернизированной инфраструктурой в виде нового современного аэропорта, с развитой внутренней логистикой, со становлением информационных и хозяйственных служб мирового уровня. Омск позиционируется в этом проекте как «сибирские ворота» и на арктический Север, и на теплый Юг Большой Евразии.

Второй сибирский проект нацелен на возрождение древнейшего меридионального транспортно-го и паломнического коридора Евразии, издревле связывавшего народы Алтая и Гималаев. Он проходил через Восточный Казахстан и/или Западную Монголию, далее через пустыни китайского Синьцзяна в Индию. Впервые об этом важнейшем транспортно-цивилизационном пути между Севером и Югом ясно высказался наш выдающийся художник, путешественник и мыслитель Н. К. Рерих. Он писал: «Истинно “Алтай — Гималаи” — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [10, с. 268–269]. Кстати, Рерих был и первым европейцем, который прошел этим древним караванным путем во время своей беспримерной Центрально-Азиатской экспедиции 1925–1928 гг. О существовании этого многовекового сквозного меридионального цивилизационного коридора свидетельствуют известные и схожие археологические артефакты в скифских могилах Алтая и Гималаев первого тысячелетия до нашей эры, а также памятники буддийской культуры первого тысячелетия нашей эры на огромных пространствах Внутренней (или Центральной) Азии, включающей в себя Тибет и весь Синьцзян.

Возрождение на новом уровне этого меридионального пути подразумевает прокладку железнодорожного и/или автомобильного коридоров, а возможно, и газопровода из Северной в Южную Евразию, из России в Индию. Перспективам прокладки этого маршрута посвящена совместная статья российских и индийских ученых [7]. Осевыми российскими городами на этом меридиональном пути являются Новосибирск и Барнаул, в Восточном Казахстане — Усть-Каменогорск, в Западной Монголии — Ховд, в Китае — Урумчи, в Индии — ее гималайский штат Джамму и Кашмир или, что более вероятно, Химачал-Прадеш.

Оба стратегических транспортно-цивилизационных проекта находятся пока на стадии научных, экономических и политических проработок, обсуждений и согласований. Здесь еще предстоит большая работа. Однако их параллельная реализация открывает в будущем исключительно благоприятные перспективы для развития Сибири, ее конкретных локальных сообществ, всей России, а в конечном итоге — других государств и народов Средней и Центральной Азии, а также Южной Евразии. Приведем соответствующие аргументы.

Во-первых, Омск и Новосибирск — два крупнейших города Сибири, обладающие огромным промышленным, научным и человеческим потенциалом, лежащие на главных водных западносибирских артериях (Обь и Иртыш), которые стекают с Алтайских гор, связывая Центральную Азию и евразийский север, континентальный Хартленд и Арктику.

Во-вторых, оба города лежат на Транссибе, модернизация которого способна превратить эту железнодорожную магистраль в важнейший широтный евразийский транспортный коридор, о чем мечтали инициаторы его создания Н. Н. Муравьев-Амурский и С. Ю. Витте [5, с. 441]. К сожалению, перспективный проект его развития, предложенный в свое время тогдашним руководителем РАО РЖД В. И. Якуниным и ректором МГУ В. А. Садовничим, получивший название ТЕПР («Транс-Евразийский пояс РАЗВИТИЕ (RAZVITIE)»), так и не был реализован, оставшись на уровне многообещающей геополитической декларации¹. Однако модернизировать Транссиб придется в любом случае, ибо уже сейчас он не справляется с потоками грузов, идущих в широтном направлении. Без этого полноценный поворот России на Восток попросту невозможен.

В-третьих, одновременно продвигаемые проекты двух этих транспортно-цивилизационных коридоров могут стать не только мощным стимулом для развития России и Сибири, но и важным фактором в наших отношениях с восточными соседями. Успешно продвигаемый проект «Омского коридора» подтолкнет к развитию взаимодействия нашего стратегического, но непростого союзника в лице Китая. Подвижки же по оси Алтай — Гималаи могут стимулировать государства Центральной Азии и Южной Евразии к более интенсивной вертикальной интеграции с Россией, чтобы, в свою очередь, не выпасть из евразийских меридиональных транспортных и цивилизационных трендов (о перспективах экономического и научно-технического моста Сибирь — Центральная Азия в конфигурации трансграничных взаимодействий см. [13]). Отечественные государственная и региональная ветви власти должны координированно разыгрывать обе эти важные геополитические карты, которые являются не краплеными, не западными («против кого дружим»), а совсем наоборот, евразийскими и соборными («на каких путях быстрее объединяемся и продуктивнее дружим»).

В-четвертых, с чисто геополитической точки зрения важно иметь в виду, что существует внутренний континентальный Хартленд, который с севера стратегически замыкается слиянием Иртыша и Оби, а с юга ограничивается великим горным узлом Внутренней Азии, где сходятся границы Пакистана, Китая, Афганистана, Таджикистана и Индии. Западной границей этого великого «континентального ромба» Евразии является северная часть Каспийского моря, а его восточной границей служат Алтайские горы. Этот внутренний Хартленд как раз и охватят два указанных меридиональных сибирских коридора, объединяющих Северную и Южную Евразию, Арктику и Индийский океан.

Такой «континентальный ромб» с двумя охватывающими его международными меридиональными коридорами может стать сердцем нового объединения народов Евразии. Хотя надо иметь в виду, что он может использоваться для провоцирования вражды и сепаратизма. На это, например, всегда была нацелена британская геополитика в Центральной и Средней Азии. Сохранились любопытные исторические свидетельства, что в начале XVII в., когда русские первопроходцы открыли Обь, текущую с юга Сибири в Северный Ледовитый океан, поступила официальная просьба от английского посла позволить англичанам организовать по Оби «вольную торговлю» с Индией и Китаем. По счастью, у тогдашней московской власти хватило ума и политической воли дать англичанам решительный отказ [15, с. 58–59].

Правда, не следует забывать и об исмаилитах, живущих в основном на Памире, — давних агентов Британии в Центральной и Средней Азии. Сегодня на деньги Ага Хана, главы исмаилитов, вполне успешно действует Университет Центральной Азии на территориях Таджикистана, Киргизии и Казахстана — как раз там, где должен пройти транспортно-цивилизационный коридор «73-й меридиан» [2, с. 422–459].

Идейной основой прокладки двух этих меридиональных транспортно-цивилизационных коридоров, не разъединяющих, а объединяющих народы Большой Евразии, может стать современная евразийская философия единства гор и степей. Горы и великие горные узлы, типа Алтая и Гималаев, — это основа

¹ 11 марта 2014 года состоялась очередное заседание Российской академии наук [Электронный ресурс] // Российская академия наук. 11.03.2014. URL: https://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=0c3705ee-0c1d-4830-963a-e7fe4ad99569&print=1 (дата обращения 15.09.2025).

сохранения жизни на огромных континентальных пространствах, ибо с гор стекают реки, вокруг гор формируются и обновляются воздушные массы. Горы формируют климат и вносят огромный вклад в почвообразование. Они — важнейшие центры биоразнообразия, а также устойчивые территории сосуществования и культурного взаимообогащения различных народов и культур, т. е. являются еще и центрами этнокультурного разнообразия.

Что же касается степей, то они представляют собой вековые сквозные дороги-коридоры евразийского континентального сотрудничества. Именно евразийские степи, и особенно Великая степь, столь глубоко впервые описанная Л. Н. Гумилевым, в первую очередь обеспечивают контакты между народами, связывают Север и Юг, Запад и Восток Евразии. Та же Великая степь, по меткому замечанию другого классика евразийства П. Н. Савицкого, является своеобразным «континентальным океаном» [12], сделавшим человечество единым еще задолго до плаваний Колумба и Магеллана.

Если горы — воплощение устойчивого, статического основания Евразии, то степи — ее динамического начала. Если горы — это символ вечности и неизменности основ бытия, то степи — бесконечного изменения и становления. Горы и степи — великое диалектическое природное единство Евразии и одновременно те природные противоположности, единство которых обеспечивает этнокультурное и социальное единство, а также продуктивное взаимодействие различных населяющих ее народов. Правильно говорят о новом многополярном мире, но, чтобы эти полюса не враждовали и не стремились поглотить друг друга, они должны быть полюсами соборного единства, на чем всегда настаивала отечественная философская и теоретико-социологическая мысль. Евразийская философия единства гор и степей, которую еще предстоит капитально осмыслить и в которую, конечно же, органически вплетутся темы лесов и рек, может стать важной мировоззренческой скрепой объединяющейся Евразии, где мир и сотрудничество, сохраненная природа и процветающая культура должны быть в безусловном приоритете.

Полезно также, когда стратегические новации и инициативы реанимируют великие культурные созидательные традиции прошлого, что может быть названо «возрождающей инновацией», где новое — хорошо забытое старое, но старое всегда возрождается на новом качественном уровне.

Перспективы Сибири в контексте планируемых транспортно-цивилизационных коридоров

Обращаясь к перспективам развития Сибири, считаем важным высказать ряд принципиальных стратегических положений в связи с возможной реализацией двух проанализированных выше транспортно-цивилизационных проектов. Не стоит удивляться тому, что ниже мы уделим пристальное внимание биосферному потенциалу Сибири, поскольку он становится особенно геополитически значимым в условиях глобального дефицита чистой воды, плодородной земли и качественного продовольствия. Страны, которые таким ресурсом обладают, но не умеют им рачительно пользоваться, обречены быть сырьевыми донорами и, в конечном счете, геополитическими вассалами государств с более рациональной и дальновидной политикой.

Во-первых, российская цивилизация и в прошлом, и в ее нынешнем состоянии является продуктом в том числе геополитики, которую проводило государство, интегрируя внутри себя множество территорий и народов. Выстраивание разумных отношений центра с этими территориями в рамках пространственного развития является актуальной задачей современного государства. Поскольку обсуждаемые проекты касаются не только трансграничных, но и внутрироссийских пространственных взаимодействий, постольку целесообразно вести речь не просто о геополитике, и не только о внешней, но и внутренней геополитике (см., например, [6]). От успешности ее реализации во многом зависит как развитие регионов и локальных сообществ, так и благополучие всей страны. Особая роль здесь принадлежит макрорегиону Сибири. И тут важно не забыть о проблемах и нуждах прежде всего простых сибиряков, которые в прошлые века оказывались, да и сейчас оказываются, явно обделенными вниманием государства. Прокладка транспортно-цивилизационных коридоров должна служить в первую очередь развитию Сибири. Именно могуществом Сибири должна прирастать Россия.

Во-вторых, планируя экономическую деятельность вокруг этих меридиональных транспортных коридоров, важно сделать упор на сохранение и рациональное использование сибирских лесов, черноземов и водных ресурсов. Это колоссальный и российский, и мировой природно-хозяйственный возобновляемый ресурс, требующий рачительного к себе отношения. Необходимо сохранение водных ресурсов Сибири и категорическое неприятие разрушительных технократических и коммерческих проектов типа переброски части стока Катуня и Оби в Иртыш, к чему призывает казахстанская сторона, или прокладки трубопровода из Байкала в Китай. Водой надо, конечно, делиться со страдающими соседями, но в разумной форме и не в ущерб глобальным водным экосистемам, складывавшимся в течение тысячелетий.

Насущной задачей является сохранение сибирских лесов, особенно старовозрастных, а также оперативное и масштабное восстановление лесополос в степных районах Сибири, ибо ведение современного продуктивного сельского хозяйства без этого невозможно. В социально-экономическом плане необходимо кратное увеличение вложений в сибирскую деревню. Сегодня хозяйствование на сибирском селе, особенно фермерское, перестает быть рентабельным, а молодежь уезжает в города, преимущественно расположенные в европейской России. Один Алтай ежегодно теряет примерно несколько тысяч молодых людей, уезжающих в европейскую часть страны, хотя важнейший и простейший критерий развития или деградация России — направление миграции ее населения. Если Россия развивается — вектор миграции населения направлен с Запада на Восток; если деградирует — с Востока на Запад.

Следует также учитывать, что Сибирь и ее ближайший сосед Монголия — это мировые «легкие» планеты, естественные фабрики по воспроизводству жизни. Необходима масштабная отечественная программа развития зеленой экономики с нашими российскими акцентами и приоритетами. От бездумного технократизма и потребительства (особенно постыдной роскоши нашего олигархата на фоне общей бедности российского населения) нам обязательно придется отказываться.

В-третьих, в Юго-Западной Сибири, в той же Омской и Новосибирской областях, а также в Алтайском крае скрыты огромные возможности для производства экологически чистого продовольствия. Потребности Китая тут огромны, особенно это касается молочной продукции. Да и Индия скоро начнет остро нуждаться в продовольствии, прежде всего в зерне, учитывая динамику роста ее населения и сокращение водных ресурсов. Обе великих азиатских страны — потенциально бездонный рынок бутилированной пресной воды и северной древесины, которую надо поставлять в переработанном виде с высокой добавленной стоимостью. В свою очередь, Россия нуждается в рабочей силе, не зараженной вирусами религиозного экстремизма и этноцентризма. С этих позиций импорт рабочей силы из миролюбивой и отличающейся религиозной терпимостью Индии является для нас едва ли не лучшим выходом из нынешней ситуации нарастающего кадрового голода. Параллельно необходимо использовать оба планируемых транспортных коридора для наращивания научных и образовательных связей с Южной Евразией и особенно Индией, чтобы оказывать деятельное культурное и идейное противодействие Англии, традиционно имеющей большое влияние на свою бывшую колонию и особенно на ее интеллигенцию.

В-четвертых, стратегически значимо приоритетное развитие сибирской науки, культуры и образования, ибо культурный и творческий человек — это и главный антипотребитель, и главный хранитель традиционных ценностей, и главный сознательный труженик в государстве, и, конечно, сознательный участник объединения Большой Евразии на принципах миротворчества, добрососедства, нестяжательства и культурного сотрудничества.

В-пятых, в конечном итоге успех евразийской интеграции на всех уровнях ее рассмотрения — от континентального до локального — в существенной степени зависит от внутреннего потенциала нашей страны. В данном контексте хотелось бы поддержать важный вывод И. Ф. Кефели, который он делает, опираясь на соответствующее фундаментальное положение выдающегося российского политического деятеля А. М. Горчакова (который при этом был почетным членом Петербургской академии наук и Московского университета): вопрос о России в ее геополитической перспективе «будет решаться не только на поле сражений, но, в первую очередь, во внутренней политике, адекватно реагирующей на все неожиданности глобальной трансформации современного мира» [8, с. 18].

В качестве заключения

Планируемые транспортно-цивилизационные коридоры должны стать в первую очередь коридорами получения и трансляции знаний и технологий, мостами высокой культуры и творческого развития человека. Именно всестороннее развитие человека, его физическое и духовное здоровье — важнейшая цель государственной политики, любого технологического, экономического и инфраструктурного обновления. Не просто финансовая прибыль и мощь государства, а просвещенный и творческий человек, воспроизводящийся в массовом масштабе, — вот важнейший критерий прогресса общества и главный показатель эффективности деятельности государственных структур. Но вместе с тем создание таких коридоров должно ориентироваться на реально существующие показатели торговой связанности России со странами-соседями на евразийском пространстве, как они складывались на протяжении веков и определили геополитическую динамику их взаимоотношений к настоящему времени (см. табл.) [4, с. 18].

Таблица

Динамика торговой связанности России со странами-соседями
Table. Dynamics of Russia's trade relations with neighboring countries

Страны	Объем взаимной торговли, млн долл.			Индекс 2023/2015, %	Объем торговли с Россией на жителя страны/мира, долл./чел.	
	2015	2021	2023*		2021	2023
Китай	61 386	141 373	239 542	390,2	100,1	169,8
Турция	23 061	32 941	56 506	245,0	391,5	662,2
Белоруссия	23 484	38 766	48 700**	207,4	4167,3	5293,5
Казахстан	15 108	25 626	25 980	172,0	1297,9	1277,9
Узбекистан	2748	6909	9564	348,1	201,8	268,3
Армения	1170	2604	7265	621,2	879,1	2429,0
Польша	13 511	22 531	6295	46,6	609,3	171,6
Азербайджан	2752	3356	4303	1663	331,0	423,8
Вьетнам	3843	7132	3632	94,5	72,1	36,2
Грузия	958	1918	2950	307,9	517,1	793,9
Киргизия	1339	2504	2923	218,2	365,5	411,7
Иран	1242	4041	2759	222,1	45,7	30,5
Монголия	1128	2074	2498	221,5	628,5	713,7
Финляндия	9602	13 221	2055	21,4	2386,1	368,1
Таджикистан	798	1213	1715	215,0	121,7	165,1
Молдавия	111,5	2171	466	41,8	836,4	189,5
Украина	14 667	12 284	5	0	277,3	0,1
Туркменистан	975	866	1600***	164,1	122,1	217,3
Мир, млрд долл.	526	785	710	135,0	101,4****	89,8****

* Данные зеркальной статистики

** Оборот взаимной торговли товарами в 2023 г. составил 4,2 трлн руб. (Григорьев А. Россия и Беларусь поставили рекорд взаимной торговли в 4,2 трлн руб. 15.04.2024. URL: <https://ura.news/news/1052756004> (дата обращения: 04.05.2025)) или 48,7 млрд долл. по среднегодовому курсу рубля к доллару.

*** Товарооборот России и стран ближнего зарубежья достиг рекордного уровня. 16.03.2024. URL: <https://ria.ru/20240316/torgovlya-1933466940.html> (дата обращения: 04.05.2025).

**** Объем внешней торговли России к мировому населению (минус население России), долл./чел.

Источники: [4, с. 18]; ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org>; World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 04.05.2025).

Другой важный возможный результат формирования и развития рассматриваемых транспортно-цивилизационных коридоров касается перспектив эффективного сибирского регионального развития

в целом и его конкретных локальных сообществ, а также укрепления международного сотрудничества в рамках актуализированных в последнее время для России трансграничных взаимодействий в ситуации провозглашенного поворота на Восток ее государственной политики. Сибирь здесь выступает цементирующим звеном, можно сказать, средокрестием, всей системы внутри- и макрорегиональных отношений. Без укрепления экономического, социального и человеческого потенциала Сибири успешный «восточный поворот» не представляется возможным. Следует прислушаться к утвердительному суждению специалистов. «Большое евразийское партнерство в современных условиях должно ориентироваться, — как справедливо считают Л. Б. Вардомский и М. О. Тураева, — не только на международные институты, обеспечивающие в разных форматах расширение взаимной экономической открытости, но и создание соответствующих транспортно-логистических условий в виде линейно-узловой (коридорно-хабовой) сети, покрывающей все большее число стран Азии и заинтересованных государств других континентов» [4, с. 67].

Хочется надеяться, что планируемые меридиональные коридоры Евразии найдут свое реальное воплощение в действительности и послужат именно этим благородным целям.

Список литературы

1. Аркаим XXI век — концепция геостратегического усиления России и ее союзников (доклад Изборского клуба под редакцией Виталия Аверьянова) // Изборский клуб. 2023. № 1–2 (109–110). С. 6–85. URL: https://izborsk-club.ru/magazine_files/2023_01.pdf
2. *Баденков Ю. П.* Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие — разнообразие моделей развития. М. : ГЕОС, 2017. 479 с. URL: <https://ucentralasia.org/media/fswbhygf/badenkov-yu-life-in-the-mountains-e-book-2017.pdf>
3. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства (речь на докторском диспуте). Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1993. С. 298–311.
4. *Вардомский Л. Б., Тураева М. О.* Развитие транспортных коридоров Евразии: разнообразие проектов как отражение меняющегося мироустройства: Научный доклад. М. : ИЭ РАН, 2025. 72 с. ISBN: 978-5-9940-0790-7. EDN: TSTTYH
5. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3 т. Т. 1. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1960. 555 с. URL: https://archive.org/details/3-1960_202510
6. *Ерохина Е. А.* Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск : ИФПР СО РАН, 2012. 418 с. ISBN: 978-5-4437-0117-2. EDN: QMMNVZ
7. *Иванов А. В., Попков Ю. В., Фотиева И. В., Гунта П. М.* Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 267–284. EDN: YMSFFC. DOI: 10.15372/REG20170412
8. *Кефели И. Ф.* Судьба России — от поддержания политического равновесия в Европе к «собирателю» Большой Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 11–21. EDN: MLDSYE
9. *Новиков Д. П., Бочарова А. П.* В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР // Полис. Политические исследования. 2025. № 3. С. 25–40. EDN: MNKDBR. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.03
10. *Рерих Н. К.* Из литературного наследия. М. : Изобразительное искусство, 1974. 534 с. EDN: TYDDDR
11. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода) / под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. Барнаул : Новый формат, 2025. 303 с. ISBN: 978-5-00202-794-1. EDN: QVQIPU
12. *Савицкий П. Н.* Географические особенности России. Ч. I. Растительность и почвы. Прага : Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 с.
13. *Селиверстов В. Е.* Сибирь — Центральная Азия: экономические и научно-технические взаимодействия // Регион: Экономика и Социология. 2025. № 1 (125). С. 117–141. EDN: ZRXMVI. DOI: 10.15372/REG20250105

14. *Фофанов В. П.* Всемирная история как рефлексия цивилизаций // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 1. С. 44–48.
15. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири 1032–1882 гг. Сургут : Северный дом, 1993. 464 с.

Об авторах:

Иванов Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Российская Федерация);
e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3125-484X

Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Российская Федерация), эксперт РАН;
e-mail; yuripopkov54@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1036-9253

References

1. Arkaim. The 21st Century — a Concept for the Geostrategic Strengthening of Russia and Its Allies (Izborsk Club Report edited by Vitaly Averyanov) // Izborsk Club. 2023. No. 1–2 (109–110). P. 6–85. (In Russ.) URL: https://izborsk-club.ru/magazine_files/2023_01.pdf
2. Badenkov, Yu. P. Life in the Mountains. Environmental and Cultural Diversity — Diversity of Development Models. Moscow: GEOS, 2017. 479 p. (In Russ.) URL: <https://ucentralasia.org/media/fswbhygf/badenkov-yu-life-in-the-mountains-e-book-2017.pdf>
3. Bulgakov, S. N. Philosophy of Economy (Speech at a Doctoral Dispute). Works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow : Nauka, 1993. P. 298–311. (In Russ.)
4. Vardomsky, L. B., Turaeva, M. O. Development of Eurasia Transport Corridors: Diversity of Projects as a Reflection of the Changing World Order: Scientific report. Moscow : Institute of Economics of the RAS, 2025. 72 p. ISBN: 978-5-9940-0790-7. (In Russ.) EDN: TSTTYH
5. Witte, S. Yu. Memories in 3 volumes. Vol. 1. Moscow : Publishing House of Social and Economic Literature, 1960. 555 p. (In Russ.) URL: https://archive.org/details/3-1960_202510
6. Erokhina, E. A. The Siberian Vector of Russia’s Internal Geopolitics. Novosibirsk : Institute of Fundamental Research of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2012. 418 p. ISBN: 978-5-4437-0117-2. (In Russ.) EDN: QMMNVZ
7. Ivanov, A. V., Popkov, Yu. V., Fotieva, I. V., Gupta, P. M., Trans-Eurasian Transport Megaprojects: Project Intentions // Region: Economics and Sociology. 2017. No. 4 (96). P. 267–284. (In Russ.) EDN: YMSFFC. DOI: 10.15372/REG20170412
8. Kefeli, I. F. Russia’s Fate: From Maintaining Political Balance in Europe to “Gatherer” of Greater Eurasia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 11–21. (In Russ.) EDN: MLDSYE
9. Novikov, D. P., Bocharova, A. P. In Search of Eurasia: Discourse Analysis of the Views of Experts and Political Scientists in Russia and China // Polis. Political Studies. 2025. No. 3. P. 25–40. (In Russ.) EDN: MNKDBR. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.03
10. Roerich, N. K. From the Literary Heritage. Moscow : Fine Art Publishing House, 1974. 534 p. (In Russ.) EDN: TYDDDR
11. Russia at the Crossroads of Spaces and Times (An Experiment with a Synthetic Civilizational Approach) / ed. by A. V. Ivanov and I. V. Fotieva. Barnaul : Novy Format, 2025. 303 p. ISBN: 978-5-00202-794-1. (In Russ.) EDN: QVQIPU
12. Savitsky, P. N. Geographical Features of Russia. Part I. Vegetation and Soils. Prague : Eurasian Book Publishing House, 1927. 180 p. (In Russ.)

13. Seliverstov, V. E. Siberia — Central Asia: Economic and Scientific-Technical Interactions // Region: Economics and Sociology. 2025. No. 1 (125). P. 117–141. (In Russ.) EDN: ZRXMVI. DOI: 10.15372/REG20250105
14. Fofanov, V. P. World History as a Reflection of Civilizations // Humanitarian Sciences in Siberia. 1999. No. 1. P. 44–48. (In Russ.)
15. Shcheglov, I. V. Chronological List of the Most Important Data on the History of Siberia 1032–1882. Surgut : Severny Dom, 1993. 464 p. (In Russ.)

About the authors:

Andrey V. Ivanov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Director of Center for Humanitarian Education, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia);
e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3125-484X

Yuri V. Popkov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Expert of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: yuripopkov54@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1036-9253

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов А. В., Попков Ю. В., 2026

Современная торговля услугами в ЕАЭС

Мосейко В. В.^{1,2,*}, Юдина В. Д.²

¹ Калининградский государственный технический университет, Калининград, Российская Федерация

² Балтийский федеральный университет, Калининград, Российская Федерация

* e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

РЕФЕРАТ

Цель. Цель исследования — провести анализ рынка услуг в ЕАЭС в период с 2015 по 2024 г., описать изменения на рынке услуг ЕАЭС в период постпандемийного восстановления и геополитических изменений 2022 г. **Методология.** В статье использовались историко-правовой метод в процессе изучения становления и развития единого рынка услуг; сравнительный анализ в исследовании места страны — участницы ЕАЭС на рынке услуг евразийской интеграции; статистический метод для количественного измерения положения страны — участницы ЕАЭС на рынке услуг. **Результаты.** Показано, что доля взаимной торговли услугами в общем объеме торговли услугами незначительна; торговые потоки между странами распределены неравномерно; положение РФ является доминирующим. Установлено, что восстановление взаимной торговли услугами в ЕАЭС в постпандемийный период происходило быстрее, чем восстановление общей торговли услугами. Показано, что страны по-разному реагировали на внешние шоки 2020 г. и 2022 г. **Выводы.** В период 2015–2021 гг. не наблюдалось существенных изменений на рынке услуг ЕАЭС. Пандемия 2020 г. оказала негативное влияние на развитие торговли услугами всех стран ЕАЭС. События 2022 г. и вызванное ими санкционное давление привели к переориентации торговых потоков и изменению позиций всех стран ЕАЭС. Либерализация начала третьего десятилетия привела к увеличению темпов торговли услугами в 2023–2024 гг.

Ключевые слова: услуги, торговля услугами, взаимная торговля услугами, рынок услуг ЕАЭС

Для цитирования: Мосейко В. В., Юдина В. Д. Современная торговля услугами в ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 24–34. EDN: YYKBSO

Modern Trade in Services in the EAEU

Victoria V. Moseiko^{a,b,*}, Valeria D. Yudina^b

^aKaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

^bImmanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

* e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

ABSTRACT

Aim. The purpose of this study is to analyze the EAEU services market from 2015 to 2024 and to describe its changes during the post-pandemic recovery and geopolitical shifts of 2022. **Methods.** This article employs a historical and legal approach to examine the formation and development of the single services market; a comparative analysis to assess the position of EAEU member countries within the Eurasian integration services market; and a statistical method to quantify the standing of EAEU member countries in the services market. **Results.** The findings indicate that the share of mutual trade in services

within the total trade in services is insignificant; trade flows between countries are distributed unevenly; and the position of the Russian Federation is dominant. It is established that the recovery of mutual trade in services within the EAEU in the post-pandemic period outpaced the recovery of overall trade in services. The study also shows that countries responded differently to the external shocks of 2020 and 2022. **Conclusions.** No significant changes were observed in the EAEU services market between 2015 and 2021. The 2020 pandemic negatively impacted services trade development in all EAEU countries. The events of 2022 and the ensuing sanctions pressure led to a reorientation of trade flows and a change in the positions of all EAEU member countries. The liberalization measures initiated at the beginning of the third decade resulted in an increase in services trade in 2023–2024.

Keywords: services, services trade, mutual services trade, EAEU services market

For citation: Moseiko V. V., Yudina V. D. Modern Trade in Services in the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 24–34 (In Russ.). EDN: YYKBSO

Введение

Формирование единого рынка услуг в ЕАЭС является одной из целей регионального развития. Несмотря на существенные институциональные изменения до сих пор сохраняются препятствия на пути полной либерализации рынка услуг ЕАЭС. Поэтому региональный потенциал имеет ограниченное влияние на торговлю услугами. Одновременно представляют исследовательский интерес произошедшие изменения на рынке услуг ЕАЭС, вызванные пандемией COVID-19 и специальной военной операцией (СВО) 2022 г.

В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что пандемия COVID-19 и СВО стали причинами усиления взаимной торговли услугами.

Благодаря опыту Европейского союза (ЕС) известно, что рынок услуг представляет собой наиболее сложную сферу для интеграции [9, с. 223; 14, р. 357].

Нюансы в определении самого понятия «услуга» [8, с. 40–42], проблема отграничения услуг от товаров во многом определили трудности правового регулирования свободы движения услуг [10], а также медленные темпы формирования единого рынка услуг в ЕАЭС [4; 12].

Развитие торговли услугами в ЕАЭС представлено ежегодными докладами Высшей школы экономики (ВШЭ), а также аналитическими отчетами Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). В академической литературе внимание экспертов сосредоточено на вопросах становления и развития единого рынка услуг в ЕАЭС [12], выявления барьеров, изъятий и ограничений либерализации рынка услуг ЕАЭС [1; 4; 5]. Также интерес исследователей вызывают отдельные секторы рынка услуг ЕАЭС, к примеру, финансовый [6], ИКТ-услуги [3; 11], цифровой [2].

Пандемия, вызванная COVID-19, заставила задуматься о роли региональных группировок в восстановлении международной торговли. В исследовании [15] указывается на положительную корреляцию между членством в глубоких торговых соглашениях и устойчивостью торговых потоков в 2020 г. Одновременно тезис о сглаживании негативного воздействия пандемии на внутрирегиональную торговлю благодаря региональной устойчивости не подтверждается в полной мере для ЕАЭС [13]. Обращается внимание на вызовы для ЕАЭС в условиях особой геополитической ситуации, важность развития партнерства с другими региональными блоками для развития общего рынка услуг¹.

События 2022 г., приведшие к переориентации хозяйствующих субъектов, отразились на рынке торговли услугами. В работе [3] проанализирован экспорт ИКТ-услуг Казахстана вследствие увеличения присутствия в отрасли компаний с участием иностранного, прежде всего российского, капитала в 2022–2023 гг.

¹ Вызовы и перспективы Евразийской интеграции в условиях особой геополитической ситуации. ВЭБ РФ. Институт исследований и экспертизы. Под. ред. А. Н. Клепача. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://inveb-docs.ru/attachments/article/828/интеграция%20в%20услови~.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

Данное исследование сосредоточено на анализе торговли услугами в ЕАЭС в период с 2015 г. по 2024 г. и выявлении влияния экзогенных шоков 2020 и 2022 гг. на торговлю услугами в ЕАЭС.

Практическая значимость исследования сводится к обнаружению роли ЕАЭС в восстановлении взаимной торговли услугами между странами Союза вследствие воздействия событий 2020 г. и 2022 г.

Материалы и методы

Для анализа мировой торговли услугами были изучены обзоры мировой торговли ВТО¹. Эмпирическую основу исследования рынка услуг ЕАЭС составили официальные статистические данные, представленные ЕЭК, включая показатели внешней и взаимной торговли услугами государств — членов ЕАЭС²; Доклады о состоянии взаимной торговли между государствами — членами ЕАЭС за 2015–2022 гг.³; Статистические бюллетени «Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе» за 2016–2021 гг.⁴

Для анализа и оценки индекса комплементарности⁵, индекса STRI⁶ были изучены международные доклады НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли» за 2020–2024 гг.⁷

Методологическую основу исследования составили историко-правовой метод в целях изучения развития единого рынка услуг; сравнительный анализ для выявления места страны ЕАЭС в торговле услугами, в том числе взаимными; и статистический метод как способ формирования общего представления о едином рынке услуг, описания места каждой страны ЕАЭС на рынке услуг.

Результаты и обсуждение

Интеграция в сфере услуг в ЕАЭС развивалась на фундаменте соглашений о создании зон свободной торговли, принятых в 1990–2000-е гг. [4, с. 100–102], и затем оформилась Договором о ЕАЭС⁸ (раздел XV, приложение 16), актами ЕАЭС. Формирование единого рынка услуг рассматривается в ЕАЭС не только как стратегическая задача евразийского интеграционного процесса, но также как практический инструмент удешевления услуг и повышения их конкурентоспособности [7], создания альтернатив диверсификации экспорта [12].

В первые годы существования ЕАЭС сохранялись значительные барьеры, ограничения и изъятия⁹, замедляющие процесс взаимной торговли услугами [1; 4, с. 103–104; 5; 6]. В результате за первые пять лет существования ЕАЭС единый рынок услуг в ЕАЭС был реализован от заданного Договором уровня примерно на 45%¹⁰.

¹ World Trade Statistical Review [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts_e.htm (дата обращения: 30.12.2025).

² Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_stat/fin_stat/time_series/balance.php (дата обращения: 30.12.2025).

³ Доклады о состоянии взаимной торговли между государствами — членами ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_stat/tradestat/analytics/tradereport.php (дата обращения: 30.12.2025).

⁴ Архив статистического бюллетеня «Экспорт и импорт услуг» [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/statistical_compilations/arkhiv-sbornika.php (дата обращения: 19.12.2025); Статистические сборники [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/payment_balance/statistical_compilations/ (дата обращения: 19.12.2025).

⁵ Индекс комплементарности услуг показывает степень взаимной дополняемости интегрирующихся стран. Он оценивает возможности доступа на рынок услуг конкретной страны. Диапазон значений индекса комплементарности находится в пределах от нуля до единицы. Чем ближе значение индекса к единице, тем более выгоден для страны — экспортера услуг этот показатель.

⁶ Инструмент, который анализирует ограничения в сфере торговли услугами в 22 ключевых отраслях; STRI включает два значения — 0 и 1, где 0 — полностью открытый рынок услуг, 1 — полностью закрытый.

⁷ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт торговой политики. Хронология публикации Докладов [Электронный ресурс]. URL: <https://tradepol.hse.ru/2025> (дата обращения: 25.12.2025).

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014, ред. от 25.05.2023; с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024.

⁹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 112 (ред. от 25.05.2023): об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации.

¹⁰ Вызовы и перспективы евразийской интеграции. Доклад Института развития интеграционных процессов ВАРТ и Института исследований и экспертизы ВЭБ РФ / под ред. А. Н. Клепача. М.: Всероссийская академия внешней торговли, 2020. 54 с.

В целях реализации единого рынка услуг был разработан перечень секторов (подсекторов)¹, который начиная с 2015 г. имел тенденцию к расширению: в 2015 г. единый рынок услуг функционировал в 43 секторах; в 2020 г. — в 53 секторах; в 2022 г. — в 126 секторах услуг, в 2023 г. — в 142 секторах услуг² (составляет около 31% от всех секторов услуг)³. По-прежнему сохраняются изъятия, барьеры и ограничения, однако их количество снижается⁴. Индекс STRI, используемый для анализа фактических ограничений в сфере торговли услугами, рассчитывается только для двух стран ЕАЭС: Казахстана и РФ; его значения в 2023 г. составляли 0,33 для Казахстана и 0,48 для РФ (для сравнения в 2023 г. средний показатель STRI среди стран ОЭСР был равен 0,19)⁵. Это свидетельствует об относительно высоком уровне ограничений на рынках услуг Казахстана и РФ для иностранных субъектов.

Актуальной проблемой на пути формирования единого рынка услуг в ЕАЭС является отсутствие признания профессиональных квалификаций [4, с. 101]⁶.

В ЕАЭС услуги занимают порядка 12–15% взаимной торговли⁷ (согласно данным ВТО, в мировой торговле доля услуг составляет чуть более 20%); доля взаимных услуг в общем объеме экспорта услуг ЕАЭС на протяжении 2016–2021 гг. составляла 12%, в то время как, к примеру, в ЕС доля взаимных услуг составляла 50%⁸).

Объемы торговли услугами на протяжении 2015–2024 гг. в ЕАЭС росли (табл. 1), однако доля ЕАЭС в мировом обороте услуг оставалась незначительной, а в период с 2015 г. по 2021 г. имела тенденцию к снижению с 1,8% в 2015 г. до 1,4% в 2021 г. В период с 2015 по 2021 г. лидерами по торговле услугами в ВВП являлись Армения, Беларусь и Кыргызстан, эти страны демонстрировали значения выше среднемировых. Казахстан и РФ, напротив, имели значения ниже среднемировых⁹.

Таблица 1

Объемы торговли услугами, 2015–2024 гг., млрд долл. США и прирост, %
Table 1. Trade in services volumes, 2015–2024, USD billion and percentage change, %

Страна \ Год	2015	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2020/ 2019	2019/ 2015	2020/ 2015	2021/ 2015	2022/ 2015	2024/ 2015
ЕАЭС	173,6	202,4	143,2	165,8	162,3	169,3	183,2	-29,2	16,5	-17,5	-4,5	-6,5	5,5
Армения	3,12	5,0	2,2	3,1	7,2	9,6	10,3	-57,1	60,5	-31,1	0,5	129,0	228,1
Беларусь	11,1	15,5	13,6	16,0	14,7	14,7	16,9	-12,0	39,5	22,8	44,2	32,0	52,3
Казахстан	17,1	19,3	13,7	14,0	18,0	23,0	24,8	-29,2	12,6	-20,3	-18,5	5,1	44,8
Кыргызстан	1,9	2,1	1,0	1,3	2,9	4,9	6,8	-50,9	11,0	-45,5	-33,4	50,9	256,1
РФ	140,4	160,5	112,7	131,4	119,7	117,0	124,5	-29,8	14,3	-19,7	-6,4	-14,8	-11,3

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 110 (ред. от 25.12.2023): об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза.

² Краткая версия ежегодного доклада Евразийской экономической комиссии «О результатах мониторинга фактических значений индикаторов, характеризующих влияние процессов развития евразийской экономической интеграции на условия ведения предпринимательской деятельности (по итогам 2024 года)» [Электронный ресурс]. С. 6. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dobd/impact_of_integration/Kratkaya%20versiya%20doklada%202024-6.3.7.pdf (дата обращения: 30.12.2025).

³ Главы стран ЕАЭС обсудили функционирование единого рынка услуг [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/glavy-stran-eaes-obsudili-funktsionirovanie-edinogo-rynka-uslug/> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Доклад НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли». 2024. С. 46.

⁶ Межправсовет поддержал работу Комиссии по взаимному признанию профессиональных квалификаций в странах ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/mezhpravsovet-podderzhal-rabotu-komissii-po-vzaimnomu-priznaniyu-professionalnykh-kvalifikatsiy-v-st/> (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Доклад НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли»; Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами — членами ЕАЭС в 2021 году». С. 39.

⁸ Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами — членами ЕАЭС в 2021 году». С. 39.

⁹ Там же. С. 37.

Данные табл. 1 демонстрируют совокупный рост объемов внешней торговли услугами ЕАЭС на 16,5% в допандемийном 2019 г. по сравнению с 2015 г.; в пандемийный 2020 г. объем торговли услугами упал на 29,2% к 2019 г. и на 17,5% к 2015 г. В 2021 г. происходит восстановление рынка услуг: торговля выросла на 15,8%, но не достигла уровня 2015 г. События 2022 г. не способствовали развитию торговли: из данных, представленных в табл. 1, следует, что в сравнении с 2021 г. объем торговли услугами сократился на 2,1%, а к 2015 г. снижение составило 6,5%. Это объясняется спадом торговли услугами в Беларуси и главным образом в России.

Восстановление объемов торговли до уровня 2015 г. произошло только в 2024 г., когда рынок полностью адаптировался: совокупный рост за десять лет существования ЕАЭС составил 5,5%.

Представляют интерес страновые результаты. К 2019 г. все страны демонстрировали рост объемов торговли услугами: наилучшие результаты показали Армения (60,5%) и Беларусь (39,5%), ни одна из трех оставшихся стран не смогла превзойти размер совокупного для ЕАЭС прироста в 16,5%. В пандемийном 2020 г. во всех странах ЕАЭС сократились объемы торговли услугами. Более всех пострадали Кыргызстан и Армения, там торговля услугами по сравнению с 2019 г. сократилась более чем в два раза. В Казахстане и РФ падение составило порядка 30%.

Восстановление в постпандемийный период происходило неравномерно: докризисного уровня 2019 г. Армения и Кыргызстан достигли только в 2022 г., Казахстан — в 2023 г., Беларусь — в 2024 г., а РФ так и не смогла вернуться к показателям 2019 г. В 2021 г. только Армения и Беларусь смогли превзойти показатели 2015 г. на 0,5% и 44,2% соответственно. Успехи Беларуси объясняются отказом от масштабных ограничений.

События 2022 г. имели разное влияние на страны ЕАЭС. В Беларуси и РФ произошло снижение объемов торговли услугами в сравнении с 2021 г., а в остальных странах ЕАЭС, напротив, наблюдался рост: в Армении и Кыргызстане более чем в два раза, а в Казахстане почти на 30%. Это объясняется переориентацией субъектов рынка услуг вследствие санкционного давления, а также массовой релокацией IT-специалистов и компаний из России в страны Центральной Азии [3; 11].

Изменения 2022 г. к 2015 г. таковы: Армения увеличила объем торговли услугами в 2,3 раза, Беларусь — в 1,3 раза, Кыргызстан — в 1,5 раза; менее успешным оказался Казахстан, где объем торговли услуг увеличился на 5%; в РФ снижение составило 14,8%.

По итогам 2024 г. наиболее впечатляющие результаты показали Армения и Кыргызстан, где объемы торговли в сравнении с 2015 г. увеличились более чем втрое, в Беларуси объемы торговли увеличились более чем на 50%, а в Казахстане — более чем на 40%, в России же они сократились на 11,3%. В результате доля Армении увеличилась с 1,8% до 5,6%, Беларуси — с 6,4% до 9,2%, Казахстана — с 9,9% до 13,5%, Кыргызстана — с 1,1% до 3,7%, а доля России в общем объеме упала с 80,8% в 2015 г. до 68,0% в 2024 г.

В научной литературе обращается внимание, что предпринятые меры по созданию единого рынка услуг в рамках евразийской интеграции не привели к существенному росту внутренней торговли, главным образом из-за сохранения множества ограничений, полного отсутствия торговли услугами между отдельными странами ЕАЭС [4, с. 104–105; 12, с. 114]¹, моноцентричности рынка услуг, на котором роль главного игрока (поставщика и потребителя услуг) принадлежит России [1, с. 74], а также ориентации на торговлю услугами с третьими странами [1, с. 73; 5, с. 80].

Проведенный нами анализ и расчеты частично подтверждают указанные выводы (см. табл. 2–4).

Поскольку отсутствуют статистические данные по Кыргызстану, оценим прирост к 2016 г.: в 2019 г. он составил 2,3%, в 2020 г. и в 2021 гг. объемы взаимной торговли снизились на 61,0% и 60,1% соответственно.

Из табл. 2 видно, что взаимная торговля услугами в допандемийном 2019 г. выросла на 17,6%; в 2020 г. взаимная торговля упала почти на 30% в сравнении с 2019 г.; в 2020 г. в сравнении с 2015 г. взаимная торговля услугами упала почти на 15%; в результате общее изменение масштабов торговли к 2021 г. оказалось незначительным: она выросла всего на 3,0%. Лидерами падения внутрисоюзной взаимной торговли услугами в 2020 г. стал Кыргызстан (61,9%), далее идут Армения (38,0%), Беларусь

¹ Доклады НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли».

(28,5%), Казахстан (27,5%) и Россия (22,1%). За весь анализируемый период наибольших успехов во взаимной торговле услугами достигла Армения (45,7%), а худшее значение у Кыргызстана (–60,1%) и Казахстана (–45,3%).

Таблица 2

Объемы взаимной торговли услугами в ЕАЭС, млн долл., и прирост, %

Table 2. The volume of mutual trade in services in the EAEU, USD million and percentage change, %

Год Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2020/ 2019	2019/ 2015	2020/ 2015	2021/ 2015
ЕАЭС	8663	7984	9126	9772	10192	7424	8926	–27,2	17,6	–14,3	3,0
Армения	282	254	297	380	413	256	411	–38,0	46,5	–9,2	45,7
Беларусь	1811	1769	2268	2365	2317	1657	2008	–28,5	27,9	–8,5	10,9
Казахстан	2191	1777	1786	1896	1619	1173	1198	–27,5	–26,1	–46,5	–45,3
Кыргызстан	—	516	530	430	528	201	206	–61,9	—	—	—
РФ	4379	3669	4246	4702	5315	4138	5104	–22,1	21,4	–5,5	16,6

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК

Таблица 3

Приросты объемов торговли услугами и взаимной торговли услугами стран ЕАЭС, %

Table 3. Increases in the volumes of trade in services and in mutual trade in services of the EAEU countries, %

Страна	Прирост объемов торговли услугами			Приросты объемов взаимной торговли		
	2020/2019	2019/2015	2021/2015	2020/2019	2019/2015	2021/2015
ЕАЭС	–29,2	16,5	–4,5	–27,2	17,6	3,0
Армения	–57,1	60,5	0,5	–38,0	46,5	45,7
Беларусь	–12,0	39,5	44,2	–28,5	27,9	10,9
Казахстан	–29,2	12,6	–18,5	–27,5	–26,1	–45,3
Кыргызстан	–50,9	11,0	–33,4	–61,9	—	—
РФ	–29,8	14,3	–6,4	–22,1	21,4	16,6

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК

Анализ данных табл. 3 показывает, что за пятилетний допандемийный период существования ЕАЭС (2015–2019 гг.) торговля услугами стран ЕАЭС, как и взаимная торговля услугами, выросли примерно одинаково: на 16,5% и 17,6% соответственно. В страновом разрезе заметно, что рост торговли услуг был положительным для всех стран, в то время как результаты взаимной торговли оказались не столь однозначны: Армения (46,5%), Беларусь (27,9%), Кыргызстан (2,3%) и РФ (21,4%) демонстрируют рост, а Казахстан (–26,1%) — падение. Столь малый прирост в торговле услуг у Кыргызстана и отрицательные значения у Казахстана говорят об их большей ориентации на третьи страны, нежели страны ЕАЭС в торговле услугами. Этот вывод подтверждается другими исследованиями [5, с. 80; 12, с. 116–117].

В пандемийный 2020 г. объемы торговли услугами снижаются. Во всей торговле услугами наибольшее падение произошло у Армении (–57,1%) и Кыргызстана (–50,9%), наименьшее — у Беларуси (–12,0%). Во взаимной торговле более всего пострадал Кыргызстан, где падение составило 61,9%, менее всех — РФ (–22,1%).

В 2021 г., когда на рынках стран ЕАЭС проходило восстановление, наилучшая динамика по общему объему торговли услугами наблюдалась в Беларуси (44,2%), затем следовала Армения (0,5%), остальные страны демонстрировали отрицательные значения. Во взаимной торговле в Армении прирост составил 45,7%, в РФ — 16,6%, в Беларуси — 10,9%, в Казахстане и Кыргызстане восстановления рынка услуг не произошло.

Общая торговля услугами в ЕАЭС в 2021 г. сократилась на 4,5%, однако прирост взаимной торговли для ЕАЭС оказался положительным и составил 3%. Взаимная торговля в ЕАЭС в постпандемийный период, таким образом, восстанавливалась быстрее. Это позволяет оптимистично оценить участие стран в ЕАЭС. В последующие годы также наблюдался рост объемов взаимной торговли: в 2024 г. он вырос на 16% по сравнению с 2023 г. и на 42%, если сравнивать с базовым значением 2022 г.¹ По данным табл. 1 мы можем рассчитать прирост общей торговли услугами в данный период: в 2024 г. по сравнению с 2023 г. он вырос на 8,2%, в 2024 г., если сравнивать с 2022 г., рост составил 12,9%.

При этом удельный вес взаимной торговли на протяжении 2015–2021 гг. практически не менялся и для ЕАЭС в целом составлял порядка 5% (табл. 4). Иначе говоря, несмотря на постпандемийный рост в 3%, удельный вес взаимной торговли сохранялся практически на уровне 2015 г. Также следует отметить, что все страны ЕАЭС значительную долю торговли услугами осуществляли с третьими странами: в 2015–2016 гг. лидерами по объему взаимной торговли были Кыргызстан (25,1%) и Беларусь (16,3%); в 2021 г. эти же страны сохранили свои лидерские позиции при уменьшении долей взаимной торговли в общей торговле услугами. За чуть более чем пятилетний период существования ЕАЭС только Армения и РФ незначительно увеличили доли взаимной торговли в общей торговле услугами.

Таблица 4

Удельная доля взаимной торговли стран ЕАЭС в общей торговле услугами стран ЕАЭС, %

Table 4. The percentage share of mutual trade of the EAEU countries in the total trade in services of the EAEU countries, %

Год \ Страна	2015	2019	2020	2021
ЕАЭС	5,0	5,0	5,2	5,4
Армения	9,0	8,2	11,9	13,1
Беларусь	16,3	15,0	12,2	12,5
Казахстан	12,8	8,4	8,6	8,6
Кыргызстан	—	25,1	19,5	16,3
РФ	3,1	3,3	3,7	3,9

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК

При этом большая доля услуг рынка ЕАЭС приходится на РФ. У Армении и Беларуси значения доли взаимных услуг не менялись на протяжении 2015–2021 гг., а у Казахстана и Кыргызстана падали (табл. 5).

Таблица 5

Доля взаимной торговли услуг в странах ЕАЭС, 2015–2021 гг., %

Table 5. The share of mutual trade in services in the EAEU countries, 2015–2021, %

Год \ Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ЕАЭС	100	100	100	100	100	100	100
Армения	3,3	3,2	3,3	3,9	4,1	3,4	4,6
Беларусь	20,9	22,2	24,9	24,2	22,7	22,3	22,5
Казахстан	25,3	22,3	19,6	19,4	15,9	15,8	13,4
Кыргызстан	—	6,5	5,8	4,4	5,2	2,7	2,3
РФ	50,5	46,0	46,5	48,1	52,1	55,7	57,2

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК

¹ Краткая версия ежегодного доклада Евразийской экономической комиссии «О результатах мониторинга фактических значений индикаторов, характеризующих влияние процессов развития евразийской экономической интеграции на условия ведения предпринимательской деятельности (по итогам 2024 года)». С. 14 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/impact_of_integration/ Краткая%20версия%20доклада%202024-6.3.7.pdf (дата обращения: 30.12.2025).

Распределение торговых потоков между странами ЕАЭС также неравномерно (табл. 6).

Таблица 6

Распределение взаимных услуг между странами ЕАЭС, 2021 г., млн долл.
Table 6. Distribution of mutual services between the EAEU countries, 2021, USD million

Страна-экспортер	Страна-импортер					Всего экспорт
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	РФ	
Армения	—	3	1	1	406	411
Беларусь	14	—	127	6	1861	2008
Казахстан	6	58	—	48	1086	1198
Кыргызстан	0	1	66	—	139	206
РФ	406	1920	2149	629	—	5104
Всего импорт	426	1981	2343	685	3492	8926

Источник: ЕЭК¹

Как видно из табл. 6, основным партнером как по импорту, так и по экспорту у всех стран ЕАЭС являлась РФ. Только РФ имеет торговые отношения со всеми странами ЕАЭС.

Посредством индекса комплементарности, рассчитываемого экспертами из ВШЭ, можно оценить роли стран ЕАЭС во взаимной торговле друг друга на протяжении 2015–2022 гг. Так, у Армении наиболее высокие значения индекса наблюдаются с РФ; у Беларуси наиболее выгодным партнером по расширению торговли услугами являлся Кыргызстан, чуть меньшие значения индекса наблюдались для Казахстана и РФ; у Казахстана главным партнером является Кыргызстан; высокий уровень комплементарности Кыргызстан имеет с Арменией; у РФ наиболее выгодным партнером для сбыта услуг среди стран ЕАЭС являются Беларусь и Казахстан². Это свидетельствует о наличии потенциала в развитии взаимной торговли услугами в ЕАЭС, перспективно высоком уровне наращивания тесноты торгового взаимодействия стран ЕАЭС³ и наличия возможностей для уменьшения доли РФ во взаимной торговле услугами.

Заключение

1. Единый рынок услуг в ЕАЭС в период 2015–2024 гг. характеризуется незначительной долей взаимной торговли услугами в ЕАЭС в общей торговле услугами (порядка 5%), рост в 2020 г. в сравнении с 2015 г. составил всего 0,2%, в 2021 г. рост продолжился и в сравнении с предыдущим годом составил 0,2%; сохранением в торговле услугами ориентации на страны, не входящие в ЕАЭС; доминирующим положением РФ на рынке взаимных услуг в ЕАЭС (50,5% в 2015 г. и 57,2% в 2021 г.); неравномерным распределением торговых потоков между странами ЕАЭС.
2. В допандемийный период наблюдался примерно одинаковый рост торговли услугами и рост торговли взаимных услуг. В условиях пандемии сокращение торговли услугами и взаимной торговли услугами в ЕАЭС оказалось схожим. Оживление взаимной торговли услугами в 2021 г. происходило быстрее (3%), нежели восстановление общей торговли услугами (–4,5%). Отмечается, что рост взаимной торговли продолжался в 2023–2024 гг., он оказался выше темпов роста общей торговли услугами в тот же период. Представляется, что региональная интеграция ускоряет восстановление нарушенных пандемией торговых связей.
3. Ситуации в странах ЕАЭС сильно различаются на любом из анализируемых отрезков времени. В допандемийный период наблюдается неравномерный рост торговли услугами, а в Казахстане — даже

¹ Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами — членами ЕАЭС в 2021 году». С. 40.

² Доклад НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли». 2024. С. 51–61.

³ Доклад НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли». 2023. С. 50.

снижение взаимной торговли услугами. В пандемийный 2020 г. все страны демонстрируют снижение, однако его размеры существенно различаются: по показателю торговли услугами наибольшее сокращение произошло в Армении (–57,1%), а наименьшее — в Беларуси (–12,0%), по показателю взаимной торговли услугами наибольшее сокращение произошло в Кыргызстане (–61,9%), а менее всех пострадала РФ (–22,1%) В постпандемийном 2021 г. наблюдается разнонаправленное восстановление по странам ЕАЭС: в Армении и Беларуси оба анализируемых показателя имели положительные значения, в то время как в Казахстане и Кыргызстане наблюдались все еще отрицательные значения показателей торговли услугами и взаимной торговли услугами. РФ демонстрировала отрицательные значения по торговле услугами и положительные по взаимной торговле услугами.

4. События 2022 г. также повлияли на рынок услуг ЕАЭС: в 2022 г. происходит сокращение торговли услугами в ЕАЭС, а восстановление 2023 и 2024 гг. не приближает показатель торговли услугами к значению 2019 г., в 2024 г. рост в сравнении с 2015 г. составил всего 5,5%. Вместе с тем все страны Союза, кроме РФ, демонстрируют существенный прирост значений показателя торговли услугами, что объясняется переориентацией торговых потоков вследствие санкционного давления и миграции трудовых ресурсов и капитала из РФ.
5. Проведенные анализ и оценка объемов и динамики торговли услугами стран ЕАЭС имеют практическое значение. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях рынка услуг ЕАЭС, а также при выработке единой политики трансграничного перемещения услуг в ЕАЭС.

Список литературы

1. *Большова Н. Н.* Торговля услугами и перспективы общего рынка услуг в ЕАЭС // Международная аналитика. 2018. № 3. С. 71–81. EDN: YQVWPZ. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-3-71-81
2. *Ворникова Е. Д.* Правовое регулирование внешней торговли услугами в цифровой экономике : монография. М. : Юстицинформ, 2024. 248 с. ISBN: 978-5-7205-2022-9. EDN: LSNCWO
3. *Додонов В. Ю.* Факторы динамики экспорта ИКТ-услуг: пример Казахстана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 2. С. 47–62. EDN: KDYKHE. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-47-62
4. *Еликбаев К., Андропова И.* Пять лет единому рынку услуг ЕАЭС: некоторые итоги // Современная Европа. 2021. № 2. С. 99–110. EDN: CVAJFZ. DOI: 10.15211/soveurope2202199110
5. *Еликбаев К.* Евразийская интеграция: единый рынок услуг // Economy and Finance. 2020. № 1-2. С. 77–87. URL: https://eri.kz/documents/mnenia/2021/August21/EF_Elikbayev_Integration_1_.pdf
6. *Жиряева Е. В., Наумов В. Н.* К вопросу о свободном движении финансовых услуг и капитала в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 1. С. 43–56. EDN: QXXVUS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-43-56
7. *Журова А. В.* Препятствия на пути либерализации торговли услугами в Евразийском экономическом союзе // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6 (95). С. 191–196. EDN: URBKKM
8. *Ищенко Н. Г.* Свобода предоставления услуг, свобода учреждения и свобода движения рабочей силы в праве Евразийского экономического союза // Международное право и международные организации. 2024. № 3. С. 37–50. EDN: UQALRK. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.3.33900
9. *Кондратьева Н. Б.* Единый внутренний рынок европейского союза на 30-летнем рубеже: достижения и новые вызовы // Научные труды ВЭО России. 2024. Т. 248. С. 220–228. EDN: INXULH. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-220-228
10. *Михалева Т. Н., Берман А. М.* Единый рынок Евразийского экономического союза: de jure, de facto, de lege ferenda // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 673–688. EDN: UFGSBP. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688
11. *Рахмонов А. Х.* Вынужденная эмиграция из России 2022: потенциал российских IT-специалистов для центральноазиатских стран — участниц СНГ // Вестник университета. 2023. № 7. С. 162–170. EDN: NDXEZA. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-162-170

12. Шкутько О. Н. Единый рынок услуг ЕАЭС: необходимость и проблемы формирования // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 1 (13). С. 112–123. EDN: YTTTHU. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-112-123
13. Arapova E. Exploring Regional Integration Resilience in the Context of COVID-19 // Международные процессы / International Trends. 2023. Vol. 21, No. 3. P. 50–68. EDN: RDVCLY. DOI: 10.17994/2023.21.3.74.3
14. Barnard C. The Substantive Law of the EU. 3rd ed. Oxford University Press, 2010. 674 p. DOI: 10.1093/HE/9780198749950.001.0001
15. Nicita A., Saygili M. Trade Agreements and Trade Resilience during COVID-19 Pandemic // UNCTAD Research Paper. 2021. No. 70. UNCTAD/SER.RP/2021/13. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ser-rp-2021d13_en.pdf

Об авторах:

Мосейко Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, Калининградский государственный технический университет, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Российская Федерация);
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

Юдина Валерия Дмитриевна, студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Российская Федерация);
e-mail: yudina.valeriya.2002@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9770-0719

References

1. Bolshova, N. T. Prospects of the EAEU Single Services Market // Journal of International Analytics. 2018. No. 3. P. 71–81. (In Russ.) EDN: YQVWPZ. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-3-71-81
2. Vornikova, E. D. Legal Regulation of Foreign Trade in Services in the Digital Economy : monograph. Moscow : Yustitsinform, 2024. 248 p. ISBN: 978-5-7205-2022-9. (In Russ.) EDN: LSNOWO
3. Dodonov, V. Yu. Factors of Dynamics of ICT Services Exports: The Case of Kazakhstan // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 2. P. 47–62. (In Russ.) EDN: KDYKHE. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-47-62
4. Yelikbayev, K., Andronova, I. Five Years of the EAEU Services Common Market // Contemporary Europe. 2021. No. 2. P. 99–110. (In Russ.) EDN: CVAJFZ. DOI: 10.15211/soveurope2202199110
5. Yelikbayev, K. Eurasian Integration: A Single Market for Services // Economy and Finance. 2020. No. 1–2. P. 77–87. (In Russ.) URL: https://eri.kz/documents/mnenia/2021/August21/EF_Elikbayev_Integration_1_.pdf
6. Zhiryaeva, E. V., Naumov, V. N. On the Issue of Free Movement of Financial Services and Capital in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16, No. 1. P. 43–56. (In Russ.) EDN: QXXVUS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-43-56
7. Zhurova, A. V. The Obstacles on the Way to Liberalization of Trade in Services in the Eurasian Economic Union // Economics and Entrepreneurship. 2018. No. 6 (95). P. 191–196. (In Russ.) EDN: URBKKM
8. Ischenko, N. G. Freedom of Provision of Services, Freedom of Establishment and Freedom of Movement of Labor in the Law of the Eurasian Economic Union // International Law and International Organizations. 2024. No. 3. P. 37–50. (In Russ.) EDN: UQALRK. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.3.33900
9. Kondratieva, N. B. The European Union Single Market Turns 30: Achievements and New Challenges // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 248. P. 220–228. (In Russ.) EDN: INXULH. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-220-228
10. Mikhaliyova, T. N., Berman, A. M. Single Market of the Eurasian Economic Union: de jure, de facto, de lege ferenda // Perm University Herald. 2023. No. 4. P. 673–688. (In Russ.) EDN: UFGSBP. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688

11. Rakhmonov, A. Kh. Forced Emigration from Russia 2022: Russian IT-Specialists' Potential for Central Asian CIS Member Countries // Vestnik universiteta. 2023. No. 7. P. 162–170. (In Russ.) EDN: NDXEZA. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-162-170
12. Shkutko, O. N. The Unified Market of Services EAEU: The Indispensability and Problems of Formation // International Trade and Trade Policy. 2018. No. 1 (13). P. 112–123. (In Russ.) EDN: YTTTHU. DOI: 10.21686/2410-7395-2018-1-112-123
13. Arapova, E. Exploring Regional Integration Resilience in the Context of COVID-19 // International Trends / Mezhdunarodnye protsessy. 2023. Vol. 21, No. 3. P. 50–68. EDN: RDVCLY. DOI: 10.17994/2023.21.3.74.3
14. Barnard, C. The Substantive Law of the EU. 3rd ed. Oxford University Press, 2010. 674 p. DOI: 10.1093/HE/9780198749950.001.0001
15. Nicita, A., Saygili, M. Trade Agreements and Trade Resilience during COVID-19 Pandemic // UNCTAD Research Paper. 2021. No. 70. UNCTAD/SER.RP/2021/13. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ser-rp-2021d13_en.pdf

About the authors:

Victoria V. Moseiko, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Kaliningrad State Technical University, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation);
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

Valeria D. Yudina, Student, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation);
e-mail: yudina.valeriya.2002@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9770-0719

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мосейко В. В., Юдина В. Д., 2026

Развитие экономического потенциала международного сотрудничества Российской Федерации со странами БРИКС

Каранатова Л. Г.* , Ворона А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: karanatova-lg@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Экономическая интеграция БРИКС — это гибкий и выборочный процесс, направленный на укрепление экономического суверенитета, уменьшение зависимости от традиционных западных центров силы, таких как ЕС и США, а главное — на создание альтернативных механизмов сотрудничества. С развитием БРИКС происходит создание благоприятных условий для реализации совместных проектов, гармонизации таможенных процедур и, как следствие, обеспечивается рост товарооборота и инвестиционной активности между странами-участницами. Для России взаимодействие со странами БРИКС становится актуальной и приоритетной задачей, поскольку экономический потенциал у альянса велик. Расширение направлений сотрудничества, реализация новых проектов и рынков сбыта, безусловно, открывают для России новые возможности для стимулирования экономического роста и усиления влияния на мировой арене. **Цель** статьи — обобщить опыт развития международного сотрудничества в рамках БРИКС и выявить направления взаимовыгодного сотрудничества. **Задачи.** Для достижения цели в исследовании ставятся следующие задачи: провести анализ экономического потенциала стран БРИКС; обобщить факторы, влияющие на взаимную торговлю стран БРИКС; определить направления экономического развития для стран БРИКС. **Методология.** При проведении исследования авторами использовались общенаучные методы (анализ и синтез), а также специальные методы (экономико-математические, исторический и логический методы). Информационной базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики, официального портала статистики стран БРИКС (<https://brics-stat.org> и др.). Применение статистических методов позволило оценить динамику ВВП и сделать соответствующие выводы. **Результаты.** В результате проведенного исследования выявлены факторы, влияющие на взаимную торговлю стран БРИКС. Это позволило определить проблемные вопросы и предложить направления экономического развития для стран-участниц. Прогнозируется рост заинтересованности государств — членов альянса к взаимной торговле, а также увеличение объема товарооборотов России с каждой отдельной страной — членом БРИКС. **Выводы.** Очевидно, что БРИКС способен стать архитектором новой мировой экономической реальности, где доминируют многовалютные расчеты, устойчивая энергетика и технологическая независимость. Альянс трансформируется и становится центром, который предлагает альтернативу западным моделям через прагматичное сочетание ресурсов, инноваций и многополярного диалога.

Ключевые слова: международное сотрудничество, альянс БРИКС, торговля, направления сотрудничества, зоны свободной торговли, экономический потенциал

Для цитирования: Каранатова Л. Г., Ворона А. А. Развитие экономического потенциала международного сотрудничества Российской Федерации со странами БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 35–43. EDN: YIFPIO

Development of the Economic Potential of International Cooperation between the Russian Federation and the BRICS Countries

Larisa G. Karanatova*, Anastasia A. Vorona

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: karanatova-lg@ranepa.ru

ABSTRACT

BRICS economic integration is a flexible and selective process aimed at strengthening economic sovereignty, reducing dependence on traditional Western power centers such as the EU and the US, and, most importantly, creating alternative mechanisms for cooperation. With the development of BRICS, favorable conditions are being created for the implementation of joint projects, the harmonization of customs procedures, and, as a result, the growth of trade and investment activity between member countries. For Russia, interaction with BRICS countries is becoming a pressing and priority task, given the alliance's significant economic potential. Expanding areas of cooperation, implementing new projects, and expanding markets undoubtedly open up new opportunities for Russia to stimulate economic growth and strengthen its influence on the global stage. **Aim and tasks.** The purpose of the article is to summarize the experience of developing international cooperation within the framework of BRICS and identify areas of mutually beneficial cooperation. To achieve this goal, the following tasks are set in the study: a) to analyze the economic potential of the BRICS countries; b) to summarize the factors affecting the mutual trade of the BRICS countries; c) determine the directions of economic development for the BRICS countries. **Methods.** During the research, the authors used general scientific methods (analysis and synthesis), as well as special methods (economic and mathematical, historical and logical methods). The information base of the study was data from the Federal State Statistics Service, the official statistics portal of the BRICS countries (<https://brics-stat.org> and others). The use of statistical methods made it possible to assess the dynamics of GDP and draw appropriate conclusions. **Results.** As a result of the research, the factors influencing the mutual trade of the BRICS countries were identified, which made it possible to identify problematic issues and propose directions for economic development for the participating countries. The alliance's member states are expected to become more interested in mutual trade, and Russia's trade volumes with each individual BRICS member country are expected to increase. **Conclusions.** It is concluded that BRICS is capable of becoming the architect of a new global economic reality dominated by multi-currency settlements, sustainable energy and technological independence. It is obvious that the alliance is transforming and becoming a center that offers an alternative to Western models through a pragmatic combination of resources, innovation and multipolar dialogue.

Keywords: international cooperation, BRICS alliance, trade, areas of cooperation, free trade areas, economic potential

For citation: Karanatova L. G., Vorona A. A. Development of the Economic Potential of International Cooperation between the Russian Federation and the BRICS Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 35–43 (In Russ.). EDN: YIFPIO

Введение

Экономическое и политическое развитие государств, а также расширение международной интеграции влечет за собой необходимость создания различных альянсов. Одним из перспективных и значимых объединений на мировой арене стала многосторонняя платформа БРИКС. Целями БРИКС являются более активное участие в решении региональных и глобальных проблем, в том числе в создании многополярного мирового порядка, и укрепление позиций стран на мировой арене. Альянс БРИКС — это ключевое объединение стран с растущим экономическим и политическим влиянием. Несмотря на существующие

культурные, социальные и политические особенности, государства, входящие в БРИКС, располагают значительным потенциалом к интеграции. Фундаментом для прогресса и усиления роли участников союза в рамках мирового сообщества является их увеличивающаяся экономическая сила, выступающая в качестве одного из основных движущих факторов для глобальной экономики.

Экономическое и таможенное взаимодействие в рамках БРИКС играет ключевую роль в углублении процессов объединения, устранении барьеров в торговле и формировании новых механизмов финансово-экономического сотрудничества.

Немаловажным для развития экономик стран БРИКС является транспортно-логистическая составляющая, тема, вопрос о модернизации которой ежегодно поднимается на саммитах стран — участниц союза. Соответственно, наиболее актуальными предложениями по совершенствованию транспортной области сотрудничества считаются наращивание товарообмена по существующим международным транспортным коридорам (МТК) и их дальнейшее развитие и внесение предложений по созданию новых транспортных маршрутов.

Одним из ключевых направлений, способствующих развитию взаимной торговли между странами — участницами БРИКС, является таможенное сотрудничество. Оно направлено на устранение барьеров в торговле и гармонизацию процедур, что положительно влияет и на экономическое взаимодействие. Однако это одновременно важный и сложный процесс, который выстраивается на основе диалога между странами.

Материалы и методы

При проведении исследования авторами использовались общенаучные методы (анализ и синтез), а также специальные методы (экономико-математические, исторический и логический методы). Информационной базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики, официального портала статистики стран БРИКС (<https://brics-stat.org> и др.). Применение статистических методов позволило оценить динамику ВВП и сделать соответствующие выводы.

Результаты и обсуждение

В настоящее время альянс БРИКС нацелен на сохранение и развитие кооперации между государственными структурами и бизнесом, что создает возможность для расширения поставок товаров, создания условий для наращивания инвестиций, а также продвижения цифровых решений и высокотехнологичной продукции на мировой рынок. БРИКС объединяет страны, на которые, по данным Всемирного банка, приходится 35,7% ВВП и 46% населения земного шара¹. Расширение БРИКС и развитие взаимной торговли между странами объединения — тема постоянных обсуждений на саммитах организации. Согласно данным Аналитического кредитного рейтингового агентства, санкционное давление привело к сокращению доли западных стран, в то время как вклад стран БРИКС в объем торговли увеличился с 20–25% в 2022 г. до 45–55% в 2024 г., и в определенной степени гарантировало стабильность и устойчивое развитие всей международной торговой системы². У стран БРИКС есть возможность полностью реализовать свой экономический потенциал и играть более заметную роль в мировой экономике [1].

Ученые, теоретики и практики проводят исследования по вопросам функционирования БРИКС. Так, история становления и развития альянса БРИКС описана в статье В. Г. Хороса и Е. Ю. Потаповой [10]. Направления развития сотрудничества государств в рамках БРИКС+ раскрыты в работах таких авторов, как Г. Ф. Фейгин, Е. А. Бобровникова, К. В. Афанасьева [9], Л. Г. Каранатова [2], М. Ч. Мытыев, Ж. Н. Мамбеталиев [3] и др. Все это свидетельствует об особой роли стран БРИКС в мировой экономике и требует детального анализа.

¹ Торговый алфавит: что дает БРИКС экономике России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/6809f2df9a7947e629944870> (дата обращения: 17.10.2025).

² Таможенное сотрудничество стран БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <https://infobrics.org/post/27135> (дата обращения: 17.10.2025).

Рассмотрим экономический потенциал стран БРИКС. Бразилия, являясь крупнейшей экономикой Латинской Америки, обладает мощным сельскохозяйственным сектором, занимая третье место в мире по объему экспорта сельскохозяйственной продукции¹. Обнаруженные в Бразилии месторождения нефти открывают для страны огромные перспективы по развитию внешней торговли нефтепродуктами. ВВП по паритету покупательной способности Бразилии за 2023 г. составляет 2,41%, это четвертое место среди стран БРИКС после Китая (18,76%), Индии (7,87%) и России (3,49%). ВВП Бразилии в 2024 г. составил 4 734 млрд долл. (седьмое место среди стран БРИКС по объему номинального ВВП), что на 5,9% выше значения 2023 г. Среднегодовой рост ВВП Бразилии за последние пять лет составляет 1,2% в год².

Китай является крупнейшей экономикой БРИКС и второй по величине в мире. Китайская экономика стремительно растет, связано это не только с огромным экспортным потенциалом, но и с мощной промышленной базой и высокотехнологичным сектором. В 2023 г. Китай экспортировал товары на сумму 3,73 трлн долл. США, что почти на 70% больше, чем в 2013 г. По данным Всемирной торговой организации, за одно десятилетие доля Китая в мировом экспорте товаров выросла примерно с 12,8% до 15,4%. На рис. 1 представлена динамика ВВП Китая за 2019–2024 гг.³

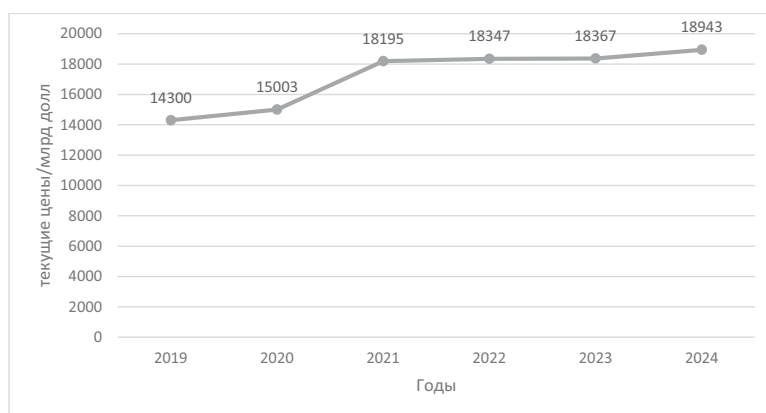

Рис. 1. Динамика ВВП Китая за 2019–2024 гг.

Fig. 1. China's GDP dynamics for 2019–2024

Источник: составлено авторами на основе: BRICS Joint Statistical Publication 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Snapshot_BRICS_Joint_Statistical_Publication_2025_2ed.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

Из рисунка видно, что ВВП Китая имеет тенденцию к росту, за пять лет с 2019 по 2023 г. значение выросло на 32,47%. При этом, по прогнозам аналитиков [rosstat.gov.ru](https://www.rosstat.gov.ru)⁴, значение ВВП к 2030 г. увеличится до 25 827,52 млрд долл., то есть рост за десять лет составит 80,61%. Китай также активно инвестирует в инфраструктуру и развивает инициативы, такие как «Один пояс — один путь», что позволяет еще больше укреплять позиции на мировой арене.

Индия — первая по численности населения страна в мире с населением 1,476 млрд чел. (по состоянию на 2026 г.), из которых 51,44% — мужчины и 48,46% — женщины⁵. Активные инвестиции Индии в технологическую и информационно-технологическую отрасли в сочетании с ее обширным внутренним рынком, несомненно, создают возможности для взаимовыгодного сотрудничества. Проактивные инве-

¹ Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Бразилии [Электронный ресурс]. URL: <https://brazil.mid.ru/ru/braziliya/ekonomika/> (дата обращения: 18.10.2025).

² Динамика ВВП по ППС Бразилии с 1990 по 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.finiversity.ru/data/country/BR/gdp_ppp/ (дата обращения: 10.03.2026).

³ BRICS Joint Statistical Publication 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Snapshot_BRICS_Joint_Statistical_Publication_2025_2ed.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

⁴ BRICS Joint Statistical Publication 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Snapshot_BRICS_Joint_Statistical_Publication_2025_2ed.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

⁵ Страны мира по численности населения (2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/> (дата обращения: 10.03.2026).

стиции индийского правительства в инфраструктуру и усилия по повышению уровня жизни населения очевидно способствуют росту в различных секторах экономики.

Что касается России, то тут стоит выделить, что страна является крупнейшим экспортером природного газа и одним из ведущих экспортеров нефти, однако экономика сильно зависит от энергетического сектора. На сегодняшний день развивается высокотехнологичное производство и активно вкладываются инвестиции в развитие инфраструктуры, например Северный морской путь, который является одним из наиболее перспективных логистических путей [8].

Для России сотрудничество в рамках БРИКС становится стратегически важным направлением, особенно в условиях санкционного давления и перестройки глобальных цепочек.

С увеличением объема товарооборота между странами БРИКС (по данным на 20.06.2025, он превысил 1 трлн долл. и продолжает расти¹), роста заинтересованности государств — членов альянса к взаимной торговле, а также с объемами товарооборотов России с каждой отдельной страной — членом БРИКС, расширяется и интерес к более масштабному сотрудничеству, что впоследствии приводит к присоединению все новых стран.

На торговлю между странами БРИКС влияет множество факторов: неравномерное экономическое развитие; тарифные и нетарифные ограничения; колебания обменного курса; инфраструктурные, экономические и логистические проблемы. Указанные факторы негативно сказываются на развитии как взаимной, так и внешней торговли стран БРИКС. В целях увеличения торговых и инвестиционных потоков стран БРИКС необходимо их активное включение в систему торгово-экономических связей внутри альянса, развитие особых экономических зон и поощрение кооперации между странами-участниками.

Торговый аспект является далеко не единственным, способным к оказанию существенного влияния на рост экономического потенциала сотрудничества стран — участников альянса БРИКС. Государства БРИКС реализуют масштабные инициативы в атомной энергетике и в авиации, в области новых материалов и IT-индустрии, в робототехнике и в сфере искусственного интеллекта.

Рассмотрим перспективы и вызовы по данному вопросу, основные направления сотрудничества стран БРИКС.

В области энергетики. Совместная энергетическая динамика стран БРИКС представляет собой сложную и мощную систему, которая в результате расширения в 2024 г. стала определяющей для глобального энергорынка.

Технологии и инновации. В данной области основными направлениями для сотрудничества являются следующие индикаторы²:

- а) создание платформ для совместных научно-исследовательских работ (НИОКР), например, в области искусственного интеллекта, биотехнологий и квантовых вычислений;
- б) программы обмена учеными и специалистами, такие как Сеть университетов БРИКС и Молодежный научный форум БРИКС;
- в) развитие 5G, облачных технологий;
- г) борьба с киберугрозами через сотрудничество в области кибербезопасности;
- д) обмен данными дистанционного зондирования Земли для мониторинга климата и стихийных бедствий;
- е) сотрудничество России и Китая в лунных программах, опыт Индии в космических запусках;
- ж) создание общей платформы для клинических исследований.

В области финансов. Поскольку взаимодействие в области финансов в силу наличия Нового банка развития БРИКС (далее — Банк) имеет достаточно существенное влияние непосредственно на стабильный

¹ Путин сообщил о превышении товарооборота стран БРИКС отметки в \$1 трлн [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1907686/2025-06-20/putin-soobshchil-o-prevyshenii-tovarooborota-stran-briks-1trln> (дата обращения: 18.10.2025).

² Страны, приглашенные в БРИКС: перспективные направления научно-технологического сотрудничества с Россией [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/strany-priglasennyye-v-briks-perspektivnyye-napravleniya-nauchno-tehnologicheskogo-sotrudnichestva-s/> (дата обращения: 21.10.2025).

рост экономического потенциала стран-участников, данную область взаимодействия стоит рассмотреть более подробно.

В мае 2022 г. была одобрена Стратегическая инициатива на 2022–2026 гг., которая определила несколько основных векторов работы Банка¹.

1. Развитие расчетов в национальных валютах, что будет способствовать устойчивому развитию стран — членов Банка.
2. Увеличение числа участников Банка.
3. Расширение направлений сотрудничества Банка за пределами финансово-экономической сферы, смещение курса на обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, проблемы изменения климатических условий и развитие здравоохранения.
4. Повышение приоритетности «зеленых» проектов и устойчивого развития.

Создание трансграничной системы расчетов для стран — членов БРИКС рассматривается как внедрение новой платежной системы, основанной на передовых технологиях и следующей новым принципам в условиях современной многополярности с целью удовлетворения потребностей стран в проведении расчетов с использованием собственных валют.

Инфраструктура:

а) развитие транспортных маршрутов для перемещения товаров и пассажиров различными видами транспорта;

б) энергетическая инфраструктура²:

- строительство объектов возобновляемой энергии: солнечные электростанции в Индии и ЮАР, ветропарки в Бразилии;
- развитие атомной энергетики при участии России (проекты в Индии, ЮАР, Китае);
- трубопроводные проекты, например, газопровод «Сила Сибири» (Россия — Китай);

в) городская и социальная инфраструктура:

- «умные города»: индийская программа Smart Cities Mission, китайские проекты цифровизации мегаполисов;
- строительство больниц и образовательных центров при поддержке Нового банка развития БРИКС.

Приведенный в статье положительный опыт стран — участниц БРИКС по развитию инфраструктуры и социальной сферы может быть использован странами, что, безусловно, не только положительно скажется на экономическом развитии, но и позволит и дальше развивать взаимовыгодное сотрудничество внутри альянса.

Развитие инфраструктуры в рамках БРИКС способствует созданию многополярной экономической системы, но требует преодоления внутренних противоречий и гармонизации стандартов. Успех этих проектов усилит роль объединения как альтернативного центра мировой экономики, особенно на фоне текущих геополитических сдвигов. Основным механизмом развития экономического потенциала для стран — участниц БРИКС, по мнению авторов, является создание новых институтов и правил взаимодействия, которые позволят наращивать взаимную торговлю. Для России расширение торговли со странами БРИКС станет дополнительным рынком сбыта, повысит товарооборот и, как следствие, увеличит денежные потоки в экономику страны.

Так, создание зон свободной торговли — важный шаг сотрудничества государств, они обладают большим потенциалом и инвестиционной привлекательностью [7]. Цель — увеличение товарооборота путем устранения таможенных пошлин и иных барьеров [4]. Главная цель создания свободных экономических зон (СЭЗ) заключается в более глубоком включении национальных хозяйств в международное географическое разделение труда. Задачи создания зон свободной торговли могут включать:

¹ Новый банк развития БРИКС: второй Бреттон-Вудс или альтернативная концепция с собственным будущим? [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novyy-bank-razvitiya-briks-bretton-vuds/> (дата обращения: 23.10.2025).

² Новый банк развития БРИКС: второй Бреттон-Вудс или альтернативная концепция с собственным будущим? [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novyy-bank-razvitiya-briks-bretton-vuds/> (дата обращения: 22.10.2025).

- насыщение внутреннего рынка высококачественной продукцией;
- внедрение в отечественное производство новейших научно-технических разработок, увеличение занятости;
- решение проблем региональной политики путем создания «полюсов роста».

По данным официальных источников, в 2023 г. товарооборот со странами БРИКС составил 294 млрд долл., т. е. 41% всего объема российской внешней торговли¹. По итогам 2024 г. торговля выросла на 17,5% и составила 51,45 млрд долл. При этом российский экспорт увеличился на четверть². Зона свободной торговли поможет Российской Федерации в условиях высокого санкционного давления обеспечить продуктивное сотрудничество со странами, а также не потерять товарооборот. Можно выделить следующие преимущества³.

1. Отсрочка уплаты пошлин. Товары, прибывшие из России, можно хранить в зоне свободной торговли и складирования (ЗСТС) без уплаты таможенных пошлин и налогов заранее.
2. Снижение логистических затрат. ЗСТС расположены рядом с крупными портами и транспортными узлами, что помогает сократить расходы на фрахт и транспортировку.
3. Упрощенные процедуры. ЗСТС обеспечивают ускоренное таможенное оформление, что может сократить процесс оформления с нескольких дней до нескольких часов.
4. Операционная гибкость.

Однако помимо преимуществ от создания подобных экономических зон стоит выделить возможные риски и проблемы, которые представлены на рис. 2.

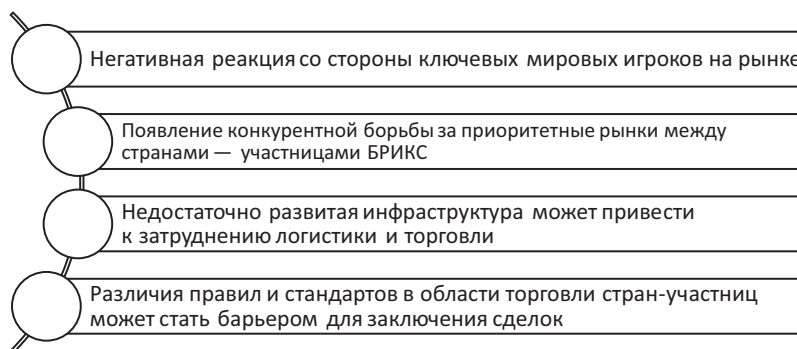

Рис. 2. Возможные риски и проблемы создания зон свободной торговли в рамках БРИКС

Fig. 2. Potential risks and problems of creating free trade zones within BRICS

Источник: составлено авторами

Указанные риски и проблемы требуют комплексного подхода, и решением в данном направлении может стать создание Ассоциации особых экономических зон БРИКС, однако этот вопрос является в сложившихся геополитических условиях достаточно затруднительным из-за давления стран, не входящих в альянс.

Критически важным направлением сотрудничества представляется международная торговля зерном в рамках БРИКС, учитывая тот факт, что страны-участницы являются ключевыми игроками на мировом агропродовольственном рынке. Безусловно, создание общей тестовой торговой площадки поможет развивать новые формы взаимодействия и будет способствовать обеспечению продовольственной безопасности государств. И это касается не только зерна, но и фармацевтической продукции.

¹ Министерство транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/eye/press-center/branch-news/3611?ysclid=mh2zugpzc5701284307> (дата обращения: 22.10.2025).

² Максим Решетников: страны БРИКС могут предотвратить крах многосторонней торговой системы [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksimreshetnikov_strany_briks_mogut_predotvratit_krah_mnogostoronney_torgovoy_sistemy.html (дата обращения: 10.03.2026).

³ Договор о зоне свободной торговли [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121497 (дата обращения: 16.10.2025).

В апреле 2025 г. на заседании координационного совета БРИКС Петербургская биржа представила принципы создания общей зерновой биржи объединения. Впервые аспект, касающийся создания зерновой биржи в рамках альянса БРИКС, был нормативно закреплён в Декларации XVI Саммита БРИКС в Казани в 2024 г., где была поддержана инициатива Российской Федерации по созданию зерновой торговой площадки [5; 6]. Создание такого рода площадки позволит повысить продовольственную безопасность стран — участниц БРИКС за счёт гарантированности поставок, стабилизации цен и контроля за логистикой цепочек поставок, страхованием и финансированием в целом. Также в рамках сельскохозяйственного взаимодействия стран активно проводятся совместные исследования в биотехнологиях для борьбы с продовольственным кризисом.

Заключение

Сотрудничество стран БРИКС демонстрирует амбициозную модель многополярного взаимодействия, объединяющую энергетику, технологии, финансы, инфраструктуру и сельское хозяйство. Это партнёрство, основанное на синергии ресурсов и компетенций, направлено на снижение зависимости от западных систем и формирование альтернативных механизмов глобального влияния.

БРИКС в перспективе может стать центром новой мировой экономической реальности, где обеспечиваются экономическая поддержка и технологическая независимость. Достижение успеха развития БРИКС возможно за счёт гармонизации внутренних стратегий стран-участниц, минимизации конфликтов и усиления координации под воздействием цифровой трансформации. Для России участие в БРИКС является экономически выгодным, поскольку есть возможность развития взаимной торговли и притока дополнительных инвестиций. Все вышеупомянутое свидетельствует о стратегической важности альянса и его перспективе, поскольку у него есть все шансы обеспечить альтернативу западным моделям.

Список литературы

1. *Абышов И. С., Асанбекова А. А., Касымова А.* БРИКС как новая интеграционная группировка // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2023. № 31. С. 120–124. EDN: EIEOZJ
2. *Каранатова Л. Г.* Большое евразийское партнёрство в свете перспектив глобального сотрудничества со странами БРИКС // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. 2024. № 1 (62). С. 158–161. EDN: HSHSGI
3. *Мытыев М. Ч., Мамбеталиева Ж. Н.* Страны БРИКС в современном мире // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2023. № 2(50). С. 153–157. EDN: LBWAYM. DOI: 10.53473/16946324_2023_2_153
4. *Петрова Т. А., Карданов В. А.* Особые экономические зоны (свободные экономические зоны). М. : Директ-Медиа, 2023. 192 с. ISBN: 978-5-4499-3830-5. EDN: EWKSYL
5. *Руденко М. Н.* БРИКС+ в новых контурах международной торговли // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8, № 1. С. 61–88. EDN: KOXYBY. DOI: 10.18334/ecsec.8.1.122495
6. *Руденко М. Н.* Динамика обеспечения энергетической безопасности стран БРИКС // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 11. С. 2823–2840. EDN: DGWAOE. DOI: 10.18334/ecsec.7.11.122090
7. *Сипаро К. А.* Перспективы развития свободных экономических зон Дальнего Востока и сравнительный анализ развития свободных экономических зон Азии // Инновационное развитие экономики. 2023. № 1 (73). С. 144–149. EDN: HANBOK. DOI: 10.51832/2223798420231144
8. *Трубицина Д. И., Ворона А. А.* Северный морской путь. Проблемы и перспективы развития // Северный морской путь: вчера, сегодня, завтра : Материалы III Международной научно-практической студенческой конференции. Новосибирск : Сибирский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 73–79. EDN: EСJMDY
9. *Фейгин Г. Ф., Бобровникова Е. А., Афанасьева К. В.* Перспективы региональной интеграции стран БРИКС+: сравнительный анализ БРИКС+ и Андского Сообщества наций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 7. С. 216–223. EDN: NWTLMР. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-19
10. *Хорос В. Г., Потапова Е. Ю.* От БРИКС к БРИКС+: на пути к Новому миропорядку // Полицентричный мир. 2024. Т. 1, № 1-2. С. 64–76. EDN: IHDAV. DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-64-76

Об авторах:

Каранатова Лариса Геннадиевна, доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и финансов, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: karanatova-lg@ranepa.ru

Ворона Анастасия Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: anastasiya_o@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7601-2671

References

1. Abyshov, I. S., Asanbekova, A. A., Kasymova, A. BRICS as a new integration GROUP // Bulletin of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic. 2023. No. 31. P. 120–124. (In Russ.) EDN: EIEOZJ
2. Karanatova, L. G. Great Eurasian Partnership in the Light of Prospects for Global Cooperation with the BRICS Countries // News of the Kyrgyz University of Economics named after M. Ryskulbekov. 2024. No. 1 (62). P. 158–161. (In Russ.) EDN: HSHSGI
3. Mytyev, M. Ch., Mambetalieva, Zh. N. BRICS Countries in the Modern World // Herald IUK. 2023. No. 2 (50). P. 153–157. (In Russ.) EDN: LBWAYM. DOI: 10.53473/16946324_2023_2_153
4. Petrova, T. A., Kardanov, V. A. Special Economic Zones (Free Economic Zones). Moscow : Direct-Media, 2023. 192 p. ISBN: 978-5-4499-3830-5. (In Russ.) EDN: EWXYL
5. Rudenko, M. N. BRICS+ in New Contours of International Trade // Economic Security. 2025. Vol. 8, No. 1. P. 61–88. (In Russ.) EDN: KOXYBY. DOI: 10.18334/ecsec.8.1.122495
6. Rudenko, M. N. Dynamics of Ensuring Energy Security in the BRICS Countries // Economic Security. 2024. Vol. 7, No. 11. P. 2823–2840. (In Russ.) EDN: DGWAOE. DOI: 10.18334/ecsec.7.11.122090
7. Siparo, K. A. Prospects of Development of Free Economic Zones of the Far East and Comparative Analysis of Development of Free Economic Zones of Asia // Innovative Development of Economy. 2023. No. 1 (73). P. 144–149. (In Russ.) EDN: HANBOK. DOI: 10.51832/2223798420231144
8. Trubitsina, D. I., Vorona, A. A. Northern Sea Route. Problems and Prospects of Development // Northern Sea Route: Yesterday, Today, Tomorrow : Proceedings of the III International Scientific and Practical Student Conference. Novosibirsk : Siberian State University of Communication, 2024. P. 73–79. (In Russ.) EDN: ECJMDY
9. Feygin, G. F., Bobrovnikova, E. A., Afanasyeva, K. V. Prospects for Regional Integration of BRICS countries: Comparative Analysis of BRICS+ and the Andes Community // Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2025. No. 7. P. 216–223. (In Russ.) EDN: NWTLMP. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-19
10. Khoros, V. G., Potapova, E. Yu. From BRICS to BRICS+: The Road to a New World Order // Polycentric World. 2024. Vol. 1, No. 1-2. P. 64–76. (In Russ.) EDN: IHDABV. DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-64-76

About the authors:

Larisa G. Karanatova, Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: karanatova-lg@ranepa.ru

Anastasiya A. Vorona, PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Management, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: anastasiya_o@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7601-2671

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Каранатова Л. Г., Ворона А. А., 2026

Экономические эффекты внедрения возобновляемых источников энергии в странах СНГ на примере Республики Армения¹

Гиваргизова Л. С.

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Российская Федерация

e-mail: givargizovalidia88@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4747-4169

РЕФЕРАТ

В условиях глобального энергетического перехода государства постсоветского пространства сталкиваются с необходимостью структурной трансформации энергетических систем. Внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ) становится важным инструментом для повышения энергетической безопасности, сокращения зависимости от импорта углеводородных ресурсов и реализации стратегии устойчивого экономического развития. Интеграция ВИЭ служит фактором диверсификации энергетических систем и стимулирования экономического роста. Оценка влияния внедрения ВИЭ на макроэкономические показатели, в частности на ВВП, представляет собой актуальное и перспективное направление междисциплинарных исследований, объединяющее теоретико-экономические подходы и принципы устойчивого развития. **Цель.** Целью исследования является проведение системного анализа воздействия внедрения ВИЭ на экономический рост Республики Армения с акцентом влияния на ВВП в контексте трансформационных процессов в странах СНГ. Армения, являясь примером уязвимости энергетической системы, испытывает ограниченность внутренних энергетических ресурсов и высокую зависимость от импорта, что приводит к сезонным дефицитам и требует адаптации энергетической инфраструктуры. В государствах СНГ существует значительная неоднородность в институциональной и технологической интеграции ВИЭ, что связано с различиями в ресурсной базе и развитии энергетической инфраструктуры. **Методология.** Анализа интеграции ВИЭ в энергосистемы проведен на основе теоретических подходов и эмпирических исследований. **Результаты.** Анализ показал, что энергетический сектор оказывает значительное влияние на экономику Армении. Активное развитие ВИЭ и интеграция Армении в международные энергетические рынки открывают новые возможности для диверсификации внешней торговли, включая экспорт электроэнергии в Иран и Грузию. Однако для реализации полного экспортного потенциала необходимо развивать межгосударственные линии электропередачи. **Выводы.** Несмотря на сравнительно невысокую долю энергетического сектора в ВВП (около 4%) его роль в экономической структуре страны остается важной. Учитывая позитивную динамику развития ВИЭ, Армении и другим странам СНГ необходимо продолжать модернизацию энергетической инфраструктуры, стимулировать инвестиции в «зеленые» технологии и развивать экспортный потенциал сектора. Эти меры помогут повысить устойчивость энергетической системы, снизить зависимость от внешних поставок и способствовать экономическому росту в регионе.

Ключевые слова: Армения, СНГ, ВИЭ, ВВП, зеленая энергетика, ТЭС, ГЭС, АЭС

Для цитирования: Гиваргизова Л. С. Экономические эффекты внедрения возобновляемых источников энергии в странах СНГ на примере Республики Армения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 44–56. EDN: XRMGIF

¹ Финансирование осуществлено в рамках НИР ГЗ ВАВТ.

Economic Effects of Renewable Energy Sources Implementation in the CIS Countries Using the Example of the Republic of Armenia

Lydia S. Givargizova

Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: givargizovalidia88@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4747-4169

ABSTRACT

In the context of the global energy transition, post-Soviet countries are faced with the need for structural transformation of their energy systems. The introduction of renewable energy sources (RES) is becoming an important tool for increasing energy security, reducing dependence on hydrocarbon imports, and implementing sustainable economic development strategies. The integration of RES serves as a factor in diversifying energy systems and stimulating economic growth. Assessing the impact of RES introduction on macroeconomic indicators, particularly GDP, is a relevant and promising area of interdisciplinary research, integrating theoretical economic approaches and sustainable development principles. **Aim.** The objective of this study is to conduct a systemic analysis of the impact of RES introduction on economic growth in the Republic of Armenia, with an emphasis on the impact of this process on GDP, in the context of transformation processes in the CIS countries. Armenia, an example of a vulnerable energy system, experiences high dependence on imports and limited domestic energy resources, leading to seasonal shortages and requiring the adaptation of its energy infrastructure. There is significant heterogeneity in the institutional and technological integration of renewable energy sources across the CIS countries, due to differences in resource bases, energy infrastructure development, and political readiness to transition to sustainable energy sources. **Methods.** The analysis revealed that the energy sector has a significant impact on the Armenian economy. **Results.** The active development of renewable energy sources and Armenia's integration into international energy markets open up new opportunities for foreign trade diversification, including electricity exports to Iran and Georgia. However, to realize the full export potential, it is necessary to develop interstate power transmission lines. **Conclusions.** The study's findings emphasize that, despite the energy sector's relatively low share of GDP (approximately 4%), its role in the country's economic structure remains significant. Given the positive dynamics of renewable energy development, Armenia and other CIS countries need to continue modernizing their energy infrastructure, stimulate investment in green technologies, and develop the sector's export potential. These measures will help increase the resilience of the energy system, reduce dependence on external supplies, and promote economic growth in the region.

Keywords: Armenia, CIS, renewable energy sources, GDP, Green energy, Thermal power station, Hydroelectricity, NPP

For citation: Givargizova L. S. Economic Effects of Renewable Energy Sources Implementation in the CIS Countries Using the Example of the Republic of Armenia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 44–56 (In Russ.). EDN: XRMGIF

Введение

В процессе глобального энергетического перехода представляет интерес исследование экономических последствий интеграции возобновляемых источников энергии (далее ВИЭ) в национальные энергетические балансы. Настоящее исследование оценивает влияние ВИЭ на динамику ВВП с учетом инвестиционных, технологических и институциональных детерминантов, определяющих интенсивность взаимодействия сектора ВИЭ с макроэкономическими показателями. Выявлена положительная корреляция между ростом доли ВИЭ и долгосрочным экономическим развитием при условии эффективной

государственной поддержки и наличия институциональных стимулов. Энергетическая безопасность рассматривается как ключевой компонент национальной безопасности в странах СНГ. Ряд государств характеризуется высокой уязвимостью вследствие зависимости от импорта, ограниченности внутренних ресурсов, сезонных дефицитов и низкой устойчивости энергетической инфраструктуры.

Республика Армения (РА) является типичным примером такого состояния. Вместе с тем аналогичные характеристики наблюдаются и в ряде других стран региона, таких как Молдова, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Грузия (формально покинувшая СНГ, но сохраняющая тесные энергетические связи в регионе). В условиях внешнеэкономической волатильности и климатических рисков развитие ВИЭ рассматривается не только как механизм обеспечения экологической устойчивости, но и как потенциальный фактор стимулирования макроэкономического роста. В данном исследовании проводится теоретико-аналитическая оценка воздействия внедрения ВИЭ на ВВП Армении с учетом особенностей современного институционального контекста.

Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в сфере энергетики на период до 2035 г. и План первоочередных мероприятий по ее реализации включают развитие и распространение прорывных технологий, в том числе возобновляемых источников энергии¹. Научная новизна заключается в исследовании влияния ВИЭ на макроэкономические показатели в условиях малой открытой экономики, интегрированной в регион СНГ.

Теоретические основы

Гипотезы и теории, связанные с ВИЭ, отражают коллективные усилия ученых, инженеров, политиков и экономистов, которые работают в области энергетики, экологии и устойчивого развития. В научной литературе отсутствует единый подход к определению энергетического перехода. Тем не менее можно выделить несколько ключевых ученых, исследователей и организаций, которые в значительной степени способствовали формированию теорий и гипотез.

В. Смиль использовал термин «энергетический переход» для описания изменений в структуре энергообеспечения [10]. Он подчеркивает, что энергетическая трансформация требует больших капиталовложений и значительного времени, но является необходимым этапом для обеспечения устойчивого развития. В исследовании о значении «зеленого энергетического перехода» авторы отмечают, что энергетическая безопасность является глобальным и стратегическим вопросом, критически важным для экономического и социального развития страны [3].

Глобальная энергетическая стратегия и модель спроса и предложения претерпевают глубокую трансформацию, отмеченную значительными сдвигами. Автором проанализировано исследование, посвященное оценке возобновляемого энергетического потенциала РА при внедрении гибридной автономной системы энергоснабжения на основе фотоэлектрических преобразователей солнечной энергии. Согласно позиции исследователей, интеграция ВИЭ снижает нагрузку на централизованную энергосистему, обеспечивает устойчивое энергетическое развитие и уменьшает зависимость от внешних факторов за счет диверсификации энергетического баланса. Диверсификация также способствует снижению себестоимости генерации, создавая условия для интеграции страны в международные электроэнергетические коридоры [2]. Для анализа интеграции ВИЭ в энергосистемы автор осуществил обзор теоретических подходов и эмпирических исследований, представленных в работах таких авторов, как С. С. Белобородов, Е. Г. Гашо, А. В. Ненашев [1], А. А. Маркаров, В. С. Давтян [3], З. Цайнэн, Шисян Ли, Бо Сюн, Ханлин Лю, Фэн Ма [6], Л. Карапетян, А. Мкртумян [7], Д. Курочкин, Е. В. Шаблий, Э. Шитту [8], Л. Д. Петренко [4], Э. Б. Али, Б. Амфо [5], П. К. Нараян, С. Рассел [9], а также в обзоре Всемирного банка по проекту внедрения ветроэнергетики в Армении².

¹ Концепция в сфере энергетики и План мероприятий [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2982/> (дата обращения: 15.10.2025).

² Overview of Support Schemes for Renewable Energy SOURCES Lessons from the European Union and the Energy Community (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062824091130004/pdf/P174666-4045e9f5-c8d3-4594-b232-f8591c007172.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

Использование ВИЭ в странах СНГ

Государства СНГ активно участвуют в климатических инициативах и обязались выполнить условия Парижского соглашения. Реализуются программы по развитию альтернативной энергетики и экобезопасности. Страны СНГ показывают различную степень интеграции ВИЭ в энергобалансы, что зависит от ресурсов, инфраструктуры, экономических возможностей и доступа к международным инвестициям и технологиям, а также природно-географических условий и стратегий.

В Азербайджане по состоянию на 2024 г. доля ВИЭ в общем объеме энергоснабжения за последние несколько лет составляет около 1,3%¹. В Армении используют преимущественно гидроэнергию с постепенным наращиванием мощностей в солнечной генерации. В стране осуществляется поддержка маломасштабных ВИЭ-установок через механизмы «зеленого тарифа». Производство солнечных электростанций в общем объеме составляет около 10,4%². Беларусь характеризуется умеренным уровнем интеграции ВИЭ, преимущественно за счет биомассы и малых гидроэлектростанций. В 2023 г.³ доля ВИЭ в структуре производства электроэнергии составила порядка 3%⁴. Казахстан активно развивает сектор ВИЭ в рамках государственной программы по декарбонизации. Основными направлениями являются ветровая и солнечная энергетика. По состоянию на 2023 г. доля электроэнергии, вырабатываемой за счет ВИЭ, составляла около 5% с целевым показателем 15% к 2030 г.⁵ Таджикистан⁶ и Кыргызстан⁷ в значительной степени зависят от гидроэнергетических ресурсов, доля которых в общем энергобалансе составляет 87–94%. Гидроэнергия как возобновляемый источник играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности этих стран. Потенциал развития других видов ВИЭ (солнечной и ветровой) остается высоким, однако на данном этапе реализовано относительно небольшое количество проектов. В Молдове доля сектора ВИЭ в производстве электроэнергии в 2023 г. составила 7%⁸. Стратегическая цель — увеличить долю ВИЭ к 2030 г. до 30%⁹. В РФ наибольшую долю в общем объеме вырабатываемой энергии обеспечивают тепловые электростанции (далее ТЭС). В 2024 г. производство электроэнергии на ТЭС увеличилось в годовом исчислении на 3,6% (доля в общей выработке — 57,3%), на гидроэлектростанциях (далее ГЭС) — 4,9% (доля в общей выработке — 17,3%), на солнечных станциях — 9,6% (доля в общей выработке — 0,3%), на ветростанциях — 27,3% (доля в общей выработке — 0,7%), на электростанциях промпредприятий — 0,5% (доля в общей выработке — 6,1%). Незначительное сокращение — на 0,9% по сравнению с 2023 г. — отмечено только на атомных электростанциях (далее АЭС), доля в общей выработке составляет 18,2%¹⁰. Узбекистан реализует масштабные проекты в области солнечной и ветровой энергетики при поддержке международных инвесторов. Поставлена задача довести долю ВИЭ в общем объеме производства электроэнергии до 25% к 2030 г., однако по данным за 2023 г. производство солнечной электроэнергии в общей доле составило 1%¹¹.

¹ Sustainable Development Goals statistical review [Электронный ресурс]. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/DIM_stat_2024.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.10.2025).

² Возобновляемая энергетика. Министерство энергетических инфраструктур и природных ресурсов Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minenergy.am/ru/page/verakang> (дата обращения: 15.10.2025).

³ В свободном доступе предоставляется информация за 2023 г.

⁴ Energy Profile Belarus IRENA 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Europe/Belarus_Europe_RE_SP.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 16.10.2025).

⁵ Energy Profile Kazakhstan IRENA 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Kazakhstan_Asia_RE_SP.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

⁶ Energy Profile Tajikistan IRENA 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Tajikistan_Asia_RE_SP.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

⁷ Energy Profile Kyrgyzstan IRENA 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Kyrgyzstan_Asia_RE_SP.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

⁸ Energy Profile Republic of Moldova IRENA 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Europe/Republic-of-Moldova_Europe_RE_SP.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

⁹ Возобновляемая энергия. Министерство энергетики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: <https://energie.gov.md/ru/content/vozobnovlyаемая-energiya> (дата обращения: 16.10.2025).

¹⁰ Автором приведены данные из ТАСС, так как государственные органы РФ на фоне введения западных санкций с 2022 г. временно остановили публикацию статистических данных.

¹¹ Energy Profile Uzbekistan IRENA 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Asia/Uzbekistan_Asia_RE_SP.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

Сравнительный анализ ВИЭ в странах СНГ позволил выделить группу стран с высокой энергетической уязвимостью, где ситуация аналогична Армении, — это Молдова, Кыргызстан, Таджикистан и Грузия¹.

Республика Молдова характеризуется высокой энергетической зависимостью, более 80% потребления обеспечивается импортом природного газа и нефтепродуктов, в основном из России и Румынии. Ограниченные собственные ресурсы сдерживают развитие энергетического сектора, а доля ВИЭ остается низкой, несмотря на усилия по развитию солнечной и биомассовой энергетики.

Кыргызстан в своей энергетической системе более чем на 80% зависит от гидроэнергетики, но сезонная зависимость от уровня речного стока, усиленная изменениями климата, приводит к регулярным дефицитам электроэнергии, особенно в осенне-зимний период. Страна полностью импортирует нефть и газ, что делает ее уязвимой к внешним рискам. ВИЭ развиты слабо, но наблюдается рост интереса к малой гидроэнергетике и солнечным технологиям.

Таджикистан, обладая значительным гидроэнергетическим потенциалом, обеспечивает до 94% производства электроэнергии за счет ГЭС, но сохраняет высокую зависимость от импорта углеводородного топлива, что создает уязвимость перед внешними ценовыми шоками. Ограниченная интеграция в региональные энергорынки и слабая энергетическая связанность с соседними странами также добавляют риски.

Грузия имеет высокую зависимость от импорта нефти и газа, но до 75% энергии производит на ГЭС. В зимние месяцы и в периоды засух возникают дефициты генерации, что увеличивает потребность в импорте и нагрузку на энергобюджет.

Армения, в свою очередь, демонстрирует значительный прогресс в развитии ВИЭ, доля которых в ее энергогенерации достигает 32%, что существенно превышает среднеотраслевые показатели СНГ. Основной вклад в структуру ВИЭ Армении вносят гидроэнергетика, солнечная и ветровая генерация, что объясняется благоприятными природно-климатическими условиями и государственной политикой по развитию «зеленой энергетики». В отличие от Армении, другие страны СНГ, такие как Казахстан и Грузия, ориентированы в основном на гидро- и ветроэнергетику, в то время как Беларусь и Россия характеризуются меньшей долей ВИЭ. Региональные программы и международные инициативы, такие как проекты ЕАЭС, ООН, Глобального экологического фонда и Всемирного банка, способствуют трансферу технологий, привлечению инвестиций и реализации инфраструктурных проектов в сфере ВИЭ. Армения, активно участвующая в этих инициативах, укрепляет свои позиции по интеграции возобновляемых энергетических решений в регионе.

Энергетическая зависимость и структура энергетического баланса Армении

Энергосистема Армении характеризуется диверсифицированной структурой генерации, включающей атомную, гидравлическую и тепловую генерацию, а также постепенно развивающийся сектор ВИЭ. Энергетический сектор в настоящее время характеризуется высокой степенью зависимости от импорта углеводородных ресурсов, что в значительной степени ограничивает ее энергетическую безопасность. Основными источниками энергии в стране являются атомная энергетика (АЭС в Мецаморе) и ТЭС. Согласно статистическим данным, около 70% электроэнергии в стране производится на основе импорта газа и урана, в частности, из России. Учитывая географическое расположение страны, внедрение ВИЭ может существенно снизить экономическую нагрузку, обусловленную импортной зависимостью, а также повысить устойчивость энергетической инфраструктуры.

Армения, несмотря на скромные масштабы, характеризуется высокой скоростью институционального внедрения ВИЭ², прозрачностью механизмов РРА³ и наличием устойчивой международной финан-

¹ Грузия формально покинула СНГ, но сохраняет тесные энергетические связи в регионе.

² Energy Investment Risk Assessment 2017 Energy Charter Conference [Электронный ресурс]. URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/EERR/ARMENIA_IDR_2017_Final_RUS.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

³ Power Purchase Agreement — Соглашение о покупке электроэнергии, это долгосрочный договор между производителем электроэнергии и покупателем (потребителем или трейдером).

совой поддержки (АзБР¹, ЕБРР²). Это позволяет рассматривать страну как успешный пример адаптации «зеленой» повестки в условиях ограниченных ресурсов.

Потенциал ВИЭ как движущая сила экономического роста

Развитие ВИЭ может стать важным фактором диверсификации экономики Армении, стимулируя устойчивый рост, создание рабочих мест, развитие малого и среднего бизнеса, а также привлечение частных и иностранных инвестиций. По оценкам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), инвестиции в ВИЭ способствуют созданию рабочих мест не только в энергетическом секторе, но и в смежных отраслях, таких как производство оборудования и техническое обслуживание.

В 2003 г. была составлена карта ветроэнергетических ресурсов Армении, согласно которой ее экономически обоснованный потенциал составляет 450 МВт с выработкой 1,26 млрд кВт·ч в год³. В 2005 г. была введена в эксплуатацию первая ветроэнергетическая станция мощностью 2,6 МВт, с перспективой расширения до 50 МВт.

В Армении разработаны механизмы поддержки ВИЭ, в том числе обязательная закупка электроэнергии, вырабатываемой малыми ГЭС и станциями, использующими ВИЭ, по фиксированному тарифу на срок 20 лет. Тарифы индексируются ежегодно с учетом колебаний валюты и изменений потребительских цен. В 2015 г. тариф для ветроэнергетических станций составил 42,426 АРМД/кВт·ч (≈0,08 долл./кВт·ч).

Для проведения анализа влияния производства электроэнергии на экономический рост страны в первую очередь рассматриваем объем производства электроэнергии в РА за последние одиннадцать лет (см. рис. 1). Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в период с 2014 по 2022 г. существенного роста объемов производства электроэнергии не наблюдалось: уровень производства колебался около 7,7 млрд кВт·ч. В 2022 г. был зафиксирован рост производства на 16,1%, а общий объем производства составил 8907,9 млн кВт·ч. Аналогичная тенденция наблюдается и в 2024 г., когда объем производства достиг 9381,4 млн кВт·ч, что на 6,5% превышает показатели предыдущего периода.

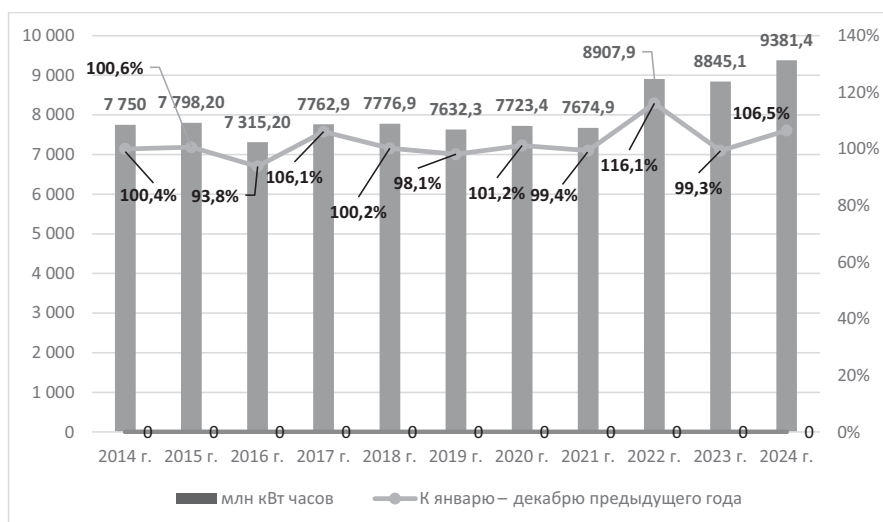

Рис. 1. Производство электроэнергии в РА с 2014 г. по 2024 г. (млн кВт·ч)

Fig. 1. Electricity production in the Republic of Armenia from 2014 to 2024 (million kWh)

Источник: составлено автором на основе данных АРМСТАТ⁴

¹ Армения и АзБР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adb.org/where-we-work/armenia> (дата обращения: 16.10.2025).

² EBRD and GCF support green investments in Armenia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2025/inecobank--geff-loan.html> (дата обращения: 16.10.2025).

³ Социально-экономическое положение Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=82&id=2747> (дата обращения: 16.10.2025).

⁴ Возобновляемая энергетика РА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minenergy.am/ru/page/verakang> (дата обращения: 16.10.2025).

Считаем необходимым подчеркнуть важность дифференцированного анализа потребления и производства электроэнергии с учетом особенностей различных источников генерации. Такой подход позволяет более точно выявить структуру энергетического баланса и определить вклад каждого типа электростанций в общие показатели энергоснабжения и экономического развития. В исследовании рассматриваются ключевые источники электроэнергии: гидроэлектростанции (ГЭС), тепловые электростанции (ТЭС), атомные электростанции (АЭС) и возобновляемые источники (ветровые и солнечные электростанции). Этот классификационный подход обеспечивает всестороннее понимание вклада каждого источника в общий объем выработки электроэнергии.

Анализ динамики потребления электроэнергии в РА за период с 2014 по 2022 г. показывает, что средний уровень потребления стабилизировался на отметке около 6,7 млрд кВт·ч (см. рис. 2), что свидетельствует о достаточно стабильном спросе на электроэнергию на протяжении рассматриваемого временного интервала. При этом в 2024 г. наблюдается значительный рост потребления, достигший порядка 9,4 млрд кВт·ч, что может быть обусловлено несколькими факторами, включая расширение промышленного производства, рост численности населения, улучшение инфраструктуры и увеличение экономической активности в целом. Увеличение потребления электроэнергии в данном периоде указывает на возрастание энергетической нагрузки и необходимость адаптации производственных мощностей для обеспечения устойчивого энергоснабжения страны.

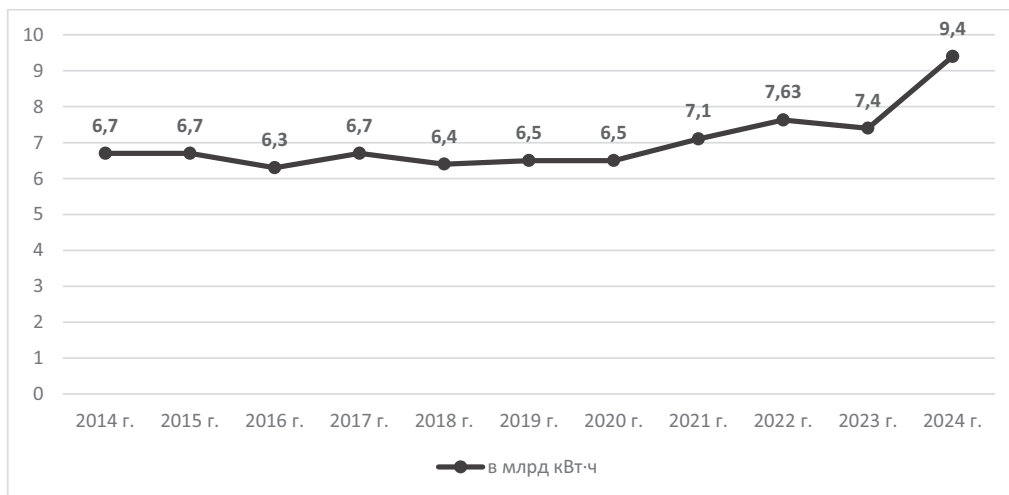

Рис. 2. Потребление электроэнергии в млрд кВт·ч

Fig. 2. Electricity consumption in billion kWh

Источник: составлено автором на основе данных Электроэнергетического Совета СНГ¹

Далее для оценки удельного вклада потребления электроэнергии в формирование ВВП РА считаем необходимым провести анализ производства электроэнергии с использованием натуральных показателей работы электростанций (см. рис. 3) и динамики ВВП страны за соответствующий период (см. рис. 4). В качестве временного интервала исследования выбран период с 2019 по 2024 г., охватывающий последние пять лет. Данный выбор обусловлен результатами предварительного анализа за более длительный период, с 2014 по 2022 г., который показал, что в указанный промежуток времени показатели производства и потребления электроэнергии оставались практически стабильными и находились на одном уровне.

¹ Электроэнергетика государств — участников СНГ за 2013–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Gertzen/SBORNIK%202013-2023_ITOG%20pdf.pdf; Выработка электроэнергии в Армении за 2024 год выросла на 6,5% [Электронный ресурс]. URL: http://energo-cis.ru/news/vyrabotka_elektroene1738572410/ (дата обращения: 16.10.2025).

Фокусировка на последних пяти годах позволяет более точно выявить взаимосвязь между изменениями в объемах выработки и потребления электроэнергии и динамикой экономического роста, что особенно важно с учетом значительных изменений, наблюдаемых в энергетическом секторе и экономике в целом за этот период. Такой подход способствует выявлению тенденций и закономерностей, которые могли остаться незамеченными при анализе более длительных и гомогенных временных интервалов.

Анализ включает сопоставление данных по выработке электроэнергии с показателями ВВП, что позволяет определить степень влияния энергетического сектора на экономическое развитие страны. Выявление корреляций и оценка причинно-следственных связей между потреблением электроэнергии и ростом ВВП является ключевым этапом в понимании роли энергетики в экономической структуре РА, а также в формировании рекомендаций для дальнейшей энергетической политики и планирования экономического развития.

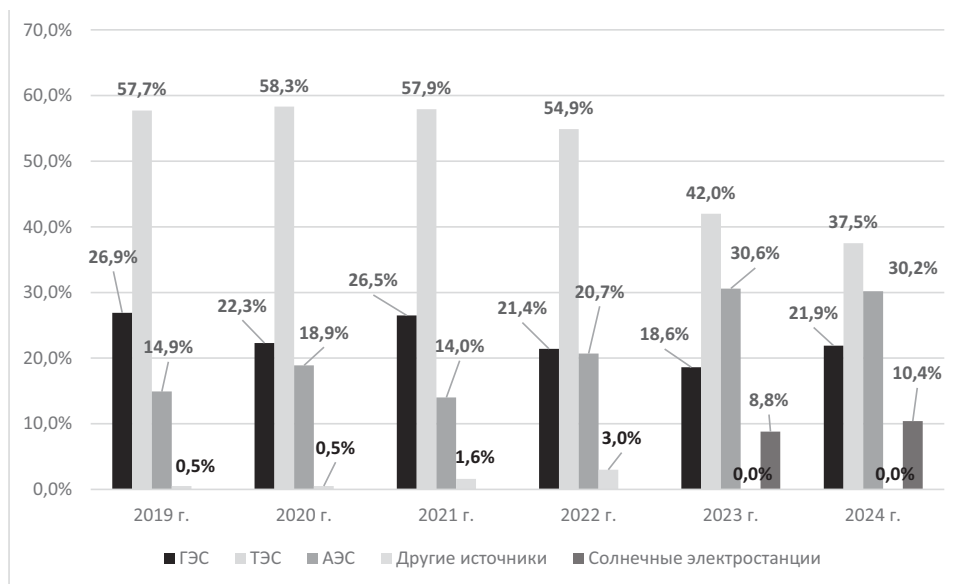

Рис. 3. Производство электроэнергии по натуральным показателям с 2019 г. по 2024 г.

Fig. 3. Electricity production by natural indicators from 2019 to 2024

Источник: составлено автором на основе данных АРМСТАТ¹

Анализ статистических данных за последние пять лет свидетельствует о значительных изменениях в структуре производства электроэнергии в РА, особенно в части использования ВИЭ. В 2024 г. наблюдается заметный рост производства электроэнергии ВИЭ, в частности, солнечной энергетики, доля которой достигла 10,4% от общего объема выработки, что значительно превышает показатели предыдущих периодов.

Одновременно с этим наблюдается снижение объема производства электроэнергии на гидроэлектростанциях: если в 2019 г. их доля составляла 26,9% от общего производства, то к 2024 г. она уменьшилась до 21,9%. Такая динамика свидетельствует о перераспределении энергетического баланса страны и постепенном снижении зависимости от гидроэнергетики.

Параллельно с уменьшением доли гидроэлектростанций наблюдается увеличение производства электроэнергии на АЭС, что указывает на рост их вклада в энергобаланс страны. В то же время доля ТЭС демонстрирует тенденцию к снижению, что может быть связано с переходом к более экологически чистым и эффективным источникам энергии.

¹ Социально-экономическое положение РА/1.2 Производство [Электронный ресурс]. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=82&year=2025> (дата обращения: 16.10.2025).

В целом традиционные источники энергии¹ составляли значительную часть общего объема производства электроэнергии: 72,6% в 2019 г., с незначительными колебаниями в последующие годы — 77,2% в 2020 г., 71,9% в 2021 г., 75,6% в 2022 г., 72,6% в 2023 г., и снижение до 67,7% в 2024 г. (см. рис. 3).

Данные изменения в структуре производства электроэнергии свидетельствуют о трансформации энергетической политики и стратегий развития РА.

Далее для проведения количественной оценки удельного вклада потребления электроэнергии в формирование ВВП РА необходимо провести предварительный анализ динамики ВВП. Такой анализ позволит выявить возможные корреляционные связи между объемами потребления электроэнергии и экономическим ростом, а также даст основу для построения эконометрических моделей, направленных на количественную оценку степени влияния энергетического потребления на макроэкономические показатели.

На протяжении рассматриваемого периода (с 2014 по 2024 г.) наблюдается в целом устойчивый рост ВВП, за исключением кратковременного снижения в 2020 г., обусловленного, по всей видимости, внешними шоками и глобальными экономическими последствиями пандемии COVID-19 (см. рис. 4). В частности, в 2014 г. объем ВВП составлял 10,8 млрд долл., в 2015 и 2016 гг. наблюдалась незначительная стагнация — 10,56 и 10,55 млрд долл. соответственно. Однако начиная с 2017 г. экономика Армении демонстрирует положительную динамику: ВВП увеличился до 11,5 млрд долл., в 2018 г. — до 12,46 млрд, а в 2019 г. — до 13,6 млрд долл.

В 2020 г. зафиксировано снижение до 12,6 млрд долл., что отражает влияние внешнеэкономических и эпидемиологических факторов. Тем не менее начиная с 2021 г. экономика вступила в фазу активного восстановления и роста: в 2021 г. ВВП составил 13,9 млрд долл., в 2022 г. — 19,5 млрд, в 2023 г. — 24,1 млрд, а в 2024 г. достиг 25,8 млрд долл.²

Такой рост предполагает взаимосвязь между увеличением потребления электроэнергии и расширением экономической активности, что особенно важно в условиях цифровизации, роста промышленности, инфраструктурных проектов и предпринимательства, требующих больше энергии. Таким образом, анализ динамики ВВП в контексте изменений в потреблении электроэнергии представляет собой важный этап комплексного исследования, направленного на выявление энергетических детерминантов экономического роста в РА.

В настоящем исследовании автором выполнена количественная оценка удельного вклада потребления электроэнергии в формирование ВВП РА с дифференциацией по источникам генерации — традиционным (тепловая и атомная энергетика) и возобновляемым (гидроэнергетика, солнечная и ветровая энергетика).

На основе формулы:

$$\text{Удельный вес энергетического сектора в ВВП} = \left(\frac{\text{ВДС энергетического сектора}}{\text{ВВП страны}} \right) \times 100\%$$

используя статистические данные за 2024 г., автором было установлено, что совокупный объем выработки электроэнергии в стране составил порядка 9,381 млрд кВт·ч, из которых 67,7 % приходится на традиционные источники и 32,3 % на ВИЭ. При принятии средней розничной стоимости электроэнергии на уровне 46,48 драма за кВт·ч (0,11 долл.), общая стоимость потребленной электроэнергии оценивается в размере приблизительно 1,034 млн долл.

Сопоставление с номинальным ВВП страны, равным примерно 25,8 млрд долл., позволило определить удельный вес электроэнергетического сектора в экономике, который составляет порядка 4%, из

¹ Под традиционными источниками энергии автор подразумевает АЭС и ТЭС.

² Все данные ВВП по годам рассчитаны автором на основе данных ЦБ РА среднегодового курса доллара, в АРМСТАТ статистика по ВВП приведена в армянских драмах.

которых 2,7% связаны с потреблением электроэнергии из традиционных источников и 1,3% — из возобновляемых.

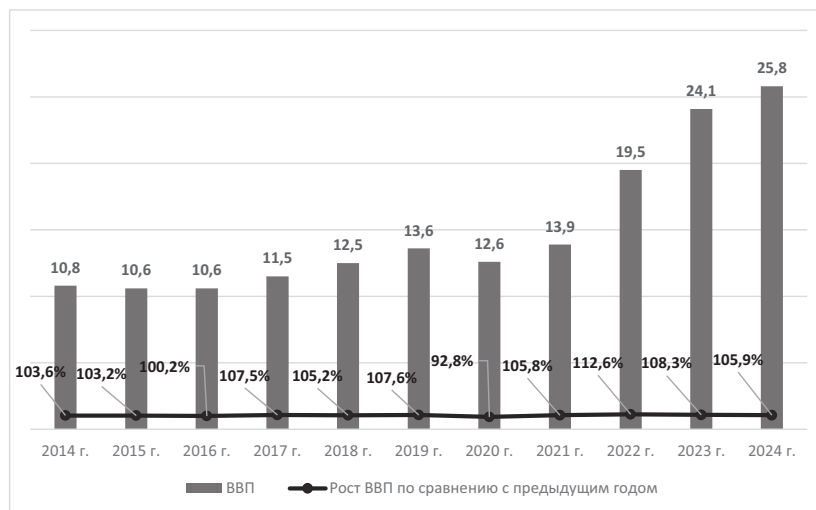

Рис. 4. Динамика ВВП Армении с 2014 г. по 2024 г.
Fig. 4. Dynamics of Armenia's GDP from 2014 to 2024

Источник: составлено автором на основе данных АРМСТАТ¹

Данные соотношения свидетельствуют о сохраняющемся преобладании традиционной энергетики в структуре отрасли, несмотря на наличие определенного вклада возобновляемой энергетики. Последняя формирует около одной трети (32,5%) совокупного объема электроэнергетического сектора, что указывает на поступательное развитие сегмента ВИЭ и потенциал для дальнейшего энергоперехода в сторону устойчивых источников энергоснабжения. Электроэнергетика — это производственный сектор, чья продукция (электроэнергия) учитывается в ВВП как конечный товар, когда используется для потребления или производства других товаров и услуг; 4% — это уже существенная доля для одного сектора.

Рост инвестиций, производительности или цен в этом секторе будет напрямую увеличивать ВВП. Например, если доля сектора увеличится до 5%, это будет означать рост ВВП при прочих равных. Таким образом, энергетический сектор остается значимым компонентом национальной экономики, а наблюдаемые изменения в его внутренней структуре отражают глобальные тенденции декарбонизации и перехода к устойчивому развитию.

Ввиду выгодного географического положения и наличия резервов генерации Армения обладает потенциалом экспорта электроэнергии в Иран и Грузию. Данный фактор способствует увеличению валютной выручки и диверсификации внешнеэкономических потоков. Внедрение солнечных электростанций, а также государственные программы субсидирования малых ВИЭ-проектов обуславливают трансформацию структуры генерации и формируют новые траектории роста сектора. Для повышения вклада электроэнергетического сектора в экономику Армении целесообразно:

- активизировать инвестиционную деятельность в области ВИЭ;
- расширить экспортную инфраструктуру и заключить долгосрочные соглашения с соседними странами;
- провести структурные реформы в сфере управления и тарифного регулирования;
- усилить научно-технологическое сопровождение развития сектора через привлечение академических и исследовательских институтов.

¹ Валовой внутренний продукт, в рыночных ценах, млн драмов [Электронный ресурс] // АРМСТАТ. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=12&id=01001> (дата обращения: 16.10.2025).

Заключение

Низкая доля производства электроэнергии в ВВП Республики Армения, составляющая около 4%, отражает особенности структурной организации национальной экономики и специфику энергетического сектора в сравнении с другими странами СНГ. В отличие от энергоресурсно богатых государств региона, где электроэнергетика занимает значительную долю в экономике, Армения характеризуется преобладанием секторов с низкой энергоемкостью, таких как сфера услуг и информационные технологии, а также ограниченными внутренними ресурсами и высокой импортозависимостью в энергетической сфере. Такой показатель свидетельствует о наличии институциональных и инфраструктурных ограничений, влияющих на масштаб производства электроэнергии. В контексте регионального энергетического перехода низкая доля электроэнергетики в ВВП Армении подчеркивает необходимость реализации политики по развитию возобновляемых источников энергии, повышению энергоэффективности и диверсификации энергетического баланса с целью повышения устойчивости экономики и снижения зависимости от внешних энергетических поставок. Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на ограниченные ресурсы, Армения демонстрирует потенциал для ускоренного внедрения «зеленых» технологий, что может способствовать выравниванию позиций страны в регионе. Экспорт электроэнергии РА, в том числе произведенной из ВИЭ, обладает определенным потенциалом, однако реализуется с учетом значительных технических, инфраструктурных и геополитических ограничений. Совокупная генерация электроэнергии в стране ограничена вследствие ресурсной базы и масштаба энергетической инфраструктуры, при этом доля ВИЭ остается относительно низкой, но демонстрирует тенденции к росту. Интеграция Армении в региональные энергетические системы осложняется недостаточным развитием межгосударственных линий электропередачи и нестабильностью в сопредельных регионах, что сужает возможности для масштабного экспорта. Тем не менее развитие проектов солнечной и ветровой энергетики, а также модернизация энергетической инфраструктуры могут способствовать увеличению объемов производства экологически чистой электроэнергии с перспективой ее поставок на региональные рынки, в частности, в Грузию и Иран. Для реализации экспортного потенциала необходим комплексный подход, включающий инвестиционное стимулирование, развитие межсетевое взаимодействия и участие в региональных энергетических инициативах, направленных на интеграцию и устойчивое развитие энергетических рынков.

Список литературы

1. *Белобородов С. С., Гашо Е. Г., Ненашев А. В.* Возобновляемые источники энергии и водород в энергосистеме: проблемы и преимущества : монография. СПб. : Научное издание, 2021. 151 с. ISBN: 978-5-6047314-3-7. EDN: LIMMQQ
2. *Костик Н. Р., Тарасов С. А., Айвазян Г. Е.* Исследование возобновляемого потенциала Республики Армения при реализации гибридной автономной системы энергоснабжения с использованием фотоэлектрических преобразователей солнечного света // Известия высших учебных заведений России. Радиоэлектроника. 2023. Т. 4, № 26. С. 106–122. EDN: ELPRRJ. DOI: 10.32603/1993-8985-2023-26-4-106-122
3. *Маркаров А. А., Давтян В. С.* Развитие возобновляемой энергетики в Армении: вызовы диверсификации // Геоэкономика энергетики. 2021. Т. 15, № 3. С. 116–129. EDN: LIREKS. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_116
4. *Петренко Л. Д.* Эколого-экономические аспекты устойчивого развития сектора возобновляемых источников энергии // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности : коллективная монография / под ред. С. А. Дятлова, Д. Ю. Миропольского, Т. А. Селищевой. СПб. : СПбГЭУ, 2021. С. 852–860. EDN: ROWWTE
5. *Ali E. B., Amfo B.* Comparing the values of economic, ecological and population indicators in High- and Low-Income Economies // Economy of region. 2021. Vol. 17, No. 1. P. 72–85, EDN: LGHIGX. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-6

6. *Caineng Zou, Shixiang Li, Bo Xiong, Hanlin Liu, Feng Ma.* Revolution and Significance of “Green Energy Transition” in the Context of New Quality Productive Forces: A Discussion on Theoretical Understanding of “Energy Triangle” // *Petroleum Exploration and Development*. December 2024. Vol. 51, No. 6. P. 1611–1627. DOI: 10.1016/S1876-3804(25)60564-7
7. *Karapetyan L., Mkrtumyan A.* Armenia Renewable Energy. The Legal 500 Country Comparative Guides. 2022. URL: https://www.dialog.am/storage/files/posts/posts_548605050431_2022_-_IHL_-_Renewable_Energy_-_Armenia_1_.pdf (accessed: 30.01.2026).
8. *Kurochkin D., Shabliy E. V., Shittu E.* Renewable Energy. International Sustainable Development Prospects. Palgrave Macmillan Cham, 2019. 257 p. ISBN: 978-3-030-14206-3. DOI: 10.1007/978-3-030-14207-0
9. *Narayan P. K., Smyth R.* Energy Consumption and Real GDP in G7 Countries: New Evidence from Panel Cointegration with Structural Breaks // *Energy Economics*. 2008. Vol. 30, No. 5. P. 2331–2341. DOI: 10.1016/j.eneco.2007.10.006
10. *Smil V.* Energy Transitions: History, Requirements, Prospects. Santa Barbara : Praeger / ABC CLIO, 2010. ISBN: 9780313381775. DOI:10.5040/9798400646133

Об авторе:

Гиваргизова Лидия Станиславовна, научный сотрудник Центра экономической интеграции, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ (ИРИП ВАВТ), Институт развития интеграционных процессов (Москва, Российская Федерация);
e-mail: givargizovalidia88@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4747-4169

References

1. Beloborodov, S. S., Gasho, E. G., Nenashev, A. V. Renewable Energy Sources and Hydrogen in the Energy System: Problems and Advantages : monograph. St. Petersburg : Naukoemkie tekhnologii, 2021. 151 p. (In Russ.) EDN: LIMMQQ
2. Kostik, N. R., Tarasov, S. A., Ayzvazyan, G. Ye. Study of Renewable Potential of the Republic of Armenia for Implementation of Hybrid Autonomous Power Supply System Using Solar Photovoltaic Modules // *Journal of the Russian Universities. Radioelectronics*. 2023. Vol. 26, No. 4. P. 106–122. (In Russ.) EDN: ELPRRJ. DOI: 10.32603/1993-8985-2023-26-4-106-122
3. Markarov, A. A., Davtyan, V. S. Renewable Energy Development in Armenia: Challenges to Diversification // *Geoeconomics of Energetics* 2021. Vol. 15, No. 3. P. 116–129. (In Russ.) EDN: LIREKS. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_15_3_116
4. Petrenko, L. D. Environmental and Economic Aspects of Sustainable Development Renewable Energy Sectors // *State and Market: Mechanisms and Institutions of Eurasian Integration in the Context of Increasing Global Instability : collective monograph / ed. by S. A. Dyatlov, D. Yu. Miropolsky, T. A. Selishcheva*. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2021. P. 852–860. (In Russ.) EDN: ROWWTE
5. Ali, E. B., Amfo, B. Comparing the Values of Economic, Ecological and Population Indicators in High- and Low-Income Economies // *Economy of Region*. 2021. Vol. 17, No. 1. P. 72–85. EDN: LGHIGX. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-6
6. *Caineng Zou, Shixiang Li, Bo Xiong, Hanlin Liu, Feng Ma.* Revolution and Significance of “Green Energy Transition” in the Context of New Quality Productive Forces: A Discussion on Theoretical Understanding of “Energy Triangle” // *Petroleum Exploration and Development*. December 2024. Vol. 51, No. 6. P. 1611–1627. DOI: 10.1016/S1876-3804(25)60564-7
7. *Karapetyan, L., Mkrtumyan, A.* Armenia Renewable Energy. The Legal 500 Country Comparative Guides. 2022. URL: https://www.dialog.am/storage/files/posts/posts_548605050431_2022_-_IHL_-_Renewable_Energy_-_Armenia_1_.pdf (accessed: 30.01.2026)

8. Kurochkin, D., Shabliy, E. V., Shittu, E. Renewable Energy. International Sustainable Development Prospects. Palgrave Macmillan Cham, 2019. 257 p. ISBN: 978-3-030-14206-3. DOI: 10.1007/978-3-030-14207-0
9. Narayan, P. K., Smyth, R. Energy Consumption and Real GDP in G7 Countries: New Evidence from Panel Cointegration with Structural Breaks // Energy Economics. 2008. Vol. 30, No. 5. P. 2331–2341. DOI: 10.1016/j.eneco.2007.10.006
10. Smil, V. Energy Transitions: History, Requirements, Prospects. Santa Barbara : Praeger / ABC CLIO, 2010. ISBN: 9780313381775. DOI: 10.5040/9798400646133

About the author:

Lydia S. Givargizova, Researcher of the Center for Economic Integration, Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (IDIP RFTA), Institute for Development of Integration Processes (Moscow, Russian Federation);
e-mail: givargizovalidia88@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4747-4169

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гиваргизова Л. С., 2026

Промышленный энергодефицит как ограничение экономического роста развивающихся стран

Гореловская М. Д.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru

ORCID: 0009-0009-6777-5314

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Цель статьи заключается в разработке и эмпирической апробации индекса промышленного энергодефицита как инструмента анализа инфраструктурных ограничений экономического роста развивающихся стран, а также в оценке его связи с международной конкурентоспособностью и инвестиционной привлекательностью в контексте участия стран в глобальных цепочках создания стоимости. В рамках исследования промышленный энергодефицит обосновывается как самостоятельная категория мировой экономики, разрабатывается методика его количественной оценки и проводится эмпирический анализ взаимосвязи с показателями добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности и притоком прямых иностранных инвестиций. **Методология.** Методологическую основу исследования составляют методы теоретического анализа, структурно-функциональный и сравнительный подходы. Разработана методика расчета интегрального индекса промышленного энергодефицита, основанного на показателях надежности электроснабжения предприятий. Для обеспечения межстрановой сопоставимости применяется нормализация показателей и дифференцированная система весов. Оценка взаимосвязи промышленного энергодефицита с показателями добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности и притоком прямых иностранных инвестиций осуществляется с использованием линейных регрессионных моделей. **Результаты.** Введено и обосновано понятие промышленного энергодефицита как устойчивого несоответствия между промышленным потенциалом экономики и возможностями энергосистемы обеспечивать надежное электроснабжение предприятий. Апробация индекса выявила значительную межстрановую дифференциацию уровня энергетических ограничений промышленного сектора. Эмпирический анализ показал наличие статистически значимой отрицательной связи между уровнем промышленного энергодефицита, долей обрабатывающей промышленности в ВВП и притоком прямых иностранных инвестиций. **Выводы.** Промышленный энергодефицит выступает ограничением индустриального развития, не выявляемым традиционными показателями энергетической бедности. Высокий уровень промышленного энергодефицита снижает инвестиционную привлекательность стран и ограничивает их участие в глобальных цепочках создания стоимости, что сдерживает потенциал долгосрочного экономического роста. Предложенный индекс расширяет аналитический инструментарий исследования энергетических факторов развития и может использоваться в прикладном анализе мирохозяйственных связей.

Ключевые слова: энергодефицит, энергетическая инфраструктура, экономический рост, прямые иностранные инвестиции, глобальные цепочки создания стоимости, конкурентоспособность

Для цитирования: Гореловская М. Д. Промышленный энергодефицит как ограничение экономического роста развивающихся стран // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 57–71. EDN: YCRWVO

Industrial Energy Deficit as a Barrier to Industrialization and Sustainable Development in Developing Countries

Maria D. Gorelovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru

ORCID: 0009-0009-6777-5314

ABSTRACT

Aim and tasks. The aim of the article is to develop and empirically test an Industrial Energy Deficit Index as a tool for analyzing infrastructure-related constraints on economic growth in developing countries, as well as to assess its relationship with international competitiveness and investment attractiveness in the context of countries' participation in global value chains. The study substantiates industrial energy deficit as an independent category of the world economy, proposes a methodology for its quantitative assessment, and conducts an empirical analysis of its relationship with manufacturing value added and inflows of foreign direct investment. **Methods.** The methodological framework of the study is based on theoretical analysis, structural-functional and comparative approaches. A methodology for calculating an integrated Industrial Energy Deficit Index is developed, drawing on indicators of electricity supply reliability at the firm level. To ensure cross-country comparability, the indicators are normalized and combined using a differentiated weighting scheme. The relationship between industrial energy deficit, manufacturing value added, and foreign direct investment inflows is assessed using linear regression models. **Results.** The concept of industrial energy deficit is introduced and justified as a persistent mismatch between an economy's industrial potential and the capacity of its energy system to provide reliable electricity supply to enterprises. The application of the index reveals substantial cross-country variation in the severity of energy constraints faced by the industrial sector. Empirical results indicate a statistically significant negative relationship between the level of industrial energy deficit, the share of manufacturing value added in GDP, and inflows of foreign direct investment. **Conclusions.** Industrial energy deficit represents a constraint on industrial development that is not captured by conventional indicators of energy poverty. High levels of industrial energy deficit reduce countries' investment attractiveness and limit their participation in global value chains, thereby constraining long-term economic growth potential. The proposed index expands the analytical toolkit for studying energy-related development constraints and can be applied in the practical analysis of international economic relations.

Keywords: energy deficit, energy infrastructure, economic growth, foreign direct investment, global value chains, competitiveness

For citation: Gorelovskaya M. D. Industrial Energy Deficit as a Barrier to Industrialization and Sustainable Development in Developing Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 57–71 (In Russ.). EDN: YCRWVO

Введение

Современная мировая экономика сталкивается с углубляющимся противоречием между целями ускоренной индустриализации развивающихся стран и ограниченностью их энергетических ресурсов [2]. Несмотря на активное распространение возобновляемых источников энергии и рост инвестиций в энергетическую инфраструктуру, многие государства Глобального Юга продолжают испытывать дефицит устойчивых энергетических мощностей [4]. Эта ситуация порождает явление, которое можно обозначить как промышленный энергодефицит, означающий системное несоответствие между промышленным потенциалом и возможностями национальных энергосистем по обеспечению устойчивой электроэнергией, необходимой для индустриального роста.

Целью статьи является разработка и эмпирическая апробация индекса промышленного энергодефицита как инструмента анализа инфраструктурных ограничений экономического роста развивающихся

стран, а также оценка его взаимосвязи с международной конкурентоспособностью, инвестиционной привлекательностью и участием стран в глобальных цепочках создания стоимости.

В работе выдвигается гипотеза о том, что промышленный энергодефицит выступает барьером экономического роста развивающихся стран, ограничивая приток прямых иностранных инвестиций и рост добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, что способствует закреплению периферийного положения стран в мировой экономике. В результате страны с высоким уровнем промышленного энергодефицита характеризуются более низкой международной конкурентоспособностью и ограниченными возможностями интеграции в глобальные цепочки создания стоимости [3].

Научная новизна исследования заключается в выявлении роли промышленного энергодефицита как фактора, влияющего на положение развивающихся стран в глобальных цепочках создания стоимости. В работе обосновано, что ненадежность энергоснабжения промышленного сектора снижает инвестиционную привлекательность стран и ограничивает размещение производственных мощностей, что способствует закреплению специализации в низкотехнологичных и сырьевых сегментах мировой экономики.

Задачи исследования.

1. Обосновать понятие промышленного энергодефицита как самостоятельной категории мировой экономики, отражающей инфраструктурные ограничения индустриального развития.
2. Разработать методику расчета интегрального индекса промышленного энергодефицита на основе нормализованных показателей.
3. Апробировать предложенный индекс на примере выборки стран мировой экономики.
4. Эмпирически оценить связь индекса промышленного энергодефицита с показателями международной конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности, отражающими включение стран в глобальные цепочки создания стоимости.

Материалы и методы

В отечественной литературе энергетический комплекс рассматривается как структурно значимый элемент национальной экономики, влияющий на устойчивость социальных и экономических процессов. Так, В. В. Бушуев — профессор, доктор технических наук, главный научный сотрудник Объединенного института высоких температур РАН — подчеркивает, что энергетика представляет собой стабилизирующий и системообразующий фактор развития экономики, отражающий зависимость социально-экономической устойчивости от энергетической инфраструктуры и ее способности удовлетворять растущие потребности производства и потребления [1]. Из данного положения логически следует, что нарушение достаточности, надежности или доступности энергетического обеспечения формирует не только технические сбои в энергосистеме, но и дефицит энергии, оказывающий влияние на экономический рост [7].

В современной литературе энергетическая бедность, энергетический дефицит, энергетическая безопасность и энергетический суверенитет рассматриваются как взаимосвязанные категории, отражающие различные уровни функционирования энергетических систем. Энергетическая бедность характеризуется ограниченным доступом к энергетическим услугам прежде всего на уровне домохозяйств [10]. Энергетический дефицит в более широком смысле представляет собой разрыв между энергетическими потребностями и возможностями системы по их устойчивому удовлетворению и может рассматриваться как причина энергетической бедности. Энергетическая бедность и энергетический дефицит повышают уязвимость энергетических систем и тем самым подрывают энергетическую безопасность страны [5]. В этой логике энергетическая безопасность выступает целевым состоянием энергетической системы, тогда как энергетический суверенитет отражает институциональные условия и механизмы его достижения [11].

Теоретическая связь между энергетическими ограничениями и экономическим ростом объясняется в рамках расширенных моделей экономического роста. В частности, в расширенной функции Кобба — Дугласа энергия рассматривается как самостоятельный фактор производства наряду с капиталом (K) и трудом (L): $Y = A \times K \times L \times E$ (E отражает доступность и надежность энергоснабжения). При недостатке или нестабильности энергии предельная производительность капитала и труда снижается, что делает

невозможным устойчивый рост выпуска даже при наличии инвестиций и рабочей силы [6]. Таким образом, в условиях промышленного энергодефицита накопление капитала и приток прямых иностранных инвестиций не оказывают должного влияния на рост ВВП.

Проблематика энергетической бедности и энергодефицита активно изучается в работах международных организаций, таких как Всемирный банк (World Bank), Международное энергетическое агентство (IEA), ООН (UNDP) и Международное агентство по возобновляемой энергии (IRENA) [13]. В международной практике используются несколько терминов, связанных с энергодефицитом. Наиболее распространенные из них energy poverty, energy access gap, energy deficit и power shortage¹. Термин energy poverty (энергетическая бедность), закрепленный в документах Всемирного банка, ООН и Международного энергетического агентства, обозначает отсутствие у населения энергии для удовлетворения базовых бытовых потребностей, то есть освещения, отопления, приготовления пищи и других жизненно необходимых функций². Понятие energy deficit применяется преимущественно в техническом смысле и отражает разрыв между спросом на электроэнергию и возможностями ее генерации и распределения, что приводит к перебоям в энергоснабжении и снижению производительности экономики³. Термины power shortage (нехватка электроэнергии) и supply gap (перебои в поставках) описывают операционную нехватку энергетических мощностей, но не рассматриваются как самостоятельные экономические категории.

В настоящем исследовании предлагается ввести понятие «промышленный энергодефицит» (industrial energy deficit), под которым понимается устойчивое несоответствие между промышленным потенциалом страны и возможностями ее энергосистемы обеспечивать энергоснабжение, необходимое для экономического роста. Промышленный энергодефицит рассматривается как экономический феномен, ограничивающий реализацию производственного потенциала развивающихся стран, их интеграцию в мировые производственные цепочки.

В исследовании особое внимание уделяется развивающимся странам, для которых индустриализация традиционно рассматривается как ключевой механизм включения в международное разделение труда и глобальные производственные цепочки [8].

Эмпирические данные международных организаций свидетельствуют о том, что перебои электроснабжения носят не эпизодический, а устойчивый характер и затрагивают прежде всего промышленный сектор (см. рис. 1).

На рис. 1 представлена доля предприятий, сталкивающихся с перебоями электроснабжения, по данным исследования Всемирного банка за 2024 г. В среднем по миру перебои в электроснабжении испытывают около 45% предприятий, что уже указывает на масштаб проблемы для частного сектора. Наиболее высокая доля предприятий, сталкивающихся с перебоями, наблюдается в странах Западной и Центральной Африки (76%), а также Восточной и Южной Африки (67%). Это означает, что в данных регионах перебои электроснабжения затрагивают большинство предприятий и формируют устойчивую характеристику деловой среды, а не отдельные исключительные случаи [12].

В отчете Всемирного банка «Борьба и стратегии предприятий, сталкивающихся с ненадежным электроснабжением» отмечается, что перебои электроснабжения вынуждают предприятия изменять производственные процессы за счет сокращения продолжительности рабочего времени, изменения графиков производства и использования менее энергоемких технологий, что снижает их конкурентоспособность. Кроме того, постоянные отключения электроэнергии (blackouts), а также колебания напряжения (brownouts) могут приводить к повреждению оборудования предприятий⁴.

¹ World Bank. Energy Overview: Development news, research, data, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/energy/overview> (дата обращения: 12.11.2025).

² International Energy Agency (IEA). Tracking SDG7: The Energy Progress Report 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/tracking-sdg7-the-energy-progress-report-2023> (дата обращения: 12.11.2025).

³ International Energy Agency (IEA). Africa Energy Outlook 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/africa-energy-outlook-2022> (дата обращения: 12.11.2025).

⁴ The World Bank. Defying Outages: The Struggles and Strategies of Businesses Facing [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099859206252515733/pdf/IDU-3c6e1629-8a38-4e33-8229-59a9ba43209b.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

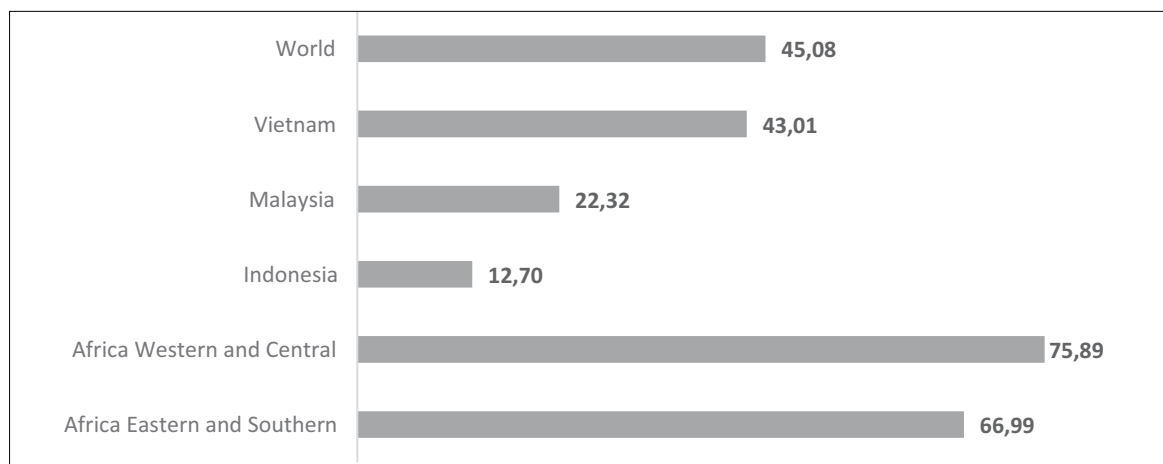

Рис. 1. Доля предприятий, сталкивающихся с перебоями электроэнергии, 2024 г., %

Fig. 1. Percent of firms experiencing power outages, 2024

Источник: The World Bank. Formal Sector Enterprise Surveys. Firms experiencing electrical outages (% of firms) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IC.ELC.OUTG.ZS> (дата обращения: 20.12.2025)

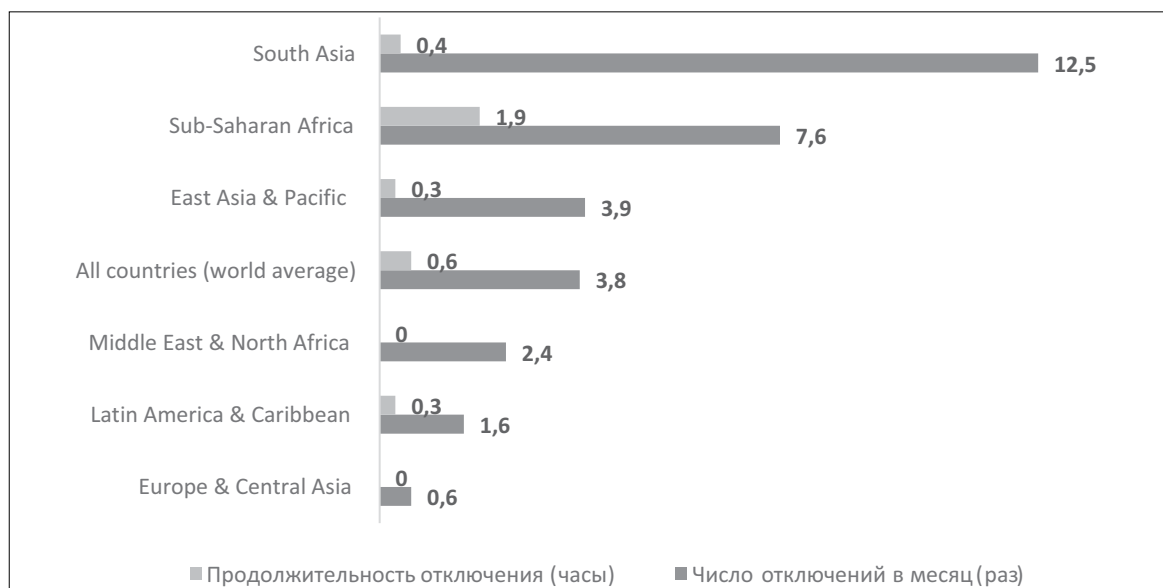

Рис. 2. Частота и продолжительность перебоев электроснабжения по регионам, 2024 г.

Fig. 2. Average number and duration of electrical outages by region, 2024

Источник: The World Bank. Defying Outages: The Struggles and Strategies of Businesses Facing

На рис. 2 представлены средние значения частоты и продолжительности перебоев электроснабжения для предприятий по основным регионам мира. Наибольшая частота отключений зафиксирована в странах Южной Азии, где предприятия в среднем сталкиваются с 12,5 отключения в месяц, однако продолжительность каждого отключения относительно невелика и составляет около 0,4 часа. В странах Африки к югу от Сахары частота отключений ниже (7,6 в месяц), однако они отличаются значительно большей продолжительностью, в среднем 1,9 часа, что приводит к совокупным потерям электроэнергии порядка 14 часов в месяц. В ответ на ненадежное электроснабжение предприятия часто используют автономные генераторы, что требует значительных первоначальных инвестиций и оказывается недоступным для малых предприятий, не имеющих доступа к кредитным рынкам [9].

В данной работе предлагается рассматривать промышленный энергодефицит как совокупность количественно измеримых характеристик надежности и качества электроснабжения, которые напрямую влияют на производственную деятельность предприятий.

В качестве инструмента измерения разработан индекс промышленного энергодефицита (ИПЭД), включающий факторы, представленные в табл. 1. ИПЭД предназначен для межстрановых сопоставлений инфраструктурных ограничений промышленной деятельности, которые влияют на размещение производственных мощностей в глобальных цепочках создания стоимости, а также на страновые риски для прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Таблица 1

Факторы промышленного энергодефицита
Table 1. Factors contributing to industrial energy deficit

Показатель	Характеристика	Вес фактора
Доля промышленных предприятий, испытывающих перебои в электроснабжении (%)	Показатель отражает распространенность проблемы в промышленном секторе и позволяет оценить системный, а не эпизодический характер дефицита	35%
Средняя частота отключений электроэнергии	Высокая частота перебоев нарушает производственные циклы и особенно критична для энергоемких и непрерывных технологических процессов	25%
Средняя продолжительность отключений (часы)	Данный показатель отражает способность энергосистемы к оперативному восстановлению и служит индикатором технического состояния сетевой инфраструктуры	25%
Доля предприятий, использующих собственные источники генерации (%)	Широкое распространение резервных генераторов рассматривается как адаптивная реакция бизнеса на ненадежность централизованного электроснабжения и как косвенное подтверждение наличия промышленного энергодефицита	15%

Источник: составлено автором по: The World Bank. Formal Sector Enterprise Surveys. Infrastructure and Electricity [Электронный ресурс]. URL: <https://www.enterprisesurveys.org/en/data/exploretopics/infrastructure-and-climate?subGroup=-1&subtopic=42> (дата обращения: 20.12.2025)

Для обеспечения сопоставимости все показатели приводятся к единой шкале от 0 до 100 баллов, где 0 отражает отсутствие существенных энергетических ограничений для промышленной деятельности, а 100 соответствует максимально выраженному промышленному энергодефициту. Нормализация показателей осуществляется по формуле (1) с использованием прямой шкалы, поскольку увеличение всех включенных показателей отражает ухудшение условий энергоснабжения промышленного сектора и, соответственно, усиление промышленного энергодефицита.

$$\text{Оценка}_i = 100 \times \left(\frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}} \right), \quad (1)$$

где X_i — значение показателя для страны i ;

X_{min} — минимальное значение показателя в анализируемой выборке;

X_{max} — максимальное значение показателя в анализируемой выборке.

Интегральный индекс промышленного энергодефицита рассчитывается как взвешенная сумма нормализованных показателей (2):

$$\text{ИПЭД} = \sum (w_k \times \text{Оценка}_k), \quad (2)$$

где w_k — вес k -го показателя;

Оценка k — нормализованное значение k -го показателя.

Выбор весовых коэффициентов обусловлен различной экономической ролью включенных факторов и их степенью влияния на индустриальное развитие страны. Ключевым элементом индекса является доля промышленных предприятий, сталкивающихся с перебоями электроснабжения, так как показатель отражает масштаб распространения энергетических ограничений в экономике и позволяет отличить локальные технические сбои от устойчивого дефицита ($w_1 = 0,35$). Частота отключений определяет рост транзакционных издержек, связанных с остановкой и перезапуском оборудования ($w_2 = 0,25$). Продолжительность отключений отражает прямые потери рабочего времени ($w_3 = 0,25$). Доля предприятий, использующих собственные источники генерации, рассматривается как косвенный индикатор промышленного энергодефицита, так как отражает реакцию бизнеса на его наличие ($w_4 = 0,15$).

Высокие значения индекса промышленного энергодефицита свидетельствуют о системных ограничениях энергоснабжения, препятствующих стабильной работе промышленных предприятий и сдерживающих инвестиционную активность в энергоемких отраслях. Низкие значения индекса указывают на более устойчивые условия электроснабжения и большую пригодность энергетической инфраструктуры для индустриального развития.

Предложенный индекс позволяет перейти от качественного описания энергетических проблем бизнеса к их количественной оценке и служит инструментом анализа взаимосвязи между энергетическими ограничениями и экономическим ростом в развивающихся странах.

Результаты и обсуждение

Для оценки практической применимости предложенного индекса промышленного энергодефицита проведена его апробация на примере ряда развивающихся стран (см. табл. 2).

Таблица 2

Факторы промышленного энергодефицита

Table 2. Factors of industrial energy deficit

Страна	Доля предприятий, сталкивающихся с перебоями в электроснабжении, %	Среднее количество отключений электроэнергии в месяц	Продолжительность отключения электроэнергии, часы	Доля предприятий, владеющих или использующих собственные источники электроэнергии, %
Ангола	61,40	2,30	0,50	69,00
Бангладеш	71,40	26,20	0,50	24,20
Барбадос	63,00	0,70	0,60	29,80
Бенин	86,10	7,80	0,60	58,70
Боливия	32,40	0,30	0,00	4,40
Буркина-Фасо	92,50	8,00	1,80	35,50
Бурунди	93,90	5,90	1,00	31,20
Кабо-Верде	39,60	0,80	0,00	28,60
Камбоджа	42,80	0,90	0,00	26,80
Камерун	93,30	10,40	3,50	56,00
Чад	96,20	15,90	15,00	86,70
Китай	3,70	0,00	0,00	5,80
Колумбия	30,60	0,70	0,00	24,10
Коста-Рика	51,40	1,70	0,00	24,90
Кот-д'Ивуар	80,30	3,50	2,00	39,30
Эквадор	74,80	0,60	0,00	47,50
Сальвадор	36,20	1,20	0,00	11,70
Экваториальная Гвинея	33,30	0,90	0,00	33,30
Эсватини	58,50	1,20	0,30	22,40

Страна	Доля предприятий, сталкивающихся с перебоями в электроснабжении, %	Среднее количество отключений электроэнергии в месяц	Продолжительность отключения электроэнергии, часы	Доля предприятий, владеющих или использующих собственные источники электроэнергии, %
Эфиопия	85,90	6,60	3,00	52,90
Грузия	42,40	1,40	0,00	32,40
Гана	73,80	2,90	1,00	67,90
Гвинея-Бисау	72,20	2,50	0,00	42,50
Индонезия	12,70	0,20	0,00	13,00
Ямайка	87,60	2,60	0,80	63,20
Иордания	14,20	0,10	0,00	13,70
Казахстан	32,50	0,50	0,00	37,10
Кения	74,60	2,80	2,00	60,70
Лаосская Народно-Демократическая Республика	41,50	1,10	0,00	6,90
Лесото	64,60	1,90	1,00	33,60
Малави	89,10	9,20	3,70	35,30
Малайзия	22,30	0,20	0,00	3,60
Мали	87,10	26,60	8,00	38,80
Маврикий	40,40	1,00	0,00	39,80
Мексика	28,40	0,20	0,00	14,80
Монголия	27,20	0,20	0,00	20,70
Мозамбик	58,80	2,70	0,40	21,50
Намибия	53,70	1,20	0,00	44,10
Нигерия	82,50	10,90	3,00	86,30
Парагвай	75,70	2,20	0,50	43,30
Перу	33,50	0,60	0,00	12,20
Филиппины	43,90	0,80	0,00	46,00
Руанда	60,60	1,80	0,10	22,90
Самоа	66,30	1,60	0,30	29,10
Сенегал	55,00	1,80	0,10	30,50
Сейшельские Острова	38,30	0,50	0,00	17,80
Сьерра-Леоне	66,20	4,00	2,40	61,50
Южно-Африканская Республика	92,00	7,70	2,00	63,30
Танзания	34,10	0,70	0,00	38,70
Того	86,10	2,70	0,80	45,30
Тринидад и Тобаго	48,90	0,50	0,00	11,10
Тунис	35,50	0,40	0,00	3,40
Турция	32,80	0,90	0,00	18,60
Туркменистан	18,80	0,40	0,00	20,90
Уганда	79,90	3,90	1,50	39,90
Уругвай	40,20	0,30	0,00	12,50
Узбекистан	14,70	0,70	0,00	9,90
Вьетнам	43,00	0,70	0,00	16,70

Источник: составлено автором по: The World Bank. Formal Sector Enterprise Surveys. Infrastructure and Electricity [Электронный ресурс]. URL: <https://www.enterprisesurveys.org/en/data/exploretopics/infrastructure-and-climate?subGroup=-1&subtopic=42> (дата обращения: 20.12.2025)

После представления исходных значений факторов осуществляется их нормализация по формуле (1) с целью обеспечения сопоставимости индикаторов (см. табл. 3). Расчет интегрального индекса промышленного энергодефицита (ИПЭД) осуществляется в соответствии с формулой (2) как взвешенная сумма нормализованных значений с использованием дифференцированной системы весов.

Таблица 3

Нормализованные показатели и ИПЭД
Table 3. Normalized indicators and industrial energy deficit index

Страна	Факторы промышленного энергодефицита				ИПЭД
	Оценка (1)	Оценка (2)	Оценка (3)	Оценка (4)	
Ангола	62,38	8,65	3,33	78,75	36,64
Бангладеш	73,19	98,50	3,33	24,97	54,82
Барбадос	64,11	2,63	4,00	31,69	28,85
Бенин	89,08	29,32	4,00	66,39	49,47
Боливия	31,03	1,13	0,00	1,20	11,32
Буркина-Фасо	96,00	30,08	12,00	38,54	49,90
Бурунди	97,51	22,18	6,67	33,37	46,35
Кабо-Верде	38,81	3,01	0,00	30,25	18,87
Камбоджа	42,27	3,38	0,00	28,09	19,85
Камерун	96,86	39,10	23,33	63,15	58,98
Чад	100,00	59,77	100,00	100,00	89,94
Китай	0,00	0,00	0,00	2,88	0,43
Колумбия	29,08	2,63	0,00	24,85	14,56
Коста-Рика	51,57	6,39	0,00	25,81	23,52
Кот-д'Ивуар	82,81	13,16	13,33	43,10	42,07
Эквадор	76,86	2,26	0,00	52,94	35,41
Сальвадор	35,14	4,51	0,00	9,96	14,92
Экваториальная Гвинея	32,00	3,38	0,00	35,89	17,43
Эсватини	59,24	4,51	2,00	22,81	25,78
Эфиопия	88,86	24,81	20,00	59,42	51,22
Грузия	41,84	5,26	0,00	34,81	21,18
Гана	75,78	10,90	6,67	77,43	42,53
Гвинея-Бисау	74,05	9,40	0,00	46,94	35,31
Индонезия	9,73	0,75	0,00	11,52	5,32
Ямайка	90,70	9,77	5,33	71,79	46,29
Иордания	11,35	0,38	0,00	12,36	5,92
Казахстан	31,14	1,88	0,00	40,46	17,44
Кения	76,65	10,53	13,33	68,79	43,11
Лаосская Народно-Демократическая Республика	40,86	4,14	0,00	4,20	15,97
Лесото	65,84	7,14	6,67	36,25	31,93
Малави	92,32	34,59	24,67	38,30	52,87
Малайзия	20,11	0,75	0,00	0,24	7,26
Мали	90,16	100,00	53,33	42,50	76,26
Маврикий	39,68	3,76	0,00	43,70	21,38
Мексика	26,70	0,75	0,00	13,69	11,59
Монголия	25,41	0,75	0,00	20,77	12,20
Мозамбик	59,57	10,15	2,67	21,73	27,31
Намибия	54,05	4,51	0,00	48,86	27,38
Нигерия	85,19	40,98	20,00	99,52	59,99
Парагвай	77,84	8,27	3,33	47,90	37,33
Перу	32,22	2,26	0,00	10,56	13,42
Филиппины	43,46	3,01	0,00	51,14	23,63
Руанда	61,51	6,77	0,67	23,41	26,90
Самоа	67,68	6,02	2,00	30,85	30,32

Страна	Факторы промышленного энергодефицита				
	Оценка (1)	Оценка (2)	Оценка (3)	Оценка (4)	ИПЭД
Сенегал	55,46	6,77	0,67	32,53	26,15
Сейшельские Острова	37,41	1,88	0,00	17,29	16,15
Сьерра-Леоне	67,57	15,04	16,00	69,75	41,87
Южно-Африканская Республика	95,46	28,95	13,33	71,91	54,77
Танзания	32,86	2,63	0,00	42,38	18,52
Того	89,08	10,15	5,33	50,30	42,59
Тринидад и Тобаго	48,86	1,88	0,00	9,24	18,96
Тунис	34,38	1,50	0,00	0,00	12,41
Турция	31,46	3,38	0,00	18,25	14,59
Туркменистан	16,32	1,50	0,00	21,01	9,24
Уганда	82,38	14,66	10,00	43,82	41,57
Уругвай	39,46	1,13	0,00	10,92	15,73
Узбекистан	11,89	2,63	0,00	7,80	5,99
Вьетнам	42,49	2,63	0,00	15,97	17,92

Источник: составлено автором по формулам (1) и (2)

Рассчитанный интегральный показатель промышленного энергодефицита демонстрирует значительную межстрановую дифференциацию. Наибольшие значения ИПЭД зафиксированы у таких стран, как Чад, Камерун, Буркина-Фасо, Бурунди и Бангладеш. Средние значения ИПЭД наблюдаются в странах с частично развитой энергетической инфраструктурой, таких как Бенин, Намибия, Сенегал, Тунис и Южная Африка. Для этой группы характерны перебои в электроснабжении, но их частота и продолжительность существенно ниже, чем в странах с максимальным ИПЭД. Минимальные значения ИПЭД зафиксированы у стран с устойчивыми энергетическими системами, включая Китай, Колумбию, Коста-Рику и Малайзию.

Для оценки влияния промышленного энергодефицита на внешнеэкономические позиции развивающихся стран рассчитанный ИПЭД сопоставлен с показателями добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности (Manufacturing Value Added, MVA) в процентах к ВВП и притоком прямых иностранных инвестиций (Foreign Direct Investment, FDI). Показатель MVA используется как индикатор глубины индустриализации и степени участия страны в глобальных цепочках создания стоимости, а приток ПИИ отражает способность страны привлекать капитал и технологии. Ненадежность электроснабжения действует как инфраструктурный барьер, который снижает оба показателя, тем самым ограничивая устойчивый рост (см. табл. 4).

Таблица 4

Показатели промышленного энергодефицита, промышленного развития и притока прямых иностранных инвестиций в развивающихся странах

Table 4. Indicators of industrial energy deficit, industrial development, and foreign direct investment inflows in developing countries

Страна	ИПЭД	Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности, % ВВП (MVA)	Прямые иностранные инвестиции, млрд долл. США (FDI)
Ангола	36,64	7,63	-1,11
Бангладеш	54,82	21,89	1,54
Барбадос	28,85	5,02	0,30
Бенин	49,47	10,17	0,54
Боливия	11,32	13,07	0,29

Продолжение табл. 4

Страна	ипэд	Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности, % ВВП (MVA)	Прямые иностранные инвестиции, млрд долл. США (FDI)
Буркина-Фасо	49,90	9,50	0,08
Бурунди	46,35	11,54	0,03
Кабо-Верде	18,87	5,14	0,11
Камбоджа	19,85	27,81	4,39
Камерун	58,98	12,88	0,93
Чад	89,94	7,15	1,02
Китай	0,43	24,87	18,56
Колумбия	14,56	10,10	13,68
Коста-Рика	23,52	12,96	5,30
Кот-д'Ивуар	42,07	12,92	3,80
Эквадор	35,41	12,88	0,44
Сальвадор	14,92	12,05	0,92
Экваториальная Гвинея	17,43	24,81	0,19
Эсватини	25,78	29,12	0,08
Эфиопия	51,22	4,39	4,02
Грузия	21,18	8,44	1,60
Гана	42,53	9,84	1,77
Гвинея-Бисау	35,31	8,70	0,03
Индонезия	5,32	18,98	24,25
Ямайка	46,29	7,73	0,31
Иордания	5,92	17,71	1,63
Казахстан	17,44	12,39	1,98
Кения	43,11	7,25	0,46
Лаосская Народно-Демократическая Республика	15,97	9,05	0,99
Лесото	31,93	13,54	-0,01
Малави	52,87	10,97	0,26
Малайзия	7,26	22,50	15,59
Мали	76,26	7,62	0,71
Маврикий	21,38	11,09	0,68
Мексика	11,59	19,80	45,33
Монголия	12,20	5,57	2,78
Мозамбик	27,31	6,44	3,51
Намибия	27,38	10,64	1,97
Нигерия	59,99	8,66	1,08
Парагвай	37,33	19,02	0,40
Перу	13,42	12,11	6,80
Филиппины	23,63	15,68	9,44
Руанда	26,90	8,94	0,57
Самоа	30,32	5,21	0,00
Сенегал	26,15	13,85	2,02
Сейшельские Острова	16,15	4,17	0,23
Сьерра-Леоне	41,87	6,96	0,27
Южно-Африканская Республика	54,77	12,80	2,33
Танзания	18,52	8,06	1,72
Того	42,59	11,41	0,08
Тринидад и Тобаго	18,96	14,38	-0,45
Тунис	12,41	14,79	0,76
Турция	14,59	16,84	11,74
Туркменистан	9,24	17,96	1,64

Страна	ИПЭД	Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности, % ВВП (MVA)	Прямые иностранные инвестиции, млрд долл. США (FDI)
Уганда	41,57	15,11	3,26
Уругвай	15,73	9,69	-3,96
Узбекистан	5,99	20,19	2,85
Вьетнам	17,92	24,43	20,17

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка: World Bank Group. Manufacturing, value added (% of GDP). Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS>; World Bank Group. Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD> (дата обращения: 08.02.2026)

Для оценки влияния промышленного энергодефицита на внешнеэкономические и структурные характеристики развития использована линейная регрессионная модель вида:

$$Y_i = \alpha + \beta \times \text{ИПЭД}_i + \varepsilon_i, \quad (3)$$

- где Y_i — соответствующий макроэкономический показатель страны i ;
- ИПЭД _{i} — индекс промышленного энергодефицита;
- α — свободный член;
- β — коэффициент влияния энергодефицита;
- ε_i — случайная ошибка.

Полученные результаты свидетельствуют о статистически значимой отрицательной зависимости между уровнем промышленного энергодефицита и добавленной стоимостью в обрабатывающей промышленности (см. табл. 5).

Таблица 5

Влияние промышленного энергодефицита на индустриальное развитие и инвестиционную привлекательность

Table 5. The impact of industrial energy shortages on industrial development and investment attractiveness

Зависимая переменная	α	b (ИПЭД)	R^2	t (Пирсон)
MVA, % ВВП	16,38	-0,1195	0,13	-0,365
$MVA_i = 16,38 - 0,12 \times \text{ИПЭД}_i$				
FDI net inflows, млрд долл.	8,22	-0,1492	0,13	-0,358
$FDI_i = 8,22 - 0,15 \times \text{ИПЭД}_i$				

Источник: составлено автором по формуле (2) и по данным Всемирного банка

Увеличение ИПЭД на 1 пункт сопровождается снижением доли обрабатывающей промышленности в ВВП в среднем на 0,12 п. п. Коэффициент детерминации модели составляет $R^2 = 0,13$, что указывает на умеренную, но экономически значимую объясняющую способность индекса.

Анализ также выявил устойчивую отрицательную связь между промышленным энергодефицитом и притоком прямых иностранных инвестиций. Рост ИПЭД на 1 пункт приводит к сокращению чистого притока ПИИ в среднем на 0,15 млрд долл. США. Это подтверждает, что ненадежность энергоснабжения снижает инвестиционную привлекательность стран и ограничивает размещение международных производств.

Рост промышленного энергодефицита статистически значимо связан со снижением доли добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в ВВП, а также с сокращением притока прямых иностранных инвестиций. Умеренное значение коэффициента детерминации ($R^2 = 0,13$)

объясняется многофакторной природой процессов индустриального развития и инвестиционной активности, которые формируются под воздействием широкого круга макроэкономических, институциональных и структурных факторов. Тем не менее статистическая значимость коэффициента при индексе промышленного энергодефицита и его отрицательный знак подтверждают выдвинутую в работе гипотезу о том, что ненадежность энергоснабжения промышленного сектора снижает инвестиционную привлекательность стран и ограничивает рост добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности. Это позволяет рассматривать промышленный энергодефицит как один из ключевых барьеров включения развивающихся стран в более технологически сложные сегменты глобальных цепочек создания стоимости, действующий во взаимодействии с другими факторами экономического развития.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать промышленный энергодефицит как самостоятельный экономический феномен мировой экономики, отражающий устойчивое несоответствие между промышленным потенциалом развивающихся стран и возможностями их энергетических систем обеспечивать надежное электроснабжение предприятий.

В рамках исследования разработана методика расчета интегрального индекса промышленного энергодефицита, основанного на показателях надежности электроснабжения промышленного сектора. Эмпирический анализ показал наличие устойчивой отрицательной связи между уровнем промышленного энергодефицита и показателями международной конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности. Рост значений ИПЭД влияет на снижение доли добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности и сокращение притока прямых иностранных инвестиций.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования индекса промышленного энергодефицита в управлении мирохозяйственными связями. ИПЭД может применяться международными банками развития при приоритизации инфраструктурных проектов, ориентированных на повышение надежности энергоснабжения промышленности, транснациональными корпорациями при оценке страновых рисков размещения производственных мощностей, а также правительствами развивающихся стран при формировании промышленной и инвестиционной политики, направленной на интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости.

Список литературы

1. Бушуев В. В. Энергетика — стабилизирующий фактор в нестабильном мире // Энергетическая политика. 2022. № 8 (174). С. 6–19. EDN: SSVUQE. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_8174_6
2. Калинина А. Р., Сухарева Е. В. Анализ современного состояния мирового энергетического рынка // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 8. С. 140–148. EDN: INXHVL. DOI: 10.24158/per.2025.8.17
3. Коломиец А. Р., Федоров С. И. От иерархий до рынков: путь электроэнергетики к благосостоянию потребителя // Экономическая политика. 2023. Т. 18, № 3. С. 46–81. EDN: QTHJAU. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-3-46-81
4. Крупнов Ю. А., Моттаева А. Б. Тенденции и перспективы развития мирового энергетического рынка: прогноз на 2025 г. // E-Management. 2025. № 1. С. 43–54. EDN: OVQJAM. DOI: 10.26425/2658-3445-2025-8-1-43-54
5. Мастепанов А. М. Энергетическая безопасность как фактор современного мира // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2021. № 5 (197). С. 5–13. EDN: HOEFTO. DOI: 10.33285/1999-6942-2021-5(197)-5-13
6. Осадченко Е. А. Влияние доступности недорогой и современной энергии на экономический рост стран мира // Journal of Applied Economic Research. 2024. Т. 23, № 4. С. 905–928. EDN: GZPFWM. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.4.036

7. Apeti A. E., Ly A. Power Constraints and Firm-Level Total Factor Productivity in Developing Countries. Policy Research Working Paper Series 10510. The World Bank, 2023. DOI: 10.1596/1813-9450-10510
8. Asaleye A. J., Garidzirai R., Ncanywa T. Electricity Availability and Access for Economic Opportunities: A Disaggregated Analysis of Gender Gaps and Implications for Pro-Poor Growth // *Energy Strategy Reviews*. 2025. Vol. 59. P. 101723, ISSN: 2211-467X. EDN: QUMNPS. DOI: 10.1016/j.esr.2025.101723
9. Chen H., Jin L., Wang M. [et al.] How Will Power Outages Affect the National Economic Growth: Evidence from 152 Countries // *Energy Economics*. 2023. 107055. ISSN: 0140-9883. EDN: TGPPAL. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.107055.
10. Jithin P., Renjith R. Towards Sustainable Energy Access: Investigating the Relationship between Renewable Energy Consumption and Energy Poverty // *Energy Policy*. 2025. Vol. 200. P. 114553. ISSN: 0301-4215. DOI: 10.1016/j.enpol.2025.114553
11. Laldjebaev M., Sovacool B., Kassam K.-A. S. Energy Security, Poverty and Sovereignty: Complex Interlinkages and Compelling Implications // *International Energy and Poverty: The Emerging Contours*. Chapter: 7. Routledge, 2015. P. 97–112. ISBN: 978-315-79231-9.
12. Seitz W., Kudo Y., Azevedo J. P. Blackout or Blanked Out? Monitoring the Quality of Electricity Service in Developing Countries // *Policy Research Working Paper 10423*. Washington, DC : World Bank, 2023. DOI: 10.1596/1813-9450-10423
13. Xiao Z. Power Shortage and Firm Productivity: Evidence from the World Bank Enterprise Survey // *Energy Economics*. 2022. Vol. 113. Article 106230. DOI: 10.1016/j.eneco.2022.106230

Об авторе:

Гореловская Мария Дмитриевна, аспирант, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия);
e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru; ORCID: 0009-0009-6777-5314

References

1. Bushuev, V. V. Energy as a Stabilizing Factor in an Unstable World // *Energy Policy*. 2022. No. 8 (174). P. 6–19. (In Russ.) EDN: SSVUQE. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_8174_6
2. Kalinina, A. R., Sukhareva, E. V. Analysis of the Current State of the Global Energy Market // *Society: Politics, Economics, Law*. 2025. No. 8. P. 140–148. (In Russ.) EDN: INXHVL. DOI: 10.24158/pep.2025.8.17
3. Kolomiets, A. R., Fedorov, S. I. From Hierarchies to Markets: The Electric Power Industry's Path to Consumer Welfare // *Economic Policy*. 2023. Vol. 18, No. 3. P. 46–81. (In Russ.) EDN: QTHJAU. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-3-46-81
4. Krupnov, Yu. A., Mottaeva, A. B. Trends and Prospects of the Global Energy Market: Forecast for 2025 // *E-Management*. 2025. No. 1. P. 43–54. (In Russ.) EDN: OVQJAM. DOI: 10.26425/2658-3445-2025-8-1-43-54
5. Mastepanov, A. M. Security as a Factor of the Modern World // *Problems of Economics and Management of Oil and Gas Complex*. 2021. No. 5 (197). P. 5–13. (In Russ.) EDN: HOEFTO. DOI: 10.33285/1999-6942-2021-5(197)-5-13
6. Osadchenko, E. A. The Impact of Affordable and Modern Energy Availability on the Economic Growth of Countries Around the World // *Journal of Applied Economic Research*. 2024. No. 23 (4). P. 905–928. (In Russ.) EDN: GZPFWM. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.4.036
7. Apeti, A. E., Ly, A. Power Constraints and Firm-Level Total Factor Productivity in Developing Countries. Policy Research Working Paper Series 10510. The World Bank, 2023. DOI:10.1596/1813-9450-10510
8. Asaleye, A. J., Garidzirai, R., Ncanywa, T. Electricity Availability and Access for Economic Opportunities: A Disaggregated Analysis of Gender Gaps and Implications for Pro-Poor Growth // *Energy Strategy Reviews*. 2025. Vol. 59. P. 101723, ISSN: 2211-467X. EDN: QUMNPS. DOI: 10.1016/j.esr.2025.101723
9. Chen, H., Jin, L., Wang, M. [et al.] How Will Power Outages Affect the National Economic Growth: Evidence from 152 Countries // *Energy Economics*. 2023. 107055. ISSN: 0140-9883. EDN: TGPPAL. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.107055

10. Jithin, P., Renjith, R. Towards Sustainable Energy Access: Investigating the Relationship between Renewable Energy Consumption and Energy Poverty // *Energy Policy*. 2025. Vol. 200. P. 114553. ISSN: 0301-4215. DOI: 10.1016/j.enpol.2025.114553
11. Laldjebaev, M., Sovacool, B., Kassam, K.-A. S. Energy Security, Poverty and Sovereignty: Complex Interlinkages and Compelling Implications // *International Energy and Poverty: The Emerging Contours*. Chapter: 7. Routledge, 2015. P. 97–112. ISBN: 978-315-79231-9.
12. Seitz, W., Kudo, Y., Azevedo, J. P. Blackout or Blanked Out? Monitoring the Quality of Electricity Service in Developing Countries // *Policy Research Working Paper 10423*. Washington. DC : World Bank, 2023. DOI: 10.1596/1813-9450-10423
13. Xiao, Z. Power Shortage and Firm Productivity: Evidence from the World Bank Enterprise Survey // *Energy Economics*. 2022. Vol. 113. Article 106230. DOI: 10.1016/j.eneco.2022.106230

About the author:

Maria D. Gorelovskaya, Postgraduate Student, the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
e-mail: mariyagorelovskaya@mail.ru; ORCID: 0009-0009-6777-5314

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гореловская М. Д., 2026

Переосмысление советского наследия: новая энергетическая парадигма промышленной модели Донецкой Народной Республики¹

Котов Е. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Донецкий институт управления, Донецк, Российская Федерация

e-mail: kotov-ev@ganepa.ru

ORCID: 0000-0002-0926-3072

РЕФЕРАТ

В статье обосновано, что социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики не может быть сведено к механическому восстановлению утраченных промышленных мощностей и требует качественной трансформации производственно-экономической модели региона. Показано, что сложившаяся структура экономики региона является результатом длительной эволюции, включающей советский этап формирования комплексного территориально-производственного комплекса, последующую деградацию производственных цепочек в период нахождения региона в составе Украины и фрагментарные попытки восстановления в условиях институциональной нестабильности и экономических ограничений 2014–2022 гг. Доказано, что методологическое наследие советской школы территориального планирования (И. Г. Александров, Н. Н. Колосовский, Н. Н. Баранский) сохраняет эвристический потенциал для интерпретации современных процессов индустриального развития и проектирования новой модели регионального роста. **Цель** исследования заключается в обосновании направлений трансформации социально-экономической модели ДНР на основе методологической преемственности с советской школой регионального развития. **Методология.** В работе применены методы ретроспективного анализа социально-экономического развития региона, сравнительный анализ моделей промышленной организации различных исторических периодов, эволюционный подход к изучению трансформации производственной структуры, структурно-функциональный анализ территориально-производственных систем, а также элементы институционального анализа факторов и барьеров регионального развития. Теоретическую основу составили концепции И. Г. Александрова, Н. Н. Колосовского и Н. Н. Баранского о территориально-производственных комплексах, энергопроизводственных циклах и пространственной организации хозяйства. **Результаты.** Выявлена ключевая закономерность деградации экономической структуры региона, проявляющаяся в последовательном ослаблении внутренних производственных цепочек и нарастании сырьевой специализации от советского периода к современности. Разработана концепция смены энергетической парадигмы развития, предполагающая переход от доминирования ископаемого топлива к «энергии знаний», «энергии данных» и «энергии кооперации» как системообразующих факторов. Предложена модель макрорегионального территориально-производственного комплекса «Донбасс-Крым» с функциональным разделением труда между ДНР, ЛНР, Ростовской областью и Крымом. Сформулированы принципы эволюционной трансформации промышленной специализации через вертикальную интеграцию производственных цепочек, горизонтальную диверсификацию компетенций и функциональное переосмысление роли угля в региональной экономике.

¹ Статья подготовлена в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Факторы и механизмы управления социально-экономическим развитием нового субъекта Российской Федерации в условиях ограниченности ресурсов (на примере Донецкой Народной Республики)».

Выводы. Обосновано, что устойчивое социально-экономическое развитие ДНР требует методологической преемственности с советской школой территориального планирования, смены энергетической парадигмы, приоритета воспроизводства человеческого капитала и макрорегиональной интеграции при эволюционном характере трансформации производственно-экономической модели для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: территориально-производственные комплексы, советская региональная школа, индустриальная трансформация, межрегиональная кооперация, пространственное развитие, макрорегион, человеческий капитал, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Котов Е. В. Переосмысление советского наследия: новая энергетическая парадигма промышленной модели Донецкой Народной Республики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 72–84. EDN: YEYXWA

Rethinking the Soviet Legacy: A New Energy Paradigm for the Industrial Development Model of the Donetsk People’s Republic

Yevgeny V. Kotov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Donetsk Institute of Management, Donetsk, Russian Federation

e-mail: kotov-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0926-3072

ABSTRACT

It is substantiated that the socio-economic development of the Donetsk People’s Republic cannot be reduced to the mechanical restoration of lost industrial capacities and requires a qualitative transformation of the region’s production and economic model. The current economic structure of the region is shown to be the result of a long-term evolutionary trajectory, including the Soviet period of forming an integrated territorial production complex, the subsequent degradation of production chains during the period when the region was part of Ukraine, and fragmented recovery attempts under conditions of institutional instability and economic constraints in 2014–2022. It is demonstrated that the methodological legacy of the Soviet school of territorial planning (I. G. Alexandrov, N. N. Kolosovsky, N. N. Baransky) retains significant heuristic potential for interpreting contemporary processes of industrial development and for designing a new model of regional growth. **Aim.** The aim of the paper is to substantiate the directions for transforming the socio-economic model of the Donetsk People’s Republic on the basis of methodological continuity with the Soviet school of regional development.

Methods. The methods employed include retrospective analysis of the region’s socio-economic development, comparative analysis of industrial organization models across different historical periods, an evolutionary approach to studying transformations of the production structure, structural-functional analysis of territorial production systems, and elements of institutional analysis of factors and barriers to regional development. The theoretical framework is based on the concepts of territorial production complexes, energy-production cycles, and spatial organization of the economy developed by I. G. Alexandrov, N. N. Kolosovsky, and N. N. Baransky. **Results.** The results reveal a key regularity in the degradation of the region’s economic structure, manifested in the consistent weakening of internal production chains and the increasing dominance of raw-material specialization from the Soviet period to the present. A concept of a shift in the development energy paradigm is proposed, involving a transition from the dominance of fossil fuel energy to the “energy of knowledge”, “energy of data”, and “energy of cooperation” as system-forming factors of industrial transformation. A model of the macroregional territorial production complex “Donbass-Crimea” is proposed, based on functional division of labor between the Donetsk and Luhansk People’s Republics, Rostov Region, and Crimea.

Principles of evolutionary transformation of industrial specialization are formulated, including vertical integration of production chains, horizontal diversification of competencies, and functional rethinking of the role of coal in the regional economy. **Conclusions.** The conclusions substantiate that sustainable socio-economic development of the Donetsk People's Republic requires methodological continuity with the Soviet school of territorial planning, a shift in the energy paradigm, prioritization of human capital reproduction, and macroregional integration, combined with an evolutionary character of transformation of the production and economic model.

Keywords: territorial production complexes, Soviet regional development school, industrial transformation, interregional cooperation, spatial development, macroregion, human capital, socio-economic development

For citation: Kotov Ye. V. Rethinking the Soviet Legacy: A New Energy Paradigm for the Industrial Development Model of the Donetsk People's Republic // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 72–84 (In Russ.). EDN: YEYXWA

Введение

Донецкая Народная Республика (ДНР) унаследовала экономическую структуру, которая формировалась на протяжении трех исторических периодов: советского (создание комплексного территориально-производственного комплекса (ТПК)), украинского (усиление сырьевой ориентации) и периода самостоятельности 2014–2022 гг. (частичное восстановление в условиях конфликта). Исторически ее территория является частью промышленного макрорегиона Донбасс, развивавшегося как единый территориально-производственный комплекс, ориентированный на тяжелую индустрию.

Формирование Донбасса как индустриального ядра началось в конце XIX в., однако именно в советский период регион получил максимальный импульс развития и приобрел завершенную форму крупного ТПК, основанного на принципах энергопроизводственных циклов, комплексного комбинирования отраслей, рационального размещения производств, обеспеченных социальной инфраструктурой, минимизации транспортных издержек за счет территориальной концентрации взаимосвязанных предприятий. Угольно-металлургическая специализация, сохраняющаяся до настоящего времени, система межотраслевых производственных связей, индустриально-городская структура расселения и развитая транспортная инфраструктура, — все эти элементы формировались и реализовывались в логике советской модели территориальной организации хозяйства.

Эволюция советской школы регионального развития

Советская школа экономического районирования, представленная работами И. Г. Александрова [1; 2], Н. Н. Колосовского [7; 8; 9] и Н. Н. Баранского [4; 5; 6], заложила методологические принципы развития Донбасса как единого территориально-производственного комплекса. И. Г. Александров обосновал принципы территориальной взаимосвязанности производства, сбалансированности отраслевой структуры и опоры на внутренние ресурсы. Н. Н. Колосовский развил эти идеи в концепции территориально-производственных комплексов и энергопроизводственных циклов, интегрирующих технологические, ресурсные и территориальные факторы: угледобыча, коксохимия, металлургия и машиностроение формировали взаимозависимый комплекс, основанный на транспортной близости и концентрации квалифицированной рабочей силы. Н. Н. Баранский акцентировал внимание на пространственной организации хозяйства через функциональное районирование, что проявилось в формировании агломерационной структуры ДНР: Донецко-Макеевская, Горловско-Енакиевская, Краматорско-Славянская и Мариупольская агломерации представляли собой индустриальные узлы, где промышленность, транспорт и социальная инфраструктура развивались как единая система. Высокая плотность урбанизированного пространства создает предпосылки для ускоренного индустриального восстановления, но требует комплексной модернизации инфраструктуры и воспроизводства человеческого капитала.

Таким образом, принципы комплексности и сбалансированного территориального развития (И. Г. Александров), внутренней производственной интеграции (Н. Н. Колосовский) и пространственной целостности (Н. Н. Баранский) сформировали методологическую основу, на базе которой исторически развивался социально-экономический потенциал Донбасса и которая сохраняет актуальность для перспективной модели развития ДНР. А значимость пространственной организации производства и межрегиональных связей, подчеркиваемая в работах западных исследователей [15], свидетельствует о сохраняющейся эвристической ценности советского методологического наследия для формирования современных моделей регионального развития.

Ретроспективный анализ промышленной специализации ДНР

Промышленная специализация Донецкой области начала складываться в конце XIX в. вокруг металлургического производства. В советский период промышленный потенциал Донецкой области развивался ускоренными темпами, и к 1990 г. она представляла собой один из важнейших индустриальных центров Украинской ССР — мощный узел угольной, металлургической, коксохимической и машиностроительной промышленности, с развитой инфраструктурой и значительным трудовым потенциалом¹. Эта специализация делала область ключевым поставщиком сырья и продукции тяжелой промышленности, формировала индустриальный уклад жизни, систему городов и поселков, культурно-социальную структуру региона. Сильной чертой советской модели был замкнутый территориальный горно-производственный цикл (ГПЦ) и сопряженный с ним территориально-производственный комплекс (ТПК), обеспечивавшие функционирование полного производственного цикла и формирование высокой добавленной стоимости выпускаемой продукции.

После распада СССР Донецкая область вошла в состав независимой Украины — при этом ее производственно-экономический профиль остался фактически тем же, что и в советский период: регион сохранил свою сильную ориентацию на сырьевую и металлургическую промышленность. Такая устойчивость «моноспециализации», подаваемая как стабильность и дополненная усилением экспортной ориентации промышленного сектора экономики, на самом деле стала системной слабостью региона, усиливающей общий уровень деиндустриализации его экономики.

Экономика Донецкой области оказалась чрезмерно зависимой от сырьевых и металлургических рынков — от спроса на уголь и металлопродукцию, а следовательно, от колебаний внешнего спроса и мировых цен. Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. продемонстрировал последствия такой зависимости: резкое сокращение внешнего спроса привело к сокращению производства и социальной «оптимизации» на предприятиях.

Промышленный потенциал региона был весомым, однако во многом уже устаревшим: в промышленности доминировали технологии II–IV укладов [3, с. 9]. Это был типичный старопромышленный регион, унаследовавший от советского периода мощную, но морально и физически устаревшую индустриальную базу, которая нуждалась в глубокой технологической модернизации. В 2013 г., в последний полноценный год нахождения Донецкой области в составе Украины, регион оставался одним из ключевых индустриальных центров страны, формируя около 12% общегосударственного ВРП и до 18,5% промышленного выпуска. При этом удельный вес сырьевой продукции превышал 80%, а степень износа основных фондов достигала 64,5%, что отражало критическую зависимость экономики от сырьевых рынков и структурную деградацию производственной базы [3, с. 8–9].

Период независимости ДНР (2014–2022 гг.) характеризовался попытками сохранения и частично восстановления отдельных звеньев этих производственных цепочек в условиях военных действий, институциональной нестабильности и ограниченного доступа к рынкам сбыта и инвестициям [10; 11]. Несмотря на сохранение сырьевой направленности экономики, ряду предприятий удалось поддерживать выпуск полуфабрикатов и отдельных видов переработанной продукции, однако масштабной

¹ Народне господарство Української РСР у 1990 році: стат. щорічник / Міністерство статистики УРСР; від. за випуск В. В. Самченко. Київ: Техніка, 1991. 496 с.

реконструкции производственных переделов не произошло. Фактический уровень интеграции отраслей оставался фрагментарным, а износ основных фондов — критически высоким, что не позволяло восстановить советскую полноту ГПЦ и ТПК и ограничивало потенциал добавленной стоимости.

Сравнительный анализ трех периодов развития региона (табл. 1) выявляет ключевую закономерность: последовательное ослабление внутренней интеграции производственных циклов и нарастание сырьевой специализации.

Таблица 1

Сравнительная характеристика экономической модели ДНР

Table 1. Comparative Characteristics of the Economic Model of the Donetsk People’s Republic

Параметр	Советский период (до 1991 г.)	Украинский период (1991–2014 гг.)	Самостоятельное государство (2014–2022 гг.)
Специализация	Угльно-металлургический комплекс с машиностроением	Сырьевая моноспециализация	Сырьевая модель с частичным восстановлением переработки
Добавленная стоимость	Средняя (переработка + машиностроение)	Низкая (сырье + полуфабрикаты: > 80%)	Низкая (сырье + частично восстановленные переделы)
Интеграция производств	Высокая (замкнутые циклы)	Фрагментированная	Частично восстановленная внутренняя интеграция, значительные внешние ограничения
Износ основных фондов	30–40%	> 70% (2013 г.)	> 80%
Энергетическая основа	Уголь	Уголь (истощение запасов)	Уголь + минимальная локальная модернизация энергоузлов

Источник: разработано автором

Если в советский период функционировал относительно замкнутый территориально-производственный комплекс с высокой добавленной стоимостью, то украинский период характеризовался фрагментацией производственных связей и усилением экспортно-сырьевой ориентации. Период ДНР как самостоятельного государства показал попытки частичного восстановления переработки, однако в условиях военных действий и институциональной нестабильности системная реинтеграция производственных циклов не была достигнута.

Новая энергетическая парадигма: от ископаемого топлива к энергии знаний, данных и кооперации

В рамках анализируемых советских теорий энергия выступала системообразующим фактором территориально-производственной организации. В новых условиях трансформацию промышленного каркаса ДНР целесообразно проводить не на основе полного отказа от угльно-металлургической специализации, а через ее переосмысление в пределах названных методологических принципов советской школы. В связи с этим кардинально меняется тип системообразующей энергии: отказ от ископаемого топлива и переход к новым ее формам (рис. 1), которые становятся ядром обновленных производственных циклов, дополняя традиционный топливно-сырьевой потенциал и обеспечивая устойчивость, технологический прогресс и снижение внешних уязвимостей индустриального региона.

В логике Н. Н. Колосовского — через функции энергии в системе — каждому типу энергии присваивается ее социально-экономическое проявление: «энергия знаний» проявляется в росте квалификации кадров; «энергия данных» — в повышении производительности труда и капитала; «энергия кооперации» — в обеспечении пространственной связанности производства.

1. *Энергия данных.* Внедрение автоматизированных систем управления производством, цифровой геологоразведки, интеллектуального контроля качества, предиктивного обслуживания оборудования. Переход к моделям, основанным на данных, увеличивающих производительность без увеличения

ресурсопотребления. Индикаторы — уровень цифровизации производства; индекс предиктивной аналитики; скорость принятия решений; **коэффициент цифровой зрелости**.

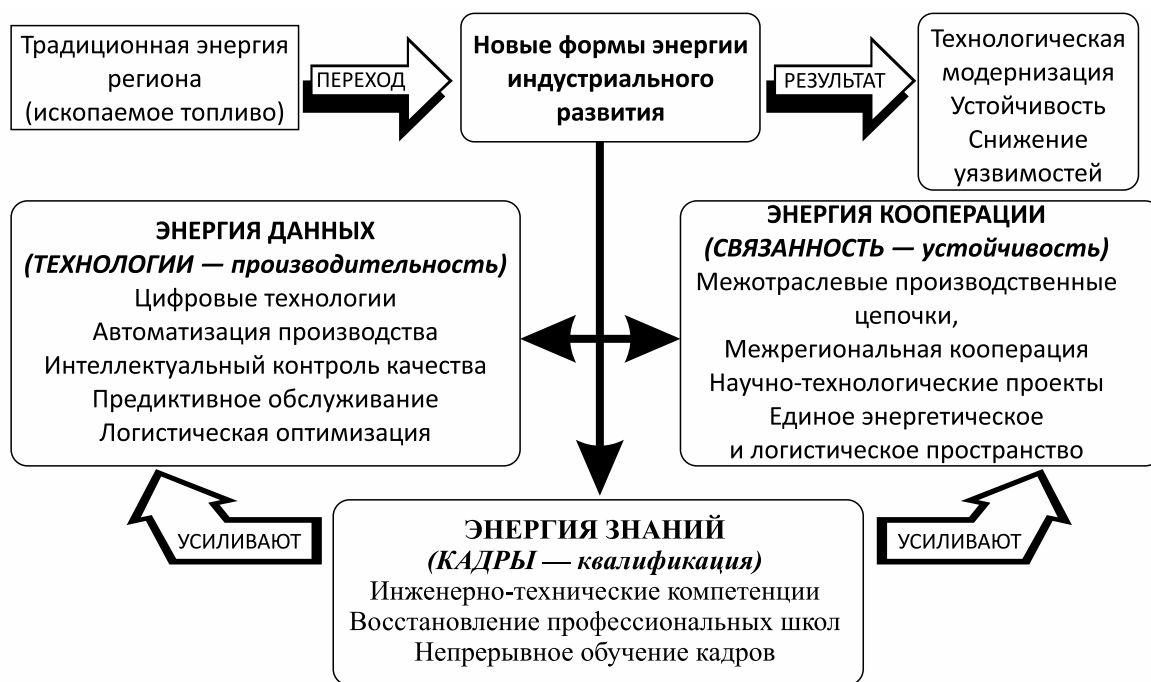

Рис. 1. Структурно-функциональная модель новой индустриальной энергии ДНР
 Fig. 1. Structural and Functional Model of the New Industrial Energy of the Donetsk People's Republic
 Источник: разработано автором

2. *Энергия знаний*. Формирование инженерно-технических компетенций, восстановление профессиональных школ и непрерывное обучение кадров на базе кооперации с российскими университетами, конструкторскими бюро и промышленными корпорациями. Результат: производственные процессы усложняются, растет глубина переработки сырья, появляются высокотехнологичные сегменты (материалы, машиностроение, автоматизация), изменяются структура занятости и квалификационный профиль экономики. Индикаторы — плотность инженерных кадров на 10 тыс. занятых; средний возраст инженерного персонала; индекс инженерной продуктивности; доля работников с высшим техническим образованием.
3. *Энергия кооперации*. Межотраслевые производственные цепочки, межрегиональная кооперация, совместные научно-технологические проекты, единое энергетическое и логистическое пространство. Индикаторы — объем межрегиональных контрактов в валовом региональном продукте; глубина производственных цепочек; доля локализации компонентов; мультипликатор межрегионального спроса.

Мировая практика подтверждает значимость кооперационных эффектов. Опыт реструктуризации Рурского промышленного района в Германии (1980–2000 гг.) демонстрирует, что промышленная кооперация обеспечивала рост количества патентов и расходов на исследования и разработки, способствовала трансформации региона от угольно-металлургической специализации к наукоемким производствам при компенсации потерь промышленных рабочих мест созданием новых в сфере услуг¹. Позитивные результаты кооперации наблюдались и в китайских индустриальных зонах [13].

¹ Germany: The Ruhr Region's Pivot from Coal Mining to a Hub of Green Industry and Expertise [Electronic resource] // World Resources Institute. 2021. 1 April. URL: <https://www.wri.org/snapshots/germany-ruhr-regions-pivot-coal-mining-hub-green-industry-and-expertise> (accessed: 17.11.2025).

Для ДНР внутренняя и межрегиональная кооперация с российскими промышленными центрами способна обеспечить как качественные, так и измеримые результаты: рост производительности, снижение издержек и повышение конкурентоспособности продукции. Формирование макрорегионального территориально-производственного комплекса «Донбасс-Крым» представляет собой современную реализацию принципа комплексности, предполагающую координацию ДНР, ЛНР, Ростовской области и Крыма с четким распределением функций. В такой модели ДНР концентрируется на трудоемких производственных операциях и металлообработке, ЛНР — на ресурсном и металлургическом блоке, Ростовская область обеспечивает транспортно-логистическую связанность и доступ к рынкам, а Крым — портовую, судостроительную инфраструктуру и возможности отраслевой диверсификации. Функциональное взаимодействие территорий создает синергетический эффект, формируя устойчивую систему межрегиональной кооперации, где экономический рост достигается за счет согласованного распределения отраслевых компетенций и синхронизации инфраструктурного развития.

Широкомасштабное и всестороннее использование «энергии знаний» будет способствовать преодолению «ловушки низкой добавленной стоимости», характерной для промышленного профиля ДНР. Экономическое развитие региона исторически базировалось на угольно-металлургической специализации: технологической цепочке «уголь → кокс → металл». Предполагалось, что на следующем этапе эта цепочка может трансформироваться в более сложную и интегрированную структуру «уголь → металл → машиностроение». Такая трансформация отвечала бы общей логике индустриального развития, обеспечивая большую устойчивость экономики через наращивание добавленной стоимости, диверсификацию промышленной базы и снижение уязвимости от конъюнктуры сырьевых рынков.

Однако машиностроение в регионе развивалось преимущественно как отрасль, обслуживающая угольную и металлургическую промышленность. Машиностроение ДНР было узко специализировано на производстве горно-шахтного и металлургического оборудования, в то время как другие направления машиностроения либо отсутствовали, либо занимали незначительную долю в структуре отрасли. В такой форме машиностроение функционировало как вспомогательная отрасль, «встроенная» в базовые сырьевые и первично-металлургические производства, а не как самостоятельный экспортно-ориентированный сектор. В результате этого регион неизбежно оказался в «ловушке низкой добавленной стоимости»: большая часть дохода приходилась на сырье и полуфабрикаты, а не на обработку, инжиниринг, финальное производство либо продукты с высокой добавленной стоимостью или технологической сложностью.

Структурная модернизация региона обуславливает необходимость сокращения доли сырьевых и первично-металлургических производств при параллельном расширении: отраслей глубокой переработки угля и металлов (углехимия, синтетические материалы, специальные сплавы); диверсифицированного машиностроения и машиностроительного инжиниринга как производств со средней и высокой добавленной стоимостью; инструментального, точного и высокотехнологичного производства; производства конечных изделий, экспортно-ориентированных и конкурентных на внешних рынках.

Отказ от сырьевой модели направлен на преодоление экспортно-сырьевой зависимости угольной и металлургической отраслей. Уголь и металл остаются фундаментом экономики ДНР, но в принципиально новой роли: не как товары на экспорт, а как ресурсная база для глубокой переработки и производства продукции с высокой добавленной стоимостью (табл. 2). Это переход от модели «добыча → экспорт → валютная выручка» к модели «добыча → переработка → машиностроение → экспорт готовых изделий». Предлагаемая трансформация осуществляется по трем взаимосвязанным направлениям.

1. *Вертикальная интеграция — углубление производственных цепочек.* Новая модель предполагает последовательное удлинение производственных цепочек: уголь направляется на внутреннюю энергогенерацию, коксохимическое производство и углехимическую переработку с получением синтетических материалов и углепластиков; металлургия трансформируется из экспортера заготовок в поставщика проката, металлоконструкций и специальных сплавов для машиностроения; конечным звеном становится машиностроение, производящее готовые изделия для российского рынка и экспорта.

Таблица 2

Сравнение производственных цепочек в различных моделях развития ДНР

Table 2. Comparison of Production Chains Across Different Development Models of the Donetsk People's Republic

Этап цепочки	Украинская модель (до 2014 г.)	Модель ДНР (2014–2022 гг.)	Целевая модель (2040 г.)
1. Первичная переработка	Кокс, металл	Частичное восстановление	Металл, прокат, спецсплавы
2. Глубокая переработка	Ограниченная	Минимальная	Углекимиия, металлообработка
3. Машиностроение	Узкоспециализированное (горношахтное)	Деградировавшее	Диверсифицированное
4. Конечная продукция	Экспорт полуфабрикатов	Экспорт сырья	Экспорт готовых изделий
Итоговая оценка	Сырьевая зависимость Значительный износ основных фондов Низкая добавленная стоимость	Усиление сырьевой зависимости Критический износ основных фондов Фрагментация производства	Полный цикл переработки Модернизация основных фондов Высокая добавленная стоимость

Источник: разработано автором

2. *Горизонтальная диверсификация — трансфер компетенций в смежные отрасли.* Металлургические и горнодобывающие компетенции региона применяются в производствах медицинского оборудования, огнеупорных материалов, автокомпонентов, гидравлических систем для сельхозтехники и станкостроительных компонентов. Таким образом предприятия, сохраняя инженерные кадры и производственные мощности, выходят из моноспециализации и снижают зависимость от конъюнктуры одной отрасли.
3. *Функциональная трансформация угля в региональном энергобалансе.* Ключевое изменение заключается в переходе от понимания угля как экспортного товара к его использованию в качестве внутреннего энергоресурса и сырья для химической промышленности. Падение выручки от снижения абсолютных объемов добычи будет компенсироваться ростом доли высокомаржинальной углекимиической продукции (при благоприятных факторах ее доля вырастет до 35–40% в структуре выручки). Принципиально важно, что зависимость от волатильности мировых цен на энергоносители резко снизится, тем самым радикально повысив устойчивость региональной экономики к внешним шокам. Возможность такой трансформации подтверждается международным опытом. В качестве примера успешного перехода от моноспециализации к диверсифицированной экономике при сохранении промышленной идентичности региона можно снова привести Рурский промышленный район в Германии. Добыча угля в Руре полностью прекратилась в 2018 г., однако металлургия не только сохранилась, но и модернизировалась, став основой для развития высокотехнологичного машиностроения, производства специальных сталей и инжиниринговых услуг.

Успех эволюционной трансформации ДНР зависит не только от концептуальной обоснованности модели или наличия международных аналогий, но и от системного учета факторов, определяющих реальные возможности и ограничения региона (табл. 3). Отечественный и международный опыт демонстрирует, что траектория промышленной реструктуризации формируется взаимодействием институциональных, экономических, социальных и инфраструктурных условий, создающих уникальную конфигурацию для каждой территории.

Ключевым аспектом формирования «энергии знаний» является развитие человеческого капитала — ресурса, способного обеспечить как модернизацию промышленности, так и создание новых высокотехнологичных сегментов экономики. Регион всегда отличался высокой концентрацией инженерно-технических кадров, развитой системой профессионального образования и индустриальной культурой. Последняя представляет собой не просто набор профессиональных навыков, а целостную систему ценностей, установок и практик, сформированных поколениями промышленных работников: уважение к производственному труду, понимание технологических процессов, дисциплину и ответственность за

качество продукции, способность работать в команде на крупных промышленных объектах. В современных условиях эти три преимущества ДНР оказываются существенно ослабленными, что делает критически важным предотвращение их дальнейшей утраты.

Таблица 3

Матрица факторов, влияющих на механизм эволюционной трансформации угольно-металлургической базы ДНР

Table 3. Matrix of Factors Influencing the Mechanism of Evolutionary Transformation of the Coal and Metallurgical Base of the DPR

Группа факторов	Влияние	Вероятность	Последствия	Меры минимизации
Социальные	Продолжение миграционного оттока специалистов	Высокая	Критические	Программа служебного жилья Зарплаты не ниже средних по РФ Социальные гарантии
	Недостаток квалифицированных инженеров	Средняя	Значительные	Целевое обучение 500 студентов в год Вахтовые стажировки
Экономические	Недофинансирование программ	Средняя	Критические	Нормативно установленные обязательства Диверсификация источников
	Рост стоимости модернизации выше плана	Высокая	Значительные	Поэтапная реализация Резервный фонд
	Падение спроса на металлопродукцию	Средняя	Значительные	Диверсификация в машиностроение Долгосрочные госконтракты
	Усиление конкуренции со стороны других регионов РФ	Высокая	Умеренные	Специализация на нишевых продуктах Кластерная модель
Инфраструктурные	Износ энергетических сетей	Высокая	Критические	Приоритет модернизации энергетики Локальная генерация
	Транспортные узкие места	Средняя	Значительные	Синхронизация с программой «Донбасс-Крым»
Институциональные	Бюрократические барьеры	Высокая	Умеренные	Принцип «одного окна» в СЭЗ Цифровизация услуг
	Слабая координация между ведомствами	Средняя	Значительные	Координационный совет макрорегиона Единая цифровая платформа

Источник: разработано автором

Задействование потенциала России для развития инженерных и технологических компетенций в ДНР возможно через:

- межрегиональное отраслевое кураторство. Ведущие индустриальные субъекты России обеспечивают технологическое и кадровое сопровождение ключевых отраслей ДНР. Российские промышленные регионы выступают в качестве кураторов отраслей, инвесторов в модернизацию предприятий и партнеров для создания специализированных инженерных классов и программ ранней профподготовки;
- модель дуального образования. Обеспечивает органичное сочетание обучения и производственной практики, не разрывающее связь будущих специалистов с реальным производством. Инструменты реализации — заводские базовые кафедры, целевой набор студентов на инженерные специальности и практико-ориентированные программы обучения;
- «вахтовый» метод трансфера компетенций. Это инструмент целенаправленного образовательного обмена, суть которого заключается во временной мобильности студентов, инженеров и специалистов для прохождения стажировок в российских технопарках, особых экономических зонах и конструкторских бюро, а также в участии российских экспертов в процессах модернизации предприятий ДНР;
- интеграцию в российские технологические консорциумы. Горно-шахтное машиностроение может встроиться в российские цепочки создания стоимости, проекты импортозамещения и цифровые платформы промышленности.

Институциональный механизм реализации новой парадигмы

Реализация предложенных направлений социально-экономического развития ДНР требует реализации дополнительных институциональных мер, которые можно сгруппировать в пять ключевых направлений.

1. Создание Агентства промышленного кластерного развития, ответственного за формирование и координацию промышленных кластеров. Обеспечивает ведение реестра промышленных кластеров ДНР с определением приоритетных площадок; координацию взаимодействия между якорными предприятиями и поставщиками второго-третьего уровней; мониторинг выполнения планов локализации компонентов; организацию технологических аудитов предприятий для выявления точек роста.
2. Принятие закона о контрактах жизненного цикла и обязательной локализации производства. Для обеспечения предсказуемого спроса необходимо законодательно закрепить механизм долгосрочных государственных контрактов с требованиями поэтапного наращивания доли местных компонентов, гарантированными объемами госзакупок для предприятий СЭЗ на срок 7–10 лет и штрафными санкциями за невыполнение планов локализации.
3. Реализация программы «Кадры для новой индустриализации». Предполагает создание системы воспроизводства инженерных кадров на основе дуального образования, межрегионального отраслевого кураторства и целевых программ подготовки специалистов с гарантированным трудоустройством в ДНР. Ключевыми инструментами выступают корпоративные учебные центры при предприятиях, целевой набор студентов на инженерные специальности и программы межрегионального трансфера компетенций.
4. Разработка Программы макрорегионального кооперационного развития «Донбасс-Крым». Для реализации принципа территориально-производственной интеграции на уровне макрорегиона необходимо законодательное оформление межрегионального взаимодействия ДНР, ЛНР, Ростовской области и Крыма с функциональным разделением труда. Программа должна включать: создание координационного совета макрорегиона на уровне вице-премьеров соответствующих субъектов с ежеквартальным мониторингом интеграции; разработку совместных инвестиционных проектов с участием предприятий всех четырех территорий; создание единой цифровой платформы промышленной кооперации для поиска поставщиков и заказчиков внутри макрорегиона; синхронизацию инфраструктурного развития (транспортные коридоры, энергосети, логистические хабы).
5. Расширение специализации программ финансирования Фонда развития промышленности ДНР. Введение специализированной программы «Локализация компонентов» с займами под 1% на срок до 10 лет для создания производств комплектующих и полуфабрикатов; программы «Цифровизация производства» для внедрения систем автоматизации (займы до 100 млн руб. под 2%); программы «Инжиниринговые центры» для создания конструкторских бюро и центров компетенций (гранты до 50 млн руб. с софинансированием 50/50). Приоритет финансирования — проекты с планом локализации не менее 40% за 5 лет, созданием не менее 100 рабочих мест и участием в межрегиональной кооперации.

Заключение

Проведенное исследование показало, что современное развитие ДНР невозможно рассматривать исключительно через призму восстановления прежних промышленных мощностей. Исторические индустриальные традиции и навыки региона, существующая инфраструктура и человеческий капитал формируют уникальный потенциал, который требует качественной трансформации производственно-экономической модели. В этом контексте критически важны методологические подходы советской школы экономического районирования, идеи территориально-производственных комплексов и системное понимание освоения пространства, а также переход к новым формам энергетической и производственной

организации. На основе этих положений были сформулированы ключевые направления и принципы, определяющие стратегические ориентиры модернизации экономики ДНР.

1. Методологическая преемственность — основа трансформации производственно-экономической модели ДНР. Современная экономическая политика ДНР нуждается в творческом переосмыслении идеи И. Г. Александрова о рациональном территориальном разделении труда, концепции территориально-производственных комплексов Н. Н. Колосовского, системного подхода Н. Н. Баранского к комплексности освоения пространства и потенциалов. В новых экономических условиях данные теоретические основания способны стать методологическим фундаментом перехода от сырьевой моноспециализации к многоукладной, технологически обновленной модели регионального развития.
2. Смена энергетической парадигмы является ключом к структурной трансформации. Центральным элементом обновления производственно-экономической модели развития ДНР является переход от традиционной энергетической основы (ископаемый уголь) к новым формам индустриальной энергии: энергии знаний, энергии данных и энергии кооперации. Эта трансформация радикально меняет структуру добавленной стоимости, смещая акцент с добычи и первичной переработки на технологически сложные производства, инжиниринг и высокую квалификацию труда.
3. Трансформация производственно-экономической модели ДНР целесообразна при эволюционном характере изменений, предполагающих поэтапный переход от преимущественно сырьевой специализации к восстановлению и последующему формированию полноценных производственных циклов с более высокой степенью переработки. Мировой опыт успешной реструктуризации старопромышленных регионов подтверждает, что ключевым фактором является не скорость изменений, а их последовательность и системность.
4. Человеческий капитал — критический фактор предлагаемой модели трансформации. Традиционные конкурентные преимущества ДНР — высокая концентрация инженерно-технических кадров, развитая система профессионального образования и глубоко укорененная индустриальная культура — в настоящее время существенно ослаблены вследствие миграционных потерь, деградации образовательной инфраструктуры и разрыва поколенческой передачи компетенций. Без целенаправленной политики по воспроизводству человеческого капитала любые инвестиции в восстановление производственных мощностей окажутся малоэффективными.
5. Макрорегиональная интеграция как механизм масштабирования. Развитие ДНР может быть ускорено и усилено за счет включения его в более крупную, функционально связанную экономическую систему (макрорегион), где действует единая логика производственных цепочек, разделения труда и кооперации. Формирование единого территориально-производственного комплекса макрорегиона «Донбасс-Крым» (включающего ДНР, ЛНР, Ростовскую область и Крым, с перспективным расширением за счет Запорожской и Херсонской областей) с функциональным разделением труда реализует принцип территориальной рациональности И. Г. Александрова на новом уровне. ДНР как центр металлообработки и трудоемких производств, ЛНР как ресурсная и металлургическая база, Ростовская область как логистический хаб и мост к российским рынкам, Крым как портово-судоостроительный комплекс — такая конфигурация обеспечивает синергетический эффект и снижает уязвимость каждой территории.

Список литературы

1. Александров И. Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.-Л. : Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
2. Александров И. Г. Экономическое районирование России, Госплан. М. : III Интернационал, 1921. 15 с.
3. Амоша А. И., Булеев И. П., Вишневецкий В. П. [и др.] Оценка состояния экономики Донецкой области и обоснование путей выхода ее из кризиса 2013–2014 гг. : науч.-аналит. записка / под общ. ред. И. П. Булеева; НАН Украины, Ин-т экономики пром-сти. Киев, 2015. 128 с.

4. Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии : избранные труды. М. : Мысль , 1980. 287 с.
5. Баранский Н. Н. Экономическая география СССР: Обзор по областям Госплана. 3-е изд., стер. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. 336 с.
6. Баранский Н. Н., Преображенский А. И. Экономическая картография : учеб. пособие для ун-тов. М. : Географгиз, 1962. 286 с. EDN: ZAQVVB
7. Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск : Изд-во Ойкумена, 2006. 334 с.
8. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. М. : Госполитиздат, 1958. 200 с. EDN: VPDVTP
9. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М. : Мысль, 1969. 336 с. EDN: TLAWLO
10. Котов Е. В. Перспективы неоиндустриализации экономики частично признанного государства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 2. С. 243–254. EDN: QTSAGS. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-2-243-254
11. Сальников В. И., Котов Е. В. Особенности политического транзита на постсоветском пространстве (на примере ПМР и ДНР) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 95–106. EDN: OYVINI. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-95-106
12. Capello R., Nijkamp P. (eds.) Handbook of Regional Growth and Development Theories. Cheltenham, Northampton : Edward Elgar Publishing, 2009. 529 p. ISBN: 978-1-84720-506-3.
13. Guowu L., Bai G. Globalization and Domestic Coping Strategies: The Development of China's Industrial Clusters // İstanbul Üniversitesi Sosyoloji Dergisi. 2020. No. 40 (2). P. 625–647. DOI: 10.26650/SJ.2020.40.2.0057
14. McCann P., Van Oort F. Theories of Agglomeration and Regional Economic Growth: A Historical Review // Handbook of Regional Growth and Development Theories / ed. by R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham, Northampton : Edward Elgar Publishing, 2009. P. 19–32. DOI: 10.4337/9781788970020.00007
15. Nijkamp P., Abreu M. Regional Development Theory // International Encyclopedia of Human Geography. Elsevier, 2009. P. 202–207. DOI: 10.1016/B978-008044910-4.00869-5

Об авторе:

Котов Евгений Валериевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории управления и государственного администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Донецкий институт управления (Донецк, Российская Федерация);
e-mail: kotov-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0926-3072

References

1. Aleksandrov, I. G. Fundamentals of Economic Regionalization of the USSR. Moscow-Leningrad : Ekonomicheskaya zhizn, 1924. 76 p. (In Russ.).
2. Aleksandrov, I. G. Economic Regionalization of Russia, Gosplan. Moscow : III International, 1921. 15 p. (In Russ.).
3. Amosha, A. I., Buleev, I. P., Vishnevsky, V. P. [et al.] Assessment of the State of the Economy of Donetsk Oblast and Substantiation of Ways Out of the Crisis of 2013–2014: Research and Analytical Report / ed. by I. P. Buleev; National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of Industrial Economics. Kyiv, 2015. 128 p. (In Russ.).
4. Baransky, N. N. The Formation of Soviet Economic Geography: Selected Works. Moscow : Mysl, 1980. 287 p. (In Russ.).
5. Baransky, N. N. Economic Geography of the USSR: A Regional Survey for Gosplan. 3rd ed., stereotyped. Moscow; Leningrad : State Publishing House, 1927. 336 p. (In Russ.).

6. Baransky, N. N., Preobrazhensky, A. I. Economic Cartography : a textbook for universities. Moscow : Geografiz, 1962. 286 p. (In Russ.) EDN: ZAQVVB
7. Kolosovsky, N. N. Selected Works. Smolensk : Oikumena Publishing House, 2006. 334 p. (In Russ.).
8. Kolosovsky, N. N. Fundamentals of Economic Regionalization. Moscow : Gospolitizdat, 1958. 200 p. EDN: VPDVTP. (In Russ.).
9. Kolosovsky, N. N. Theory of Economic Regionalization. Moscow : Mysl, 1969. 336 p. (In Russ.) EDN: TLAWLO.
10. Kotov, E. V. Prospects for Neo-Industrialization of the Economy of a Partially Recognized State // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2022. Vol. 7, No. 2. P. 243–254. (In Russ.) EDN: QTSAGS. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-2-243-254
11. Salnikov, V. I., Kotov, E. V. Features of Political Transit in the Post-Soviet Space (Case Study of the PMR and the DPR) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 95–106. (In Russ.) EDN: OYVIHI. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-95-106
12. Capello, R., Nijkamp, P. (eds.) Handbook of Regional Growth and Development Theories. Cheltenham, Northampton : Edward Elgar Publishing, 2009. 529 p. ISBN: 978-1-84720-506-3.
13. Guowu, L., Bai, G. Globalization and Domestic Coping Strategies: The Development of China's Industrial Clusters // İstanbul Üniversitesi Sosyoloji Dergisi. 2020. No. 40 (2). P. 625–647. DOI: 10.26650/SJ.2020.40.2.0057
14. McCann, P., Van Oort, F. Theories of Agglomeration and Regional Economic Growth: A Historical Review // Handbook of Regional Growth and Development Theories / ed. by R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham, Northampton : Edward Elgar Publishing, 2009. P. 19–32. DOI: 10.4337/9781788970020.00007
15. Nijkamp, P., Abreu, M. Regional Development Theory // International Encyclopedia of Human Geography. Elsevier, 2009. P. 202–207. DOI: 10.1016/B978-008044910-4.00869-5

About the author:

Yevgeny V. Kotov, PhD in Economics, Senior Research Fellow (academic title), Associate Professor of Department of Management Theory and Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Donetsk Institute of Management (Donetsk, Russian Federation);
e-mail: kotov-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0926-3072

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Котов Е. В., 2026

Economic Performance and Spatial Layout of China's Lithium Battery Industry in the Context of Energy Transition

Li Hao

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

e-mail: 122939035@qq.com

ABSTRACT

Aim. To investigate the evolution of the spatial structure and economic efficiency of China's lithium-ion battery industry against the backdrop of the global energy transition. **Methods.** The study employs value chain analysis to assess industrial linkages and Stochastic Frontier Analysis (SFA) to measure the technical efficiency of production across 30 Chinese provinces from 2015 to 2023. **Results.** Significant regional agglomeration is identified in East China (Yangtze River Delta); however, a structural imbalance exists between production capacity and resource utilization efficiency. The data indicate that mere scale expansion is no longer the primary driver of efficiency. **Conclusions.** To achieve sustainable development, the industry must shift from extensive growth to spatial layout optimization and technological upgrading, strengthening inter-regional coordination.

Keywords: energy transition, lithium-ion battery industry, spatial agglomeration, technical efficiency, Stochastic Frontier Analysis (SFA), regional disparity

For citation: Li Hao. Economic Performance and Spatial Layout of China's Lithium Battery Industry in the Context of Energy Transition // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 85–92 (In Russ.). EDN: YFVMZT

Экономическая эффективность и пространственная структура литий-ионной промышленности Китая в контексте энергетического перехода

Ли Хао

Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Российская Федерация

e-mail: 122939035@qq.com

РЕФЕРАТ

Цель. Исследовать эволюцию пространственной структуры и эффективности литий-ионной промышленности Китая на фоне глобального энергетического перехода. **Методология.** В работе используется анализ цепочки создания стоимости для оценки промышленных связей и метод стохастической границы (SFA) для измерения технической эффективности производства в 30 провинциях Китая за период 2015–2023 гг. **Результаты.** Выявлена значительная региональная агломерация в Восточном Китае (дельта реки Янцзы), однако наблюдается структурный дисбаланс между мощностями производства и эффективностью использования ресурсов. Данные показывают, что простое расширение масштабов перестало быть драйвером эффективности. **Выводы.** Для устойчивого развития отрасли Китая необходимо перейти от экстенсивного роста к оптимизации пространственного размещения и технологической модернизации, усилив межрегиональную координацию.

Ключевые слова: энергетический переход, литий-ионная аккумуляторная промышленность, пространственная агломерация, техническая эффективность, стохастический анализ границ эффективности (SFA), региональное неравенство

Для цитирования: Ли Хао. Экономическая эффективность и пространственная структура литий-ионной промышленности Китая в контексте энергетического перехода // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 85–92. EDN: YFVMZT

Structural Evolution and Spatial Characteristics of China’s Lithium Battery Industry

Industrial Scale Expansion and the “Energy-Economy” Efficiency Paradox

Based on the analysis of industrial panel data from 2015 to 2023, the development of China’s lithium battery and electrical machinery manufacturing industry exhibits significant “nonlinear growth” characteristics. As shown in Figure 1, during the late “13th Five-Year Plan” period (2018–2020), affected by macro-deleveraging policies and the subsidy retreat, the total industrial revenue experienced a brief plateau, maintaining around 6.5 trillion RMB. However, since 2021, driven by the dual momentum of the global energy transition and the explosive demand for New Energy Vehicles (NEVs), the industry has entered a new cycle of robust growth. By 2023, the total industry revenue exceeded 10.09 trillion RMB (approximately 1.4 trillion USD), representing an increase of 50.7% compared to 2015¹.

However, this scale expansion is accompanied by increasingly severe resource and environmental constraints. The dual-axis curve in Figure 1 reveals a notable “efficiency paradox”: although industrial technology continues to advance, the industry’s *Energy Intensity (E/Y)* has not declined continuously as expected. Conversely, after reaching a low point (0.035 tons of standard coal per 10,000 RMB) in 2017, this indicator rebounded between 2018 and 2021, fluctuating at a high level of 0.052–0.056.

This phenomenon indicates that mere scale effects are no longer sufficient to automatically drive marginal efficiency improvements. The structural reasons for this may lie in:

Expansion of high-energy-consuming upstream segments: To secure supply chain safety, a large amount of production capacity for mineral processing and cathode material sintering — which are energy-intensive — has been released domestically.

Insufficient capacity utilization: Investment overheating in certain years led to structural overcapacity, diluting the economic output per unit of energy consumption.

This “high growth, high consumption” extensive model highlights the urgency of transitioning from “factor-driven” to “efficiency-driven” development.

“East Strong, West Advancing”: Restructuring Characteristics of Spatial Layout

The geographical distribution of China’s lithium battery industry is undergoing a profound adjustment from “coastal unipolar agglomeration” to “regional collaborative division of labor”. By comparing the main business revenue data of various provinces in 2015 and 2023 (see Figure 2), the following spatial evolution patterns can be identified:

First, the absolute dominance of the Yangtze River Delta and the Greater Bay Area. Jiangsu Province and Guangdong Province, as the twin engines of China’s manufacturing sector, firmly occupy the first tier of the industrial landscape. In 2023, the industrial revenue of Jiangsu and Guangdong reached 2.19 trillion RMB and 2.11 trillion RMB, respectively. Together, they account for over 42% of the national total². This extremely high *Industrial Concentration Ratio (CR2)* indicates that mature supply chain matching and downstream terminal markets (NEV manufacturing bases) remain the core gravitational forces for industrial agglomeration.

Second, the rise of new industrial highlands and landscape reshaping. Compared with 2015, the top 10 rankings in 2023 have changed significantly:

¹ National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2023. Beijing: China Statistics Press, 2023 [Electronic resource]. URL: <https://data.stats.gov.cn/> (accessed: 15.12.2015).

² Calculated by the Author Using the Raw Data from the China Industry Statistical Yearbook (2016 and 2024 editions).

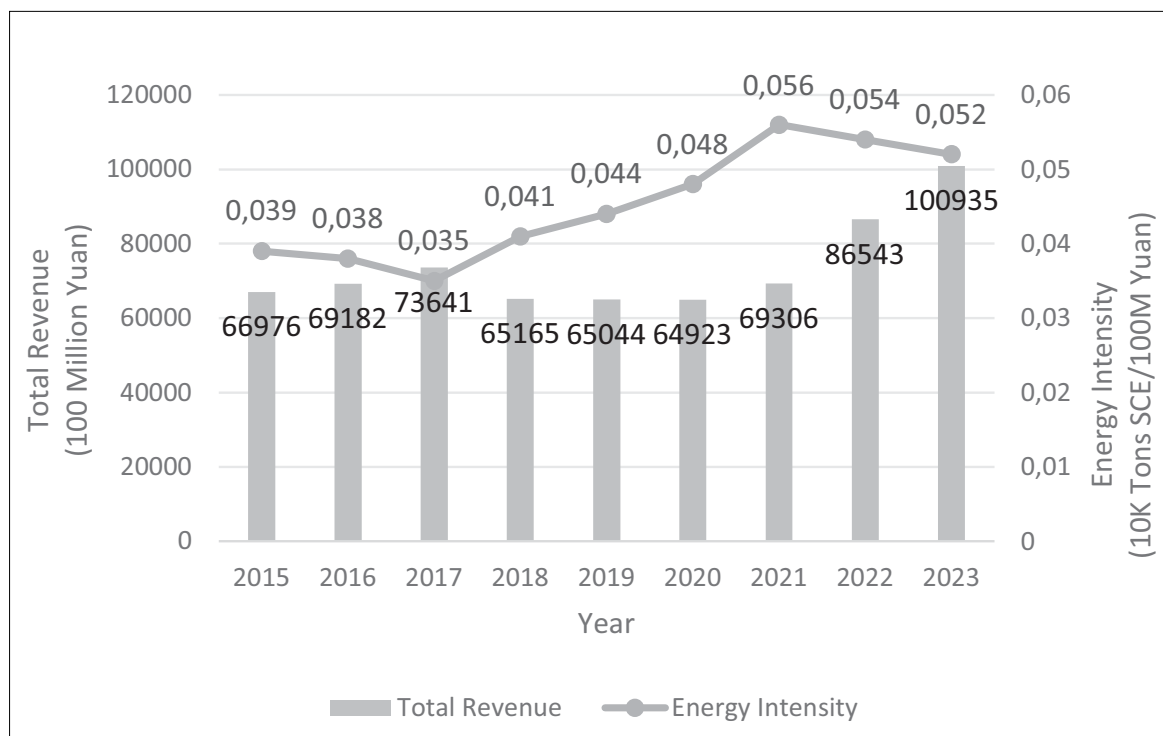

Fig. 1. Evolution of Industry Scale and Energy Efficiency (2015–2023)

Рис. 1. Эволюция промышленного производства и энергоэффективности (2015–2023 гг.)

Source: Calculated by the author based on data from the China Industry Statistical Yearbook and China Energy Statistical Yearbook¹

Fujian Province, leveraging the “chain master” effect of leading enterprises like CATL, saw its revenue surge from 157.8 billion RMB to 480.1 billion RMB, an increase of over two-fold, establishing its hub status in global power battery manufacturing;

Sichuan Province has emerged abruptly, jumping from 14th place in 2015 to 9th place in 2023 (revenue of 311.0 billion RMB). This leap benefits from its abundant hydropower resources (low-carbon manufacturing advantage) and lithium resource reserves, attracting a significant influx of cathode material and battery manufacturing capacity. This represents a concrete manifestation of the “West-to-East Power Transmission” strategy at the industrial chain level.

In contrast, the share of some traditional industrial provinces (such as Shandong) has relatively shrunk, reflecting the accelerated transfer of the industry towards regions with technological advantages (Fujian) or cost advantages (Sichuan, Jiangxi).

Chapter Summary

In summary, China’s lithium battery industry has formed a gradient layout of “Eastern R&D and High-end Manufacturing + Western Resources and Material Processing”. However, while enjoying the industrial dividends, different regions face distinct challenges: the East faces the “ceiling” constraints of land and energy consumption quotas, while the West must be wary of the environmental externalities brought by undertaking high-energy-consuming capacity. This spatial imbalance and the structural contradiction in efficiency constitute the logical starting point for our empirical research using the Stochastic Frontier Analysis (SFA) model in the next chapter.

¹ Calculated based on: Department of Energy Statistics, National Bureau of Statistics. China Energy Statistical Yearbook (2016–2024). Beijing : China Statistics Press.

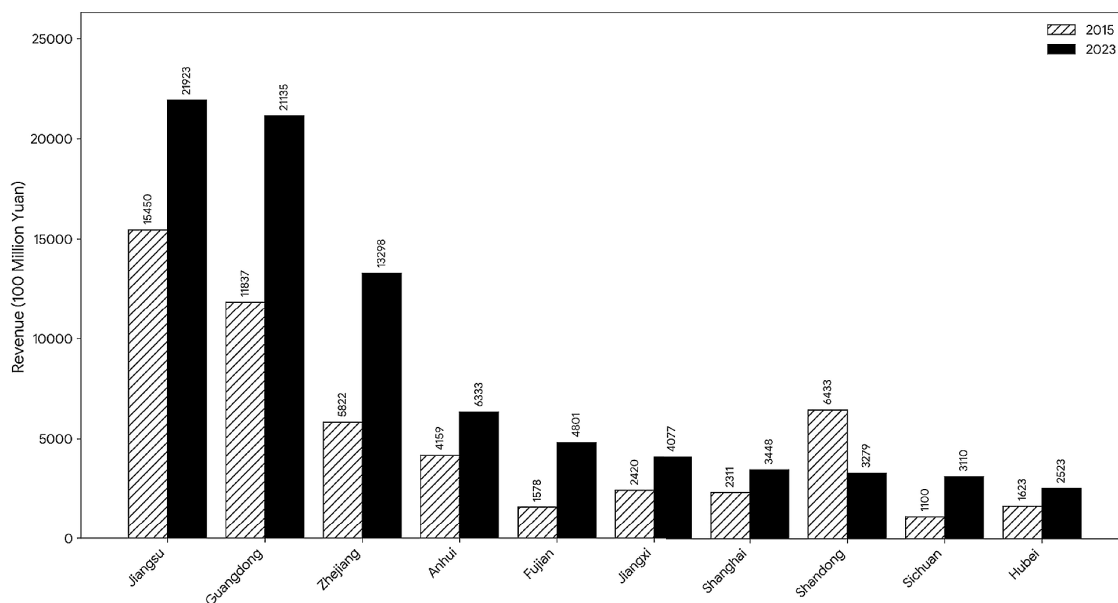

Fig. 2. Regional Revenue Comparison: Top 10 Provinces (2015 vs 2023)

Рис. 2. Сравнение региональных доходов: топ-10 провинций (данные 2015 и 2023 гг.)

Source: Calculated by the author based on panel data

Empirical Analysis

Model Specification and Variable Selection

To accurately measure the production efficiency of China’s lithium battery industry and identify the sources of inefficiency, this study employs the Stochastic Frontier Analysis (SFA) method proposed by Aigner, Lovell, and Schmidt [1, p. 21]. Unlike traditional Data Envelopment Analysis (DEA), SFA allows for the decomposition of the error term into random noise (v_{it}) and technical inefficiency (u_{it}) [6, p. 93], providing a more robust estimation in the presence of external shocks (e. g., policy shifts or raw material price volatility) [Ibid.].

We construct a log-linear Cobb-Douglas production function model as follows:

$$\ln(Y_{it}) = \beta_0 + \beta_K \ln(K_{it}) + \beta_L \ln(L_{it}) + \beta_E \ln(E_{it}) + \beta_{RD} \ln(RD_{it}) + v_{it} - u_{it}$$

where:

Y_{it} — Total industrial output value (proxy for industry scale);

K_{it}, L_{it}, E_{it} — Inputs of Capital (Net Fixed Assets), Labor (Year-end Employment), and Energy (Total Energy Consumption), respectively;

RD_{it} — Internal R&D expenditure, representing the technology factor;

u_{it} — The non-negative technical inefficiency term, which is assumed to be a function of external environmental variables: $u_{it} = \delta_0 + \delta_1 OPEN_{it} + \delta_2 ER_{it} + \omega_{it}$;

$OPEN_{it}$ — Degree of openness (Ratio of total import/export to GDP);

ER_{it} — Environmental Regulation Intensity (Ratio of industrial pollution control investment to industrial value-added).

Estimation Results of the Production Frontier

The estimation results (Table 1) reveal the input-output characteristics of the industry. The model fits well ($R^2 = 0,996$), indicating that the selected input factors explain the vast majority of output variations.

Table 1

Stochastic Frontier Production Function Estimates

Таблица 1. Оценки стохастической границы производственной функции

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	P-value	Significance
Constant	3.4398	0.0741	46.45	0	***
ln(K) — Capital	0.0397	0.0203	1.95	0.0517	*
ln(L) — Labor	0.1846	0.0155	11.93	0	***
ln(E) — Energy	0.7797	0.0158	49.33	0	***
ln(RD) — R&D	-0.0132	0.0091	-1.46	0.1457	—

*Note: ***, *, * indicate significance at the 1%, 5%, and 10% levels, respectively

Source: Compiled by the author

The results present a striking structural feature: *Energy is the dominant driver*, with an output elasticity of 0.780. This implies that for every 1% increase in energy consumption, industrial output increases by 0.78%. In contrast, the elasticity of Capital (0.040) is relatively low, and R&D shows a statistically insignificant negative coefficient (-0.013). This finding confirms the “Efficiency Paradox” raised in the previous section: China’s lithium battery industry is still largely “energy-factor driven” rather than “innovation-driven”. The insignificant R&D coefficient suggests a “Solow Paradox” in the sector — massive R&D investments have not yet translated into immediate productivity gains, likely due to the long gestation period of solid-state battery technologies and material science breakthroughs.

Determinants of Inefficiency

We further analyzed the factors affecting technical inefficiency (u_{it}). The results (Table 2) strongly support the positive role of external pressures.

Table 2

Determinants of Technical Inefficiency

Таблица 2. Детерминанты технической неэффективности

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	P-value	Significance
Constant	0.3418	0.012	28.58	0	***
OPEN (Openness)	-0.0695	0.0283	-2.46	0.0145	**
ER (Env. Regulation)	-10.9577	2.5216	-4.35	0	***

Note: The dependent variable is the inefficiency term (u_{it}). A negative coefficient implies that the variable reduces inefficiency (i. e., improves efficiency)

Source: Compiled by the author

Openness (OPEN): The negative coefficient (-0.070) indicates that higher exposure to international markets significantly reduces inefficiency. This validates the “learning by exporting” hypothesis, where Chinese firms improve management and technology standards to meet stringent global requirements (e. g., EU Battery Regulation).

Environmental Regulation (ER): The strongly negative coefficient (-10.96) provides empirical evidence for the “Porter Hypothesis” in China’s lithium sector. Strict environmental regulations have not stifled the industry; instead, they have forced enterprises to innovate and optimize resource allocation, thereby improving overall technical efficiency.

Spatiotemporal Evolution of Efficiency

Based on the model, we calculated the Technical Efficiency (TE) scores for each province. Figure 3 illustrates the regional trends from 2015 to 2023.

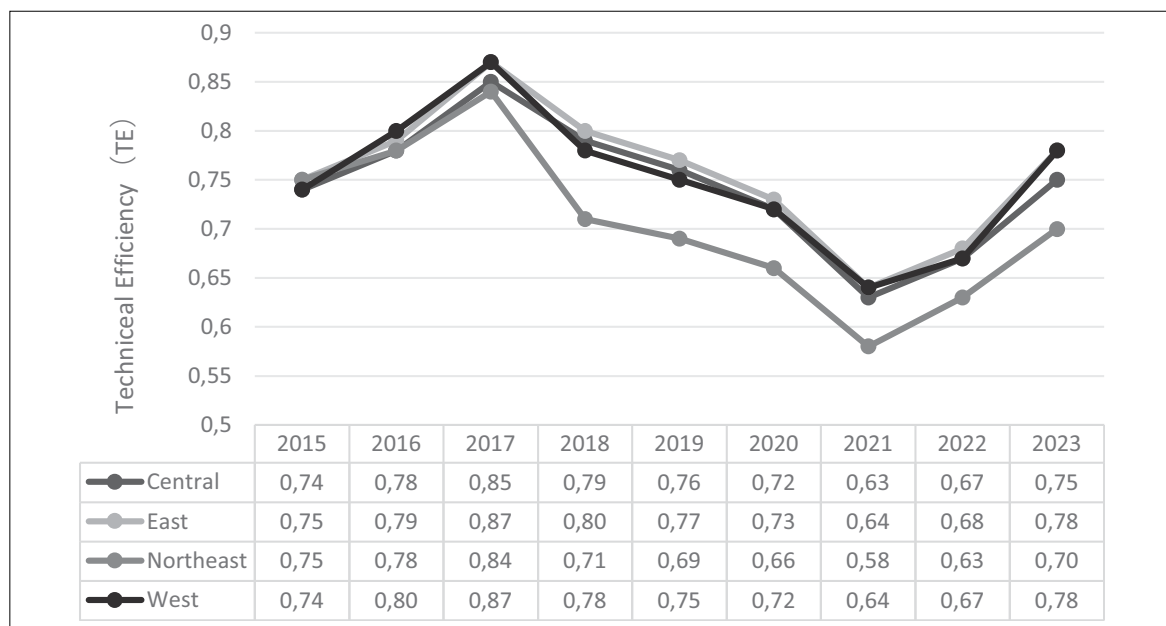

Fig. 3. Evolution of Technical Efficiency by Region (2015–2023)

Рис. 3. Эволюция технической эффективности по регионам (2015–2023 гг.)

Source: Calculated by the author

Three distinct patterns emerge:

Western Catch-up: Surprisingly, the Western region (e. g., Sichuan, Qinghai) has achieved a high efficiency level (mean TE ~0.78 in 2023), matching the Eastern coastal region. This convergence is driven by the “West-to-East Calculation/Energy” strategy, where new, state-of-the-art mega-factories are directly built in resource-rich western provinces, bypassing the legacy inefficiencies of older industrial bases;

Eastern Stability: The Eastern region remains the efficiency benchmark, benefiting from mature industrial clusters and advanced management practices;

Northeast Lag: The Northeast region (0.70) continues to lag, highlighting the difficulty of transitioning old industrial bases to new energy economies.

Chapter Summary

The empirical evidence in this chapter reveals a “Dual-Track” reality. While the industry relies heavily on energy inputs (extensive growth), external forces like globalization and environmental regulation are effectively pushing the frontier outward (intensive improvement). The unexpected rise of Western China suggests that *optimizing spatial layout* — moving production to renewable-energy-rich regions — is a viable path to breaking the “Energy-Efficiency Paradox”.

Conclusions and Policy Implications

Research Conclusions

This study empirically analyzed the spatial structure evolution and technical efficiency determinants of China’s lithium battery industry from 2015 to 2023, utilizing Stochastic Frontier Analysis (SFA) on provincial panel data [4, p. 5; 8, p. 12]. The core findings are as follows:

Verification of the “Efficiency Paradox”. Although China’s lithium battery industry has achieved exponential growth in scale (revenue exceeded 10 trillion RMB in 2023), the energy intensity has not declined synchronously but rather fluctuated at a high level. Empirical results indicate that the industry is still dominated by “energy factor driving” (elasticity 0.780) rather than “innovation driving” (R&D coefficient is insignificant), revealing a “Solow Paradox” characteristic in the current technological transformation phase, *which is consistent with the findings of Chen et al* [3, p. 108] regarding regional R&D efficiency.

Validation of the “Porter Hypothesis” [9, p. 98]: Environmental Regulation (ER) has a significant negative correlation with inefficiency (–10.96), meaning strict environmental standards have effectively forced enterprises to improve resource allocation efficiency [10, p. 800]. Similarly, openness (OPEN) significantly promotes efficiency through the “learning by exporting” effect.

Spatial Rebalancing and “Westward Shift”. The technical efficiency of the Western region (e. g., Sichuan, Qinghai) has rapidly converged with or even surpassed that of traditional Eastern industrial bases. This validates the effectiveness of the national strategy to layout battery manufacturing capacities near renewable energy sources (hydropower/lithium mines), forming a new pattern of “Western Manufacturing + Eastern Application” [5, p. 4295].

Policy Implications Based on the above conclusions, the following recommendations are proposed to promote the high-quality development of the industry in the context of the Eurasian energy transition:

First, optimize the spatial allocation of energy and capacity. Policymakers should further encourage the transfer of high-energy-consuming upstream links (such as cathode material sintering) to renewable-energy-rich regions in the West (Sichuan, Yunnan). Establishing “Zero-Carbon Battery Industrial Parks” in these regions can leverage green electricity advantages to break the “energy-efficiency paradox” and meet the carbon footprint requirements of the EU Battery Regulation [2, p. 242].

Second, strengthen the “innovation consortium” mechanism. To address the insignificance of R&D efficiency, the government should shift subsidies from “production scale” to “technical breakthrough”. Establishing cross-regional innovation consortiums involving leading enterprises (like CATL, BYD) and research institutes is crucial to overcoming bottlenecks in solid-state batteries and lithium recycling technologies [7, p. 79].

Third, persist in high-standard environmental opening-up. Given the positive effect of ER and Openness on efficiency, China should not relax environmental standards due to economic slowdown pressures. Instead, it should actively participate in the formulation of international battery standards (ISO/IEC) and align domestic regulations with global sustainability frameworks As Zhou et al. [11, p. 2] noted, consistent policy signals are vital for sustaining industrial competitiveness.

References

1. Aigner, D., Lovell, C. A. K., Schmidt, P. Formulation and Estimation of Stochastic Frontier Production Function Models // *Journal of Econometrics*. 1977. Vol. 6, No. 1. P. 21–37. DOI: 10.1016/0304-4076(77)90052-5
2. Battke, B., Schmidt, T. S., Grosspietsch, D., Hoffmann, V. H. A Review and Probabilistic Model of Lifecycle Costs of Stationary Batteries in Multiple Applications // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2013. Vol. 25. P. 240–250. DOI: 10.1016/j.rser.2013.04.023
3. Chen, K., Kou, M., Fu, X. Evaluation of Multi-Period Regional R&D Efficiency: An Application of Dynamic DEA to China’s Regional R&D Systems // *Omega*. 2018. Vol. 74. P. 103–114. EDN: YEXJDS. DOI: 10.1016/j.omega.2017.01.010
4. Coelli, T. J., Rao, D. S. P., O’Donnell, C. J., Battese, G. E. *An Introduction to Efficiency and Productivity Analysis*. 2nd ed. New York : Springer, 2005. DOI: 10.1007/b136381
5. Graedel, T. E., Harper, E. M., Nassar, N. T. Criticality of Metals and Metalloids // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112, No. 14. P. 4293–4298. DOI:10.1073/pnas.1500415112
6. Greene, W. H. *The Econometric Approach to Efficiency Analysis // The Measurement of Productive Efficiency and Productivity Growth* / ed. by Fried H. O., Lovell C. A. K., Schmidt S. S. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 92–250. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195183528.003.0002

7. Harper, G., Sommerville, R., Kendrick, E. [et al.]. Recycling Lithium-Ion Batteries from Electric Vehicles // Nature. 2019. No. 575 (7781). P. 75–86. DOI: 10.1038/s41586-019-1682-5
8. Kumbhakar, S. C., Lovell, C. A. K. Stochastic Frontier Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. ISBN: 0-521-48184-8. URL: https://web.xidian.edu.cn/pinganzhang/files/20120310_143457.pdf
9. Porter, M. E., van der Linde, C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, No. 4. P. 97–118. EDN: CBBDQB
10. Wang, H., Zhou, P., & Zhou, D. Q. Scenario-Based Energy Efficiency and Productivity in China: A Non-Radial Directional Distance Function Analysis // Energy Economics. 2013. No. 40. P. 795–803. DOI: 10.1016/j.eneco.2013.09.030
11. Zhou, N., Wu, Q., Hu, X. Research on the Policy Evolution of China's New Energy Vehicles Industry // Sustainability. 2020. Vol. 12, No. 9. 3629. DOI: 10.3390/su12093629

About the author:

Li Hao, Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation);
e-mail: 122939035@qq.com

Об авторе:

Ли Хао, аспирант, Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва, Российская Федерация);
e-mail: 122939035@qq.com

The author declares no relevant conflict of interests.

© Li Hao, 2026

Сравнительная оценка влияния глубины интеграции на динамику благосостояния стран — участниц ключевых интеграционных объединений

Чикова А. Е.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

e-mail: nastya.chikova@inbox.ru

ORCID: 0009-0009-7774-911X

РЕФЕРАТ

Современная архитектура международной интеграции характеризуется множественностью моделей, различающихся как по глубине институционального взаимодействия, так и по способности генерировать устойчивый рост благосостояния. В настоящей статье представлен сравнительный анализ пяти ведущих интеграционных объединений мира, направленный на выявление закономерностей между формальным уровнем интеграции и реальной динамикой экономического развития стран-участниц. **Цель.** Верификация гипотезы о наличии кумулятивного положительного эффекта от поэтапного углубления интеграционных процессов и определение характера связи между глубиной интеграции и динамикой благосостояния стран-участниц. **Задачи.** Провести сравнительный анализ динамики ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения в странах — участницах пяти интеграционных объединений, находящихся на разных ступенях «интеграционной лестницы»; оценить наличие конвергенции уровней экономического развития внутри каждого блока; выявить институциональные факторы, обуславливающие различия в траекториях роста благосостояния. **Методология.** Исследование базируется на сравнительном и статистическом анализе макроэкономических показателей. Основным индикатором выступает ВВП по ППС на душу населения. Анализ проведен для Европейского союза (ЕС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Рассматриваются три ключевых временных точки: момент вступления страны в объединение (базовый год), текущее состояние (на 2025 г.) и прогноз до 2030 г. **Результаты.** Выявлено, что характер влияния интеграции на благосостояние определяется не столько формальной стадией развития, сколько качеством институциональной архитектуры и наличием действенных механизмов перераспределения. В ЕС глубокая институционализация обеспечила устойчивый рост ВВП на душу населения и выраженную конвергенцию. В АСЕАН «мягкая» модель интеграции выступила драйвером роста, однако отсутствие фискального выравнивания воспроизводит глубокую стратификацию. В МЕРКОСУР динамика ВВП на душу населения отличается высокой волатильностью и неравномерностью, а ЕАЭС демонстрирует совокупный рост показателя при сохранении абсолютного разрыва между странами-участницами. **Выводы.** Связь между глубиной интеграции и экономической эффективностью носит нелинейный характер. Формальное продвижение по «ступеням интеграции» не является необходимым условием для роста благосостояния. Ключевым критерием эффективности выступает реальная способность объединения генерировать устойчивый рост и обеспечивать гармоничное развитие всех стран-участниц на достигнутом уровне взаимодействия.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция, глубина интеграции, благосостояние, ВВП по ППС на душу населения, конвергенция, институциональное развитие, ЕС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН

Для цитирования: Чикова А. Е. Сравнительная оценка влияния глубины интеграции на динамику благосостояния стран — участниц ключевых интеграционных объединений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 93–104. EDN: YFYAYW

Comparative Assessment of the Impact of Integration Depth on the Welfare Dynamics of Member Countries of Key Integration Blocs

Anastasia E. Chikova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: nastya.chikova@inbox.ru

ORCID: 0009-0009-7774-911X

ABSTRACT

The contemporary architecture of international integration is characterised by a multiplicity of models, which differ both in the depth of institutional interaction and in their capacity to generate sustained growth in prosperity. This article presents a comparative analysis of five leading integration blocs worldwide, aimed at identifying the patterns between the formal level of integration and the actual dynamics of economic development among member states. **Aim.** To verify the hypothesis regarding the cumulative positive effect of progressively deepening integration processes and to determine the nature of the relationship between the depth of integration and the dynamics of prosperity in member states. **Tasks.** To conduct a comparative analysis of Gross domestic product (GDP) per capita based on Purchasing Power Parity (PPP) in the member states of five integration blocs at different stages of the integration “ladder”; to assess the presence of convergence of economic development levels within each bloc; to identify institutional factors accounting for differences in the trajectories of prosperity growth. **Methods.** The study is based on comparative and statistical analysis of macroeconomic indicators. The primary indicator is GDP per capita based on PPP. The analysis is carried out for the European Union (EU), the Eurasian Economic Union (EAEU), the Southern Common Market (MERCOSUR), and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Three key points in time are considered: the moment a country joined the bloc (base year), the current state (2025), and a forecast up to 2030. **Results.** It is revealed that the nature of integration’s impact on prosperity is determined not so much by the formal stage of development, but by the quality of the institutional architecture and the presence of effective redistribution mechanisms. In the EU, deep institutionalisation has ensured sustained GDP per capita growth and pronounced convergence. In ASEAN, the “soft” integration model has acted as a driver of growth; however, the absence of fiscal equalisation reproduces deep stratification. In MERCOSUR, GDP per capita dynamics are characterised by high volatility and unevenness, while the EAEU demonstrates aggregate growth of the indicator alongside the persistence of an absolute gap between member states. **Conclusions.** The relationship between the depth of integration and economic efficiency is non-linear. Formal progression along the “stages of integration” is not a necessary condition for prosperity growth. The key criterion of effectiveness is the actual ability of a bloc to generate sustained growth and ensure the harmonious development of all member states at the achieved level of interaction.

Keywords: international economic integration, depth of integration, welfare, GDP per capita at PPP, convergence, institutional development, EU, EAEU, MERCOSUR, ASEAN

For citation: Chikova A. E. Comparative Assessment of the Impact of Integration Depth on the Welfare Dynamics of Member Countries of Key Integration Blocs // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 93–104 (In Russ.). EDN: YFYAYW

Введение

В научном дискурсе вопрос о сущности экономической интеграции традиционно рассматривается сквозь призму анализа ее потенциальных выгод и издержек. Согласно устоявшимся теоретическим представлениям, интеграционные процессы призваны стимулировать взаимную торговлю и инвестиции, способствовать более эффективному размещению ресурсов за счет усиления конкуренции и роста емкости внутреннего рынка, что в конечном счете должно привести к ускорению экономического роста и повышению уровня благосостояния. Вместе с тем при оценке выгод экономической интеграции закономерно возникает вопрос о целесообразности поэтапного углубления интеграционных объединений. Теоретической предпосылкой для возможной стабилизации данного процесса на достигнутом уровне выступает гипотеза о сохранении долгосрочных положительных эффектов от уже достигнутой стадии интеграции, которые продолжают приносить выгоды странам-участницам даже при отсутствии перехода к более сложным формам взаимодействия [1]. Данный тезис подкрепляется предположением о том, что переход к более высокой стадии интеграции сопряжен с дополнительными издержками [3]. Кроме того, существует мнение о том, что углубление интеграционных процессов способно усугубить структурные диспропорции внутри объединения и привести к поляризации условий экономического развития стран-участниц [4].

Идея линейного движения от простых форм к более сложным представляется автору в значительной степени идеализированной, создавая теоретическую предпосылку для оценки любого интеграционного объединения прежде всего через призму его поэтапного углубления. В соответствии с этой логикой отсутствие движения к более высоким формам взаимодействия зачастую интерпретируется как признак неэффективности или стагнации самого объединения [2]. Однако подавляющее большинство из 630 действующих региональных торговых соглашений, зарегистрированных во Всемирной торговой организации (ВТО), свидетельствует о том, что абсолютное большинство из них остаются на уровне зон свободной торговли. Доминирование в мировой практике базовых форм интеграции указывает на необходимость пересмотра оценочных критериев, смещающих акцент с формальной глубины интеграции на анализ ее реальной эффективности и способности приносить устойчивые выгоды участникам на достигнутом уровне взаимодействия¹.

В этой связи ключевой исследовательской задачей настоящего исследования выступает оценка выгод экономической интеграции на основе анализа динамики валового внутреннего продукта (ВВП) стран — участниц объединений с целью верификации гипотезы о наличии или отсутствии кумулятивного положительного эффекта от поэтапного углубления интеграционных процессов. Стабильно более высокие темпы экономического роста после вступления страны в интеграционное объединение, по мнению автора, могут свидетельствовать о положительном синергетическом эффекте, возникшем в результате либерализации и объединения рынков.

Результаты и обсуждение

Для проведения сравнительного анализа ВВП по ППС на душу населения автором предлагается рассмотреть три ключевых этапа: значение показателя на момент вступления страны в объединение (базовый год), его текущее состояние (2025 г.) и прогнозную оценку на 2030 г. Рост данного показателя служит индикатором перехода от экстенсивной к интенсивной модели экономического развития, результатом которого является повышение уровня жизни населения. Ключевым критерием эффективности интеграции выступает процесс сокращения разрыва в уровне экономического развития между более и менее развитыми странами-участницами. Следовательно, ВВП по ППС на душу населения является не только мерой общего благосостояния, но и индикатором конвергенции уровней экономического развития внутри интеграционного объединения.

¹ Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatoriy-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 13.01.2026).

Наиболее репрезентативным примером кумулятивного эффекта от поэтапного углубления интеграции выступает *Европейский союз (ЕС)*, динамика показателя которого демонстрирует устойчивую положительную связь между институциональным развитием и ростом благосостояния.

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения с 1993 по 2025 г. выявляет восходящий тренд, выраженный в совокупном увеличении показателя на 230,13%. Плавный рост в период 1993–1999 гг., связанный с запуском Единого внутреннего рынка (1993 г.)¹ и подписанием Амстердамского договора (1997 г.)², сменился последующим ускорением темпов роста, обусловленным образованием Экономического и валютного союза и введением единой валюты евро в 1999 г.³, что способствовало углублению европейской интеграции, создав мощный импульс для роста благосостояния и усиления роли ЕС в глобальной экономике.

Период 2000–2007 гг. ознаменовался активной институциональной консолидацией. Значительный вклад в увеличение показателя внесли масштабные расширения в 2004 и 2007 гг. за счет включения в состав ряда стран Центральной и Восточной Европы⁴. Вместе с тем, несмотря на достигнутые успехи, интеграционное объединение столкнулось с серьезными вызовами. В частности, кризис еврозоны (2009–2010 гг.) выявил структурные диспропорции, особенно в странах группы PIIGS, потребовав масштабных программ финансовой помощи и структурных реформ [6]. Последующие системные шоки, включая миграционный кризис 2015 г. и выход Великобритании из состава ЕС (Brexit) в 2020 г., создали дополнительную нагрузку на механизмы солидарности и управления⁵.

Тем не менее весьма устойчивый рост показателя после 2020 г. подтверждает наличие глубинных институциональных преимуществ интеграционной модели ЕС, которые не только компенсируют краткосрочные дисбалансы, но и обеспечивают положительную траекторию развития даже в условиях кризисов, демонстрируя высокую адаптивность и устойчивость системы (рис. 1).

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения в государствах — членах ЕС подтверждает наличие конвергенционного эффекта, обусловленного углублением интеграционных процессов. Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению абсолютного и относительного разрыва в уровне экономического развития между государствами-основателями и странами, присоединившимися в более поздние периоды, прежде всего государствами Центральной и Восточной Европы.

В частности, в Польше данный показатель увеличился с 14,5 тыс. в 2004 г. до 55,34 тыс. долл. в 2025 г., что соответствует росту в 281,66%. Схожая динамика характерна для Словакии, где показатель вырос с 14,91 тыс. до 47,6 тыс. долл. за аналогичный временной интервал (219,3%). Данная положительная динамика свидетельствует об эффективности институтов единого рынка, обеспечивающих свободное движение факторов производства, и инструментов структурной поддержки, в частности Европейского фонда регионального развития (ЕФРР), направленных на выравнивание социально-экономического развития регионов⁶.

Вместе с тем конвергенция внутри ЕС носит нелинейный характер, что проявляется в сохранении значительной внутренней стратификации. Процесс выравнивания уровней развития происходит на фоне устойчивой дифференциации экономических моделей и траекторий роста. С одной стороны, малые, высокоспециализированные экономики, такие как Ирландия и Люксембург, демонстрируют исключительные темпы роста, формируя особый кластер лидеров. С другой стороны, страны-основатели с высокой

¹ 30th Anniversary of the EU Single Market [Электронный ресурс] // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/30-years-of-the-eu-single-market/#> (дата обращения: 14.01.2026).

² Treaty of Amsterdam [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/the-parliament-and-the-treaties/treaty-of-amsterdam> (дата обращения: 14.01.2026).

³ The Euro: The Birth of a New Currency [Электронный ресурс] // European Central Bank. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/1999/html/sp990521.en.html> (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ History of Enlargement: From 6 to 27 Members [Электронный ресурс] // Enlargement and eastern Neighborhood. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/enlargement-policy/history-enlargement-6-27-members_en (дата обращения: 14.01.2026).

⁵ Brexit: UK Leaves EU After 47 Years [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/councilen/items/663312/en> (дата обращения: 14.01.2026).

⁶ European Regional Development Fund [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/funding/erdf_en (дата обращения: 14.01.2026).

исходной базой, включая Германию, Францию и Италию, показывают менее стремительные темпы роста (197,27%, 164,2% и 207,2% соответственно), что указывает на сближение уровня развития «старых» членов объединения и «новых»¹ (рис. 2).

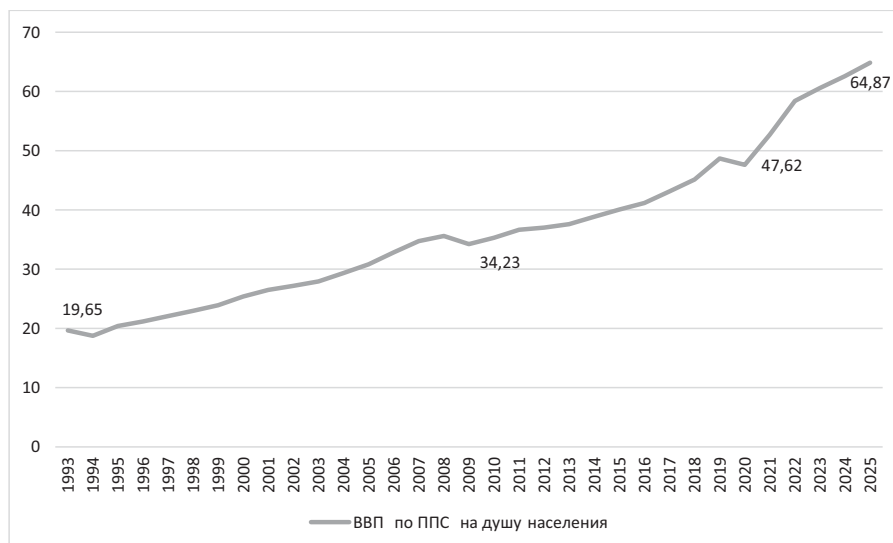

Рис. 1. Динамика ВВП по ППС на душу населения в ЕС (1993–2025 гг.), тыс. долл. США
 Fig. 1. Trends in GDP per Capita Based on PPP in the EU (1993–2025), Thousand US Dollars

Источник: составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF).
 URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/EU> (дата обращения: 14.01.2026).

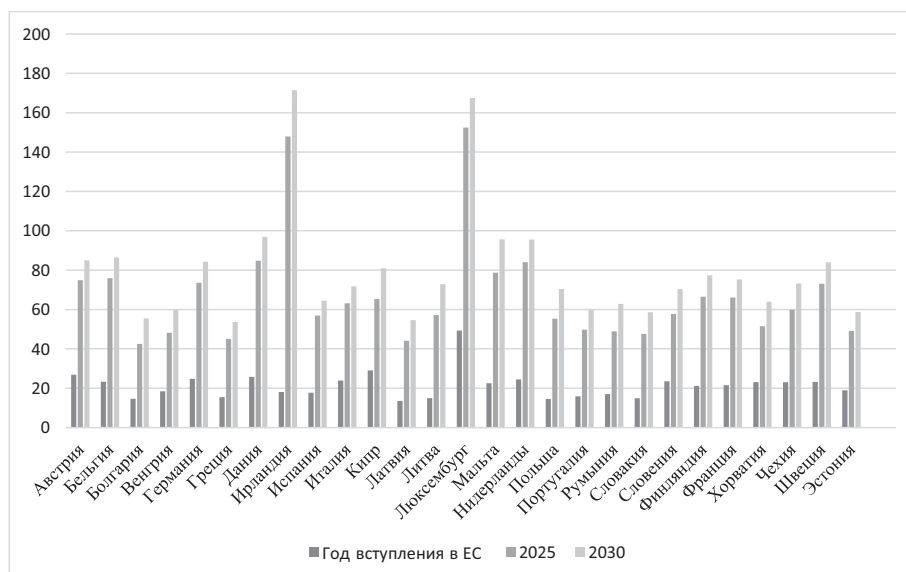

Рис. 2. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах ЕС, тыс. долл. США
 Fig. 2. Trends in GDP per Capita Based on PPP in EU Member States, Thousand US Dollars

Источник: составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF).
 URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/> (дата обращения: 14.01.2026).

¹ GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/> (дата обращения: 14.01.2026).

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) за период с 1980 по 2025 г. выявляет выраженный восходящий тренд, характеризующийся увеличением показателя с 1,1 до 18,81 тыс. долл. США¹. Период 1980–1996 гг. демонстрирует стабильный, почти экспоненциальный рост, обусловленный расширением состава участников (присоединение Брунея и Вьетнама)² и развитием сотрудничества с внешними партнерами, в частности установлением официального диалога с Россией в 1991 г.³ Несмотря на снижение показателя, вызванное Азиатским финансовым кризисом 1997–1998 гг., регион продемонстрировал высокую адаптивность, восстановив показатели уже к началу 2000-х гг.

Значительное ускорение темпов роста после 2000 г. совпадает с качественным углублением интеграционной повестки, включая подписание Соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между АСЕАН и Китаем (АСФТА) в 2002 г.⁴ и создание Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) в 2010 г.⁵ Данные меры способствовали активному включению стран-участниц в глобальные и региональные цепочки создания стоимости, что обеспечило устойчивый рост даже в условиях глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Дальнейшая институционализация взаимодействия, завершившаяся формированием Сообщества АСЕАН в 2015 г., закрепила положительные эффекты за счет координации в экономической, политической и социальной сферах, что подтверждается ростом доли региона в мировом экспорте и притоке прямых иностранных инвестиций⁶ (рис. 3).

Для АСЕАН характерна существенная дифференциация по показателю ВВП по ППС на душу населения, что отражает специфику ее «мягкой» модели интеграции, допускающей значительную экономическую разнородность участников. Так, диапазон значений на 2025 г. простирается от 4,95 тыс. долл. США в Мьянме до 156,97 тыс. в Сингапуре, что формирует внутрирегиональную стратификацию на несколько изолированных кластеров: высокоразвитые экономические центры (Сингапур, Бруней, Малайзия), демонстрирующие высокие абсолютные показатели и темпы роста; страны со средним уровнем доходов (Таиланд, Индонезия, Вьетнам), выступающие драйверами общего роста; и наименее развитые государства (Камбоджа, Лаос, Мьянма).

Вместе с тем представленные данные свидетельствуют о том, что интеграция в формате АСЕАН создает институциональные и экономические предпосылки для ускоренного догоняющего развития стран с низкими стартовыми позициями. Наиболее выраженный рост демонстрируют Вьетнам и Индонезия, чьи показатели к 2025 г. увеличились в 9–16 раз относительно момента вступления в объединение, что указывает на их успешную интеграцию в региональные производственно-сбытовые цепочки и способность привлекать прямые иностранные инвестиции⁷ (рис. 4).

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения в рамках Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) выявляет траекторию, характеризующуюся выраженной волатильностью, длительными фазами стагнации и высокой зависимостью от внешних конъюнктурных шоков.

После умеренного роста в 1990-х гг. последовал период рецессии в 1999–2002 гг., спровоцированный экономическим кризисом и политической нестабильностью в Аргентине [7]. Последующий период до 2014 г. ознаменовался наиболее динамичным ростом, обусловленным глобальным сырьевым су-

¹ GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO> (дата обращения: 14.01.2026); Population, Total [Электронный ресурс] // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 14.01.2026).

² Vietnam in ASEAN: Toward Cooperation for Mutual Benefits [Электронный ресурс] // The Association of Southeast Asian Nations. URL: <https://asean.org/vietnam-in-asean-toward-cooperation-for-mutual-benefits/> (дата обращения: 14.01.2026).

³ ASEAN — Russia Dialogue Partnership Overview [Электронный ресурс] // Mission of the Russian Federation to ASEAN. URL: https://asean.mid.ru/en/asean_russia/dialogue_partnership/ (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ Framework Agreement on Comprehensive Economic Co-Operation Between ASEAN and the People's Republic of China Phnom Penh, 4 November 2002 [Электронный ресурс] // The Association of Southeast Asian Nations. URL: <https://asean.org/framework-agreement-on-comprehensive-economic-co-operation-between-asean-and-the-peoples-republic-of-china-phnom-penh-4-november-2002-2/> (дата обращения: 14.01.2026).

⁵ ASEAN Free Trade Area (AFTA) [Электронный ресурс] // World Trade Organization (WTO). URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicShowRTAIDCard.aspx?rtaid=1170> (дата обращения: 14.01.2026).

⁶ Kuala Lumpur Declaration on The Establishment of The ASEAN Community [Электронный ресурс] // The Association of Southeast Asian Nations. URL: <https://asean.org/kuala-lumpur-declaration-on-the-establishment-of-the-asean-community/> (дата обращения: 14.01.2026).

⁷ GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/> (дата обращения: 14.01.2026).

перциклом, выразившемся в беспрецедентном росте цен на энергоносители [5]. Однако зависимость от сырьевых товаров предопределила уязвимость модели: с падением мировых цен на энергоресурсы после 2014 г. последовала глубокая и затяжная рецессия, в ходе которой показатель сократился с 16,46 до 15,73 тыс. долл. США¹.

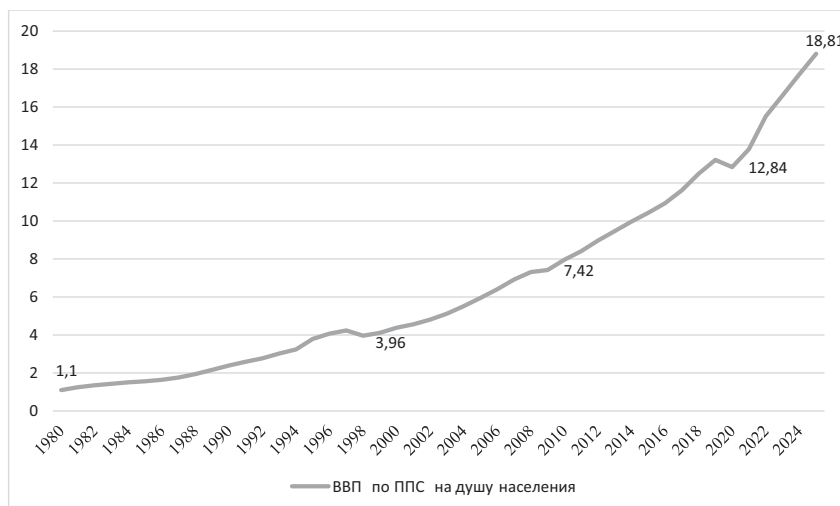

Рис. 3. Динамика ВВП по ППС на душу населения в АСЕАН (1980–2025 гг.), тыс. долл. США
 Fig. 3. Trends in GDP per Capita Based on PPP in ASEAN (1980–2025), Thousand US Dollars

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPP@WEO>; Population, Total [Электронный ресурс] // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 14.01.2026).

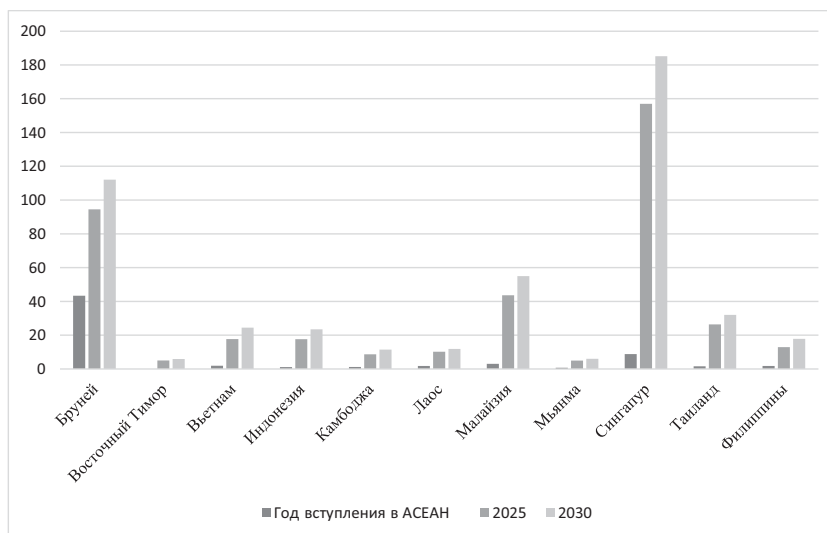

Рис. 4. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах АСЕАН, тыс. долл. США
 Fig. 4. Trends in GDP per Capita Based on PPP in ASEAN Member States, Thousand US Dollars

Источник: составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPP@WEO/> (дата обращения: 14.01.2026).

¹ GDP per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita // International Monetary Fund (IMF) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPP@WEO> (дата обращения: 15.01.2026); Population, Total [Электронный ресурс] // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 15.01.2026).

Период после 2016 г. демонстрирует медленное и неустойчивое восстановление, сдерживаемое структурными проблемами интеграционного объединения. К ним относятся сохраняющиеся внутренние торговые барьеры, частые смены политических курсов в странах-членах и сравнительная слабость наднациональных институтов, которые часто отодвигаются на второй план национальными политическими интересами. В этой связи МЕРКОСУР активно переориентируется на развитие внешних партнерств, рассматривая их как инструмент диверсификации и стимулирования роста, о чем свидетельствуют усилия по завершению соглашения с ЕС (рис. 5).

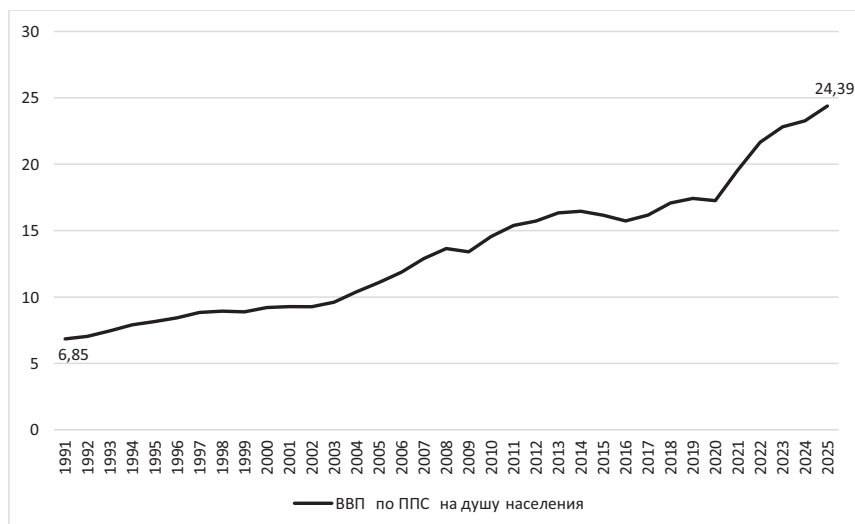

Рис. 5. Динамика ВВП по ППС на душу населения в МЕРКОСУР (1991–2025 гг.), тыс. долл. США

Fig. 5. Trends in GDP per Capita Based on PPP in MERCOSUR (1991–2025), Thousand US Dollars

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF).

URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO>; Population, Total [Электронный ресурс] // World Bank Group.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 15.01.2026).

Анализ уровня ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах МЕРКОСУР позволяет выявить характерные структурные диспропорции и разнонаправленные траектории развития внутри данного интеграционного объединения. Наблюдается выраженная экономическая асимметрия между странами, где даже при общем росте показателя сохраняется значительный разрыв в абсолютных уровнях благосостояния. Так, в 2025 г. Уругвай демонстрирует наиболее высокий показатель среди стран-участниц (37,19 тыс. долл.), опережая крупнейшие экономики блока — Аргентину и Бразилию¹. Данная тенденция обусловлена совокупностью структурных факторов, ключевыми из которых являются исторически сложившаяся политическая стабильность и высокое качество институтов, формирующие предсказуемую среду для инвестиций. Важным аспектом является относительно небольшое население, что при значительном совокупном ВВП закономерно приводит к высокому душевому показателю². Вместе с тем Аргентина также сохраняет один из наиболее высоких уровней благосостояния в регионе (31,31 тыс. долл.), что отражает положительный эффект от проводимых структурных реформ, направленных на макроэкономическую стабилизацию, сокращение бюджетного дефицита и дерегуляцию экономики³ (рис. 6).

¹ GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO/> (дата обращения: 15.01.2026).

² Uruguay Economic Outlook. June 2025 [Электронный ресурс] // BBVA Research. URL: <https://www.bbvarresearch.com/en/publicaciones/uruguay-economic-outlook-2025/> (дата обращения: 15.01.2026).

³ OECD Economic Surveys: Argentina 2025 [Электронный ресурс] // Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/07/oecd-economic-surveys-argentina-2025_4a5ddf67/27dd6e27-en.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

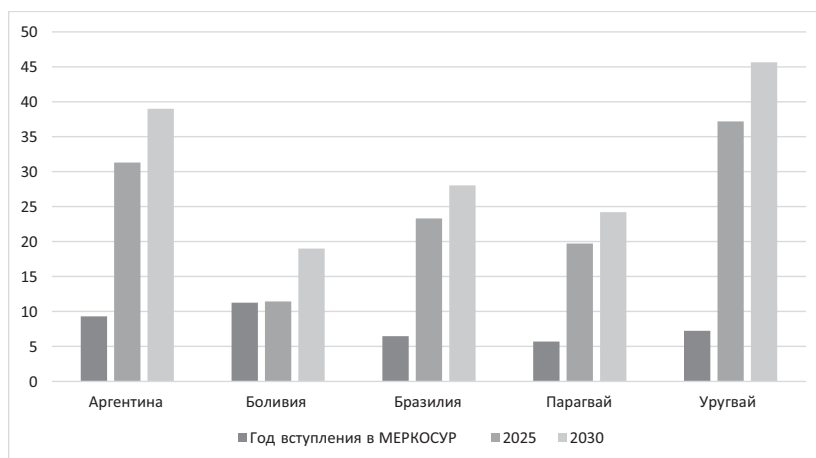

Рис. 6. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах МЕРКОСУР, тыс. долл. США

Fig. 6. Trends in GDP per Capita Based on PPP in MERCOSUR Member States, Thousand US Dollars

Источник: составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF).

URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO>; GDP Per Capita PPP [Электронный ресурс] // World Economics.

URL: <https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Wealth/GDP-Per-Capita-PPP.aspx> (дата обращения: 15.01.2026).

Иной траекторией развития характеризуется *Евразийский экономический союз (ЕАЭС)*, анализ динамики ВВП по ППС на душу населения которого с 2015 по 2025 г. демонстрирует устойчивый и значительный рост на 92,4%¹. Данная положительная траектория отражает совокупный эффект от функционирования общего рынка и координации макроэкономической политики, подкрепленный высокой адаптивностью экономик к внешним вызовам. Важную роль сыграли активное импортозамещение и наращивание внутреннего производства, сопровождаемые мерами по стимулированию внутреннего спроса и поддержке бизнеса, что способствовало восстановлению потребительской и инвестиционной активности.

Особого внимания заслуживает устойчивость объединения к кризисным явлениям. В отличие от других интеграционных объединений, пандемийный 2020 г. привел лишь к незначительному замедлению темпов прироста, что было обеспечено скоординированными мерами поддержки и относительно меньшей интеграцией в наиболее пострадавшие глобальные цепочки². Последующий период (2021–2025 гг.) характеризуется ускорением роста показателя, связанным как с восстановлением глобальной конъюнктуры, так и с активизацией внутренних интеграционных процессов, включая реализацию инфраструктурных инициатив³. Таким образом, динамика показателя отражает способность модели ЕАЭС обеспечивать устойчивое повышение уровня благосостояния даже в условиях внешней турбулентности (рис. 7).

Анализ динамики ВВП по ППС на душу населения в странах — участницах ЕАЭС выявляет значительный, но крайне неравномерный рост, что указывает на наличие позитивного интеграционного эффекта при одновременном сохранении структурной разнородности внутри объединения. За период с 2015 по 2025 г. государства демонстрируют двукратный и более рост показателя, при этом темпы варьируются от 87,92% в Киргизии до 12,74% в Армении.

Вместе с тем представленные данные подтверждают наличие устойчивого экономического неравенства между участниками объединения. Несмотря на опережающие темпы роста, разрыв между наиболее развитыми и наименее развитыми экономиками увеличивается в абсолютном выражении. Так,

¹ GDP Per Capita, Current Prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPPC@WEO> (дата обращения: 16.01.2026); Population, Total // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 16.01.2026).

² Обзор ключевых мер и решений ЕЭК [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/covid-19/measures.php> (дата обращения: 16.01.2026).

³ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегия–2025) [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/strategy-2025/> (дата обращения: 16.01.2026).

в 2025 г. ВВП по ППС на душу населения в России составляет 49,05 тыс. долл., в Казахстане — 44,78 тыс., тогда как в Киргизии — лишь 8,87 тыс., что указывает на отсутствие выраженного эффекта конвергенции¹. Стремительный рост показателя в крупнейших экономиках объединения, обусловленный преимущественно внутренними факторами, такими как благоприятная конъюнктура на сырьевых рынках, активный приток инвестиций, рост внутреннего потребления и реализация программ диверсификации, лишь подчеркивает, что динамика благосостояния в рамках ЕАЭС остается в значительной степени зависимой от роста отдельных стран-участниц, а не от выравнивающего воздействия наднациональных институтов (рис. 8).

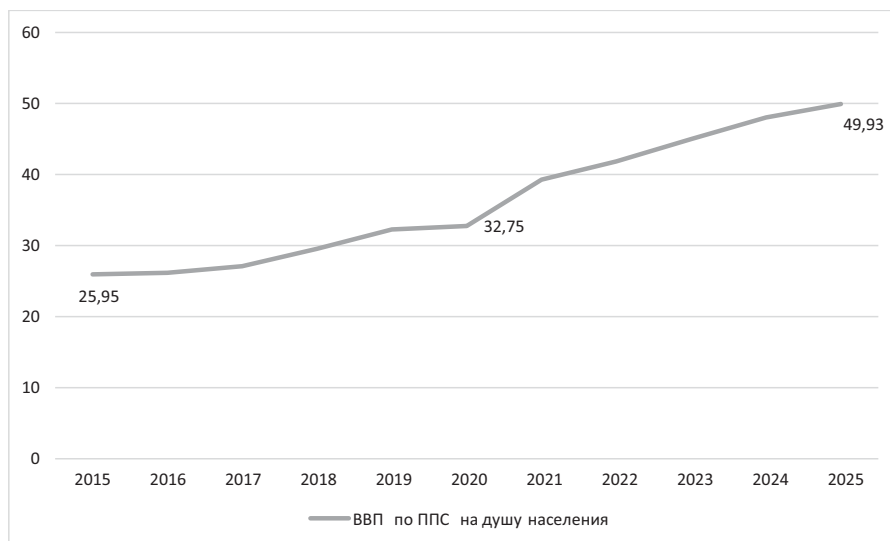

Рис. 7. Динамика ВВП по ППС на душу населения в ЕАЭС (2015–2025 гг.), тыс. долл. США
 Fig. 7. Trends in GDP per Capita Based on PPP in the EAEU (2015–2025), Thousand US Dollars

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF).

URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPCC@WEO/> (дата обращения: 16.01.2026); Population, Total [Электронный ресурс] // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 16.01.2026).

Заключение

Проведенный сравнительный анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих существенное значение для понимания природы и закономерностей современных интеграционных процессов. Отправной точкой анализа послужила гипотеза о возможном несоответствии между формальным углублением интеграции и реальными экономическими выгодами, извлекаемыми странами-участницами на каждом из достигнутых уровней взаимодействия. Эмпирическая верификация данной гипотезы, осуществленная на основе данных по интеграционным объединениям, находящимся на различных стадиях институционального развития, позволила не только количественно оценить эффекты интеграции, но и выявить качественные характеристики каждой из рассмотренных моделей.

Результаты исследования подтверждают, что глубокая институционализация взаимодействия способна обеспечивать кумулятивный эффект, выражающийся в устойчивом росте благосостояния. Наиболее репрезентативным примером выступает ЕС, где поступательное институциональное развитие не только обеспечило рост среднего уровня ВВП на душу населения, но и сформировало выраженный конвергенционный эффект. Вместе с тем даже в условиях высокой степени интеграции конвергенция носит нелинейный характер и не исключает внутреннюю стратификацию, обусловленную структурными особенностями национальных экономик.

¹ GDP Per Capita, Current prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPCC@WEO/> (дата обращения: 16.01.2026).

В свою очередь опыт объединений с участием развивающихся стран выявляет еще более сложную картину взаимосвязей. Пример АСЕАН демонстрирует, что «мягкие» модели интеграции способны выступать мощным катализатором роста благосостояния, однако отсутствие действенных механизмов фискального выравнивания обуславливает сохранение глубокой экономической стратификации, при которой интеграция функционирует преимущественно как институциональная рамка для асинхронного национального роста, а не как инструмент целенаправленной конвергенции. Еще более показательным является случай МЕРКОСУР, где формальное углубление интеграции при отсутствии гармонизации политик и слабости наднациональных институтов не только не генерирует устойчивый рост, но и воспроизводит структурные диспропорции, синхронизируя экономические циклы стран-участниц с волатильной внешней конъюнктурой. Динамика ЕАЭС также подтверждает тезис о нелинейности. Значительный совокупный рост благосостояния сочетается с сохранением абсолютного разрыва между наиболее и наименее развитыми экономиками, что указывает на доминирование внутренних факторов над интеграционными механизмами перераспределения.

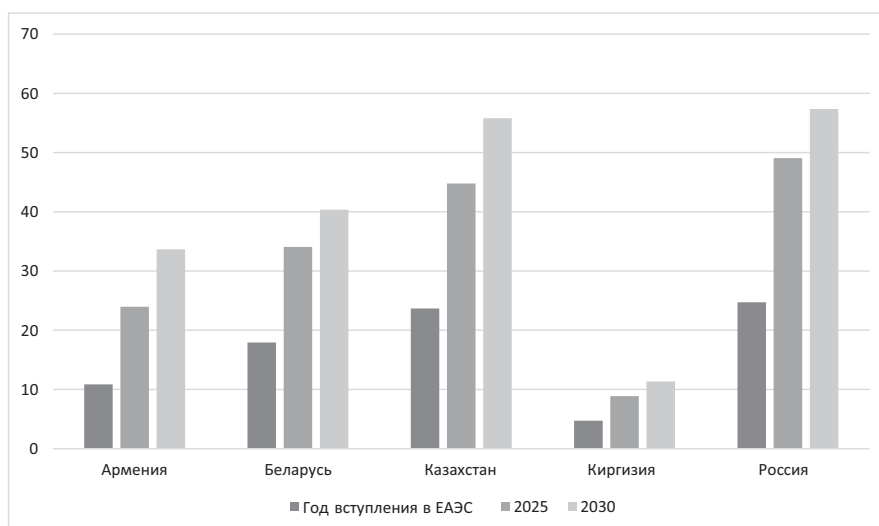

Рис. 8. Динамика ВВП по ППС на душу населения в странах — участниках ЕАЭС, тыс. долл. США

Fig. 8. Trends in GDP per Capita Based on PPP in EAEU Member States, Thousand US Dollars

Источник: составлено автором на основе данных GDP Per Capita, Current prices, Purchasing Power Parity, International Dollars per Capita [Электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPP/PC@WEO/> (дата обращения: 16.01.2026).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что соотношение между глубиной интеграции и ее экономической эффективностью носит сложный, нелинейный характер. Продвинутое стадии интеграции при соответствующем институциональном обеспечении способны генерировать максимальные выгоды и обеспечивать устойчивую конвергенцию. Вместе с тем примеры интеграционных объединений с участием развивающихся стран демонстрируют, что формальное продвижение по «ступеням интеграции» не является ни гарантией успеха, ни универсально необходимым условием для повышения благосостояния стран-участниц. Следовательно, ключевым критерием эффективности интеграционного объединения выступает реальная способность генерировать устойчивый рост благосостояния, обеспечивать макроэкономическую стабильность и создавать условия для гармоничного развития всех стран-участниц на достигнутом уровне взаимодействия.

Список литературы

1. Буторина О. В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции // Международные процессы. 2024. Т. 22. № 3-4. С. 6–28. EDN: FQZCAI. DOI: 10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.1

2. Буторина О. В., Борко Ю. А. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1. С. 5–20. EDN: FOZSGP. DOI: 10.31857/S0201708322010016
3. Кондратьева Н. Б. Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива. М. : РАН. 2020. 384 с. ISBN: 978-5-907036-79-6. EDN: OOEPAD
4. Ушкалова Д. И. Экономические эффекты региональной интеграции. Мифы и реальность // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 4. С. 120–137. EDN: ZDDBWF
5. Guss B. After the Boom — Commodity Prices and Economic Growth in Latin America and the Caribbean // IMF Working Paper. 2014. No. 14 (154). P. 1–42. DOI: 10.5089/9781498363518.001
6. Kalsie A., Pandey J. Measurement of Eurozone Crisis for PIIGS Nations: Through Composite Indexes Approach // Transnational Corporations Review. 2020. Vol. 12, No. 3. P. 250–264. EDN: OAOYQ. DOI: 10.1080/19186444.2020.1733370
7. Zettelmeyer J. Lessons from the 2000–2002 Crisis in Argentina for the Sustainability of the Euro. Peterson Institute for International Economics (PIIE). 2018. Vol. 16 (03). P. 21–24. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/zettelmeyer201809dice-report.pdf>

Об авторе:

Чикова Анастасия Евгеньевна, преподаватель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства, научный сотрудник Центра прикладных исследований факультета международного бизнеса, выпускающий редактор журнала «Международный бизнес», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: nastya.chikova@inbox.ru; ORCID: 0009-0009-7774-911X

References

1. Butorina, O. V. The European Union and the Long Cycles of Economic Integration // International Trends. 2024. Vol. 22, No. 3-4. P. 6–28. (In Russ.) EDN: FQZCAI. DOI: 10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.1
2. Butorina, O. V., Borko, Yu. A. Benefits of Regional Integration: Towards Redefining the Concept // Contemporary Europe. 2022. No. 1. P. 5–20. (In Russ.) EDN: FOZSGP. DOI: 10.31857/S0201708322010016
3. Kondratieva, N. B. The European Model of Market Integration. Formation and Prospects. Moscow : RAS. 2020. 384 p. ISBN: 978-5-907036-79-6. (In Russ.) EDN: OOEPAD
4. Ushkalova, D. I. Economic Effects of Regional Integration: Myths and Reality // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 4. P. 120–137. (In Russ.) EDN: ZDDBWF
5. Guss, B. After the Boom — Commodity Prices and Economic Growth in Latin America and the Caribbean // IMF Working Paper. 2014. No. 14 (154). P. 1–42. DOI: 10.5089/9781498363518.001
6. Kalsie, A., Pandey, J. Measurement of Eurozone Crisis for PIIGS Nations: Through Composite Indexes Approach // Transnational Corporations Review. 2020. Vol. 12, No. 3. P. 250–264. EDN: OAOYQ. DOI: 10.1080/19186444.2020.1733370
7. Zettelmeyer, J. Lessons from the 2000–2002 Crisis in Argentina for the Sustainability of the Euro. Peterson Institute for International Economics (PIIE). 2018. Vol. 16 (03). P. 21–24. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/zettelmeyer201809dice-report.pdf>

About the author:

Anastasia E. Chikova, Lecturer at the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership, Research Fellow at the Centre for Applied Research, School of International Business, Managing Editor of the International Business Journal, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
e-mail: nastya.chikova@inbox.ru; ORCID: 0009-0009-7774-911X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чикова А. Е., 2026

Современное состояние и перспективы экономического сотрудничества Монголии и ЕАЭС

Хаш-Эрдэнэ Самбалхундэв^{1, 2, *}, Галбадрах Сосорбарам³

¹Общество «Знание» Монголии, Улан-Батор, Монголия

²Университет Дархан, Дархан, Монголия

³Академия управления, Улан-Батор, Монголия

* e-mail: irias07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6950-2100

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Рассмотреть и выявить особенности экономического взаимодействия Монголии и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на современном этапе. Проанализировать исторически сложившиеся торговые связи и структуры внешней торговли как пример асимметричного интеграционного взаимодействия и перспективы дальнейшего развития. **Методология.** В ходе исследования авторами использовались следующие методы: хронологический подход, метод анализа документов, метод системного анализа, институциональный анализ и контент-анализ.

Результаты. Авторы акцентировали внимание на том, что Монголия, располагаясь в самом центре Евразии, обладает стратегическими возможностями для подключения к ЕАЭС. Опираясь на статистические данные, показано, что торговый оборот ведется в основном с Россией (97,2%), а на остальные страны — члены ЕАЭС приходится всего лишь 2,8%. **Выводы.** Необходимо реализовать широким фронтом торговые отношения между Монголией и странами — членами ЕАЭС в первую очередь в сфере энергетики (разработка, добыча и экспорт редкоземельных элементов, лития, меди, титана, угля, урана) и транспортных коммуникаций.

Ключевые слова: торговые соглашения, экономическая интеграция, барьеры во внешней торговле, экономическое сотрудничество, торгово-экономические связи

Для цитирования: Хаш-Эрдэнэ Самбалхундэв, Галбадрах Сосорбарам. Современное состояние и перспективы экономического сотрудничества Монголии и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 105–114. EDN: WQIDCE

Current State and Prospects of Economic Cooperation between Mongolia and EAEU

Khash-Erdene Sambalkhundeв^{a, b, *}, Galbadrakh Sosorbaram^c

^aKnowledge Society of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

^bDarkhan University, Darkhan, Mongolia

^cAcademy of Management, Ulaanbaatar, Mongolia

* e-mail: irias07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6950-2100

ABSTRACT

Aim and tasks. To examine and identify the specific features of economic interaction between Mongolia and the Eurasian Economic Union (EAEU) at the present stage. To analyze historically established trade relations and foreign trade structures as an example of asymmetric integration interaction and prospects for further development. **Methods.** During the study, the authors used the following

methods: chronological approach, document analysis method, system analysis method, institutional analysis and content analysis. **Results.** The authors emphasized that Mongolia, being located in the very center of Eurasia, has strategic opportunities for joining the EAEU. Based on statistical data, it is shown that trade turnover is conducted mainly with Russia (97.2%), and with other EAEU member countries — only 2.8%. **Conclusions.** It is necessary to implement a broad front of trade relations between Mongolia and the EAEU member countries, primarily in the energy sector (development, extraction and export of rare earth elements, lithium, copper, titanium, coal, uranium) and transport communications.

Keywords: trade agreements, economic integration, barriers to foreign trade, economic cooperation, trade and economic relations

For citation: Khash-Erdene Sambalkhudev, Galbadrakh Sosorbaram. Current State and Prospects of Economic Cooperation between Mongolia and EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 105–114 (In Russ.). EDN: WQIDCE

Введение

Экономическая интеграция как процесс объединения национальных экономик через создание согласованных правил и снижение торговых барьеров является одной из центральных тем современной экономической науки. Региональные торговые соглашения выступают ключевым инструментом интеграции, способствуя формированию благоприятной среды для международной торговли, более глубокого экономического сотрудничества и устойчивого роста национальных экономик.

С точки зрения теории международной торговли торговые соглашения рассматриваются как форма координации экономической политики государств, позволяющая минимизировать транзакционные издержки, расширять доступ на рынки и повышать конкурентоспособность национальных экономик. Классические теории сравнительных преимуществ [6] и факторов производства [9] обосновывают целесообразность специализации стран на производстве товаров и услуг, в которых они обладают относительными преимуществами, а торговые соглашения институционально закрепляют эти процессы. В разных регионах мира существуют интеграционные объединения, отличающиеся по географическим и экономическим показателям. Пример таможенных союзов развивающихся стран, таких как Южноафриканский таможенный союз подтверждает, что такие интеграционные объединения могут развиваться, несмотря на различия в процессах формирования, экономический потенциал участников, глубину взаимодействия и программы интеграции. ЕАЭС не занимает лидирующих позиций по экономическим показателям, но имеет достаточно большой потенциал развития [5].

В рамках теории экономической интеграции [2] выделяются несколько этапов интеграции: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз. Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС, Союз), будучи таможенным союзом с элементами общего рынка, стремится к углублению интеграции между государствами-участниками, что создает дополнительные возможности для третьих стран, заинтересованных в развитии торгово-экономических связей с данным объединением.

Монголия, не являясь членом ЕАЭС, в то же время объективно заинтересована в развитии экономического сотрудничества с государствами Союза, прежде всего в силу географической близости, исторически сложившихся торговых связей и структуры своей внешней торговли.

Следует отметить, что 12 декабря 2025 г. Великим государственным хуралом Монголии было ратифицировано Временное торговое соглашение между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Монголией, с другой стороны. Следом, 19 декабря 2025 г. Совет Федерации Госдумы России на пленарном заседании также ратифицировал данное соглашение, а 29 декабря 2025 г. Президент РФ В. В. Путин подписал закон «О ратификации Временного торгового соглашения между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Монголией, с другой стороны»¹.

¹ Ратифицировано временное торговое соглашение между ЕАЭС и Монголией [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/78918> (дата обращения: 29.12.2025).

Ожидается, что данное соглашение позволит увеличить ВВП Монголии на 0,02%, объем инвестиций — на 2,57%, а экспорт в страны ЕАЭС — на 24,1%. Итак, соглашение, подписанное 27 июня 2025 г. в Минске, будет направлено на либерализацию и упрощение торговли товарами между сторонами, в том числе посредством снижения или устранения тарифных и нетарифных барьеров в соответствии с положениями Соглашения, а также на поддержку экономического и торгового взаимодействия сторон. ТН ВЭД (товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности) — это классификатор товаров, используемый при проведении таможенных операций.

Таким образом, торговые соглашения между Монголией и ЕАЭС отныне стали стратегическим инструментом развития взаимной торговли и экономического сотрудничества.

Глобализация мировой экономики стимулирует государства к активному поиску новых форм взаимодействия. Для Монголии стратегическое значение имеет развитие связей с ЕАЭС, в который входят Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Кыргызстан. Несмотря на то, что Монголия не является полноправным членом ЕАЭС, страна имеет статус наблюдателя и активно сотрудничает с Союзом по ряду направлений¹.

Монголия, располагаясь в самом центре Евразии, обладает стратегическими возможностями для подключения к Евразийской экономической интеграции. В частности, ЕАЭС и широкомасштабное евразийское экономическое сотрудничество открывают для Монголии новые перспективы в области торговли, инвестиций, транспортно-логистических связей и других сфер экономики.

Текущее состояние внешней торговли Монголии

В 2024 г. Монголия торговала с 163 странами, и общий товарооборот внешней торговли достиг 27,4 млрд долл. Из этой суммы экспорт составил 15,8 млрд долл., импорт — 11,6 млрд долл., что дало положительное сальдо в размере 4,2 млрд долл. Среди основных торговых партнеров по совокупным объемам экспорта и импорта на первом месте находится Китай, на долю которого приходится 91,4% экспорта и 40,2% импорта Монголии. На втором месте — Россия, на которую приходится 0,6% экспорта и 24,3% импорта.

Несмотря на диверсификацию внешнеэкономических связей и политику открытости, Россия остается одним из главных торгово-экономических партнеров Монголии [4].

По состоянию на 2023 г. сумма экспорта и импорта Монголии составляет 147,2% ВВП, что ставит страну на 26-е место в мире. Этот показатель демонстрирует высокую активность Монголии во внешней торговле (табл. 1).

Таблица 1

Индекс экономической открытости Монголии и других стран
Table 1. Index of economic openness of Mongolia and other countries

Место	Страна/Группа	Экспорт (% ВВП)	Импорт (% ВВП)	Индекс открытости	Соотношение экспорт/импорт
1	Люксембург	212,5%	181,7%	394,2%	1,17
2	Гонконг	176,2%	175,4%	351,6%	1
6	Сингапур	174,3%	136,9%	311,2%	1,27
26	Монголия	78%	69,2%	147,2%	1,13
173	Россия	23,1%	18,7%	41,8%	1,23
181	Китай	19,7%	17,6%	37,3%	1,12
191	США	11,6%	15,4%	27%	0,76
–	Средний мировой показатель	29,27%	28,7%	57,9%	1,02
–	Европейский союз	52,69%	48,9%	101,6%	1,08

Источник: World Bank. Mongolia economic update. Washington, DC: World Bank, 2023

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Сборник нормативных актов ЕАЭС. М., 2014. 64 с.

Основные торговые соглашения Монголии заключены с отдельными странами и международными экономическими объединениями. По состоянию на 2025 г. Монголия характеризуется открытой и благоприятной правовой средой для привлечения иностранных инвестиций. В целях развития международного экономического сотрудничества правительство Монголии заключило соглашения об избежании двойного налогообложения с 26 государствами, генеральные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с 24 странами, а также двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций с 42 государствами. Монголия уже имеет действующие соглашения с Японией, ЕС, странами АТР, а также временное торговое соглашение с ЕАЭС. Ведутся переговоры о заключении соглашений с Китаем и Южной Кореей (табл. 2). Эти договоренности создают для Монголии возможности расширения экспорта и доступа на крупные региональные рынки.

Таблица 2

Торговые соглашения, заключенные Монголией с другими странами и международными экономическими объединениями, а также находящиеся в процессе переговоров

Table 2. Trade agreements concluded by Mongolia with other countries and international economic associations, including those in the process of negotiations

Страна/региональная организация	Тип соглашения	Срок/дата вступления в силу	Примечания
Япония	Экономическое партнерство (EPA)	Данное соглашение было утверждено в 2016 г. и начало реализовываться с 07.06.2017	97% экспортируемых из Монголии товаров освобождены от пошлин; снижение тарифов на ~5700 товаров для Монголии, ~9300 товаров для Японии
Европейский союз (ЕС)	Система дополнительных торговых преференций (GSP+)	2005–2023 гг. — участие в схемах по три года, новая схема 2024–2027 гг.	Освобождение от пошлин более 7200 наименований товаров; приоритет для текстиля, кожи, шерсти, напитков, мебели, электроники и металлов
Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение	Свободная торговля	Монголия присоединилась в 2021 г.	Более 10 тыс. наименований товаров с преференциями для Китая, Южной Кореи, Индии, Лаоса, Бангладеш, Шри-Ланки
Южная Корея	Экономическое партнерство (в процессе переговоров)	Ведутся переговоры	Планируемое соглашение о снижении тарифов и стимулировании торговли
Китай	Свободная торговля (в процессе переговоров)	Ведутся переговоры	Планируемое соглашение о снижении тарифов на экспорт в Китай
ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения)	Временное торговое соглашение	Временное соглашение было утверждено парламентом Монголии в декабре 2025 г.	367 видов товаров Монголии экспортируются беспошлинно на рынок ЕАЭС; открывает доступ к странам — членам Союза

Источник: составлено авторами

Рассмотрим некоторые результаты реализации соглашений о преференциальной торговле и экономическом сотрудничестве, действующих в Монголии. В рамках Соглашения об экономическом партнерстве, вступившего в силу в 2016 г., Монголия получила возможность экспортировать в Японию 97% своей продукции на льготных тарифных условиях. При этом Монголия с момента вступления соглашения в силу отменила таможенные тарифы на 59% импортируемых товаров (3429 товарных позиций), тогда как Япония освободила от таможенных пошлин 86% товаров (около 8000 товарных позиций).

Благодаря данному соглашению некоторые монгольские товары, такие как кашемир, овечья шерсть, кожевенное сырье и мясная продукция, получили возможность поступать на японский рынок на льготных тарифных условиях. Несмотря на рост экономических связей во внешней торговле между двумя странами, в 2016–2024 гг. структура товарооборота практически не изменилась. Согласно статистическим данным, номенклатура монгольского экспорта, его стоимостной объем и уровень инвестиций существенно не увеличились.

Со стороны Европейского союза в рамках системы торговых преференций из более чем 6300 товарных позиций льготным режимом пользуются свыше 70 видов товаров и продукции из Монголии. В денежном

выражении объем предоставленных тарифных преференций составил: в 2015 г. 15 млн евро, в 2016 г. — 18 млн евро, в 2017 г. — 17,2 млн евро, в 2018 г. — 11,5 млн евро, в 2019 г. — 14,06 млн евро, в 2020 г. — 14,05 млн евро, в 2021 г. — 12,9 млн евро, а в 2022 г. — 23,5 млн евро. Относительно невысокий рост объемов экспорта в Японию и страны Европейского союза во многом связан с географической удаленностью Монголии, что приводит к увеличению транспортных издержек, а также с ограничением количества продукции, соответствующей высоким стандартам качества, предъявляемым на рынках этих стран.

Рассмотрим вопросы внешнеторговых отношений между Российской Федерацией и Монголией.

Несмотря на то, что в период с 1920 по 1990 гг. экономические отношения с Россией были весьма тесными, в 1990–2020 гг. в условиях рыночной экономики связи между Монголией и Россией приобрели, скорее, политический и геополитический характер, нежели торгово-экономический. Существует мнение, что, хотя определенные трудности связаны с тарифными и нетарифными ограничениями, которые Российская Федерация применяет к экспортным товарам Монголии, главной причиной сокращения торгового оборота стало разрушение интеграционных связей, сформировавшихся в период социализма между странами — членами Совета экономической взаимопомощи. Эти связи включали кооперацию в области экономики, промышленности, технологий, рабочей силы, сырья и производства. В результате российские перерабатывающие предприятия, которые раньше использовали в качестве сырья монгольскую минеральную продукцию и сельскохозяйственные товары, прекратили свое существование, что нанесло ущерб обеим странам. В последние годы торговля между Монголией и Россией демонстрирует тенденцию к росту. Так, по сравнению с 2019 г. в 2024 г. импорт увеличился на 63,2%, а экспорт — на 47,9%. Торговля Монголии с Россией является весьма убыточной: по состоянию на 2024 г. Монголия зафиксировала торговый дефицит в размере 2,78 млрд долл., что стало наибольшим отрицательным показателем во внешней торговле страны (табл. 3).

Таблица 3

Данные о торговле Монголии с ЕАЭС (млн долл.)
Table 3. Data on Mongolia's trade with the EAEU (\$ million)

Страна	Год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Россия	Экспорт	68,1	57,3	112,8	93,4	112,7	100,7
	Импорт	1729,9	1400,0	1955,2	2611,5	2386,3	2824,8
	Сальдо	-1661,8	-1342,7	-1842,4	-2518,1	-2273,6	-2724,1
Казахстан	Экспорт	6,23	1,39	2,17	7,82	22,02	6,80
	Импорт	29,1	18,0	18,9	30,7	54,7	47,3
	Сальдо	-22,9	-16,6	-16,7	-22,9	-32,7	-40,5
Кыргызстан	Экспорт	0,41	0	0,24	2,24	7,65	2,58
	Импорт	0,3	0,5	1,4	2,9	0,9	1,6
	Сальдо	0,1	-0,5	-1,2	-0,6	6,7	1,0
Беларусь	Экспорт	0	0	0	0,37	0,57	0,05
	Импорт	33,7	52,0	44,1	42,6	32,4	24,6
	Сальдо	-33,7	-52,0	-44,1	-42,2	-31,8	-24,6
Армения	Экспорт	0	0	0	0,04	0,06	0,07
	Импорт	0,1	1,1	0,5	0,9	0,7	0,7
	Сальдо	-0,1	-1,1	-0,5	-0,8	-0,6	-0,6
ЕАЭС (страны в сумме)	Экспорт	74,8	58,7	115,2	103,9	143,0	110,2
	Импорт	1793,2	1471,6	2020,2	2688,6	2475,0	2899,0
	Сальдо	-1718,4	-1412,9	-1905,0	-2584,7	-2332,0	-2788,8

Источник: составлено авторами

По состоянию на 2024 г. доля России в общем объеме внешней торговли Монголии со странами ЕАЭС составила 97,2%, Казахстана — 1,8%, Беларуси — 0,8%, Кыргызстана — 0,1%, Армении — 0,02%.

Рынок ЕАЭС является одним из основных экспортных направлений для Монголии. Особенно Россия и Казахстан рассматриваются как рынки с высоким экспортным потенциалом для Монголии.

Монголия получила преференции для широкого спектра экспортно-ориентированных товаров, включая мясную продукцию, кашемир и шерстяные изделия [12]. В товарной структуре экспорта в Россию за первое полугодие 2025 г. 63,2% приходится на плакированный шпат, 10,4% на шины, 8,2% на картофель, орехи, шоколад, алкогольные напитки и другие продукты питания; оставшуюся часть составляют прочие товары. В структуре импорта из России 74% занимают нефтепродукты, 4% продукты питания (свинина, растительное масло, мука и изделия из нее), а остальное приходится на удобрения, электроэнергию, сталь и другие товары. При этом экспорт Монголии в Россию за последние годы не демонстрирует существенного расширения ассортимента, напротив, растет импорт топлива и энергоносителей. До подписания соглашения пошлина в размере 15–50% распространялась на 29 видов мяса и мясных продуктов, 60 видов кожевенного сырья, 204 вида изделий из шерсти и кашемира, а также 65 видов сельскохозяйственной продукции.

Краткий обзор торговли Монголии с другими странами ЕАЭС

Казахстан. Это важный торговый партнер Монголии в регионе, имеющий стратегическое значение с точки зрения поставок. Монголия импортирует из Казахстана основные потребительские товары, такие как топливо и мука, а свои традиционные экспортные товары, например шерсть и мясо, поставляет туда.

Беларусь. Объем торговли невелик, но имеет особое значение в определенных товарных секторах. Запчасти и оборудование для сельского и горного хозяйства Монголии сильно зависят от рынка тракторов и грузовых автомобилей Беларуси.

Киргизия. Двусторонний торговый оборот пока остается на низком уровне и требует совместных усилий для расширения возможностей торговли. Несмотря на транспортные и логистические сложности, Киргизия может быть потенциальным рынком для традиционных ремесленных товаров Монголии и источником продовольствия.

Армения. Это одна из стран с низким объемом торговли с Монголией, и торговля сосредоточена на очень ограниченном числе товаров. Двусторонние торговые отношения на данный момент ограничиваются небольшим обменом алкогольной продукции и некоторых сырьевых материалов.

Проблемы

Основные барьеры связаны с таможенно-тарифной политикой, техническим регулированием и отсутствием унифицированных стандартов. Кроме того, географическая удаленность от большинства членов ЕАЭС (кроме России и Казахстана) создает дополнительные логистические издержки. Ограниченная номенклатура экспорта объясняется существующими трудностями при выходе монгольской продукции на российский рынок. Среди основных препятствий во внешней торговле Монголии с Россией можно выделить следующие:

- чрезмерно высокие таможенные пошлины: на сельскохозяйственное сырье устанавливается тариф в размере 15–50%, что снижает конкурентоспособность монгольских товаров на российском рынке;
- установление импортных квот на мясо и мясные продукты, ограничивающих объем поставок;
- жесткие требования технического регулирования для сельскохозяйственного сырья;
- сложность таможенных процедур: получение сертификата соответствия в России занимает 4–6 месяцев, при этом срок его действия ограничен одним годом.

Таким образом, тарифные и нетарифные барьеры представляют собой реальные трудности для монгольских предприятий, желающих сотрудничать с Россией. Теперь у Монголии появляется возможность беспрошльного выхода на евразийский рынок. В 2019 г. Монголия получила статус наблюдателя при ЕАЭС, что открыло новые возможности для участия в заседаниях и обмена информацией¹. На двусторон-

¹ Eurasian Economic Commission. Annual report on the functioning of the EAEU. Moscow : EEC, 2020.

нем уровне действуют соглашения о таможенном сотрудничестве, развитии транспортных коридоров и агропромышленного взаимодействия. В июне 2025 г. в Минске было заключено Временное торговое соглашение между Монголией и ЕАЭС. В рамках данного соглашения 367 видов товаров и продукции из Монголии могут экспортироваться на рынок ЕАЭС без уплаты таможенных пошлин. В результате соглашения Монголия получила возможность пользоваться таможенными льготами при торговле с такими государствами — членами ЕАЭС, как Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения. В соответствии с подписанным торговым соглашением аграрии стран ЕАЭС будут иметь преференциальные условия для поставок на рынок Монголии таких принципиально важных товаров, как пшеница, кукуруза, молочная продукция, растительные масла, изделия из мяса и птицы, сахар, кондитерские изделия, сыры, минеральная вода и алкогольная продукция. Что касается промышленных товаров, то рост поставок прогнозируется по таким видам продукции, как металлургическая продукция (ферросплавы, горячекатаный и холоднокатаный прокат, прутки, уголки, трубы и т. д.), моторные транспортные средства (автомобили, автобусы, грузовики, спецтехника, автокомпоненты, прицепы и т. д.), продукция железнодорожного машиностроения и химической промышленности (полимеры, пластиковые плиты и детали), шины, азотные удобрения, лекарства и т. д.

В свою очередь, монгольским товарам будет предоставлен преференциальный доступ по мясу (конина, мясо крупнорогатого скота, баранина, мясные консервы, субпродукты), молочной продукции (йогурты, сыр), товарам легкой промышленности (шерсть, нити), а также готовым качественным изделиям легпрома, включая трикотажную и текстильную одежду. По оценкам исследователей, использующих модель общего равновесия торговли, экспорт мяса и мясопродуктов может увеличиться на 140%, кожаных изделий — на 152%, а продукции из шерсти и кашемира — на 134%. Рынок пяти стран ЕАЭС для мяса, кожи и шерстяной продукции оценивается в 15 млрд долл., что открывает перспективы роста стоимости животноводческого сырья и кожевенных материалов. Основными торговыми партнерами Монголии в рамках ЕАЭС выступают Россия и Казахстан. По итогам 2024 г. общий торговый оборот Монголии со странами — членами ЕАЭС составил 3,0 млрд долл., из которых 2,9 млрд долл. пришлось на импорт и 110 млн долл. — на экспорт. В результате образовался дефицит торгового баланса в размере 2,8 млрд долл.

Перспективы сотрудничества

Расширение торговли. Монголия получила преференции для широкого спектра экспортно-ориентированных товаров, включая мясную продукцию, кашемир и шерстяные изделия. Для монгольских производителей и предпринимателей открывается широкая возможность беспошлинного экспорта 367 видов продукции на рынок ЕАЭС с населением более 183 млн чел. (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Армения). В структуре импорта Монголии из ЕАЭС преобладают нефтепродукты, электроэнергия, машины и оборудование, тогда как экспорт ориентирован на сельскохозяйственную продукцию, уголь, текстиль и мясо¹.

Транспорт и инфраструктура. Ключевым направлением является развитие транзитного потенциала Монголии. Инициатива «Один пояс — один путь» может предоставить множество возможностей для такой не имеющей выхода к морю страны, как Монголия. Преимущество строительства экономического коридора заключается в реализации давнего стремления Монголии получить доступ к морским портам и активизировать свою экономику за счет развития зон свободной торговли в приграничных городах, улучшения инфраструктуры и экспорта готовой продукции на рынки третьих стран [10].

Реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс — один путь» и сопряжение с транспортными коридорами ЕАЭС может превратить Монголию в важное звено евразийской логистики.

Экономический коридор Китай — Монголия — Россия является одной из ключевых инициатив концепции «Один пояс — один путь» [1]. Ключевыми аспектами дальнейшего развития коридора являются совершенствование транспортной и энергетической инфраструктуры, углубление институциональной интеграции и либерализация торговых процедур. Развитие модели «узлы-сети», ориентированной на

¹ World Bank. Mongolia economic update. Washington, DC : World Bank, 2023.

создание многоцентровой экономической структуры, может стать основой для устойчивого роста и взаимовыгодного взаимодействия стран [8]. Стоит обратить внимание на один важный вопрос: исследователи предупреждают, что крупные кредиты, предоставляемые КНР в рамках инициативы «Один пояс — один путь» на развитие инфраструктуры, могут в будущем привести к значительному долговому бремени, и Монголия входит в число таких стран [11].

Энергетика. Перспективно и сотрудничество в области возобновляемой энергетики и экспорта электроэнергии. Монголия обладает значительными ресурсами солнечной и ветровой энергии, что соответствует приоритетам «зеленой экономики»¹. В сентябре 2025 г. на встрече лидеров России, Монголии и Китая было принято решение о реализации проекта строительства магистрального газопровода «Сила Сибири–2» из России в Китай через территорию Монголии. Этот проект рассматривается как стратегический шаг в рамках экономического коридора Монголия — Китай — Россия. Реализация газопровода позволит укрепить энергетическое сотрудничество и расширить экспортные возможности региона.

Заключение

Экономическое сотрудничество между Монголией и ЕАЭС имеет значительный потенциал, особенно в сферах торговли, инфраструктуры и энергетики. Однако для его реализации необходимо преодолеть барьеры, связанные с различиями в стандартах, тарифной политике и институциональной среде. В долгосрочной перспективе углубление сотрудничества может способствовать устойчивому развитию Монголии и усилению роли ЕАЭС в Евразии. Заключение свободного торгового соглашения между Монголией и ЕАЭС открывает для Монголии возможность беспошлинного экспорта товаров, что способствует росту экспорта и расширению рынков сбыта. Соглашение снижает торговые барьеры, уменьшая издержки для монгольских экспортеров и стимулируя двустороннюю торговлю. Кроме того, оно укрепляет экономическое сотрудничество и интеграцию Монголии в региональные экономические процессы. Подписание соглашения знаменует собой новый этап развития торговых отношений между странами ЕАЭС и Монголией. Оно охватывает 367 товарных субпозиций для каждой стороны, на которые будут обнулены или снижены таможенные пошлины с момента вступления документа в силу. Соглашение заключается на три года с возможностью продления его действия еще на один трехлетний период.

«Согласно статистике, тарифными преференциями будет охвачено 2 млрд долл. экспортных поставок ЕАЭС в Монголию, то есть более 90%. Согласованные преференции позволят компаниям ЕАЭС экономить ежегодно до 100 млн долл», — отметил министр по торговле Евразийской экономической комиссии Андрей Слепнев².

По его словам, в соответствии с подписанным торговым соглашением аграрии стран ЕАЭС будут иметь преференциальные условия для поставок на рынок Монголии таких принципиально важных товаров, как пшеница, кукуруза, молочная продукция, растительные масла, изделия из мяса и птицы, сахар, кондитерские изделия, сыры, минеральная вода и алкогольная продукция. Что касается промышленных товаров, то рост поставок прогнозируется по таким видам продукции, как металлургическая продукция (ферросплавы, горячекатаный и холоднокатаный прокат, прутки, уголки, трубы и т. д.), моторные транспортные средства (автомобили, автобусы, грузовики, спецтехника, автокомпоненты, прицепы и т. д.), продукция железнодорожного машиностроения и химической промышленности (полимеры, пластиковые плиты и детали), шины, азотные удобрения, лекарства и т. д.

В свою очередь, монгольским товарам будет предоставлен преференциальный доступ по мясу (кошеница, мясо крупнорогатого скота, баранина, мясные консервы, субпродукты), молочной продукции (йогурты, сыр), товарам легкой промышленности (шерсть, нити), а также готовым качественным изделиям легпрома, включая трикотажную и текстильную одежду.

¹ OECD. Mongolia: Towards a green economy. Paris: OECD, 2021.

² ЕАЭС и Монголия заключили временное торговое соглашение [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaunion.org/news/eaes-i-mongoliya-zaklyuchili-vremennoe-torgovoe-soglashenie/> (дата обращения: 27.06.2025).

Возможности для дальнейшей кооперации заложены в нетарифной части соглашения: в области технического регулирования, санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер, таможенного сотрудничества, электронной торговли и экономического сотрудничества¹.

Надо надеяться на то, что со временем получат дальнейшее развитие торговые отношения между Монголией и ЕАЭС (в частности, с Россией) в сфере энергетики (разработка, добыча и экспорт редкоземельных элементов, лития, меди, титана, угля, урана) [3; 7] и транспортных коммуникаций.

Список литературы

1. *Акаев А. А., Кефели И. Ф.* Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 2. С. 10–25. EDN: JRDWKI. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25
2. *Баласса Б.* Теория экономической интеграции. М. : Прогресс, 1966. 256 с.
3. *Калинин Р., Хатмуллин А.* Российско-монгольское сотрудничество: состояние и перспективы в условиях борьбы за ресурсы в Евразии // Международная жизнь. 2024. № 6. С. 62–71. EDN: LATJON
4. *Моломжамц Д.* Актуальные вопросы монголо-российских торговых отношений на современном этапе // Мөнгө, санхүү, баялаг. 2018.09. С. 48–57. URL: https://www.mongolbank.mn/file/files/documents/MB_sanhuu09-4-127-45-54.pdf
5. *Панина Е. А.* Евразийский экономический союз на мировой карте интеграционных объединений // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 2 (6). С. 115–128. EDN: VZVYQR
6. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М. : Эксмо, 2007. 312 с. ISBN: 978-5-699-18745-4. EDN: QSIPPH
7. *Тинькова А. А., Тумурбаатар Хишигдэлгэр.* Перспективы торгово-экономического сотрудничества Монголии со странами ЕАЭС // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2024. № 3. С. 116–125. EDN: JQFXQJ. DOI: 10.18101/2304-4446-2024-3-116-125
8. *Фадеева А. Ю.* Перспективы реализации экономического коридора «Китай — Монголия — Россия» в контексте интеграционных процессов Евразии // Евразийские исследования. 2025. № 2 (4). С. 60–74. EDN: DLJUMY. DOI: 10.48647/ICCA.2025.58.14.006
9. *Хекшер Э., Олин Б.* Теория международной торговли. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
10. *Bor E., Erdenetsogt N.* Impact of the “The Belt and Road Initiative” on Mongolia // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 2024. No. 1 (41). DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30032024/8118
11. *Hurley J., Morris S., Portelance G.* Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. Center for Global Development Policy Paper, 2018. Washington, DC : Center for Global Development. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf>
12. *Namzhilova V. O.* Mongolia in the System of Eurasian Economic Integration: Opportunities and Constraints // Far Eastern Studies. 2025. No. 6. P. 96–108. EDN: MOJBMQ. DOI: 10.7868/S2712909825060072

Об авторах:

Хаш-Эрдэнэ Самбалхундэв, доктор философии, профессор, академик Академии геополитических проблем и Международной академии Чингисхана, Председатель общества «Знание» Монголии (Улан-Батор, Монголия), член правления Международной ассоциации лидеров Просвещения, науки и образования, Университет Дархан (Дархан, Монголия);
e-mail: irias07@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6950-2100

Галбадрах Сосорбарам, кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и финансового управления, Академия Управления (Улан-Батор, Монголия);
e-mail: galaa5@yahoo.com

¹ См. подробнее: ЕАЭС и Монголия заключили временное торговое соглашение [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-mongoliya-zaklyuchili-vremennoe-torgovoe-soglashenie> (дата обращения: 27.06.2025).

References

1. Akaev, A. A., Kefeli, I. F. Projects and Realities of Forming a Great Eurasian Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 2. P. 10–25. (In Russ.) EDN: JRDWKI. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25
2. Balassa, B. Theory of Economic Integration. Moscow : Progress, 1966. 256 p. (In Russ.)
3. Kalinin, R., Khatmullin, A. Russian-Mongolian Cooperation: Status and Prospects in the Context of the Struggle for Resources in Eurasia // International Affairs. 2024. No. 6. P. 62–71. (In Russ.) EDN: LATJOH
4. Molomzhamts, D. Current Issues of Mongolian-Russian Trade Relations at the Present // Stagemoney, Finance, Wealth. 2018.09. P. 48–57. (In Russ.) URL: https://www.mongolbank.mn/file/files/documents/MB_sanhuu09-4-127-45-54.pdf
5. Panina, E. A. The Urasiane Economic Union on the World Map of Integration Associations // International Trade and Trade Policy. 2016. No. 2 (6). P. 115–128. (In Russ.) EDN: VZYVQR
6. Ricardo, D. Principles of Political Economy and Taxation. Moscow : Eksmo, 2007. 312 p. ISBN: 978-5-699-18745-4. (In Russ.) EDN: QSIPPH
7. Tinkova, A. A., Khishigdelger, T. Prospects for Trade and Economic Cooperation between Mongolia and the EEU Countries // Bulletin of Buryat State University. Economy and Management. 2024. No. 3. P. 106–125. (In Russ.) EDN: JQFXQJ. DOI: 10.18101/2304-4446-2024-3-116-125
8. Fadeeva, A. Yu. Prospects for the Implementation of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor (CMREC) in the Context of Eurasian Integration Processes // Eurasian Research. 2025. No. 2 (4). P. 60–74. (In Russ.) EDN: DLJUMY. DOI: 10.48647/ICCA.2025.58.14.006
9. Heckscher, E., Ohlin, B. The Theory of Trade. Moscow : Progress, 1991, 320 p. (In Russ.)
10. Bor, E., Erdenetsogt, N. Impact of the “The Belt and Road Initiative” on Mongolia // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 2024. No. 1 (41). DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30032024/8118
11. Hurley, J., Morris, S., Portelance, G. (2018) Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. Center for Global Development Policy Paper, 2018, Washington, DC : Center for Global Development. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf>
12. Namzhilova, V. O. Mongolia in the System of Eurasian Economic Integration: Opportunities and Constraints // Far Eastern Studies. 2025. No. 6. P. 96–108. EDN: MOJBMQ. DOI: 10.7868/S2712909825060072

About the authors:

Khash-Erdene Sambalkhudev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Academician of the Academy of Geopolitical Problems and the International Genghis Khan Academy, Chairman of the Knowledge Society of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia), Member of the Board of the International Association of Leaders of Education, Science and Education, Darkhan University (Darkhan, Mongolia);
e-mail: irias07@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6950-2100

Galbadrakh Sosorbaram, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Financial Management, Academy of Management (Ulaanbaatar, Mongolia);
e-mail: galaa5@yahoo.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Хаш-Эрдэнэ Самбалхүндэв, Галбадрах Сосорбарам, 2026

Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН: вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 2¹)

Ковалёв В. С.^{1, 2, *}, Максимов С. В.^{3, 4}

¹ МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

⁴ Институт экономики РАН, Москва, Российская Федерация

* e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru

РЕФЕРАТ

Статья подготовлена в двух частях, первая из которых была опубликована в предыдущем номере журнала. В статье исследованы современное состояние и проблемы правового регулирования фармацевтического сектора Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), а также БРИКС и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в сфере конкуренции и влияние такого регулирования на обеспечение технологической независимости данных международных объединений и отдельных стран, входящих в их состав. **Цель.** Предложить возможные пути развития правового регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС, а также перспективные направления правовой регламентации взаимодействия ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН в данной сфере. **Задачи.** Оценить современное состояние правового регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС на наднациональном уровне применительно к созданию условий для развития конкуренции на общем рынке лекарственных средств. Изучить механизмы ценового регулирования в фармсекторах стран Союза. Изучить национальные практики обеспечения доступности лекарственных средств для населения. Сравнить подходы к регулированию фармацевтических рынков Индии, Китая, Бразилии, АСЕАН. **Методология.** Использовано сочетание общенаучных и специальных научных методов познания (включая контентный и сравнительный анализ правовых текстов), оптимально отвечающих содержанию и структуре предмета исследования. **Результаты.** Сформировано целостное представление об актуальном состоянии правового регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС для целей обеспечения конкуренции. Проведен анализ актуального состояния процесса формирования общего рынка лекарственных средств в ЕАЭС, выделены его преимущества и недостатки. Изучены механизмы ценового регулирования в фармсекторах на национальном уровне, подготовлены предложения по гармонизации соответствующих подходов на уровне Союза и подключения к данной работе государств-наблюдателей при ЕАЭС. Проанализированы институты принудительного лицензирования и дистанционной продажи лекарственных средств как инструменты повышения доступности лекарственных средств. Дан сравнительный обзор правового регулирования фармацевтических рынков Индии, Китая, Бразилии, АСЕАН. Сформулированы предложения по возможным направлениям взаимодействия ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН в рассматриваемой сфере. **Выводы.** Перспективы развития правовых основ фармацевтического сектора ЕАЭС связаны не только с гармонизацией страновых подходов к ценовому регулированию, внедрением эффективных («бесшовных») и прозрачных механизмов регулирования фармацевтического сектора в рамках Большого Евразийского партнерства (ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН), но и с созданием

¹ Продолжение статьи. Первую часть см.: Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. № 4. С. 98–107. EDN: OJLPEP. URL: <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/1519/683>

механизмов превенции антиконкурентного поведения субъектов рынка, вовлечением в эту работу уполномоченных органов государств-наблюдателей при ЕАЭС. Решение этих задач будет способствовать росту инвестиционной активности и технологической независимости региона в целом.

Ключевые слова: интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС, АСЕАН, Большое Евразийское партнерство (БЕП), конкуренция, конкурентное право, антимонопольное регулирование, фармацевтический рынок, лекарства, технологическая независимость

Для цитирования: Ковалёв В. С., Максимов С. В. Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН: вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 115–123. EDN: WSBFLT

The Pharmaceutical Sector as a Driver of Technological Independence of the EAEU, BRICS, ASEAN: Issues of Pro-Competitive Legal Regulation (Part 2)

Vladimir S. Kovalev^{a, b, *}, Sergey V. Maksimov^{c, d}

^a MGIMO-University, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

^d Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

* e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru

ABSTRACT

The article was prepared in two parts, the first of which was published in the previous issue of the journal. The article examines the current state and problems of legal regulation of the pharmaceutical sector of the Eurasian Economic Union (EAEU, Union), as well as BRICS and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) from the point of competition and the impact of such regulation on ensuring the technological independence of these international associations and their member states. **Aim.** To offer possible ways to develop competition in the pharmaceutical sector of the EAEU, as well as promising areas of interaction between the EAEU, BRICS and ASEAN in this area. **Tasks.** To assess the current state of legal regulation of the pharmaceutical sector of the EAEU at the supranational level in terms of forming conditions for the development of competition in the common market of medicines. To study the mechanisms of price regulation in the pharmaceutical sectors of the member states of the Union. To analyze national practices of ensuring the availability of medicines for the population. To compare approaches to regulating the pharmaceutical markets of India, China, Brazil, ASEAN. **Methods.** A combination of general scientific and special scientific methods (including content and comparative analysis of legal texts) are applied, which optimally correspond to the content and structure of the subject of research. **Results.** Based on the analysis, a comprehensive understanding of the current state of legal regulation of the pharmaceutical sector of the EAEU from the point of view of competition is submitted. An analysis of the actual status of the forming of common market for medicines in the EAEU is conducted, its advantages and disadvantages are highlighted. The mechanisms of price regulation in the pharmaceutical sectors at the national level are studied, proposals for the harmonization of relevant issues at the Union level and the involvement of observer states of the EAEU in this activity are prepared. Compulsory licensing and buying medicines online as tools for increasing the availability of medicines are analyzed. A general overview of the regulation of the pharmaceutical markets of India, China, Brazil, ASEAN is presented. Proposals for possible areas of interaction between the EAEU, BRICS and ASEAN in this area are prepared. **Conclusions.** Further development of legal regulation of the pharmaceutical sector of the EAEU are associated not only with harmonization of national approaches to price regulation and introduction of effective (“seamless”) and transparent mechanisms for regulating the pharmaceutical sector within the framework of the

Greater Eurasian Partnership (EAEU, BRICS and ASEAN), but also with establishment of mechanisms for preventing anti-competitive behavior of market participants, and the involvement of authorized bodies of observer states of the EAEU in this work. The solution of these problems will contribute to the growth of investment activity and technological independence of the region as a whole.

Keywords: integration, Eurasian Economic Union (EAEU), BRICS, ASEAN, Greater Eurasian Partnership, competition, competition law, antitrust regulation, pharmaceutical market, medicines, technological independence

For citation: Kovalev V. S., Maksimov S. V. The Pharmaceutical Sector as a Driver of Technological Independence of the EAEU, BRICS, ASEAN: Issues of Pro-Competitive Legal Regulation (Part 2) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 115–123 (In Russ.). EDN: WSBFLT

Введение

Фармацевтический сектор является одним из ключевых в экономике Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) как с точки зрения обеспечения роста уровня жизни населения, так и целенаправленных усилий по достижению технологической независимости государств — членов Союза [1]. Его экономическая значимость подтверждается, в частности, статистическими показателями. Так, объем фармацевтического сектора (объем продаж в ценах реализации) в 2024 г. составил 2,86 трлн руб., (30,9 млрд долл. США), из которых 66% пришлось на аптечный (розничный) сегмент, 34% — на государственные закупки. Продемонстрирован рост объема сектора в рублях в 12%.

Аптечный сегмент занимает 3% от общего объема розничных продаж всех товаров в Союзе, а государственные закупки лекарств составляют 7% от общего объема госзакупок в ЕАЭС. Объем производства фармпродукции в ценах производителя в 2024 г. в Союзе составил 948 млрд руб. (10,2 млрд долл. США). Темп прироста объема производства в рублях зафиксирован на уровне +18%¹.

В ЕАЭС принято решение о поэтапном формировании общего рынка лекарственных средств, реализуются инициативы, направленные на стимулирование собственного производства фармпродукции. Эффективность реализации данного решения обусловлена обеспечением должного уровня конкуренции, что стимулирует научно-технический прогресс и экономическую эффективность, гарантирует баланс интересов производителей и потребителей.

Данный подход актуален и для других региональных интеграционных и межгосударственных объединений, таких как БРИКС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), страны которых наравне с государствами — членами ЕАЭС относятся к развивающимся фармацевтическим рынкам (Pharmerging Markets). Особенность таких рынков заключается в их опережающем росте (совокупный среднегодовой темп роста (CAGR) в период с 2025 по 2034 г. прогнозируется на уровне 8,6%) и возрастающей роли на глобальном фармрынке. Так, уже по итогам 2024 г. рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона заняли его долю в 63%^{2, 3}. Удельный вес фармацевтики в ВВП Индии составляет порядка 3%, Китая — почти 2,5%, Бразилии — более 1,5%, Ирана — 1,2% [6; 7].

В этой связи во второй части статьи представлены некоторые дополнительные результаты исследования состояния конкуренции в фармацевтическом секторе ЕАЭС, проведен комплексный сравнительно-правовой анализ регулирования различных аспектов функционирования фармацевтического

¹ По данным исследования фармацевтического сектора ЕАЭС, проведенного Департаментом антимонопольного регулирования ЕЭК в 2025 г. См. подробнее: Максим Ермолович: «Создание общего рынка лекарств в ЕАЭС требует выравнивания уровня конкуренции через гармонизацию ценового регулирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/maksim-ermolovich-sozdanie-obshchego-rynka-lekarstv-v-eaes-trebuat-vyravnivaniya-urovnya-konkurentsi/> (дата обращения: 30.07.2025).

² По данным международной аналитической компании Precedence Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.precedenceresearch.com/pharmerging-market> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Рабочая группа БРИКС по фармацевтическим рынкам: «Сокращение регуляторных барьеров — мировой тренд» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bricscompetition.org/ru/ournews/brics-working-group-on-pharmaceutical-markets-reducing-regulatory-barriers-is-a-global-trend> (дата обращения: 30.07.2025).

сектора Союза, его государств-наблюдателей, стран БРИКС и АСЕАН с акцентом на те институциональные механизмы, дальнейшее развитие, масштабирование и имплементация которых могут внести весомый вклад в достижение технологической независимости в региональном измерении.

Практики повышения доступности лекарств для населения в государствах — членах ЕАЭС

В рамках национального законодательства в государствах — членах ЕАЭС обеспечено внедрение механизмов, повышающих доступность лекарственных препаратов. Так, во всех странах Союза внедрен институт выдачи принудительных лицензий. Данный вопрос урегулирован как нормами международных соглашений, так и национальным законодательством.

На *международном уровне* вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью в сфере торговой политики, регулируются соглашениями, заключенными в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Одним из основных документов является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Согласно ТРИПС, его государства-участники имеют право на выдачу принудительных лицензий. Под институтом принудительного лицензирования понимается ограничение патентных прав, в результате чего третьему лицу может быть предоставлено право пользования изобретением, которое находится под патентной защитой другого лица. Ст. 31 ТРИПС содержит в себе перечень положений, при которых возможна выдача принудительной лицензии, а также описывает порядок ее выдачи. Для сохранения прав и интересов патентообладателя положениями Соглашения предусмотрена выдача ему вознаграждения. Однако каждое государство-участник вправе видоизменять данные положения и имплементировать их в свое национальное законодательство в соответствии со своими национальными интересами. Это право предоставляется на основании п. b ст. 31 ТРИПС¹.

Также основой правового регулирования института принудительного лицензирования является Парижская конвенция по охране промышленной собственности² и Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 г. (ЕАПК)³.

Национальное законодательство государств — членов ЕАЭС, основываясь на нормах упомянутых международных соглашений, предусматривает как судебный (Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация), так и административный порядок (Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Российская Федерация) выдачи принудительной лицензии. При этом соответствующая практика есть только в Российской Федерации. Так, в 2020 г. в административном порядке на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3718-р была выдана принудительная лицензия в отношении лекарственного препарата на основе международного непатентованного наименования (МНН) «Ремдесивир» АО «Фармсинтез»⁴. Данное решение было поддержано Верховным Судом Российской Федерации.

Примером приобретения принудительной лицензии в судебном порядке является дело между фармацевтической компанией «Сьюджен ЛЛС» и российской фармацевтической компанией ООО «Натива». Согласно решению Арбитражного суда города Москвы от 8 февраля 2019 г. по делу № А40-166505/2017

¹ Марракешское соглашение о создании Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г., приложение 1С «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (дата обращения: 03.08.2025).

² Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г., пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененная 2 октября 1979 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/288517> (дата обращения: 03.08.2025).

³ Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eapo.org/documents/obshhie-voprosy-funkcionirovaniya-eapo/evrazijskaya-patentnaya-konvencziya> (дата обращения: 04.08.2025).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3718-р «О разрешении АО «Фармсинтез» использования изобретений, охраняемых евразийскими патентами, принадлежащими компаниям Гайлид Сайэнсиз, ИНК (US), Джилид Фармассет, ЛЛС (US), на 1 год без согласия патентообладателей в целях обеспечения населения РФ лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием «Ремдесивир»» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101050003> (дата обращения: 04.08.2025).

была выдана принудительная лицензия, которая позволила ООО «Натива» зарегистрировать свой лекарственный препарат «Сунитиниб-натив»¹.

Принудительное лицензирование — это исключительная мера, направленная на защиту рынка от противоправных действий некоторых патентообладателей, создающих тем самым угрозу жизни и здоровью населения. Однако крайне важно тщательно оценивать соотношение потенциальных выгод и рисков и не допускать искажения конкуренции.

Еще одним механизмом, способствующим повышению доступности лекарств для населения и отвечающим тенденциям современной цифровой экономики, является санкционирование онлайн-торговли лекарственными препаратами. Во всех странах Союза на законодательном уровне обеспечена такая возможность. Базовым принципом является продажа таким способом исключительно безрецептурных препаратов. Вместе с тем, согласно ст. 55¹ Федерального закона «Об обращении лекарственных средств», в период с 1 марта 2023 г. до 1 марта 2026 г. в городе федерального значения Москва, в Белгородской и Московской областях в качестве эксперимента предусматривается возможность продажи лекарственных средств рецептурного характера в дистанционном формате².

Несмотря на высокую плотность нормативного регулирования и реализацию контрольно-надзорных механизмов на всех уровнях в фармацевтическом секторе весьма часто выявляются нарушения, в том числе антимонопольного законодательства, на что обращают внимание как эксперты, так и правоприменители [2]. В этой связи эффективным инструментом формирования конкурентной среды является не только выявление и пресечение антиконкурентных действий, но и внедрение механизмов профилактики. Данный опыт уже получил свое распространение на пространстве Союза, причем инициатива применения таких механизмов может исходить как от регулятора, так и от самих субъектов рынка. Так, например, в России в 2016 г. Рабочей группой под эгидой Комитета Ассоциации европейского бизнеса по здравоохранению и фармацевтике был разработан Кодекс добросовестных практик в фармацевтической отрасли³. Схожий документ был подготовлен в 2018 г. Ассоциацией международных фармпроизводителей в Беларуси⁴. Это примеры так называемого «саморегулирования». В свою очередь, Евразийская экономическая комиссия по результатам исследования фармсектора ЕАЭС предлагает начать разработку Кодекса добросовестных практик фармацевтического сектора ЕАЭС как одного из механизмов мягкого регулирования [5] в целях предупреждения антиконкурентного поведения субъектов рынка⁵.

Международный вектор: опыт БРИКС и АСЕАН

В Республике Индия уделяется серьезное внимание вопросу регулирования фармацевтического рынка. Регулирующие и контролирующие функции в данной сфере реализует Центральная организация по контролю за стандартами лекарственных средств (The Central Drugs Standard Control Organisation), подведомственная Министерству здравоохранения и семейного благополучия Индии. В соответствии с Законом о лекарственных средствах и косметике от 1940 г.⁶ Центральная организация по контролю за стандартами лекарственных средств отвечает за регистрацию лекарственных средств, проведение клинических испытаний, утверждение стандартов и контроль качества лекарственных средств, а также

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 8 февраля 2019 г. по делу № А40-166505/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3a0440d1-5ba5-4049-ac4c-7be5b9edc09c> (дата обращения: 04.08.2025).

² Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350 (дата обращения: 04.08.2025).

³ Кодекс добросовестных практик в фармацевтической отрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/562364> (дата обращения: 04.08.2025).

⁴ Кодекс практик Ассоциации международных фармацевтических производителей (АМФП) [Электронный ресурс]. URL: https://baijm.com/images/pdf/Kodeks_2018_A5_rus.pdf (дата обращения: 04.08.2025).

⁵ По данным исследования фармацевтического сектора ЕАЭС, проведенного Департаментом антимонопольного регулирования ЕЭК в 2025 г. Некоторые результаты: М. Ермолович: «Создание общего рынка лекарств в ЕАЭС требует выравнивания уровня конкуренции через гармонизацию ценового регулирования» [Электронный ресурс]. URL: [https://eec.eaeunion.org/news/maksim-ermolovich-sozdanie-obshchego-rynka-lekarstv-v-eaes-trebuets-vyravnivaniya-urovnya-konkurentsii/](https://eec.eaeunion.org/news/maksim-ermolovich-sozdanie-obshchego-rynka-lekarstv-v-eaes-trebuets-vyravnivaniya-urovnya-konkurentsii) (дата обращения: 04.08.2025).

⁶ Drugs and Cosmetics Act and Rules 1940 and 1945 [Электронный ресурс]. URL: https://cdsco.gov.in/opencms/export/sites/CDSCO_WEB/Pdf-documents/acts_rules/2016DrugsandCosmeticsAct1940Rules1945.pdf (дата обращения: 05.08.2025).

координацию профильной деятельности государственных органов. В Индии также создан отдельный государственный орган, ответственный за ценообразование на лекарственные средства, — Национальное ведомство по ценообразованию в фармацевтической отрасли (National Pharmaceutical Pricing Authority). Основным стратегическим документом по вопросу ценообразования на лекарства в Индии является Национальная политика ценообразования на лекарственные средства (National Pharmaceutical Pricing Policy) от 2012 г.¹

В соответствии с указанной политикой Национальное ведомство по ценообразованию в фармацевтической отрасли устанавливает предельные цены в соответствии с положениями Приказа о контроле цен на лекарства (Drugs Pricing Control Order) от 2013 г.²

В *Китайской Народной Республике* фармацевтическая отрасль подвергается жесткому государственному контролю, сочетающему ценообразование, патентное законодательство и упрощение доступа для инноваций. Сегодня Китай является вторым по размеру фармацевтическим рынком в мире, здесь производятся порядка 50% всех активных фармацевтических субстанций³. Также КНР — третья страна по количеству проводимых клинических испытаний (около 10% от числа проводимых во всем мире)⁴. Регистрация лекарственных средств в Китае регламентируется Мерами по надзору за регистрацией лекарственных средств от 2020 г.⁵, которые предусматривают последовательность регистрационных действий. Регулирующими органами в сфере фармацевтики в Китайской Народной Республике являются Министерство здравоохранения КНР, Государственный комитет по развитию и реформам, а также Государственное управление по контролю за продуктами питания и медикаментами и Государственное управление по регулированию рынка. Основным нормативным правовым актом в фармацевтической сфере Китая является Закон КНР «О контроле над медикаментами» от 1984 г.⁶ В рамках данного закона впервые были зафиксированы правила производства и торговли лекарственными средствами. В сфере ценообразования на лекарственные препараты Китай применяет модель референтного ценообразования, а также реализует переговорный формат взаимодействия с фармпроизводителями в целях обеспечения сбалансированного уровня цен на оригинальные лекарственные препараты [8].

Согласно исследованию о фармацевтических рынках, выпущенному в 2025 г. антимонопольным органом *Бразилии* (CADE), бразильский фармацевтический рынок остается строго регулируемым как с точки зрения санитарного надзора, так и с точки зрения конкуренции. Самыми продаваемыми препаратами являются дженерики, доля которых в продажах занимает 43%. Это обуславливает сильные позиции национальных фармкомпаний наряду с активным присутствием «Большой фармы» (Big Pharma)⁷. При этом в стране реализуется достаточно жесткое ценовое регулирование в отношении оригинальных лекарственных препаратов. Соответствующие функции переданы специальному органу — Палате по лекарственным средствам (CMED), функционирующей в структуре Национального агентства по регулированию общественного здоровья (ANVISA).

Регулирование фармацевтического сектора в рамках *Ассоциации государств Юго-Восточной Азии* (АСЕАН) осуществляется посредством комплекса национальных и региональных мер, направленных на обеспечение контроля качества, безопасности и доступности лекарственных препара-

¹ National Pharmaceutical Pricing Policy 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://nppa.gov.in/uploads/pdf/National-Pharmaceutical-Pricing-Policy-2012.pdf-0846ce27d2356b7565f0793378876b9b.pdf> (дата обращения: 05.08.2025).

² Drugs Pricing Control Order 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://nppa.gov.in/uploads/pdf/DPCO-inclusive-of-all-ammendmentscompressedpdf-6f9edc1bf7c000eb02b7eee6c180b527.pdf> (дата обращения: 05.08.2025).

³ Восхождение дракона: как Китай собирается стать флагманом фармотрасли [Электронный ресурс]. URL: <https://pharmprom.ru/vosxozhdenie-drakona-kak-kitaj-sobiraetsya-stat-flagmanom-farmotrasli> (дата обращения: 05.08.2025).

⁴ Фармрынок вокруг света: Китай [Электронный ресурс]. URL: https://pharmnews.kz.com/ru/article/farmrynok-vokrug-sveta-kitay_22455 (дата обращения: 05.08.2025).

⁵ Measures for the Supervision and Administration of Drug Production 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawinfochina.com/Display.aspx?LookType=3&Lib=law&Cgid=340951&Id=32787&SearchKeyword=&SearchCKeyword=&paycode=> (дата обращения: 05.08.2025).

⁶ Drug Control Law of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/13/content_1383969.htm (дата обращения: 06.08.2025).

⁷ Бразильский регулятор CADE выпустил исследование о фармрынках [Электронный ресурс]. URL: <https://bricscompetition.org/ru/commentary/brazilian-antitrust-regulator-cade-releases-study-on-pharmaceutical-markets> (дата обращения: 05.08.2025).

тов. Несмотря на отсутствие в АСЕАН наднационального регуляторного органа, государства — члены АСЕАН предпринимают шаги по сближению и национальных регуляторных систем в данной сфере.

В АСЕАН отсутствует единое регулирование рынка лекарственных средств, однако функционирует Рабочая группа по фармацевтическим продуктам (The Pharmaceutical Product Working Group), основными целями которой являются содействие разработке стратегий и интеграционных инициатив для снижения технических барьеров в торговле фармацевтическими товарами, а также повышение доступности лекарств для населения стран АСЕАН без ущерба их качеству, безопасности и эффективности. В АСЕАН действует единый формат регистрационного досье (ASEAN Common Technical Dossier), направленный на упрощение процедур вывода лекарственных средств на рынки региона¹. Хотя в АСЕАН нет единого подхода к регулированию цен на лекарства, многие страны региона используют различные механизмы для обеспечения доступности и контроля над ценами. Некоторые страны АСЕАН, такие как Малайзия и Индонезия, используют государственное регулирование для контроля над ценами на лекарства. Это может включать установление предельных цен на определенные препараты. Референтное ценообразование применяется в странах АСЕАН достаточно редко.

Заключение

Будущее фармацевтического сектора — в объединении потенциалов

Одной из важных задач регулирования быстро развивающихся фармрынков БРИКС и АСЕАН является стандартизация действий ключевых игроков, балансировка потребностей населения и производителей, выбор оптимальных моделей ценовой политики, повышение доступности лекарств, стимулирование собственного производства. В этой связи представляется оправданной практическая имплементация и адаптация хорошо зарекомендовавших себя в ЕАЭС и, в частности, в Российской Федерации инструментов принудительного лицензирования и ценового регулирования [4]. В то же время прогрессивный подход к наднациональному регулированию общего лекарственного рынка, применяемый в ЕАЭС, в совокупности с предлагаемыми мерами по внедрению гармонизированного ценового регулирования и механизмов превенции антиконкурентного поведения субъектов рынка, может быть наиболее эффективным при кратном увеличении объема рынка и масштабировании данных практик на дружественных международных партнерах. Так, в настоящее время (как отмечал М. Ермолович)² существенная часть субстанций для производства лекарств в странах ЕАЭС уже импортируется из Китая (около 25%) и Индии (около 12%). Таким образом, в ближайшей перспективе было бы полезно организовать работу по координации развития правового регулирования фармацевтического сектора в формате Большого Евразийского партнерства [3] (ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН) с разработкой «дорожной карты» по сближению подходов.

По данным Global Innovation Index 2024 Всемирной организации по интеллектуальной собственности (ВОИС), биотехнологии и фармацевтика занимают первое место в мире по интенсивности инвестирования бизнеса в науку и разработки (R&D)³. Это значит, что создание «бесшовных» и прозрачных механизмов правового регулирования фармацевтического сектора в предлагаемом региональном измерении позволит существенно увеличить инвестиционную активность и обеспечить должный уровень технологической независимости в Евразийском регионе, а также будет содействовать росту инновационного производства в государствах региона.

¹ ASEAN Common Technical Dossier [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/book/asean-common-technical-dossier/> (дата обращения: 05.08.2025).

² Максим Ермолович: «Создание общего рынка лекарств в ЕАЭС требует выравнивания уровня конкуренции через гармонизацию ценового регулирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/maksim-ermolovich-sozdanie-obshchego-rynka-lekarstv-v-eaes-trebuetyvyravnivaniya-urovnya-konkurentsi/> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Global Innovation Index 2024 Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

Список литературы

1. Ворона А. А., Губина М. А. Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 43–54. EDN: OGCEZS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-43-54
2. Князева И. В., Шкулова Е. А. Методологические подходы к разработке коммерческой политики фармацевтической компании с целью снижения антимонопольных рисков // Современная конкуренция. 2025. Т. 19, № 1. С. 52–77. EDN: RKTWEI. DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-1-52-77
3. Ковалев В. С. Как построить справедливый миропорядок в Большой Евразии // Международная жизнь. 2023. № 2. С. 46–53. EDN: DZHKAD
4. Костин К. Б. Перспективы развития фармацевтического рынка в странах БРИКС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4 (118). С. 32–39. EDN: LEHYTK
5. Максимов С. В., Рудая Т. Ю., Утаров К. А. Риск-ориентированный подход и фармацевтический комплаенс в сфере государственного надзора за незаконным оборотом медицинской продукции // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 2 (19). С. 150–157. EDN: KTJIVY. DOI: 10.17816/RJLS18502
6. Мамедьяров З. А. Фармацевтический сектор Ирана: состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 7. С. 57–62. EDN: YLVNMT. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-57-62
7. Zaboli P., Hashemi-Meshkini A., Varmaghani M. [et al.], Pharmaceutical Laws and Regulations in Iran: An Overview // Journal of Research in Pharmacy Practice. 2016. Jul-Sep; No. 5 (3). P. 155–161. DOI: 10.4103/2279-042X.185709
8. Zhu Z., Zhang J., Xu Z. [et al.] Impacts of National Reimbursement Drug Price Negotiation on Drug Accessibility, Utilization, and Cost in China: A Systematic Review // International Journal for Equity in Health. 2025 Feb 4. No. 24 (1). P. 36. DOI: 10.1186/s12939-025-02390-w

Об авторах:

Ковалёв Владимир Сергеевич, кандидат юридических наук, ответственный секретарь Центра конкурентного права и антимонопольного регулирования ЕАЭС, МГИМО МИД России; доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия);
e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4094-1174

Максимов Сергей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Департамента антимонопольного регулирования, Евразийская экономическая комиссия; главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Москва, Российская Федерация);
e-mail: s.maksimov@eecommission.org; ORCID: 0000-0002-2416-9543

References

1. Vorona, A. A., Gubina, M. A. Pharmaceutical Market of the EAEU: Trends and Prospects of Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. No. 4. P. 43–54. (In Russ.) EDN: OGCEZS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-43-54
2. Knyazeva, I., Shkulova, E. Methodological Approaches of a Pharmaceutical Company's Commercial Policy Development in Order to Reduce Antitrust Risks // Journal of Modern Competition. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 52–77. (In Russ.) EDN: RKTWEI. DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-1-52-77
3. Kovalyov, V. S. Building a Just World Order in Greater Eurasia // International Affairs. 2023. Vol. 69, No. 2. P. 46–53. (In Russ.) EDN: DZHKAD.

4. Kostin, K. B. Development Potential of the Pharmaceutical Industry in BRICS Countries // *Izvestiya of Saint Petersburg State University of Economics*. 2019. No. 4 (118). P. 32–39. (In Russ.) EDN: LEHYTK
5. Maksimov, S. V., Rudaya, T. Y., Utarov, K. A. Risk-Based Approach and Pharmaceutical Compliance in the Sphere of State Supervision of Illegal Circulation of Medical Products // *Russian Journal of Legal Studies*. 2019. Vol. 6, No. 2. P. 150–157. (In Russ.) EDN: KTJIVY. DOI: 10.17816/RJLS18502
6. Mamedyarov, Z. Pharmaceutical Sector in Iran: Current Status and Prospects // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62, No. 7. P. 57–62. (In Russ.) EDN: YLVNMT. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-57-62
7. Zaboli, P., Hashemi-Meshkini, A., Varmaghani, M. [et al.] Pharmaceutical Laws and Regulations in Iran: An Overview // *Journal of Research in Pharmacy Practice*. 2016. Jul–Sep. No. 5 (3). P. 155–161. DOI: 10.4103/2279-042X.185709
8. Zhu, Z., Zhang, J., Xu, Z. [et al.] Impacts of National Reimbursement Drug Price Negotiation on Drug Accessibility, Utilization, and Cost in China: A Systematic Review // *International Journal for Equity in Health*. 2025 Feb 4. No. 24 (1). P. 36. DOI: 10.1186/s12939-025-02390-w

About the authors:

Vladimir S. Kovalev, PhD in Jurisprudence, Executive secretary of the Centre for Competition Law and Antitrust Regulation of the Eurasian Economic Union at MGIMO-University; Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia);
e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4094-1174

Sergey V. Maksimov, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Department for Antitrust Regulation, Eurasian Economic Commission; Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
e-mail: s.maksimov@eecommission.org; ORCID: 0000-0002-2416-9543

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Ковалёв В. С., Максимов С. В., 2026

Финансовый контроль: особенности гармонизации в Евразийском экономическом союзе

Агамагомедова С. А.

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

РЕФЕРАТ

Цель. Целью статьи является выделение и обоснование тенденций и особенностей гармонизации правового регулирования финансового контроля с точки зрения евразийской экономической интеграции. Гармонизация финансового контроля в Евразийском экономическом союзе позиционируется автором в качестве составляющей гармонизации контрольно-надзорной деятельности в объединенной экономике, а также евразийской интеграции в целом. **Методология.** В статью использованы такие научные методы, как методы системного и сравнительно-правового анализа, классификации, юридической формализации. **Результаты.** Автором проведен анализ правового регулирования финансового контроля в Евразийском экономическом союзе. На основе проведенного анализа выделены следующие особенности гармонизации финансового контроля в условиях евразийской интеграции: процессы отхода (возврата) к национальному уровню регулирования; связанность с формированием единого финансового рынка; наличие внутреннего и внешнего финансового контроля. Гармонизация финансового контроля в Евразийском экономическом союзе включает в себя гармонизацию нормативно-правового регулирования финансового контроля, единую политику в финансовой сфере, процессы формирования единого финансового рынка, унифицированную правоприменительную практику. **Выводы.** На основе проведенного анализа автором выделены тенденции гармонизации финансового контроля в Евразийском экономическом союзе, среди которых: смена процессов универсализации и глобализации финансовых механизмов в рамках межгосударственного экономического взаимодействия процессами финансовой регионализации; разная скорость и степень гармонизации для различных направлений финансового контроля; влияние геополитических факторов. Сделан вывод о том, что в современных условиях приобретает актуальность возврат к национальной специфике в регулировании и осуществлении финансового контроля. Такая специфика может быть естественной и вынужденной. Автором предлагается в условиях Евразийского экономического союза выделить понятие евразийской финансовой системы. В широком смысле под такой системой следует понимать совокупность финансовых институтов, рынков, связей между ними, направленных на обеспечение и защиту частных и публичных финансовых интересов в условиях интеграции. Гармонизация финансового контроля в ЕАЭС имеет важное значение как с точки зрения публичного контроля в экономике, так и с точки зрения обеспечения безопасности. В современных условиях экономической нестабильности и международной напряженности значение последнего аспекта существенно возрастает.

Ключевые слова: финансовый контроль, евразийская интеграция, гармонизация, таможенный контроль, валютный контроль, бюджетный контроль, финансовая система, безопасность, публичный контроль

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Финансовый контроль: особенности гармонизации в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 124–131. EDN: WVTGPN

Financial Control: Features of Harmonization in the Eurasian Economic Union

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

ABSTRACT

Aim. The purpose of this article is to identify and substantiate trends and specific features of harmonizing the legal regulation of financial control from the perspective of Eurasian economic integration. The author positions the harmonization of financial control in the Eurasian Economic Union as a component of the harmonization of regulatory and supervisory activities in the unified economy, as well as Eurasian integration as a whole. **Methods.** The article utilizes scientific methods such as systems and comparative legal analysis, classification, and legal formalization. **Results.** The author analyzed the legal regulation of financial control in the Eurasian Economic Union. Based on this analysis, the following features of financial control harmonization in the context of Eurasian integration were identified: processes of retreat (return) to the national level of regulation; connection with the formation of a single financial market; the presence of internal and external financial control. Harmonization of financial control in the Eurasian Economic Union includes: harmonization of the legal regulation of financial control, a unified financial policy, processes for the formation of a single financial market, and unified law enforcement practices. **Conclusions.** Based on the analysis, the author identifies trends in the harmonization of financial control in the Eurasian Economic Union, including: the shift from universalization and globalization of financial mechanisms within interstate economic interaction to financial regionalization; the varying speed and degree of harmonization for various areas of financial control; and the influence of geopolitical factors. It is concluded that, in the current context, a return to national specifics in the regulation and implementation of financial control is becoming increasingly important. Such specifics can be both natural and forced. The author proposes defining the concept of a Eurasian financial system within the Eurasian Economic Union. Broadly speaking, such a system should be understood as a set of financial institutions, markets, and the connections between them, aimed at ensuring and protecting private and public financial interests within the context of integration. Harmonization of financial control in the EAEU is important both for public oversight of the economy and for ensuring security. In the current context of economic instability and international tension, the importance of the latter aspect is significantly increasing.

Keywords: financial control, Eurasian integration, harmonization, customs control, currency control, budget control, financial system, security, public control

For citation: Agamagomedova S. A. Financial Control: Features of Harmonization in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 124–131 (In Russ.). EDN: WVTGPN

Введение

Единая экономическая территория, пределы свободного оборота товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках евразийской экономической интеграции закономерно предполагают единство (тождественность) финансовых механизмов. Одним из ключевых из них выступает финансовый контроль. В контексте теории единого контрольно-надзорного пространства Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), неотъемлемой и важной частью которого является финансовый контроль, последний выступает ключевым направлением контрольно-надзорной деятельности в рамках евразийской интеграции. Следует учесть существующий дуализм в понимании финансового контроля в условиях межгосударственной экономической интеграции. С одной стороны, дуализм заключается в двух самостоятельных

уровнях правового регулирования финансового контроля в контексте интеграционного образования. Речь идет о традиционном национальном регулировании и постепенно формирующемся, приобретающем все более отчетливые и устойчивые формы интеграционном (наднациональном) уровне регулирования финансовых отношений в ЕАЭС. Доля регуляции последнего уровня растет, но закономерно имеет свои пределы, обусловленные необходимостью учета и сохранения (сбережения) национальной специфики финансово-правового регулирования в современных условиях.

С другой стороны, дуализм в понимании финансового контроля в условиях экономической интеграции заключается в том, что речь идет уже не только и не столько о государственном финансовом контроле, сколько о контроле публичном, включающем в себя негосударственный контроль в понимании контроля частного (например, финансовый аудит независимых коммерческих организаций), общественного и контроля надгосударственного (финансовый контроль специализированных органов ЕАЭС, к примеру, Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК)).

Выделенный дуализм, а также новые угрозы и вызовы внутренней и внешней природы в современной действительности делают вопросы гармонизации финансового контроля в ЕАЭС весьма востребованными как с точки зрения развития теории публичного контроля в экономике, так и с точки зрения правоприменительной практики его осуществления в условиях углубления региональной интеграции, ставшей очевидным приоритетом в контексте отхода от универсальных приемов и принципов межгосударственного экономического взаимодействия, когда-то установленных международными правовыми стандартами (речь идет прежде всего о стандартах Всемирной торговой организации), но в настоящее время стремительно теряющих свое значение.

Особенности гармонизации финансового контроля в Евразийском экономическом союзе

Традиционно к финансовому контролю относится бюджетный, валютный, налоговый, таможенный контроль, контроль в сфере денежного обращения, контроль за страховой и банковской деятельностью. Финансовая деятельность в целом и особенно сфера финансовых услуг в условиях цифровой экономики, экономики знаний, платформенной экономики все более отходит от национальных пределов и подвергается глобализационным тенденциям. В то же время глобализационные процессы здесь сочетаются с процессами возврата к приоритетам национальной регуляции, что усугубляется экономическими и финансовыми кризисами, процессами волатильности валютных курсов, внешними шоками (в виде тарифных войн) и, конечно же, санкционным давлением на экономику России. Ведущие ученые в связи с этим обоснованно говорят о признаках распада сложившейся мировой финансовой системы, агония которой проявляется в антироссийских санкциях [2, с. 34].

В зарубежных исследованиях используется даже относительно новый термин «слоубализация» (slowbalization), означающий замедление глобальной экономической интеграции. Причин для этого процесса много: от чрезмерной зависимости от хрупких глобальных цепочек поставок до непредсказуемых экономических кризисов и всего, что между ними, — все это быстро и неуклонно подталкивает гиперглобализированный мир к возвращению к своим корням — регионализации, более коротким цепочкам поставок и опоре на собственные (читай — национальные) ресурсы [11].

Гармонизация финансового контроля в ЕАЭС предполагает формирование сходного (сопоставимого) нормативно-правового регулирования финансового контроля, а также сближение политики финансового контроля между странами — членами ЕАЭС, что обусловлено необходимостью формирования единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы в пределах интеграционного образования. Основными документами, определяющими стратегию гармонизации нормативно-правового регулирования и политики в рассматриваемой сфере, являются Договор о ЕАЭС¹, Протокол по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС), Соглашение от 6 ноября 2018 г. «О гармонизации зако-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvc5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

нодательства государств — членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка»¹, Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС² и другие.

Отдельно следует сказать о бюджетном контроле, который в рамках ЕАЭС представляет собой контроль за формированием, распределением и использованием средств бюджета ЕАЭС³, доходная часть которого формируется за счет долевых взносов государств — членов интеграции, определяемых решением Высшего Евразийского экономического совета. Расходы бюджета ЕАЭС связаны с расходами на функционирование постоянно действующих органов ЕАЭС — ЕЭК и Суда ЕАЭС.

Пример бюджетного контроля как вида финансового контроля весьма показателен с точки зрения того, что демонстрирует в контексте интеграции наличие внутреннего (контроль за доходами и расходами бюджета ЕАЭС) и внешнего (контроль за доходами и расходами национальных бюджетов государств — членов ЕАЭС) контроля.

Особенности гармонизации финансового контроля в ЕАЭС заключаются в том, что подобная гармонизация включает в себя: гармонизацию нормативно-правового (а точнее — международно-правового) регулирования финансового контроля, единую политику в финансовой сфере, процессы формирования единого финансового рынка, унифицированную (близкую по принципам и приоритетам) административную и судебную практику реализации такого контроля.

Гармонизация финансового контроля неразрывно связана с процессом формирования общего финансового рынка. Сформированность рынка (степень его сформированности) обуславливает зрелость контроля за его функционированием. Согласно п. 3 Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о ЕАЭС) общий финансовый рынок — это финансовый рынок государств-членов, который соответствует четырем критериям:

- 1) гармонизированные требования к регулированию и надзору в сфере финансовых рынков государств-членов;
- 2) взаимное признание лицензий в банковском и страховом секторах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг, выданных уполномоченными органами одного государства-члена, на территориях других государств-членов;
- 3) осуществление деятельности по предоставлению финансовых услуг на всей территории Союза без дополнительного учреждения в качестве юридического лица;
- 4) административное сотрудничество между уполномоченными органами государств-членов.

Интересно, что законодатель на уровне ЕАЭС использует понятие надзора (не контроля) в сфере национальных финансовых рынков участников интеграции, а также противопоставляет надзор и регулирование. С учетом противоречивой позиции российского законодателя о тождественности (или разграничении) контроля и надзора в государственном управлении и дискуссионности данного вопроса в правовой доктрине использование понятия надзора видится допустимым и в данном контексте, предполагающем все разновидности контрольно-надзорной деятельности (включая контроль). Что же касается регулирования в сфере финансовых рынков государств — членов ЕАЭС, то с этой точки зрения видится более логичным позиционирование надзора в качестве функции и одновременно формы подобного регулирования.

Тенденции гармонизации финансового контроля в Евразийском экономическом союзе

В качестве тенденций гармонизации финансового контроля в ЕАЭС выделим следующие.

¹ Соглашение о гармонизации законодательства государств — членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка (заключено в г. Москве 06.11.2018) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003020009> (дата обращения: 20.09.2025).

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ddd/Kontseptsiya-OFR.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10.10.2014 № 78 (ред. от 25.12.2023) «О Положении о бюджете Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420226124?ysclid=mmxkaisfsx346085073> (дата обращения: 20.09.2025).

Во-первых, процессы универсализации и глобализации финансовых механизмов в рамках межгосударственного экономического взаимодействия уступают место финансовой регионализации. Подобные тенденции ученые констатируют и в иных региональных финансовых центрах, к примеру, в Восточной Азии и Европейском союзе (ЕС). Они признают, что финансовая глобализация с 1990-х гг. играет в Восточной Азии и ЕС ключевую роль. При этом фундаментальная сила Восточной Азии, проявившаяся во время мирового финансового кризиса, подразумевает слабую мотивацию для дальнейшей региональной финансовой интеграции в рамках валютного и (или) фискального союза, подобного ЕС [10]. О технологиях децентрализации в финансовой сфере в пространстве европейской интеграции говорят и другие авторы [7]. Таким образом, в финансовой сфере в интеграционных образованиях централизация сменяется децентрализацией, а глобализация финансов отступает под влиянием региональных финансовых приоритетов, вполне себе способных быть обеспеченными в финансовых центрах регионального значения.

Во-вторых, разные направления финансового контроля гармонизируются по-разному и с разной скоростью. Безусловно, наибольшая и наиболее ранняя по хронологии гармонизация, как правило, присуща правовому регулированию таможенного контроля, который не относится полностью к финансовому контролю, так как включает в себя как финансовую, так и нефинансовую составляющие (причем доля и значение последней увеличивается) [1]. При этом, несмотря на, казалось бы, максимальное сближение нормативного правового регулирования таможенного контроля в государствах — членах ЕАЭС, имеют место определенные различия в процедурах такого контроля на национальном уровне (например, сроки таможенного контроля, виды таможенных проверок и др.). Противоположным примером вида финансового контроля в контексте гармонизации может выступать контроль или надзор в банковской сфере. Несмотря на признание учеными наличия определенных условий и предпосылок к формированию Центрального банка ЕАЭС [4], банковская сфера и контрольно-надзорное воздействие в ней в рамках евразийской интеграции достаточно обособленно в национальном аспекте, а спектр банковских услуг различается в государствах — участниках интеграции и по структуре, и по объемам проводимых операций. Интересно, что применительно к европейской интеграции ученые констатируют тот факт, что конкуренция на банковском рынке в ЕС уже достаточно высока и не должна усиливаться, поскольку в целом рост банковской конкуренции негативно сказывается на стабильности банковских учреждений в рамках единого европейского пространства [9].

В-третьих, к сожалению, на гармонизацию и развитие финансовых механизмов и системы финансового контроля оказывают влияние и геополитические факторы (геополитическое давление [7]).

Будущее гармонизации финансового контроля в Евразийском экономическом союзе

Гармонизация финансового контроля, который логично позиционируется в качестве составляющей регулирующего воздействия или регуляторной политики в ЕАЭС [3], в настоящее время обоснованно рассматривается не только исключительно с точки зрения блага, преимущества экономической интеграции. Приоритеты правовой, управленческой, организационно-политической и иной идентичности, тренды национальной специфики, государственного суверенитета, учет исторически присущей ментальности, сохранение самобытности в различных сферах социальной жизни, включая ее финансовую сторону, — все это оказывает влияние и на развитие системы финансового контроля в ЕАЭС. Причем эти векторы отнюдь не отрицают стремительное развитие финансовых технологий, цифрового контроля и надзора, использование искусственного интеллекта при предоставлении финансовых услуг и иные достижения финансовой сферы.

Будущее финансового контроля будет строиться в том числе и на развитии экологического налогообложения. Применительно к европейской интеграции современные ученые уже оперируют такими показателями, как доля экологических налогов в общем объеме налоговых поступлений, доля экологических налоговых поступлений в ВВП и экологические налоговые поступления на душу населения [8].

Неравномерность гармонизации различных направлений финансового контроля отражает сложность и пестроту финансового воздействия, а также полифункциональность финансового рынка в рамках

ЕАЭС. Неслучайно термин «финансовый рынок» определяется как обобщающий термин для рынка капиталов, денежного и валютного рынков [5, с. 274]. Несмотря на наличие Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС, говорить о его полноценном функционировании пока не приходится. И речь здесь идет не только об отсутствии нормативно-правовой базы единой валюты ЕАЭС. Финансовый контроль как инструмент обеспечения финансовой безопасности государств — членов ЕАЭС имеет определенные пределы для гармонизации, пресечение которых в настоящее время видится нецелесообразным с точки зрения геополитических рисков и обеспечения национальной безопасности государств — участников интеграции.

Говоря о национальной специфике в регулировании и осуществлении финансового контроля, следует понимать, что она может быть естественной (исторически сложившейся) и вынужденной. Последняя может быть продемонстрирована на примере регулирования мер валютного контроля. Меры, принятые в России в 2023–2024 гг., связанные с обязательной конвертацией валютной выручки в национальную валюту, имели чрезвычайный характер, были направлены на укрепление отечественной экономики и, в конечном итоге, противоречили гармонизации валютного контроля в рамках ЕАЭС.

Представляется, что в условиях ЕАЭС можно говорить о евразийской финансовой системе. Финансовая система в узком (сугубо отраслевом) понимании предполагает «сеть финансовых институтов и рынков, являющихся посредниками движения денег и кредита в экономике» [5, с. 276]. В широком смысле под такой системой следует понимать совокупность финансовых институтов, рынков, связей между ними, направленных на обеспечение и защиту частных и публичных финансовых интересов.

Проведенный анализ показал, что гармонизация финансового контроля не всегда сможет решить имеющиеся проблемы финансовой сферы, например, банковского сектора, разрозненность которого обуславливает сложности гармонизации регулирования банковской деятельности в контексте ЕАЭС.

Для решения политических целей в области цифрового и экономического суверенитета [7], обеспечения технологического лидерства, в том числе и в сфере финансовых технологий, требуется умеренная, взвешенная гармонизация правового регулирования финансового контроля, учитывающая национальные особенности и направленная на обеспечение оптимального баланса частных и публичных финансовых интересов, национальных целей в финансовой сфере и приоритетов интеграционного образования.

Заключение

Гармонизация финансового контроля в условиях евразийской экономической интеграции выступает частью процессов гармонизации контрольно-надзорной деятельности в экономике, а также евразийской интеграции в целом. В регулировании финансового контроля в ЕАЭС отчетливо присутствуют два уровня регулирования (национальный и интеграционный), а также прослеживаются две тенденции: централизации и децентрализации регулирования. Несмотря на отсутствие специализированного органа финансового контроля на уровне ЕАЭС, единой валюты интеграционного образования [6], гармонизация финансового контроля имеет определенные результаты, которые различаются применительно к отдельным направлениям финансового контроля.

Гармонизация финансового контроля в ЕАЭС имеет важное значение как с точки зрения публичного контроля в экономике (в единой экономике пространства ЕАЭС), так и с точки зрения обеспечения безопасности (национальной безопасности государств — членов ЕАЭС и безопасности всего интеграционного образования). В современных условиях экономической нестабильности и международной напряженности значение последнего аспекта существенно возрастает. Внешние и внутренние угрозы и риски, геополитическое давление, санкционная политика в отношении России влекут снижение темпов гармонизации финансового контроля в ЕАЭС. Финансовая глобализация и универсализация уступают место государственной специфике правового регулирования финансовых механизмов, приоритетам национальной финансовой политики, нацеленной на достижение финансового, технологического, цифрового лидерства. Представляется, что дальнейшая гармонизация финансового контроля в рамках ЕАЭС возможна лишь в условиях стабилизации экономического развития государств — членов ЕАЭС, минимизации волатильности на их рынках и нивелирования внешних угроз.

Список литературы

1. Агамагомедова С. А. Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения // Государство и право. 2023. № 3. С. 158–164. EDN: JLYPBN. DOI: 10.31857/S102694520021450-6
2. Глазьев С. Ю. Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Экономическое возрождение России. 2024. № 2 (80). С. 34–45. EDN: EQMYQN. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45
3. Емельянов А. С. Формирование и реализация регуляторной политики в Евразийском экономическом союзе // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 131–143. EDN: UZGRQA. DOI: 10.61205/jrp.2023.109
4. Крохина Ю. А. Предпосылки и проблемы формирования Центрального банка Евразийского экономического союза // Банковское право. 2019. № 2. С. 35–40. EDN: ZAEPZR. DOI: 10.18572/1812-3945-2019-2-35-40
5. Финансовые рынки : новый англ.-рус. толковый слов. : Св. 11000 ст. / общ. ред. Т. Е. Апанасенко, М. А. Сторчевой. СПб. : Экон. шк., 2004. 658 с.
6. Шохин С. О. Основы формирования нормативно-правовой базы единой валюты ЕАЭС // Юридический мир. 2016. № 6. С. 62–64. EDN: WBGJXN
7. Barbereau T., Weigl L., Pocher N. Financial Regulation, Political Context, and Technology in the European Union. In: Fridgen G., Guggenberger T., Sedlmeir J., Urbach N. (eds). Decentralization Technologies. Financial Innovation and Technology. Springer, Cham., 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-66047-4_2
8. Behera D. K., Mohanty R. K., Rahut D. [et al.]. Governance, Green Taxes, and Air Pollution in the European Union // Environmental Sciences Europe. 2025. Vol. 37, No. 1. P. 186. EDN: LZMUKA. DOI: 10.1186/s12302-025-01231-5
9. Ferreira C. Competition and Stability in the European Union Banking Sector. International Advances in Economic Research. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 207–224. EDN: MYZXZX. DOI: 10.1007/s11294-023-09880-z
10. Kohsaka A. Why Does the Euro’s Survival Matter? Financial Integration in East Asia and the European Union. In: Voogsgeerd H., Akita S. (eds). Regional Integration and Institutional Change in East Asia and the European Union. Springer, Singapore, 2025. DOI: 10.1007/978-981-95-1076-4_8
11. Mark-Denis M., Rus A. V., Bako E. D. The Digital Finance and FinTech Adoption Effects amidst the Slowbalization Framework: A Comparative Analysis of the European Union and Japan // Digit Finance. 2025. No. 7. P. 949–969. EDN: URCVQI. DOI: 10.1007/s42521-025-00141-8

Об авторе:

Агамагомедова Саният Абдулганиевна, доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

References

1. Agamagomedova, S. A. Financial and Customs Control: Aspects of Correlation and Problems of Delimitation // State and Law. 2023. No. 3. P. 158–164. (In Russ.) EDN: JLYPBN. DOI: 10.31857/S102694520021450-6
2. Glazhev, S. Yu. Eurasian Economic Integration in the Context of the Emergence of a New World Economic Structure // Economic Revival of Russia. 2024. No. 2 (80). P. 34–45. (In Russ.) EDN: EQMYQN. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45
3. Emelianov, A. S. Formation and Implementation of Regulatory Policy in the Eurasian Economic Union // Journal of Russian Law. 2023. No. 9. P. 131–143. (In Russ.) EDN: UZGRQA. DOI: 10.61205/jrp.2023.109
4. Krokhina, Yu. A. Prerequisites for and Issues of Establishment of the Central Bank of the Eurasian Economic Union // Banking Law. 2019. No. 2. P. 35–40. (In Russ.) EDN: ZAEPZR. DOI: 10.18572/1812-3945-2019-2-35-40

5. Financial Markets: New English-Russian Explanatory Dictionary: Over 11000 art. / ed. by T. E. Apanasenko, M. A. Storchevoy. St. Petersburg : Econ. school, 2004. 658 p. (In Russ.)
6. Shokhin, S. O. Bases of Formation of Regulatory Framework of the Single Currency of the Eurasian Economic Union // Juridical World. 2016. No. 6. P. 62–64. (In Russ.) EDN: WBGJXN
7. Barbereau, T., Weigl, L., Pocher, N. Financial Regulation, Political Context, and Technology in the European Union. In: Fridgen, G., Guggenberger, T., Sedlmeir, J., Urbach, N. (eds). Decentralization Technologies. Financial Innovation and Technology. Springer, Cham., 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-66047-4_2
8. Behera, D. K., Mohanty, R. K., Rahut, D. [et al.]. Governance, Green Taxes, and Air Pollution in the European Union // Environmental Sciences Europe. 2025. Vol. 37, No. 1. P. 186. EDN: LZMUKA. DOI: 10.1186/s12302-025-01231-5
9. Ferreira, C. Competition and Stability in the European Union Banking Sector // International Advances in Economic Research. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 207–224. EDN: MYZXZX. DOI: 10.1007/s11294-023-09880-z
10. Kohsaka, A. Why Does the Euro’s Survival Matter? Financial Integration in East Asia and the European Union. In: Voogsgeerd, H., Akita, S. (eds). Regional Integration and Institutional Change in East Asia and the European Union. Springer, Singapore, 2025. DOI: 10.1007/978-981-95-1076-4_8
11. Mark-Denis, M., Rus, A. V., Bako, E. D. The Digital Finance and FinTech Adoption Effects amidst the Slowbalization Framework: A Comparative Analysis of the European Union and Japan // Digit Finance. 2025. No. 7. P. 949–969. EDN: URCVQI. DOI: 10.1007/s42521-025-00141-8

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova, Doctor of Science (Jurisprudence), Associate Professor, Senior Researcher of the sector of administrative law and administrative process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: saniyat_aga@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Агамагомедова С. А., 2026

Договор о космосе 1967 года: проблемы толкования понятий «исследование» и «использование» в контексте коммерциализации космических ресурсов

Киченина В. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: vskichenina@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-7984-5232

РЕФЕРАТ

Целью исследования является проведение детального правового анализа содержания понятий «исследование» и «использование» космического пространства, включая Луну и иные небесные тела, закрепленных в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 года (далее — Договор о космосе), выявление точного юридического смысла этих терминов в контексте целей и принципов Договора о космосе, а также оценка влияния содержания данных дефиниций на формирование правового режима коммерческого использования космических ресурсов. **Методология.** Исследование основано на применении комплекса общенаучных и специальных методов: анализа, синтеза, исторического, логического, формально-юридического и сравнительно-правового. Анализируются международно-правовые акты, национальное законодательство, а также деятельность органов международных организаций. **Результаты.** Таким образом выявлено, что понятие «исследование» традиционно трактуется как изучение, а «использование» — как практическое применение космоса, однако границы «использования» являются размытыми. Результаты показывают, что отсутствие четкого определения в Договоре о космосе понятия «использование» порождает правовую неопределенность, особенно в вопросах коммерческой деятельности и эксплуатации космических ресурсов. **Выводы.** В результате сделан вывод о необходимости включить в понятие «использование» такие виды деятельности, как эксплуатация, добыча, освоение и конкретизировать их содержание. В противном случае будет сохраняться риск конфликтов и неэффективности правового режима в условиях стремительного технологического прогресса и коммерциализации космоса. Также требуется выработка согласованного подхода на международном уровне к толкованию ст. 2 Договора о космосе, прежде всего в рамках Комитета ООН по космосу, а также установление критериев, позволяющих отличать временное использование от деятельности, создающей устойчивый контроль над космическим пространством, включая Луну и другие небесные тела. При этом важно укреплять принципы транспарентности и сотрудничества между государствами, чтобы минимизировать риск перерастания использования в присвоение.

Ключевые слова: космическое право, запрет национального присвоения, Комитет ООН по космосу, исследование, использование, ресурсы

Для цитирования: Киченина В. С. Договор о космосе 1967 года: проблемы толкования понятий «исследование» и «использование» в контексте коммерциализации космических ресурсов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 132–141. EDN: WYVWZO

The other Space Treaty: Problems of Interpretation of the Concepts of “Exploration” and “Use” in the Context of the Commercialization of Space Resources

Victoria S. Kichenina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: vskichenina@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-7984-5232

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to conduct a detailed legal analysis of the content of the concepts of “exploration” and “use” of outer space, including the Moon and other celestial bodies, as set out in the 1967 Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space (hereinafter referred to as the Outer Space Treaty), to identify the exact legal meaning of these terms in the context of objectives and principles of the Outer Space Treaty, as well as an assessment of the impact of the content of these definitions on the formation of a legal regime for the commercial use of space resources. **Methods.** The research is based on the application of a set of general scientific and special methods: analysis, synthesis, historical, logical, formal-legal and comparative-legal. The article analyzes international legal acts, national legislation, as well as the activities of international organizations. **Results.** Thus, it is revealed that the concept of “research” is traditionally interpreted as a study, and “use” as a practical application of space, however, the boundaries of “use” are blurred. The results show that the lack of a clear definition of the concept of “use” in the Outer Space Treaty creates legal uncertainty, especially in matters of commercial activities and the exploitation of space resources. **Conclusions.** As a result, it is concluded that it is necessary to include in the concept of “use” such types of activities as exploitation, extraction, development and specify their content. Otherwise, there will be a risk of conflicts and inefficiency of the legal regime in the context of rapid technological progress and commercialization of space. It also requires the development of an internationally agreed approach to the interpretation of Article 2 of the Outer Space Treaty, primarily within the framework of the UN Committee on Outer Space, as well as the establishment of criteria to distinguish temporary use from activities that create sustainable control over outer space, including the Moon and other celestial bodies. At the same time, it is important to strengthen the principles of transparency and cooperation between States in order to minimize the risk of exploitation escalating into appropriation.

Keywords: space law, prohibition of national appropriation, United Nations Committee on Outer Space, research, use, resources

For citation: Kichenina V. S. The other Space Treaty: Problems of Interpretation of the Concepts of “Exploration” and “Use” in the Context of the Commercialization of Space Resources // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 132–141 (In Russ.). EDN: WYVWZO

Введение

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.¹, — это первый и наиболее важный международный договор, регулирующий деятельность государств в космическом пространстве, заключенный под эгидой Организации Объединенных Наций [8, с. 82]. Принятый XXI резолюцией Генеральной Ассамблеи 19 декабря 1966 г., он заложил правовые основы для исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [14, с. 13].

¹ Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 16.01.2026).

С момента запуска первого спутника Земли в 1957 г. [13, с. 1] стало очевидно, что договор, регулирующий космическую деятельность, должен быть согласован как можно скорее. В этот период рассматривалась перспектива высадки человека на Луну — как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом [15, с. 1], поэтому необходимо было создать соответствующие механизмы правового регулирования для реализации таких инициатив. Отмечается, что оперативные действия были необходимы не только потому, что отсутствие соответствующего правового регулирования могло бы помешать научно-техническому прогрессу, но и потому, что такой прогресс зависел от правильного решения юридической проблемы [7, с. 10].

Договор о космосе представляет собой компромисс, достигнутый в результате многосторонних усилий в рамках ООН. Несмотря на напряженность, государствам удалось найти взаимопонимание относительно существенных аспектов космической деятельности, что позволило согласовать принципиальные моменты организации научных исследований и использования космического пространства [9, с. 165].

Договор о космосе вступил в силу 10 октября 1967 г., и в настоящее время к нему присоединились свыше ста государств, что свидетельствует о широкой поддержке и его универсальном характере. Особая роль Договора заключается в том, что именно этот акт сформировал устойчивую правовую основу регулирования деятельности в космическом пространстве. По оценке большинства участников, созданный им механизм до сих пор сохраняет актуальность и в целом обеспечивает сбалансированное соотношение интересов государств, вовлеченных в исследование и использование космоса.

Материалы и методы

Исследование основано на применении комплекса общенаучных и специальных методов: анализа, синтеза, исторического, логического, формально-юридического и сравнительно-правового. Анализируются международно-правовые акты, национальное законодательство, а также деятельность органов международных организаций.

Обсуждение

В тексте Договора о космосе отсутствуют какие-либо определения и не раскрываются многие понятия [12, с. 346]. Объясняется это прежде всего тем, что в ходе обсуждений представители ряда государств указывали на общую проблему, связанную с включением в текст Договора значительного массива дефиниций. По их мнению, избыточная детализация понятий могла привести к тому, что нормы достаточно быстро потеряли бы актуальность в условиях меняющейся международной практики. Наряду с этим на стадии согласования Договора государства исходили из необходимости скорейшего завершения переговоров. В этом контексте высказывались опасения, что длительные и сложные дискуссии вокруг формулировок способны существенно затянуть переговорный процесс. Таким образом, стремление сохранить гибкость документа и обеспечить своевременное достижение договоренностей рассматривалось как более приоритетная задача по сравнению с разработкой исчерпывающего понятийного аппарата [9, с. 179].

На раннем этапе развития международного космического права приоритеты государств формировались под влиянием прежде всего политических и научно-технических интересов. Эти обстоятельства во многом предопределили направление правотворческой деятельности и характер обсуждаемых проблем в сфере освоения космоса. В результате основное внимание было сосредоточено на выработке и согласовании общего правового режима космического пространства, а также Луны и иных небесных тел, которые рассматривались как единые объекты международно-правового регулирования.

При этом ряд вопросов, например, коммерческой эксплуатации космического пространства и небесных тел, не были напрямую урегулированы Договором [2, с. 157] прежде всего в силу отсутствия практической возможности и необходимости такой деятельности. Но на текущий момент, с учетом изменившейся политической, экономической и научно-технической ситуации, появился активный интерес

со стороны государств к этой сфере, а также возникла потребность в научных исследованиях по ряду ключевых вопросов космического права, не получивших четкого закрепления в Договоре по космосу [1, с. 84]. Очевидно, что формирование норм, регламентирующих коммерческое использование космоса, необходимо начинать практически с нуля, разрабатывая их как самостоятельное направление международного правового регулирования космической деятельности [4, с. 115].

Целью данного исследования является анализ таких положений Договора, как исследование и использование космического пространства, включая Луну и небесные тела, поскольку их понимание и толкование участниками космической деятельности может повлиять на формирование международного режима эксплуатации космических ресурсов.

Стоит отметить, что уже на этапе переговоров был затронут вопрос значения этих терминов и состоялась дискуссия по поводу прежде всего значения термина «использование», в ходе которой делегат от Франции высказал мнение о том, что «использование» означает «эксплуатацию» [9, с. 182].

Очевидно, что возможность освоения космического пространства стала результатом длительного и многоэтапного процесса. Человечеству понадобился длительный период накопления научных и технических знаний, прежде чем стало возможным создание сложных космических систем, обеспечивших экспансию в космическое пространство. Некоторые авторы обращают внимание на то, что само понятие исследования нельзя сводить лишь к наблюдению за небесными телами. Оно охватывает значительно более широкий круг деятельности, которая может осуществляться как при непосредственном участии человека, так и опосредованно — с использованием созданных им технических средств. В этом контексте исследование включает любое целенаправленное изучение или наблюдение окружающей среды, осуществляемое с применением органов чувств — зрения, слуха — и других способов восприятия. При этом не имеет принципиального значения, проводится ли такая деятельность напрямую человеком, посредством приборов или через их совместное использование, поскольку ключевым элементом остается осознанная направленность на получение нового знания [10, с. 95–96].

В научной литературе присутствует позиция, согласно которой понятие «использование» необходимо рассматривать в широком смысле, включая как экономическую, так и неэкономическую деятельность. С этой точки зрения космос выступает не только как объект научных исследований или международного сотрудничества, но и как потенциальная сфера хозяйственной активности. Использование космического пространства может выражаться в практических действиях, направленных на достижение конкретных прикладных целей. В результате хозяйственное использование космоса допускает освоение как самого космического пространства, так и отдельных небесных тел, если такая деятельность ориентирована на получение материальной выгоды или иного экономического результата [9, с. 195].

Рационально предположить, что Луна и другие небесные тела, являясь компонентами космического пространства, будут использоваться по-разному, во многом так же, как и земная среда [10, с. 198]. При этом стоит отметить, что режим, связанный с практическим использованием космического пространства, по своему содержанию является более ограниченным, чем режим, регулирующий его исследование. Это различие проявляется не только на уровне общих принципов, но и в конкретных правовых нормах, установленных международными соглашениями. Наглядным подтверждением данного подхода служат положения ст. 4 Договора о космосе. В ней прямо закрепляется запрет на отдельные виды военной деятельности в космическом пространстве [5, с. 42]. Также в ст. 4, как и в преамбуле договора, указано, что использование возможно только в мирных целях. Но при этом ни один из договоров ООН по космосу не определяет и не разъясняет понятие «мирный» применительно к деятельности государств в космосе. Большинство представителей государств, принимавших участие в разработке норм Договора, использовали термин «мирный» как синоним «невоенного». Но космические державы (Советский Союз и США), оценившие тот огромный потенциал, который имеет космос для разведки, связи и военных целей, еще во времена холодной войны склонялись к значению «неагрессивный» [3, с. 227].

Следует подчеркнуть, что действующие международно-правовые нормы устанавливают лишь частичные ограничения в сфере милитаризации космического пространства. Так, хотя размещение ядерных средств и иных видов оружия массового уничтожения за пределами Земли прямо запрещено,

универсального и всеобъемлющего запрета на присутствие любых вооружений в космосе на сегодняшний день не сформировано. Закрепленный правовой порядок допускает развертывание в космическом пространстве систем, относящихся к обычным видам вооружений. Их использование рассматривается как допустимое в тех ситуациях, когда применение силы в целом не противоречит нормам и принципам международного права [3, с. 230–231].

В Кёльнском комментарии к космическому праву (Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty)¹ эксплуатация природных ресурсов Луны, а также других небесных тел трактуется как одна из разновидностей использования космического пространства. Такое понимание соотносится с принципом свободы исследования и использования космоса, который допускает осуществление соответствующей деятельности при условии соблюдения рамок, установленных международным космическим правом. При этом подчеркивается, что данная свобода не носит абсолютного характера. Ее реализация может быть поставлена в зависимость от дополнительных требований и ограничений, закрепленных в иных международных соглашениях, регулирующих деятельность государств в космическом пространстве. Тем самым использование ресурсов рассматривается как допустимое, но с учетом положений ст. 2 Договора о космосе, в которой закреплено, что любая форма эксплуатации не должна перерасти в национальное присвоение как небесных тел, так и их частей. Иными словами, даже при активном использовании ресурсов такие действия не могут служить основанием для возникновения прав собственности со стороны как государств, так и частных лиц [9, с. 224]. Если рассматривать ситуацию, при которой разработка природных ресурсов небесного объекта, в том числе астероида, ведется до полного исчезновения самого объекта, то подобная практика вызывает серьезные правовые вопросы. Речь идет о таком использовании космического пространства, которое фактически приводит к утрате небесного тела. Несмотря на то, что подобные действия формально не подпадают под понятие присвоения в смысле ст. 2, их нельзя признать правомерными. В данном случае будут нарушены иные основополагающие нормы международного космического права. К их числу относится принцип использования космического пространства в интересах всего человечества, а также обязанность учитывать интересы всех государств при осуществлении космической деятельности [9, с. 245].

В научной литературе подчеркивается, что нормы Договора по космосу устанавливают запрет именно на присвоение путем использования, тогда как само по себе использование не только не ограничивается, но и прямо допускается и охраняется теми же положениями. Иными словами, правовой режим космоса строится на разграничении допустимой деятельности и недопустимого установления суверенных притязаний. Вместе с тем в практической плоскости проведение четкой линии между законным использованием и фактическим присвоением через использование представляет собой задачу значительно более сложную. Такое разграничение требует учета множества технических, экономических и правовых факторов, а потому носит комплексный характер. Однако такая сложность не может служить основанием для ослабления или пересмотра фундаментального принципа неприсвоения, лежащего в основе международного космического права. Следует отметить, что данные проблемы осознавались еще на этапе согласования Договора о космосе. В ходе обсуждений представители государств прямо указывали на возможные трудности будущего правоприменения. Так, представитель Франции обращал внимание на то, что хотя закрепленные в договоре принципы без труда применимы к стадии исследования космического пространства, их соблюдение может стать значительно более проблематичным с началом активной хозяйственной деятельности. Особые затруднения, по его мнению, неизбежно возникнут при необходимости разграничить временное фактическое присутствие или занятие определенных районов и действия, которые по своей сути будут означать их присвоение [9, с. 257].

В этой связи интересна официальная позиция государств по вопросам использования и исследования космического пространства и небесных тел, особенно в свете перспектив коммерческой эксплуатации космических ресурсов.

¹ The Cologne Commentary on Space Law (CoCoSL) University of Cologne [Электронный ресурс]. URL: <https://ilwr.jura.uni-koeln.de/en/the-cocosl-project-series/the-cologne-commentary-on-space-law-volumes-1-3> (дата обращения: 16.01.2026).

Позиция Соединенных Штатов была сформулирована еще несколько десятилетий назад. Так, в 1979 г. госсекретарь Сайрус Вэнс (Cyrus Roberts Vance) сформулировал уже к тому моменту давнюю интерпретацию США ст. 1 и ст. 2 Договора, согласно которым принцип неприсвоения применяется к природным ресурсам небесных тел только тогда, когда такие ресурсы находятся «на месте». Запрет на национальное присвоение не ограничивает право собственности, осуществляемое государствами или частными лицами в отношении тех природных ресурсов, которые были извлечены из своего «места» на поверхности Луны или других небесных тел или под ней. Подобное удаление разрешено ст. 1 Договора о космосе, которая гласит, что космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, должно быть свободно для исследования и использования всеми государствами.

В 1980 г., выступая перед Сенатом, юридический советник Государственного департамента США Роберт Оуэн (Roberts V. Owen) подтвердил, что Соединенные Штаты давно придерживаются позиции, согласно которой ст. 1 Договора признает право на использование космических ресурсов¹. Таким образом, «работу» по целенаправленному одностороннему толкованию его статей США начали довольно давно, причем под вопрос поставлен главный принцип Договора — освоение и использование космоса в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания [6, с. 97].

Представители РФ в рамках дискуссии Рабочей группы по правовым аспектам деятельности в сфере космических ресурсов, которая осуществляет свою деятельность при Комитете ООН по космосу, указали на то, что Договор о космосе не ограничивает использование природных ресурсов, включая их добычу. Из этого следует, что деятельность по освоению ресурсов Луны и иных небесных тел может рассматриваться как одна из форм использования космического пространства, допустимая в рамках принципа свободы его исследования и использования. Вместе с тем подобная деятельность не должна являться национальным присвоением. В связи с этим ключевая правовая проблема заключается в толковании и практическом применении ст. 2 Договора о космосе. Речь идет о необходимости выработки такого правового подхода, который одновременно обеспечивал бы соблюдение принципа неприсвоения и создавал условия для развития исследований и использования природных ресурсов космического пространства, в том числе с участием негосударственных субъектов. При этом любая попытка присвоения неизбежно затрагивала бы гарантированную Договором свободу доступа других участников к любому району космического пространства. Также ресурсы, находящиеся на поверхности небесных тел, равно как и извлекаемые из их недр, неразрывно связаны с конкретным физическим объемом соответствующего небесного тела. По этой причине космический ресурс сохраняет свое особое происхождение даже после извлечения, что отличает его от аналогичных ресурсов, добываемых на Земле. Поэтому возникает необходимость определить границу между «использованием» и «присвоением путем использования» космического пространства и установить правовой статус добываемых космических ресурсов².

Также в Основных положениях Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу указано, что развитие после 2030 г. программ включает космические исследования в части, касающейся астрофизики и изучения Солнца, а также разработку технологий поиска и освоения ресурсов Луны и астероидов³.

Таким образом, РФ не отвергает возможность эксплуатации природных ресурсов космоса при должном всестороннем урегулировании вопроса на международном уровне. При этом стоит обратить внимание на то, что, помимо терминов «исследование» и «использование», в национальных актах используется термин «освоение».

¹ Egan J. Brian. The Next Fifty Years of the Outer Space Treaty [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/l/releases/remarks/264963.htm> (дата обращения: 16.01.2026).

² Russian Federation — Input to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities [Электронный ресурс]. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_20_0_html/AC105_C2_2023_CRP20E.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

³ Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ от 19.04.2013 № Пр-906) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovnyepolozheniya-osnov-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii/?ysclid=mkgyjh7ruu626365502> (дата обращения: 16.01.2026).

В свою очередь, в таком документе, как Соглашения Артемиды, указано, что «добыча» и «использование» — это разные термины¹.

В Основных элементах для разработки международных рамок деятельности в области космических ресурсов, разработанных Гаагской рабочей группой по управлению космическими ресурсами в 2019 г., присутствует такая формулировка: использование — это извлечение космических ресурсов и добыча минерального сырья или летучих материалов из него².

В Первоначальном проекте набора рекомендуемых (необязательных) принципов деятельности по использованию космических ресурсов, которые сейчас обсуждаются в Комитете ООН по космосу, раскрывается понятие деятельности в области космических ресурсов и указывается, что она включает в себя деятельность, осуществляемую в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с основной целью поиска, добычи, исследования и использования космических ресурсов. При этом использование космического пространства включает деятельность по освоению космических ресурсов³.

Результаты

В международном космическом праве понятие «исследование космического пространства» становится все более дискуссионным, и в отношении этого термина сформировалась правовая неопределенность. Более того, с учетом отсутствия конкретики в Договоре о космосе в отношении понятия «использование», в доктрине космического права оно рассматривается достаточно широко и включает любую деятельность, не сопровождаемую формальным заявлением о суверенитете над объектами в космическом пространстве.

Ряд государств приняли национальные законы, признающие право частных компаний на владение добытыми в космосе ресурсами. Сторонники этой позиции утверждают, что присвоение ресурсов не равнозначно присвоению территории и, следовательно, не нарушает ст. 2 Договора. Противоположная точка зрения заключается в том, что систематическое и исключительное использование ресурсов районов Луны и других небесных тел может де-факто привести к присвоению, что противоречит Договору.

Аналогичная ситуация складывается вокруг концепции «зон безопасности», активно обсуждаемой в рамках лунной деятельности. С одной стороны, обязанность проявлять должное внимание к деятельности других государств вытекает из ст. 9 Договора о космосе. С другой стороны, установление обширных зон, доступ к которым ограничивается под предлогом безопасности, может превратиться в инструмент постоянного исключительного использования определенных участков поверхности, что станет формой присвоения путем использования.

В этих условиях определение четкой границы между использованием и присвоением путем использования приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Отсутствие такой границы чревато фрагментацией международного космического права, ростом односторонних практик и усилением конфликтного потенциала. Следовательно, необходимо решить ряд фундаментальных вопросов, если мы хотим, чтобы такая деятельность осуществлялась в рамках норм международного права и с минимальными трениями [11, с. 349].

Заключение

С учетом проведенного анализа представляется необходимым в целях выработки универсального механизма использования космических ресурсов включить в это понятие такие виды деятельности, как эксплуатация, добыча, освоение, а также конкретизировать их содержание.

¹ Artemis Accords [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 16.01.2026).

² Building blocks for the development of an international framework on space resource activities [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/law/institute-of-public-law/institute-of-air-space-law/the-hague-space-resources-governance-working-group> (дата обращения: 16.01.2026).

³ Initial Draft Set of Recommended [Non-Binding] Principles for Space Resource Activities [Электронный ресурс]. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/space-resources/Updated_Initial_draft_set_of_recommended_principles_17_December_2025.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

Также требуется выработка согласованного подхода на международном уровне к толкованию ст. 2, прежде всего в рамках Комитета ООН по космосу, а также установление критериев, позволяющих отличать временное использование от деятельности, создающей устойчивый контроль и влекущей фактическое исключение других государств из такой деятельности. При этом важно укреплять принципы транспарентности, уведомления и международных консультаций, чтобы минимизировать риск перерастания использования в присвоение.

Следовательно, установление четко очерченного и широко признанного разграничения между допустимым использованием и фактическим присвоением, осуществляемым через использование, выступает важнейшим условием поддержания равновесия в деятельности государств по использованию космических ресурсов. Речь идет о балансе между принципом свободы космической деятельности и действующим запретом на национальное присвоение космических объектов и пространств. При отсутствии такого разграничения возникает правовая неопределенность, способная размыть содержание ст. 2 Договора о космосе. В результате данная норма может утратить свою ограничительную функцию. Подобное ослабление правовых механизмов несет в себе риски долгосрочного и устойчивого использования космического пространства.

Список литературы

1. *Волынская О. А.* Юбилей Договора по космосу 1967 года // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 82–95. EDN: YUELEJ. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-82-95
2. *Вылегжанин А. Н., Юзбашян М. Р., Алексеев М. А.* Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов Луны и других небесных тел // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2021. № 3-1. С. 155–172. EDN: TSCHMM. DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_155
3. *Елизаров М. В.* Международно-правовые основы мирного освоения космоса: проблемный аспект // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 225–232. EDN: JNIFES. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.18
4. *Крылов Н. Б., Шинкарецкая Г. Г.* Интертемпоральное толкование Договора по космосу и негосударственные акторы // Государство и право. 2021. № 3. С. 112–121. EDN: WLVGQC. DOI: 10.31857/S102694520014151-7
5. *Шийко Ц.* Договор ООН по космосу 1967 г. в свете развития космической деятельности государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Москва, 1999. 178 с. EDN: NLOKND
6. *Штодина И. Ю.* Есть ли будущее у Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 6. С. 96–102. EDN: OXCICH. DOI: 10.61205/jzsp.2023.085
7. *Dembling Paul G., Arons Daniel M.* The Evolution of the Outer Space Treaty // Journal of air law and commerce. 1967. Vol. 33. P. 419–456. URL: <https://files01.core.ac.uk/download/pdf/188046313.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).
8. *Chang B.* Properly Speaking, Only Celestial Bodies Have Been Reserved for Use Exclusively for Peaceful (Non-Military) Purposes, but Not Outer Void Space // International Law Students. 2000. Vol. 75. P. 81–117. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1434&context=ils> (дата обращения: 20.01.2026).
9. *Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty / ed. by Stephan Hobe, LL. M. Köln : Wolters Kluwer Deutschland GmbH, 2009. 757 p. ISBN: 978-3-8305-3771-7.*
10. *Gorove S.* Freedom of Exploration and Use in the Outer Space Treaty: A Textual Analysis and Interpretation // Denver Journal of International Law & Policy. 1971. No. 93. P. 93–107. URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2191&context=djilp> (дата обращения: 20.01.2026).
11. *Gorove S.* Interpreting Article II of Outer Space Treaty // Fordham Law Revue. 1969. Vol. 37. P. 349–354. URL: <https://files01.core.ac.uk/download/pdf/144223053.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).

12. *Keefe H.* Making the Final Frontier Feasible: A Critical Look at the Current Body of Outer Space Law // Santa Clara Computer & High Technology Law Journal. 2012. No. 11. P. 345–371. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/chtlj/vol11/iss2/7/> (дата обращения: 20.01.2026).
13. *Steele S. M.* International Space Law: A Hindrance to Space Activities or a Resolute Action for Change // American Journal of Aerospace Engineering. 2022. Vol. 9, No. 1. P. 1–13. DOI: 10.11648/j.ajae.20220901.11
14. *Solomou A.* The Development of International Law Regarding the Peaceful Uses of Other Space // 5 Gray's Inn Student Law Journal. 2013. P. 10–37.
15. *Vedda J. A.* The Outer Space Treaty: Assessing Its Relevance at the 50-Year Mark // Center for Space Policy and Strategy Policy Paper June. 2017. P. 1–7. URL: <https://cps.aerospace.org/sites/default/files/2021-08/OuterSpaceTreaty.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).

Об авторе:

Киченина Виктория Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и гуманитарного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: vskichenina@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-7984-5232

References

1. Volynskaya, O. A. Anniversary of the 1967 Outer Space Treaty // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 4. P. 82–95. (In Russ.) EDN: YUELEJ. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-82-95
2. Vylegzhanin, A. N., Yuzbashyan, M. R., Alekseev, M. A. International Legal Prospects for Using Natural Resources of the Moon and Other Celestial Bodies // Mining Information and Analytical Bulletin. 2021. No. 3-1. P. 155–172. (In Russ.) EDN: TSCHMM. DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_155
3. Yelizarov, M. V. International Legal Framework for the Peaceful Exploration of Outer Space: Problematic Aspects // The Rule of Law State: Theory and Practice. 2021. No. 3 (65). P. 225–232. (In Russ.) EDN: JNIFES. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.18
4. Krylov, N. B., Shinkaretskaya, G. G. Intertemporal Interpretation of the Outer Space Treaty and non-State Actors // State and Law. 2021. No. 3. P. 112–121. (In Russ.) EDN: WLVGQC. DOI: 10.31857/S102694520014151-7
5. Shiyko, Ts. The UN Outer Space Treaty of 1967 in the Light of the Development of Space Activities of States : Dissertation ... Candidate of Law : 12.00.10. Moscow, 1999. 178 p. (In Russ.) EDN: NLOKND
6. Shtodina, I. Yu. Does the Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies, Have a Future? // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19, No. 6. P. 96–102. (In Russ.) EDN: OXCICH. DOI: 10.61205/jzsp.2023.085
7. Dembling, P. G., Arons, D. M. The Evolution of the Outer Space Treaty // Journal of Air Law and Commerce. 1967. Vol. 33. P. 419–456. URL: <https://files01.core.ac.uk/download/pdf/188046313.pdf> (accessed: 20.01.2026).
8. Chang, B. Properly Speaking, Only Celestial Bodies Have Been Reserved for Use Exclusively for Peaceful (Non-Military) Purposes, but Not Outer Void Space // International Law Students. 2000. Vol. 75. P. 81–117. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1434&context=ils> (accessed: 20.01.2026).
9. Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty / ed. by Stephan Hobe, LL. M. Köln : Wolters Kluwer Deutschland GmbH, 2009. 757 p. ISBN: 978-3-8305-3771-7.
10. Gorove, S. Freedom of Exploration and Use in the Outer Space Treaty: A Textual Analysis and Interpretation // Denver Journal of International Law & Policy. 1971. No. 93. P. 93–107. URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2191&context=djilp> (accessed: 20.01.2026).

11. Gorove, S. Interpreting Article II of Other Space Treaty // *Fordham Law Revive*. 1969. Vol. 37. P. 349–354. URL: <https://files01.core.ac.uk/download/pdf/144223053.pdf> (accessed: 20.01.2026).
12. Keefe, H. Making the Final Frontier Feasible: A Critical Look at the Current Body of Outer Space Law // *Santa Clara Computer & High Technology Law Journal*. 2012. No. 11. P. 345–371. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/chtlj/vol11/iss2/7/> (accessed: 20.01.2026).
13. Steele, S. M. International Space Law: A Hindrance to Space Activities or a Resolute Action for Change // *American Journal of Aerospace Engineering*. 2022. Vol. 9, No. 1. P. 1–13. DOI: 10.11648/j.ajae.20220901.11
14. Solomou, A. The Development of International Law Regarding the Peaceful Uses of Other Space // *5 Gray's Inn Student Law Journal*. 2013. P. 10–37.
15. Vedda, J. A. The Outer Space Treaty: Assessing Its Relevance at the 50-Year Mark // *Center for Space Policy and Strategy Policy Paper* June. 2017. P. 1–7. URL: <https://cps.aerospace.org/sites/default/files/2021-08/OuterSpaceTreaty.pdf> (accessed: 20.01.2026).

About the author:

Victoria S. Kichenina, PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: vskichenina@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-7984-5232

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Киченина В. С., 2026

Становление дискриминационного положения русскоязычного населения Латвии в контексте международных обязательств по защите прав и свобод человека

Долженкова Е.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: ekaterinadolzenkova92@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0261-763X

РЕФЕРАТ

Положение русскоязычного населения является одной из самых острых тем во взаимоотношениях России и Латвии. Дискриминационное положение данной группы населения привлекает внимание международного сообщества. Статус неграждан имеет противоречивый характер на протяжении всего периода независимости Латвии. Но со временем положение русскоязычного населения в Латвии ухудшается, несмотря на развитие международного права в области прав человека. Увеличивается количество коллизий между латвийским законодательством и международными нормами. **Цель.** Поиск и анализ коллизий, которые могут свидетельствовать о законодательно закрепленной насильственной ассимиляции русскоязычного населения. **Методология** исследования строится на применении формально-юридического метода к Международным пактам 1966 г., Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Конвенции о правах ребенка. Анализируется информация, предоставленная латвийскими правозащитными организациями профильным международным институтам в области защиты прав человека. Историческая ретроспектива наглядно показывает: несмотря на то, что профильные международные комитеты обращали внимание латвийских властей на явные нарушения норм международного права в области защиты прав и свобод человека по отношению к русскоязычному населению, со временем наблюдается законодательно закрепленная дискриминация данной группы населения. **Результаты** исследования раскрывают слабость демократических институтов в Латвии, а также низкий уровень подготовки правоохранительных органов, которые несут ответственность за предупреждение и предотвращение случаев конфликтов на почве национального, этнического и языкового факторов. Особое внимание уделяется проблемам разжигания и пропаганды ненависти по этническому признаку. Механизмы интеграции, которые со временем претерпели ряд изменений, не привели к популярности данного способа приобретения гражданства. Со временем ужесточается языковая политика Латвии по отношению к русскому языку, а также наблюдается дискриминация в области русской культуры и традиций. **Выводы.** Увеличивается количество коллизий между латвийским законодательством и положениями международного права в области защиты прав человека. В Латвии наблюдается законодательно закрепленная насильственная ассимиляция русскоязычного населения. Преодоление этнической идентичности русскоязычного этноса становится необходимым условием при интеграции в латвийское общество.

Ключевые слова: ассимиляция, натурализация, национальные меньшинства, национальная ненависть, этнос, языковая политика

Для цитирования: Долженкова Е. Становление дискриминационного положения русскоязычного населения Латвии в контексте международных обязательств по защите прав и свобод человека // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 142–153. EDN: XAFQON

The Formation of the Discrimination Situation of the Russian-Speaking Population of Latvia in the Context of International Obligations to Protect Human Rights and Freedoms

Ekaterina Dolzhenkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: ekaterinadolzenkova92@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0261-763X

ABSTRACT

The situation of the Russian-speaking population is one of the most pressing issues in relations between Russia and Latvia. The discriminatory status of this group has attracted the attention of the international community. The status of non-citizens has been controversial throughout Latvia's independence. However, over time, the situation of the Russian-speaking population in Latvia has worsened, despite the development of international human rights law. The number of conflicts between Latvian legislation and international norms is increasing. **Aim.** The purpose of this article is to identify and analyze conflicts that may indicate the legislatively enshrined forced assimilation of the Russian-speaking population. **Methods.** The research methodology is based on the application of the formal legal method to the International Covenants of 1966, the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, and the Convention on the Rights of the Child. Information provided to relevant international human rights institutions by Latvian human rights organizations is analyzed. A historical perspective clearly demonstrates that, despite the fact that relevant international committees have drawn the attention of Latvian authorities to clear violations of international law protecting the human rights and freedoms of the Russian-speaking population, legally enshrined discrimination against this group has persisted over time. **Results.** The research reveals the weakness of democratic institutions in Latvia, as well as the low level of preparedness of law enforcement agencies responsible for preventing and addressing conflicts based on national, ethnic, and linguistic factors. Particular attention is paid to the problems of incitement to hatred and the promotion of ethnic hatred. Integration mechanisms, which have undergone a number of changes over time, have not led to the popularity of this method of acquiring citizenship. Over time, Latvia's language policy toward the Russian language has become more stringent, and discrimination against Russian culture and traditions has also been observed. **Conclusions.** The conclusions of this article are that the number of conflicts between Latvian legislation and international human rights norms is increasing. Legislatively enshrined forced assimilation of the Russian-speaking population is observed. Overcoming the ethnic identity of Russian-speaking people is becoming a prerequisite for integration into Latvian society.

Keywords: assimilation, naturalization, national minorities, national hatred, ethnicity, language policy

For citation: Dolzhenkova E. The Formation of the Discrimination Situation of the Russian-Speaking Population of Latvia in the Context of International Obligations to Protect Human Rights and Freedoms // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 142–153 (In Russ.). EDN: XAFQON

Введение

Реализуя этнократическую политику, латвийские политические элиты ставят русскоязычное население в дискриминационное положение [9]. Н. М. Межевич [10] отмечает, что построение этнократии в Латвии началось после распада Советского Союза. Приведение в действие соответствующей идеологии позволило выделить всех русскоязычных жителей в отдельную часть общества. В настоящее время часть данной группы населения лишена гражданства и соответствующих политических прав [3]. М. Л. Аверьянов [1] справедливо замечает, что при выражении желания вступления в Европейский союз правительство Латвии согласилось принять европейские демократические ценности, в основе которых

находятся обеспечение и защита прав и свобод человека. Но спустя время, когда Латвия стала полноправным членом Европейского союза, принятие и дальнейшее развитие национальной политики, где главным источником всех «проблем» признано советское прошлое Латвии и русскоязычное население, позволило латвийским политическим элитам легитимировать дискриминационные действия по отношению к русскоязычным жителям Латвии [2]. И. Н. Тарасов [8] отмечает, что политика десоветизации, проводимая в Латвии с момента восстановления независимости, также оправдывает дискриминационную политику. В свою очередь, политика интеграции не является приоритетной и не поддерживается большинством русскоязычного населения. Латвийское общество расколото на две группы: этнические латыши и русскоязычное население, которые в общественно-политическом дискурсе противопоставляются друг другу. Между тем происходит процесс насильственной ассимиляции русского этноса, что противоречит политике интеграции с сохранением национальной идентичности и этнической принадлежности. Русский язык подвергается все большему запрету на использование как в официальной, так и в бытовой сферах [7]. Сегрегация латвийского общества по языковому и национальному признакам осуществляется с момента восстановления независимости Латвии. К. А. Зверев [4] приводит тезис о том, что латвийская национальная политика в отношении русскоязычного населения коррелирует с отношением международного сообщества к внешней политике Российской Федерации. После 2022 г., когда среди европейского и части мирового сообщества стали доминировать антироссийские настроения, в Латвии было ужесточено законодательство в отношении русского языка (введен запрет на использование русского языка в средствах массовой информации, сфере образования, в межличностном общении и т. д.), получения вида на жительство российскими гражданами, был введен запрет на проведение культурных мероприятий, важных для русскоязычного населения, и т. д. Д. А. Ланко [6] отмечает, что с 2022 г. происходит стремительная отмена русской культуры в Латвии. Дискриминационные меры были направлены конкретно на русскоязычное население и на символы (традиции), которые имели связь с Советским Союзом и/или Российской Федерацией.

Являясь субъектом международного права и провозгласив себя демократическим государством, Латвия приняла ряд международных обязательств по защите прав и свобод человека. Несмотря на то, что отдельные положения законодательства действуют исходя из национальных интересов и являются продолжением внутренней государственной политики, они же противоречат основополагающим принципам в области прав человека. Г. В. Алексеев резюмирует, что «принципиальная роль защиты прав человека в предметной области трудового законодательства, регулирующего правовое положение иностранцев, определяется необходимостью обеспечить, ... недискриминацию и защиту прав трудовых мигрантов...» [5, с. 87], а тем более — обеспечить недискриминацию физических лиц, постоянно проживающих и реализующих естественные права на территории государства.

Материалы и методы

Интерес представляет поиск коллизий между национальными нормами права Латвии, регулирующими положение русскоязычного населения, и международными нормами по обеспечению прав и свобод человека. С целью доказательства гипотезы о несоблюдении латвийскими политическими элитами норм международного права по правам человека и их игнорировании при последовательном проведении насильственной ассимиляции русскоязычного населения, применяя формально-юридический метод исследования, будем основываться на положениях Международного пакта о гражданских и политических правах¹, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах², Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации³, Конвенции о правах

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // UN Human Rights Office. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 04.11.2025).

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 04.11.2025).

³ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс] // UN Human Rights Office. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-elimination-all-forms-racial> (дата обращения: 04.11.2025).

ребенка¹. Анализу подлежат отчеты профильных комитетов, в которых последовательно отражены несоответствия законодательных норм Латвийской Республики нормам международного права, а также информация, предоставленная латвийскими правозащитными организациями. Рассмотрение данной проблемы происходит в исторической ретроспективе, что позволяет сделать вывод о последовательности действий латвийских политических элит и общего политического курса, которого придерживаются все политические партии, входящие в правящую коалицию на протяжении всего периода существования современной Латвии.

Результаты и обсуждение

Русскоязычные жители Латвии — это три гражданские группы: российские граждане, постоянно проживающие в Латвии; латвийские граждане, чей родной язык русский; и неграждане Латвии. Правовой статус неграждан определяется Законом Латвийской Республики «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих латышского или иного гражданства»². Согласно данному закону, неграждане — это лица, которые находились в статусе граждан бывшего СССР, и их дети, которые на 1 июля 1992 г. были зарегистрированы на территории Латвии, не получили латвийского гражданства или гражданства другой страны. Права и обязанности неграждан Латвии изложены в Конституции, а также регулируются нормативно-правовыми актами, которые содержат ряд ограничений. Например, Закон «О политических партиях»³ наделяет правом создавать политическую партию только латвийских граждан (неграждане такого права лишены). Закон «О выборах в муниципальный совет»⁴ запрещает негражданам участвовать в муниципальных выборах, одновременно наделяя избирательным правом граждан Европейского союза, зарегистрированных в Латвии наравне с латвийскими гражданами. Законодательно введен запрет для неграждан на государственную службу⁵, также неграждане не могут занимать должности в государственных учреждениях, например, они не могут быть судьями⁶. Приведенные примеры дискриминации неграждан, совместно с дискриминацией по принадлежности к русской культуре, нации и русскому языку, ставит данную группу населения в уязвимое положение как на государственном уровне, так и на уровне латвийского общества.

В 1995 г. Комитет по правам человека, основываясь на предоставленной Латвией информации, опубликовал доклад⁷, где отмечалось, что необходимо преодолеть прошлое и предпринять действия по укреплению демократических институтов. Установленные на тот период критерии процедуры натурализации комитет называл проблемными и несоответствующими положениям Международного пакта о гражданских и политических правах. Не было понимания, каким образом латвийское правительство гарантировало обеспечение негражданам прав человека согласно п. 1 ст. 2 («...Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в ... Пакте, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении ... языка, ... политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, ... рождения...»). Комитет подчеркивал, что строгие критерии и индивидуальный подход при рассмотрении заявления о вступлении в латвийское гражданство не позволяют части населения пройти процедуру натурализации.

¹ Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] / ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 04.11.2025).

² Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību akti. 12.04.1995. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 23.01.2026).

³ Politisko partiju likums [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību akti. 22.06.2006. URL: <https://likumi.lv/ta/id/139367-politisko-partiju-likums> (дата обращения: 23.01.2026).

⁴ Pašvaldības domes vēlēšanu likums [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību akti. 13.01.1994. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57839-pasvaldibas-domes-velšanu-likums> (дата обращения: 23.01.2026).

⁵ Valsts civildienesta likums [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību akti. 07.09.2000. URL: <https://likumi.lv/ta/id/10944-valsts-civildienesta-likums> (дата обращения: 23.01.2026).

⁶ Satversmes tiesas likums [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību akti. 05.06.1996. URL: <https://likumi.lv/ta/id/63354-satversmes-tiesas-likums> (дата обращения: 23.01.2026).

⁷ Доклад Комитета по правам человека A/50/40 [Электронный ресурс] // Генеральная ассамблея. 1995. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=A%2F50%2F40&Lang=en (дата обращения: 21.07.2025).

Законодательство содержало дискриминационные положения согласно ст. 2 и ст. 26 (о равенстве перед законом, включая защиту), что способствовало нарушению ст. 13 о незаконной высылке и ст. 17 о незаконном вмешательстве в личную и семейную жизнь.

Комитет по ликвидации расовой дискриминации в 2001 г. опубликовал Заключительные замечания¹, где указал на неисполнение ст. 4 конвенции, несмотря на включение данной статьи в национальное законодательство. Речь шла о случаях разжигания и пропаганды ненависти по этническому признаку. Ст. 4 конвенции обязывает государства-участники принимать незамедлительные меры в подобных случаях, включая запрет на участие в них органов государственной власти. В качестве проблемы была выделена процедура натурализации для лиц латвийской национальности, что было охарактеризовано как дискриминационное положение. Квалификационные требования натурализации также вызывали обеспокоенность ввиду их сложности. Комитет выражал обеспокоенность по поводу правовых различий между латвийскими гражданами и негражданами, что противоречило ст. 5 п. (е) конвенции. Были зафиксированы нарушения подп. (i) п. (d) ст. 5 о праве на свободу передвижения ввиду медленной замены паспортов СССР на паспорта неграждан. Требование указывать этническое происхождение в паспорте также было отмечено как дискриминационное. Уже тогда комитет выражал обеспокоенность и по поводу предстоящей реформы образования, а именно — сокращения часов преподавания на языках национальных меньшинств.

В 2003 г. Комитет по правам человека² отметил неудовлетворительные результаты политики натурализации — низкие темпы процедуры и высокие языковые требования. Подчеркивалось, что статус неграждан порождает несоблюдение Латвийской Республикой гражданских и политических прав. Отдельно была выделена проблема регистрации новорожденных в статусе неграждан. Комитет отмечал, что в Латвии проживает значительная доля неграждан, которые, с одной стороны, в рамках латвийского законодательства не относятся ни к иностранцам, ни к лицам без гражданства, при этом их статус близок к гражданам, но, с другой стороны, они лишены части прав, предусмотренных пактом. В частности, неграждане лишены политических прав, права занимать государственные должности и определенные должности в частных структурах, а также для них существуют ограничения в сфере владения сельскохозяйственными землями и в получении социальных льгот. Данные положения противоречат ст. 26 пакта о равенстве перед законом и о праве на равную защиту закона без дискриминации. В 2003 г. комитет рекомендовал правительству предоставить негражданам право на участие в политической и общественной жизни. Внимание комитета было обращено и на языковую политику, только посредством которой в Латвии было возможно полное осуществление прав. Нарушением ст. 26 было требование об обращении в государственные органы власти только на латышском языке. В дополнение к языковой политике в социальной сфере — языковая политика в области образования вызывала вопросы по поводу сроков планируемой реформы, а также государственной поддержки частных школ, которая предоставлялась в зависимости от языка обучения. Что противоречило как ст. 26, так и ст. 27 пакта, которая закрепляет право этнических и языковых меньшинств на использование своей культуры и родного языка в государствах их проживания.

В 2006 г. Комитет по правам ребенка³ обращал внимание на результаты поправок к Закону о гражданстве. Согласно поправкам, дети неграждан, рожденные после 1992 г., обладают правом на получение гражданства по заявлению родителей, но фактически доля детей неграждан по-прежнему оставалась высокой. Положение детей неграждан противоречит ст. 7 и ст. 8 Конвенции по правам

¹ Concluding observations of the Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Latvia. CERD/C/304/Add. 79 [Электронный ресурс] // International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=rIN%2Bd2ENem5iET4FTVLP5nyB4vo%2F3qOhsXBOuWTKJCEPtajDAvINK192pCBtrxcJ5vGmGAuGSoU1MgBlhoKRA%3D%3D> (дата обращения: 22.07.2025).

² Concluding observations of the human rights committee. Latvia. CCPR/CO/79/LVA [Электронный ресурс] // International covenant on civil and political rights. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=YWDg2yJ9uGSVora0uIY53CDXCrcCa2HhjkQKzNu3b2qwY0ez4%2FV%2FApxkg7OHL5KM2dMDIW7IJoLEw2JvVP%2BA%3D%3D> (дата обращения: 22.07.2025).

³ Consideration of reports submitted by states parties under article 44 of the Convention. Concluding observation: Latvia. CRC/C/LVA/CO/2 [Электронный ресурс] // Convention on the Rights of the Child. 18 June 2006. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=a%2Ffwk%2B0nsVgBNe5ZwUjnM7kY6svLvrE4VpSlKOGfuOavwDaepqT%2BChZ3Sxx8clkiF58fccJyLTqRtcDjhh2TXg%3D%3D> (дата обращения: 23.07.2025).

ребенка. Ст. 7 закрепляет право ребенка на приобретение гражданства, ст. 8 обязывает государства уважать право ребенка «на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство».

В 2007 г. на Тридцать восьмой сессии Комитета по экономическим, социальным и культурным правам¹ было отмечено, что латвийские представители не освещают ряд вопросов, которые вызывают обеспокоенность у экспертов. Вопросы членов комитета касались неграждан и того, что они не могут в полной мере воспользоваться экономическими, социальными и культурными правами. Также латвийская делегация не отвечала на вопросы о том, предоставляются ли государственные субсидии частным школам, оказывающим образовательные услуги не на латышском языке. Требования о преподавании и сдаче государственных экзаменов (с учетом правил 60/40%, где 60% — на латышском языке, 40% — на русском языке) на латышском языке в школах национальных меньшинств, при условии, что 30% населения являются русскоязычными, также вызывало вопросы. Не была предоставлена информация о студентах и их родном языке.

В Заключительных замечаниях Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 2008 г.² в отношении Латвии отмечалась неудовлетворенность, вызванная отсутствием достаточной информации о том, что государство выполняет ст. 2 п. 2 без какой-либо дискриминации к негражданам. В связи с чем было рекомендовано безотлагательно реформировать национальные правовые нормы на основе принципа недискриминации. Также Латвию призывали к осуществлению мер, которые бы позволяли негражданам наравне с гражданами пользоваться всеми правами согласно пакту.

Внимание комитета привлекли положения Закона о государственном языке, которые закрепляют требование об обращении в государственные органы только на латышском языке. Комитет указывал на возможную дискриминацию русскоязычного населения. Особое внимание было уделено ограничению права на доступ к государственным услугам среди лиц старшего возраста. В этой связи было рекомендовано обеспечить доступ к бесплатным языковым курсам, а также предоставить услуги переводчиков. Наравне с этими положениями, касающимися русскоязычного населения, комитет рекомендовал распространить данные замечания среди населения, а при формировании следующего отчета привлечь неправительственные организации и гражданское общество.

В 2014 г. Комитет по правам человека³ указывал на увеличение сообщений о случаях насильственных действий в отношении меньшинств, отмечая при этом необходимость противодействия риторике ненависти со стороны политических сил и частных лиц в средствах массовой информации. Отдельно была дана негативная характеристика реформе образования в связи с переходом только на латышский язык обучения. Отмечалось снижение мер государственной поддержки школам меньшинств, что противоречит ст. 26 и ст. 27 пакта.

В 2014 г. латвийская общественная организация «Конгресс неграждан», целью которой является защита социальных, политических и экономических прав неграждан, направила в Комитет ООН по правам человека Представление⁴, где перечислены существовавшие ранее и сохранившиеся до сих пор (за редким исключением) дискриминационные положения неграждан. Принятые в 2013 г. поправки к Закону о гражданстве, которые придают этнический характер гражданству Латвии, а именно ст. 1 и ст. 2, ввели «концепцию этнической государственной нации как основного источника суверенитета». Законом вводится и порядок доказательства этнического происхождения. То есть это может быть основанием

¹ Thirty-eight session. Summary record of the 15th Meeting. E/C.12/2007/SR.15 [Электронный ресурс] // Economic and Social Council. 15 May 2007. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=fH21fvmvaKilPwaNv6NGOZlslLHWFkjp6zCVl0x082eZBU%2Fhb2nsuO9GVAJ07ehZYaVSuVpvFq0zGatxRh%2BA%3D%3D> (дата обращения: 19.07.2025).

² Заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. Латвия. E/C.12/LVA/CO/1 [Электронный ресурс] // Экономический и социальный совет. 7 January 2008. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=mjRfKdDz4%2FcbiKjtoieOOM9yXh9bzF0brx2EUWJUrX01WlTr62JnGmj35R3zcsufiq4E%2BgtqE4g%2B71BR4TwsVA%3D%3D> (дата обращения: 19.07.2025).

³ Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Латвии. ССР/C/LVA/CO/3 [Электронный ресурс] // Международный пакт о гражданских и политических правах. 11 April 2014. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolNo=CPR%2FC%2FLVA%2FCO%2F3&Lang=en (дата обращения: 21.07.2025).

⁴ The Latvian Non-citizens' Congress. Info from Civil Society Organizations (for the sessions) [Электронный ресурс] // UN Treaty Body Database. 14 Feb 2014. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=INT%2FCPR%2FCSS%2FLVA%2F16485&Lang=en (дата обращения: 21.07.2025).

для дискриминации новых граждан, включая латвийских неграждан. Было отклонено предложение выделить неграждан в особую категорию — долгосрочных жителей — и не применять к ним процедуру натурализации в общем порядке, что уравнивает их статус с иностранцами. Поправки к ст. 12 усложнили натурализацию для неграждан, так как теперь им необходимо подтвердить непрерывный срок пребывания на территории Латвии в течение пяти лет до даты подачи заявления (допускается перерыв в течение одного года). Ранее пятилетний срок исчислялся с момента восстановления независимости в 1990 г. Конгресс неграждан отметил в качестве проблемы отсутствие диалога между негражданами и государственными органами. Органы власти отказывались вести диалог, несмотря на то что международные органы по защите прав человека отмечали необходимость в налаживании данного общения для урегулирования положения неграждан. Количество неграждан, желающих принять латвийское гражданство, с каждым годом уменьшается. Для некоторых из них препятствием являются высокие требования к знанию латышского языка и истории Латвии. Конгресс обратил внимание на причины, по которым неграждане не стремятся натурализоваться: убежденность, что статус негражданина — это историческая несправедливость и гражданство им должно быть предоставлено автоматически; сомнение в собственных способностях сдать экзамены. Первое утверждение в большей степени относится к лицам, которые родились и выросли в Латвии, но им не было автоматически предоставлено латвийское гражданство по причине, что их родители не были этническими латышами и/или не имели латвийского гражданства. В свою очередь, лица пожилого возраста в качестве причины отказа в прохождении натурализации указывают именно высокие языковые требования и сложность экзамена по истории Латвии. Данная ситуация складывается из комплекса факторов: социально-политического дискурса, который инициирует латвийское правительство, считая неграждан продолжателями «оккупационного режима» и утверждая, что без прохождения процедуры натурализации они являются иностранцами даже при условии рождения и проживания в Латвии; латвийские политические элиты используют враждебные высказывания в адрес неграждан, что влечет за собой социальную разобщенность, а процедура натурализации носит принудительный характер; небольшое количество бесплатных курсов по изучению латышского языка; недостаточная информационная поддержка о возможностях для неграждан пройти подготовку к экзаменам.

В 2016 г. Комитет по правам ребенка повторил собственные замечания¹ о положении детей в Латвии по части регистрации новорожденных в статусе неграждан. Поправки к Закону о гражданстве от 2013 г. по-прежнему не предоставляли возможности регистрации новорожденных в качестве латвийских граждан в семье неграждан, включая обязательное требование о заявлении одного из родителей для регистрации ребенка в статусе гражданина. Данные положения латвийского законодательства нарушали ст. 7 и ст. 8 пакта.

Согласно информации от Общественных организаций² для сессии Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, латвийский Закон об образовании лишает граждан права на получение образования на родном языке: были указаны поправки от 2017 г., предусматривающие предоставление образования в средней школе на латышском языке по схеме не менее 80% программы на государственном языке, за исключением официальных языков ЕС. По мнению организации, данная реформа противоречит международным принципам, а именно праву меньшинств получать образование на родном языке, а также Хартии основных прав ЕС, а именно — пункту об уважении к многообразию культур и языков. Внимание привлекло и противоречие национального законодательства Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. П. 2 ст. 14 закрепляет обязанность государства предоставлять образование национальным меньшинствам, при наличии высокого спроса, на их родном языке. Преамбула конвенции обязывает государство-участника осуществлять меры по сохранению и развитию национальной идентичности меньшинств. Приведено в том числе и решение ЕСПЧ (Кипр против Турции, 10 мая 2001 г.)

¹ Заключительные замечания по объединенным третьему-пятому периодическим докладам Латвии. CRC/C/LVA/CO/3-5 [Электронный ресурс] // Конвенция о правах ребенка. 14 March 2016. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=%2FUR9hJBehqW%2BYaFsLvCATb3i4%2FodW%2B%2BYGjoJvC29M4e3VWY1CldzL1JOZ1ZgDSJgcfbgum%2FxrKkclSB6t25IQ%3D%3D> (дата обращения: 24.07.2025).

² Interregional social movement “For democracy and human rights” [Электронный ресурс] // База данных договорных органов. URL: https://tbineternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=9&CountryID=95 (дата обращения: 20.07.2025).

о том, что закрытие греческих школ в турецкой части Кипра является нарушением прав семьи — права детей меньшинств получать образование на родном языке, в случае если это право реализовывалось ранее. Общественная организация привела и вывод Консультативного комитета Совета Европы от 2008 г. о недопустимости сужения прав национальных меньшинств. Указывалось также, что реформа в области образования противоречит Конвенции ООН о предупреждении расовой дискриминации, а именно — дискриминирует этнические меньшинства в сфере образования, занятости, общественной и политической жизни.

Латвийский Комитет по правам человека в 2018 г. представил Теневой доклад Комитету ООН по ликвидации расовой дискриминации¹, отметив, что несмотря на ряд положительных изменений в законодательстве в соответствии с международными договорами некоторые из них носили формальный характер и не применялись на практике. Хотя сотрудники правоохранительных органов и судебной системы проходят обучение в рамках соглашения с Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, но обучение не регулярное, а сотрудники не признают, что преступления на почве ненависти могут представлять угрозу для латвийского общества. Официальные данные о таких преступлениях ограничены. Латвийский центр по правам человека, опираясь на собственные исследования, утверждает, что преступлений на почве ненависти гораздо больше, чем по информации официальной статистики. Также существует проблема необращения жертв в правоохранительные органы. Мотивом ненависти в интернете в большинстве случаев является этническая принадлежность, в том числе принадлежность к русским. В 2018 г. отмечалось ограничение возможностей Управления по борьбе с дискриминацией: были закрыты отделы, статистические данные о дискриминации перестали публиковаться.

Комитет по ликвидации расовой дискриминации в 2018 г.², в свою очередь, в качестве проблемы отметил отсутствие статистических данных об осуществлении экономических и социальных прав меньшинствами, об их участии в политической жизни Латвии. Существовали проблемы финансирования и ограничения полномочий Бюро Омбудсмана и Бюро в области расовой дискриминации. Вызывало беспокойство отсутствие в латвийском законодательстве положений о запрете расовой дискриминации в соответствии со ст. 1 конвенции. Также в Латвии полностью отсутствовал антидискриминационный закон и отмечалось небольшое количество обвинительных приговоров за преступления на почве ненависти, что противоречит ст. 4 конвенции. Вызывали беспокойство и высказывания политиков, содержащие характер ненависти, а также распространение ненавистнических высказываний в интернете. Государственная политика в отношении языков меньшинств была признана дискриминационной, несмотря на то что латвийская сторона ссылалась на собственное прошлое и утверждала, что таким образом защищает латышский язык. По мнению комитета, это могло привести к косвенной или прямой дискриминации при доступе меньшинств к учреждениям частного или государственного секторов. Это же касалось и образования, участия меньшинств в общественной и политической жизни и получения ими государственных и социальных услуг. В Заключительных замечаниях неграждане были названы группой населения, которая находится под угрозой безгражданства. Поправки в Закон о гражданстве от 2017 г. не смогли предоставить новорожденным право регистрации в качестве латвийских граждан, что являлось нарушением ст. 5 конвенции.

В 2020 г. Латвийский комитет по правам человека предоставил отчет Комитету по экономическим, социальным и культурным правам³, где указал на дискриминацию в сфере труда, выраженную в чрезмерных требованиях к знанию латышского языка для ряда профессий, подчеркнув, что эти требования вызывали беспокойство у ряда других международных органов. Латвийский комитет обратил

¹ Shadow Report to the UN Committee on the Elimination of Radical Discrimination [Электронный ресурс] // Latvian Centre for Human Rights. 2018. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCERD%2FCSS%2FLVA%2F31855&Lang=en (дата обращения: 21.07.2025).

² Заключительные замечания по объединенным шестому-двенадцатому периодическим докладам Латвии. CERD/C/LVA/CO/6-12 [Электронный ресурс] // Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. 25 September 2018. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=ckB7QTCWk9JdZxZhKai4OTYabXN7phTz4vpsijbSH%2Fq0xpSTRp2YCiOE8FYLpUjB%2FjhjgOoNThQUXc%2BI3eIevJByKsjtWFS%2FQWli2gcU%3D> (дата обращения: 24.07.2025).

³ F.I.D.H. Latvian Human Rights Committee [Электронный ресурс] // База данных договорных органов. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCESCR%2FCSS%2FLVA%2F43053&Lang=ru (дата обращения: 20.07.2025).

внимание и на положение неграждан, а именно — на запрет занимать должности на государственной службе, включая службу в полиции. Профессиональный запрет также распространяется на юридические специальности. Важно отметить, что гражданам ЕС доступны юридические профессии, несмотря на то что у латвийских неграждан более тесная связь с государством. Были вопросы и по начислению пенсий. Латвийский комитет связал данный факт со ст. 9 Пакта об экономических, социальных и культурных правах в сочетании со ст. 2 о недискриминации. Суть проблемы заключалась в том, что негражданам Латвии не начислялась пенсия за период работы в республиках бывшего Советского Союза, если это не было предусмотрено международным договором. Приводится решение ЕСПЧ от 2009 г., где данное положение было признано дискриминационным. Латвийское правительство, в свою очередь, лишь заключило договор с Российской Федерацией и Республикой Беларусь, но часть неграждан, которые осуществляли свою деятельность в Центральной Азии или на Южном Кавказе, по-прежнему оставались в положении дискриминируемой группы лиц. Латвийский Комитет по правам человека обращал внимание и на дискриминацию в сфере образования. В 2020 г. речь шла о сокращении числа частных школ с преподаванием на русском языке, о введении новых правил образования в старших классах (только на латышском языке). В отчете приводится решение Конституционного суда, согласно которому учащиеся, чьим родным языком не является латышский, находятся в иных условиях, чем те, для которых государственный язык родной.

В Заключительных замечаниях Комитета по экономическим, социальным и культурным правам за 2021 г.¹ было обращено внимание на необходимость обучения сотрудников судебных органов положениям пакта, — комитет выражал обеспокоенность, что положения документа не полностью применяются в национальном праве. Отмечалось и отсутствие антидискриминационного законодательства и политических рамок по правам, перечисленным в пакте. Вызывала обеспокоенность полученная информация о дискриминации по признаку языка и этнического происхождения. Отдельно было выделено положение неграждан, в отношении которых было признано наличие дискриминации при осуществлении ими экономических, социальных и культурных прав. Отмечалось, что неграждане, наравне с другими уязвимыми группами, такими как рома (или цыгане), в наибольшей степени вовлечены в проблему безработицы. По мнению комитета, языковая политика в области образования, в сфере труда и при доступе к услугам могла иметь дискриминационные последствия для языковых меньшинств.

В 2025 г. Латвийский комитет по правам человека направил представление Секретариату Комитета ООН по правам человека², где отметил, что после 2022 г. латвийские власти снизили уровень соблюдения прав национальных меньшинств до исторического минимума. Латвийский Комитет обращает внимание на ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах. Речь идет об уничтожении советских памятников, об изменениях в названиях улиц, о вмешательстве в религиозную жизнь и об ограничении доступа к средствам массовой информации на русском языке. Отдельно было указано, что латвийские власти препятствуют празднованию 9 Мая. Латвийский законодатель считает, что этот праздник символизирует оккупацию Латвии, а некоторые слои общества отмечают этот день как день восхваления тоталитарного и оккупационного режима, а также ставит знак равенства между СССР и нацистской Германией. Латвийское правительство не оставило без внимания и вопросы религии. В Закон о Латвийской православной церкви были внесены поправки о том, что церковные должности могут занимать только священнослужители — латвийские граждане, постоянно проживающие в Латвии не менее десяти лет. Закон закрепил автокефальный статус Церкви и тем самым прервал связь с Московским Патриархатом. До 2022 г. латвийские исполнительные органы ограничивали вещание телевизионного контента на русском языке, чаще всего это было связано с высказываниями, которые, по мнению властей, носили идеологический характер. С 2022 г. были введены поправки к Закону об электронных СМИ, которые предоставили контролирующим органам чрез-

¹ Заключительные замечания по второму периодическому докладу Латвии. E/C.12/LVA/CO/2 [Электронный ресурс] // Экономический и социальный совет. 30 March 2021. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=1z58oZDCdGuXWhcToIttoWxOhVq5%2BXE4ykEgZvIcypOn38hCD6Jgx5GXKy7AokBd7OYMGB%2FCiun0PxCYEhpLiA%3D%3D> (дата обращения: 21.07.2025).

² LHRC written contribution for adoption of list of issues prior to reporting (LOIPR), concerning Fourth periodic report of the Republic of Latvia [Электронный ресурс] // FIDH Latvian Human Rights Committee. Riga, 23 April 2025. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2FCCPR%2FCSS%2FLVA%2F63061&Lang=en (дата обращения: 24.07.2025).

вычайные полномочия по закрытию телеканалов. В соответствии с поправками были запрещены к показу российские программы развлекательного и познавательного характера, для зрителей также была введена ответственность за несанкционированный просмотр российских каналов.

В 2025 г. Латвийский комитет по правам человека подготовил некоторые дополнительные материалы для Комитета по правам человека¹, где были указаны поправки к Закону об образовании от 2022 г., полностью запрещающие образование на языках меньшинств. Поправки касаются и частных учебных заведений. Таким образом, с 1 сентября 2025 г. система образования на русском языке полностью ликвидирована. Латвийское правительство проигнорировало письмо Комиссара ОБСЕ по правам человека о несоответствии поправок общепринятым стандартам ОБСЕ в области образования на языках меньшинств, а также письмо специальных докладчиков ООН. Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств признал, что реформа образования не соответствует ст. 13 и ст. 14. В мае 2025 г. правительство начало работу над документом «Об использовании языка государства-агрессора в школах Латвии», согласно которому планируется ввести запрет на общение на русском языке вне школьного времени. В качестве отдельной проблемы было выделено положение российских граждан с постоянным видом на жительство в Латвии. Их вид на жительство был аннулирован Поправками к Закону об иммиграции от 2022 г. Для российских граждан были введены требования о подтверждении знаний латышского языка и заполнения анкеты, содержащей в том числе вопросы политического характера. Латвийский комитет отметил и возбуждение уголовных дел в отношении лиц, которые высказывали мнение, отличное от официальной точки зрения. Им вменяются преступления против государства и национальной безопасности.

Заключение

Таким образом, несмотря на существующие коллизии, касающиеся гражданских, политических, экономических и социальных прав русскоязычного населения Латвии, и внимание к ним со стороны международных институтов, ситуация с правами данной группы населения ухудшается. Происходит увеличение количества коллизий, в том числе касающихся культурных прав. Наряду с этим происходит законодательно закреплённая насильственная ассимиляция русскоязычного населения. Интеграция в латвийское общество становится возможной только путем преодоления этнической идентичности. Действия латвийских политических элит со временем становятся все более жесткими в отношении русскоязычного населения. Дискриминация распространяется на все более широкую часть русскоязычного населения. Если в 1990-е и в начале 2000-х гг. дискриминации подвергались политические, социальные и экономические права неграждан, то реформа образования и активная языковая политика коснулись прав и русскоязычных граждан Латвии. Со временем ограничения по использованию русского языка и одновременно ужесточение требований к распространению и знанию латышского языка стали основой внутренней латвийской политики. Происходит процесс уничтожения русского языка и русской культуры в Латвии. Латвийским правительством поощряется негативное отношение со стороны титульной нации к проявлению русской идентичности.

Список литературы

1. *Аверьянов М. Л.* Становление этнократических режимов в Латвии и Эстонии // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 46–48. EDN: VRBRAD
2. *Воронов В. В.* Русские в Латвии: особенности социокультурной адаптации и идентичности // Балтийский регион. 2009. № 1 (1). С. 91–95. EDN: KUVUUN
3. *Жирнова Л. С.* Этнический фактор в электоральном поведении в Латвии: пространственный эффект // Современная Европа. 2023. № 2 (116). С. 202–214. EDN: OVZBNQ. DOI: 10.31857/S020170832302016X

¹ Some aspects of the rights of national minorities in Latvia concerning Fourth periodic report of the Republic of Latvia [Электронный ресурс] // Riga, 25 May 2025. FIDH Latvian Human Rights Committee. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=IN.T%2FCCPR%2FCSS%2FLVA%2F63268&Lang=en (дата обращения: 24.07.2025).

4. *Зверев К. А.* Влияние украинского кризиса на прибалтийскую историческую политику и русскоязычное население // Вестник Российской нации. 2025. № 1 (100). С. 122–132. EDN: DOUORJ
5. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Чаава М. З.* Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 84–94. EDN: EYFSZE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-84-94
6. *Ланко Д. А.* Возможности экономического взаимодействия России с государствами Балтийского региона: Рабочая тетрадь № 78/2023. М. : Российский совет по международным делам. 2023. 32 с. ISBN: 978-5-6048843-9-3. EDN: CHJYWD
7. *Макаров Е. Б., Межевич Н. М., Фролов В. В.* Антироссийская пропаганда и дезинформация в странах Прибалтики: цели и смыслы // Метаморфозы истории. 2025. № 35. EDN: EMCYSU. DOI: 10.37490/S241436770034091-0
8. *Тарасов И. Н.* Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 2. С. 34–44. EDN: EMCYSU. DOI: 10.37490/S241436770034091-0
9. *Фролов В. В.* Этнократическое государство в Латвии как угроза национальным интересам России в Балтийском регионе // Метаморфозы истории. 2023. № 27. EDN: HWOEIF. DOI: 10.37490/S230861810024300-0
10. *Фролов В. В., Межевич Н. М., Хришкевич Т. Г., Перышкин М. О.* Политика государств Прибалтики в отношении русского языка и культуры в постсоветский период: аналитический доклад. Псков : Псковский государственный университет. 2023. 136 с. ISBN: 978-5-00200-158-3. EDN: VPULSQ

Об авторе:

Долженкова Екатерина, кандидат политических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: ekaterinadolzenkova92@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0261-763X

References

1. *Averyanov, M. L.* Development of Ethnocratic Regimes in Latvia and Estonia // Society: Politics, Economics, Law. 2016. No. 3. P. 46–48. (In Russ.) EDN: VRBRAD
2. *Voronov, V. V.* Russians in Latvia: Peculiarities of Socio-Cultural Adaptation and Identity // Baltic Region. 2009. No. 1 (1). P. 91–95. (In Russ.) EDN: KUVUUN
3. *Zhirnova, L. S.* Ethnic Factor in Electoral Behavior in Latvia: Spatial Effect // Contemporary Europe. 2023. No. 2 (116). P. 202–214. (In Russ.) EDN: OVZBNQ. DOI: 10.31857/S020170832302016X
4. *Zverev, K. A.* The Impact of the Ukrainian Crisis on the Baltic Historical Policy and the Russian-Speaking Population // Bulletin of Russian Nation. 2025. No. 1 (100). P. 122–132. (In Russ.) EDN: DOUORJ
5. *Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V., Chaava, M. Z.* International Protection of Migrant Workers Rights and Migration Legislation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 84–94. (In Russ.) EDN: EYFSZE. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-84-94
6. *Lanko, D. A.* Opportunities for Economic Interaction between Russia and the States of the Baltic Region: Working Notebook No. 78/2023. Moscow : Russian International Affairs Council. 2023. 32 p. ISBN: 978-5-6048843-9-3. (In Russ.) EDN: CHJYWD
7. *Makarov, E. B., Mezhevich, N. M., Frolov, V. V.* Anti-Russian Propaganda and Disinformation in the Baltic States: Goals and Meanings // Metamorphosis of History. 2025. No. 35. (In Russ.) EDN: EMCYSU. DOI: 10.37490/S241436770034091-0
8. *Tarasov, I. N.* Instruments of Ethnic Policy in Latvia // South-Russian Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 20, No. 2. P. 34–44. (In Russ.) EDN: DSOXXD. DOI: 10.31429/26190567-20-2-34-44
9. *Frolov, V. V.* The Ethnocratic State in Latvia as a Threat to Russia's National Interests in the Baltic Region // Metamorphosis of History. 2023. No. 27. (In Russ.) EDN: HWOEIF. DOI: 10.37490/S230861810024300-0

10. Frolov, V. V., Mezhevich, N. M., Khrishkevich, T. G., Peryshkin, M. O. The Policy of the Baltic States towards the Russian Language and Culture in the Post-Soviet Period: Analytical Report. Pskov : Pskov State University. 2023. 136 p. ISBN: 978-5-00200-158-3. (In Russ.) EDN: VPULSQ

About the author:

Ekaterina Dolzhenkova, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Graduate School of Law and Forensic Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: ekaterinadolzenkova92@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0261-763X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Долженкова Е., 2026

Ключевые геополитические факторы дезинтеграции евразийского пространства на современном этапе

Нефедов В. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Москва, Российская Федерация
e-mail: vova.nefedov.01@mail.ru

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение ключевых факторов дезинтеграции евразийского пространства в сферах экономики, безопасности и геополитики в современных геополитических условиях.

Цель и задачи. Цель настоящего исследования состоит в оценке влияния ключевых факторов дезинтеграции евразийского пространства на экономическое развитие региона, а также на создание потенциальных угроз региональной безопасности для стран Евразии. Основными задачами являлись выявление существующих в актуальной международной обстановке факторов дезинтеграции Евразийского региона, анализ динамики изменения ключевых факторов дезинтеграции евразийского пространства в сферах экономики и безопасности и определение масштабов и качества последствий развития факторов дезинтеграции для стран Евразийского региона. **Методология.** Научные положения, сформулированные в статье, получены с использованием комплексного подхода, включающего в себя методы сравнительного, статистического, пространственно-географического и нормативно-правового анализа. **Результаты.** Существующие факторы дезинтеграции евразийского пространства можно поделить на три основных вида: геоэкономические факторы дезинтеграции; территориальные споры; внешняя политика США и европейских стран в Евразийском регионе. При этом именно геоэкономические факторы дезинтеграции и территориальные споры в основном используются США и европейскими странами для дестабилизации обстановки на территории евразийского пространства. Окраска миротворческой деятельности и инвестиционной заинтересованности западных стран создает для стран Евразийского региона видимость равного партнерства и открытого сотрудничества в сферах экономики, логистики, энергетики и безопасности. Однако на деле действия США и европейских стран в Евразийском регионе создают новые прецеденты для развития существующих и новых дезинтеграционных процессов. **Выводы.** Интеграция евразийского пространства — это сложный и многогранный процесс, обусловленный взаимодействием множества внутренних и внешних факторов. Формирование устойчивого и интегрированного макрорегиона требует комплексного подхода развития политических и экономических механизмов.

Ключевые слова: интеграция, факторы дезинтеграции, евразийское пространство, экономическое развитие, безопасность

Для цитирования: Нефедов В. С. Ключевые геополитические факторы дезинтеграции евразийского пространства на современном этапе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 154–163. EDN: XARXVX

Key Geopolitical Factors of the Eurasian Space's Disintegration at the Present Stage

Vladimir S. Nefedov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Law and National Security, Moscow, Russian Federation
e-mail: vova.nefedov.01@mail.ru

ABSTRACT

The study aims to examine the key factors of the Eurasian space's disintegration in the areas of economics, security, and geopolitics in the current geopolitical environment. **Aim and tasks.** The purpose of this study is to assess the impact of key factors of the disintegration of the Eurasian space on the economic development of the region, as well as on the creation of potential threats to regional security for the countries of Eurasia. The main objectives were to identify the factors of the disintegration of the Eurasian region in the current international environment, to analyze the dynamics of changes in the key factors of the disintegration of the Eurasian space in the areas of economics and security, and to determine the extent and quality of the consequences of the development of the factors of disintegration for the countries of the Eurasian region. **Methods.** The scientific provisions formulated in the article were obtained using a comprehensive approach that includes comparative, statistical, spatial-geographical, and legal analysis methods. **Results.** The existing factors of the Eurasian space disintegration can be divided into three main types: geoeconomic factors of disintegration; territorial disputes; foreign policy of the USA and European countries in the Eurasian region. At the same time, it is geoeconomic factors of disintegration and territorial disputes, mainly, that are used by the USA and European countries to destabilize the situation in the territory of the Eurasian space. The coloring of peacekeeping activities and investment interest of Western countries creates for the countries of the Eurasian region the appearance of equal partnership and open cooperation in the spheres of economy, logistics, energy and security. However, in reality, the actions of the United States and European countries in the Eurasian region create new precedents for the development of existing and new disintegration processes. **Conclusions.** The integration of the Eurasian space is a complex and multifaceted process, caused by the interaction of many internal and external factors. The formation of a sustainable and integrated macro-region requires a comprehensive approach to the development of political and economic mechanisms.

Keywords: integration, factors of disintegration, Eurasian space, economic development, security

For citation: Nefedov V. S. Key Geopolitical Factors of the Eurasian Space's Disintegration at the Present Stage // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 154–163 (In Russ.). EDN: XARXVX

Введение

За последние несколько десятков лет вопрос объединения Евразийского региона во что-то большее, чем просто государства, которые связаны между собой торгово-экономическими отношениями, становится все более и более актуальным. События, происходившие в мировой политике последние 30 лет, дают возможность уверенно заявить, что евразийское пространство потенциально может стать одним из наиболее экономически развитых регионов в мире за счет тесного взаимовыгодного сотрудничества субъектов данного региона, а также выстраивания и налаживания эффективных интеграционных процессов в различных сферах.

Идея становления евразийского пространства как сильного и независимого региона является востребованной как никогда. Однако помимо потенциала для расширения многостороннего сотрудничества между странами Евразийского региона в многих сферах на темпы развития интеграционных процессов в Евразии влияют также факторы дезинтеграции в разрезе экономики и вопроса региональной безопасности.

Геоэкономические факторы дезинтеграции на евразийском пространстве

На сегодняшний день Евразийский регион включает в себя большое количество государств, которые отличаются друг от друга, в первую очередь, по экономическим показателям. Когда речь заходит о многостороннем сотрудничестве, нельзя не учитывать экономическую развитость каждого субъекта, так как

экономическое преимущество очень часто используется для давления на партнеров ради личной выгоды и навязывания своих интересов¹, что в современных реалиях международных отношений уже является аксиомой. Это значит, что сегодня экономически более развитое государство может диктовать свои условия экономически менее развитому государству. В рамках общего процесса интеграции Большой Евразии это может быть весомым фактором дезинтеграции в регионе [14].

Сегодня на евразийском пространстве лидерами по основным экономическим показателям являются Китай, Индия, Россия, Иран, Казахстан, Индонезия и Малайзия. По мнению многих экспертов, данные страны могут стать в долгосрочной перспективе драйвером мировой экономики и примером устойчивого сбалансированного развития².

Однако в Евразийском регионе присутствуют страны, которые не обладают природными ресурсами, научно-технологическим развитием, энергетическим потенциалом, развитостью экономических и финансовых институтов на уровне стран — лидеров Большой Евразии. Такой факт заставляет менее развитые страны вступать в региональные организации, направленные на экономическую интеграцию, что, с одной стороны, дает доступ таким государствам к дополнительным ресурсам, которые будут эффективно влиять на развитие экономики страны, но, с другой стороны, делает такой вид государств зависимыми от решений и действий экономически более развитых государств [2; 5].

Ярким примером такой экономической диспропорции в региональных организациях евразийского пространства является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН). Три из десяти стран — членов АСЕАН³ находятся в списке наименее развитых стран, составленном Организацией Объединенных Наций⁴. При этом, согласно Международному валютному фонду, Сингапур, Индонезия и Малайзия — это страны, которые можно отнести к государствам с развитой экономикой⁵. Такой экономический дисбаланс тормозит развитие интеграционных процессов, связанных не только с Юго-Восточной Азией, но и с Евразийским регионом [17].

В контексте экономической дифференциации государств евразийского пространства невозможно не упомянуть Афганистан. На сегодняшний день это одна из самых экономически неразвитых стран не только в Евразии, но и в мире. Данному факту поспособствовала политическая нестабильность, царившая на территории государства последние пятьдесят лет. В условиях внешнего давления на внутреннее устройство страны, борьбы за власть внутри самого государства, роста популярности идей радикального исламизма среди населения, отсутствия должного развития всех политических институтов власти произошел явный регресс в экономике Афганистана. Согласно официальному докладу Программы развития ООН «Социально-экономические перспективы Афганистана на 2023 год», около 85% населения Афганистана живет за чертой бедности⁶. Также из-за политической и экономической нестабильности произошел рост количества террористических организаций, базирующихся на территории Афганистана, при этом действующих во всем Евразийском регионе. На сегодняшний день в Афганистане находится порядка 21 террористической группировки.

Сегодня власти «Талибана» имеют дипломатические отношения де-факто почти со всеми государствами евразийского пространства. 4 июля 2025 г. Россия официально признала Исламский Эмират Афганистан в качестве официального правительства Афганистана. Китай и Узбекистан приняли дипломатические верительные грамоты от «Талибана». Власти Афганистана стараются активно развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество со странами-соседями, участвуя в большом количестве

¹ В данном контексте имеются в виду национальные интересы во внешнеэкономической сфере деятельности государства.

² Страны ЕАЭС и Большой Евразии могут стать драйверами мировой экономики [Электронный ресурс] // Kursiv Media Казахстан. URL: https://uz.kursiv.media/2022-06-06/strany-eaes-i-bolshoj-evrazii-mogut-stat-drajverami-mirovoj-ekonomiki/?utm_campaign=endless_feed (дата обращения: 23.09.2025).

³ Речь идет про Камбоджу, Лаос и Мьянму.

⁴ Список наименее развитых стран [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/development/ldc/list.shtml> (дата обращения: 23.09.2025).

⁵ Classification of Economies in the World Economic Outlook. International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/groups-and-aggregates> (дата обращения: 23.09.2025).

⁶ Afghanistan socio-economic outlook. Report by the United Nations Development Programme Team in Afghanistan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/afghanistan/publications/afghanistan-socio-economic-outlook-2023> (дата обращения: 23.09.2025).

ве проектов, направленных на интеграцию Афганистана в экономическую и торговую систему Большой Евразии, примерами этому являются ТАПИ¹, открытие железнодорожного моста стальной магистрали Серхетабат — Тургунди, разработка нефтяного месторождения Кашкари совместно с китайской национальной нефтегазовой корпорацией CNPC, создание Трансафганской железной дороги и др. Однако, несмотря на выстраивание международных связей с попытками привлечения крупных иностранных инвестиций в страну, Афганистан все еще не может стать полноценным участником интеграционных процессов на евразийском пространстве. Находясь в сердце Центральной Азии, Афганистан продолжает тормозить развитие интеграции Большой Евразии из-за своей экономической неразвитости и отсутствия стабильности в вопросе безопасности страны.

Одним из факторов дезинтеграции для Евразийского региона также выступает его «континентальность». Особенности термина «континентальность» в рамках макроэкономического развития Евразии рассматриваются в докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» «География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям»², авторами которого являются Я. Д. Лисоволик и В. В. Сутырин. В разделе «Макроэкономическое развитие Евразии» данной работы сказано, что отсутствие у стран прямого доступа к морским путям создает транспортные издержки в семь раз большие, чем для прибрежных стран. На сегодняшний день в Евразийском регионе прямого доступа к логистическим путям мирового океана нет у следующих стран: Афганистана, Армении, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Лаоса, Монголии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Непала и Бутана.

Несмотря на подготовку и разработку многих логистических проектов в Евразийском регионе, направленных на облегчение многостороннего сотрудничества и совершенствование способов доступности к морским транспортным путям странам, которые не имеют прямого выхода, «континентальность» Евразийского региона все еще остается одним из основных факторов дезинтеграции, так как историческая разобщенность и длительные периоды автаркии оставили огромный след на неразвитости логистических путей между государствами Евразии, что в определенной степени усложняет развитие интеграции в сфере логистики в регионе в целом.

Территориальные споры как фактор дезинтеграции на евразийском пространстве

Одним из факторов сдерживания развития интеграционных процессов на евразийском пространстве также являются региональные конфликты между государствами. Проблема территориальных споров влияет не только на общее экономическое развитие Большой Евразии, но и создает угрозу военных столкновений между странами-соседями, затрагивая третьи государства и дестабилизируя обстановку в вопросе безопасности во всем регионе.

Большое влияние на динамику дезинтеграции в Евразии имеют территориальные споры между бывшими советскими республиками [9]. Некоторые эксперты называют данный район «пороховой бочкой» Центральной Азии. Важной причиной такого мнения является тот факт, что до недавнего времени из пяти республик Центральной Азии полностью делимитировал сухопутные границы только Туркменистан, подписавший соответствующие договоры с Узбекистаном (сентябрь 2000 г.)³ и Казахстаном (июль 2001 г.)⁴. При этом также только у Казахстана были решены основные проблемы по делимитации границ. В то же время существовал камень преткновения между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в виде территориального спора по Ферганской долине, что подталкивало к росту напряженности общей обстановки в регионе [11; 12].

¹ ТАПИ — это проект транснационального газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия.

² Лисоволик Я. Д., Сутырин В. В. География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям [Электронный ресурс] // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17984/> (дата обращения: 25.09.2025).

³ О ратификации Договора между Туркменистаном и Республикой Узбекистан о делимитации Государственной границы. 2001 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Парламента Туркменистана. URL: <https://mejlis.gov.tm/single-decree/260?lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ О ратификации Договора между Республикой Казахстан и Туркменистаном о делимитации и процессе демаркации казахстанско-туркменской государственной границы. 2003 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000455_ (дата обращения: 30.09.2025).

Однако в январе, феврале и марте 2025 г. Узбекистан, Киргизия и Таджикистан подписали более двадцати договоров, которые решают территориальный спор, длившейся более тридцати лет. Кульминацией в данном сотрудничестве стали подписанные тремя сторонами Декларация о вечной дружбе и Договор между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном о точке стыка государственных границ трех государств.

Положительный эффект от такого решения в вопросе интеграции евразийского пространства наблюдается уже сейчас. Благодаря такому сближению и официальному признанию четких границ Узбекистан, Киргизия и Таджикистан готовятся к запуску совместных проектов в энергетической, торговой и транспортной сферах. Примерами этому являются региональный энергетический проект CASA-1000¹, предложение создания трехсторонней торговой площадки для Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, а также потенциальные совместные инфраструктурные проекты, включающие в себя открытие новых и модернизацию старых таможенных пунктов и развитие приграничной инфраструктуры.

Еще одним важным фактором дезинтеграции в Евразийском регионе является конфликт между Арменией и Азербайджаном за территории Нагорного Карабаха. По официальным данным, более 13 тыс. чел. погибло в боях в Нагорном Карабахе с 1991 г.² На сегодняшний день вопрос принадлежности Нагорного Карабаха остро стоит в повестке не только Армении и Азербайджана, но также и близлежащих стран (России, Турции, Ирана). И для Армении, и для Азербайджана вопрос присоединения территории Нагорного Карабаха является принципиальным в рамках национальной политики. При этом неравенство в экономическом и военном развитии, а также отсутствие должной поддержки от внешних игроков заставляет Армению идти на явные уступки в этом вопросе, что дестабилизирует политическую обстановку внутри самой страны [16].

Как результат, на момент осени 2025 г. была принята декларация о парафировании министрами иностранных дел Армении и Азербайджана текста соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений между двумя странами, в которой Баку и Ереван прежде всего подтвердили, что будут работать над заключением мирного соглашения. Также, согласно данному документу, планируется разблокировка региональных коммуникаций, которая гарантирует безопасное транспортное сообщение между западными регионами Азербайджана и его эксклавом на армянской территории — Нахичеванской Автономной Республикой.

На первый взгляд может показаться, что теперь наступил момент, когда затяжной конфликт по вопросу присоединения Нагорного Карабаха пришел к своему логическому завершению и начнется процесс восстановления безопасности на данной территории. Однако на деле такой исход событий создает еще больше поводов для дестабилизации обстановки в регионе. Во-первых, потенциальное увеличение американского присутствия на границе с Ираном создает угрозу военной безопасности региона. Во-вторых, отсутствие явных экономических выгод для Армении в результате подписания данного документа создает угрозу еще большей дестабилизации экономической и политической ситуации внутри страны. В-третьих, присутствие явных экономических выгод для Азербайджана и Турции в результате подписания данного документа создает угрозу для создания отдельного экономического блока по принципу тюркской принадлежности, что дестабилизирует общую геополитическую обстановку в регионе. Таким образом, на сегодняшний день территориальный вопрос по Нагорному Карабаху все еще остается одним из факторов дезинтеграции на евразийском пространстве.

Еще одним территориальным спором в Евразии, который дестабилизирует обстановку в регионе, является конфликт между Индией и Пакистаном. Борьба за обладание регионами Джамму и Кашмир между двумя государствами началась еще в середине XX в., когда Индия и Пакистан получили независимость от Британской империи. На сегодняшний день Джамму и Кашмир контролируется тремя государ-

¹ CASA-1000 — это международный энергетический проект, который позволит экспортировать излишки гидроэлектростанции из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Проект призван связать энергетические системы Центральной Азии с Южной Азией и выработать механизмы для торговли электроэнергией в соответствии с международными стандартами.

² The Casualties of War: An Excess Mortality Estimate of Lives Lost in the 2020 Nagorno-Karabakh Conflict [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11113-023-09790-2> (дата обращения: 01.10.2025).

ствами: север и северо-восток региона принадлежат Пакистану, юг и юго-восток входят в состав Индии, а северо-восточная часть региона является китайской.

Такой национальный интерес данный регион вызывает у каждой из трех стран, в первую очередь из-за своего геостратегического значения. Во-первых, Кашмир находится на перекрестке нескольких важных торговых маршрутов в Южной и Центральной Азии. Область расположена на пересечении границ Китая, Афганистана, Пакистана и Индии, что делает ее важным пунктом для геополитических и экономических связей с этими странами [6]. По этой же причине Кашмир имеет особое стратегическое значение, схожее с такими территориями, как Тибет, Суэцкий канал, Гибралтарский пролив, а также проливы Босфор и Дарданеллы. Во-вторых, Кашмирский регион — это горная область истока ряда рек, которые являются жизненно важными источниками воды для Пакистана и Индии. Например, река Инд, известная как «жизненная артерия Пакистана», берет свое начало там, где Тибетское плато встречается с Гималаями, проходит через Кашмир и является крупнейшей рекой Пакистана, обеспечивая водой большую часть страны. Река Джелам является второй по значимости рекой для Пакистана, которая берет начало в Кашмире. Эти реки оказывают большое влияние на сельское хозяйство, энергетику и водоснабжение. В-третьих, наличие в регионе представителей этносов и конфессий, создающих национальное и культурное самоопределение в каждой из трех рассматриваемых стран, побуждает государства активно отстаивать право на обладание территориями Джамму и Кашмир [10].

Главным отличием данного территориального спора является то, что все три вовлеченные в конфликт страны входят в список ядерных держав. Этот факт подтверждает угрозу событий в Джамму и Кашмире не только в рамках региональной безопасности евразийского пространства, но и увеличивает масштаб потенциальной катастрофы до мировых масштабов.

Сегодня ситуация в регионе становится еще более напряженной. В апреле 2025 г. произошло обострение в отношениях между Индией и Пакистаном на фоне теракта в Пахалгаме¹. Власти Индии обвинили Пакистан в причастности к организации теракта, но Пакистан официально не взял на себя ответственность за нападение. В итоге из Индии были высланы пакистанские дипломаты, а также было приостановлено действие договора о водах Инда, который регулирует использование общих вод одной из крупнейших в мире речных систем. В ответ на ограничения Индии власти Пакистана закрыли воздушное пространство для индийских самолетов, не признали приостановление действия договора о водах Инда, а также обвинили Индию в создании провокационных ситуаций.

Геополитические интересы США и стран Европы как фактор дезинтеграции на евразийском пространстве

Когда речь идет о факторах дезинтеграции на евразийском пространстве, разговор не может ограничиваться только внутренними причинами. Одной из ключевых причин развития дезинтеграционных процессов на территории Большой Евразии были и остаются геополитические интересы «западных» государств и их борьба за сферы влияния в данном регионе.

Существует определенный комплекс экономических и политических интересов стран Запада в отношении Евразийского региона, особенно Центральной Азии². Такой комплекс интересов строится на потенциальном доступе к сырьевым ресурсам региона и на манящей возможности влиять на региональную безопасность и геополитическую обстановку в Евразии [3; 15]. В контексте данного вопроса можно разделить геополитические интересы Запада на евразийском пространстве на интересы США и интересы стран Западной Европы [8].

Идеологические мотивы расширения американского влияния в Евразии описаны в работе знаменитого американского политолога и социолога Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска». В работе раскрываются по данной теме следующие тезисы: США являются глобальным лидером и сверхдержавой;

¹ Пахалгам — город в округе Анантнаг, союзная территория Джамму и Кашмира, находящаяся под влиянием Индии.

² Сможет ли Великобритания повлиять на отношения России со странами Центрально-Евразийского региона? [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного агентства «Красная весна». URL: <https://rossaprimavera.ru/article/54a76016> (дата обращения: 05.10.2025).

Евразия — это стратегический важный регион, поскольку именно там сосредоточены крупнейшие экономические, военные и политические центры силы; основные задачи США в Евразии — это укрепление роли демократического мира и создание региональной и трансконтинентальной безопасности за счет расширения НАТО [1; 7].

Один из последних докладов американского Института Центральной Азии и Кавказа включает в себя контуры современной стратегии внешней политики США в отношении евразийского пространства. В документе можно выделить четыре основных тезиса: во-первых, возможный ядерный прорыв Ирана вызывает особую обеспокоенность у американской стороны; во-вторых, исламский терроризм остается устойчивой угрозой как для государств Центральной Азии, так и для США, при этом большая часть террористических организаций базируется на территориях стран евразийского пространства; в-третьих, Китай сегодня — это главный стратегический конкурент для США; в-четвертых, Евразийский регион представляет огромный инвестиционный интерес для США за счет своих стратегически важных транспортных коридоров, большого количества сырьевых ресурсов и отсутствия должной промышленно-технологической развитости стран региона¹.

В результате за последние два года правительство США предприняло ряд внешнеполитических действий в отношении стран евразийского пространства, которые укрепляют позиции США в Евразии, однако в долгосрочной перспективе дестабилизируют обстановку в самом регионе. Примером этому является политика США в отношении Армении и Азербайджана, а также вопроса по Нагорному Карабаху. С помощью посредничества в мирном урегулировании территориального спора между Арменией и Азербайджаном Вашингтон смог создать условия для начала реализации коммуникационного проекта «Перекресток мира», который в перспективе должен создать логистические пути между Азербайджаном, Арменией, Ираном и Турцией с помощью авто- и железнодорожных маршрутов, трубопроводов, кабелей и линий электропередачи. Однако проект, который на бумаге выглядит как прекрасная экономическая возможность, на деле создает прецедент для еще большего геополитического противостояния в регионе, ведь эта ситуация затрагивает Иран (который выступил категорически против маршрута под контролем США) и Турцию (которая, наоборот, заинтересована в проекте). Как итог, вокруг вопроса по Нагорному Карабаху формируются два явных блока: Азербайджан и Турция по тюркской идентичности, а также Армения и Иран. При этом массированные удары по Ирану ракетами американских и израильских вооруженных сил в конце февраля 2026 г. стали еще одним подтверждением того, что США намерены ослабить позиции неугодных им стран региона не только с помощью механизмов мягкой силы и гибридной войны, но и прямыми агрессивными военными решениями, несмотря на последствия и на то, как они влияют на развитие интеграционных процессов в Евразии.

В вопросе совершенствования интеграционных процессов в Евразии действия американского правительства в регионе можно охарактеризовать как расшатывающие. США преследуют свои экономические и геополитические интересы на евразийском пространстве, не обращая внимания на последствия в вопросах интеграционной политики субъектов региона. Не являясь государством евразийского пространства и не участвуя в его интеграционных процессах, США проводят политику, которая приводит к хаотизации в Евразии [13].

Евразийское пространство также является регионом «стратегических интересов» и для европейских стран. В январе 2024 г. Европарламент принял резолюцию о стратегии Евросоюза в отношении государств Центральной Азии². Данный документ еще раз подтвердил, что Евразийский регион для представителей англо-саксонского мира это в первую очередь площадка, на которой можно разыграть сценарии по противостоянию с Россией и Китаем. Согласно резолюции, для этого будут использоваться многие инструменты по вмешательству во внутренние дела стран региона, например, апелляция к правам человека и проблеме демократичности.

¹ Is Central Asia Stable? Conflict Risks and Drivers of Instability [Электронный ресурс] // Central Asia-Caucasus Institute Silk Road Studies Program 2025. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/2505-Instab-final_merged.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

² Report on the EU strategy on Central Asia. [Электронный ресурс] // The official website of the European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0407_EN.html (дата обращения: 08.10.2025).

Однако главная проблема проведения такой политики заключается в том, что европейские страны дестабилизируют обстановку в регионе-соседе. Потенциальные экономические, демографические и военные кризисы, которые могут возникнуть на территории евразийского пространства при обострении деструктивных процессов, будут касаться Европы не в меньшей мере, чем Евразии.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить комплекс ключевых факторов, оказывающих существенное влияние на процессы дезинтеграции на евразийском пространстве. Анализ представленных данных демонстрирует, что факторы дезинтеграции евразийского пространства формируются на основе геоэкономических и геополитических причин, включающих в себя также вопросы территориального деления.

Геоэкономические факторы дезинтеграции в основном проявляются в существенно различающихся уровнях экономического развития стран Евразии и континентальном характере общего расположения региона. Отсутствие гармонизированных экономических стратегий, слабо развитая транспортная инфраструктура, а также сохранение торговых и административных барьеров внутри региона также создают дополнительные препятствия для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества [4]. Как следствие, страны Евразии оказываются более зависимыми от внешних рынков и подверженными колебаниям мировой экономики.

Основой для дезинтеграции Евразийского региона в контексте региональной безопасности являются территориальные споры и локальные конфликты, которые несут наследие исторической вражды и продолжают оставаться серьезным источником нестабильности. Несмотря на достигнутый прогресс в урегулировании ряда конфликтов, такие регионы, как Джамму и Кашмир, демонстрируют сохранение высокого уровня напряженности и потенциал для дальнейшей эскалации. Замороженные конфликты в других частях региона также создают фон, способствующий недоверию и препятствующий развитию сотрудничества.

Особую роль в процессах дезинтеграции играет геополитический фактор, связанный с активным присутствием и влиянием «Запада», прежде всего США и стран Западной Европы. Стремление этих акторов к обеспечению доступа к стратегическим ресурсам, усилению политического влияния и формированию лояльных режимов в регионе, часто реализуется через поддержку оппозиционных движений, финансирование неправительственных организаций и продвижение собственных политических интересов, которые, как правило, не совпадают с интересами укрепления региональной стабильности и интеграции.

Заключение

Таким образом, интеграция евразийского пространства представляет собой сложный и многогранный процесс, обусловленный взаимодействием внутренних и внешних факторов. Преодоление негативных тенденций и формирование устойчивого и интегрированного макрорегиона требует комплексного подхода, включающего развитие экономической взаимозависимости, урегулирование территориальных споров, укрепление региональных институтов и выработку эффективных стратегий противодействия внешнему вмешательству, направленному на дестабилизацию ситуации. В противном случае евразийское пространство останется зоной повышенной уязвимости и источником угроз для региональной и международной безопасности.

Список литературы

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения. 1999. 254 с. ISBN: 5-7133-0967-3.
2. *Вивьер В. Н.* Освещение евразийской интеграции в американском научно-академическом дискурсе // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 3. С. 307–327 (на русском языке). EDN: WESXUX. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-12.

3. *Гегелашвили Н.* Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 112–126. EDN: NTPLNJ. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-112-126
4. *Глигич-Золотарева М. В.* Новые контуры Большой Евразии // Федерализм. 2020. № 1. С. 143–160. EDN: HRCMMV. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-1-143-160
5. *Голуб К. Ю.* Актуальные подходы к совершенствованию консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 109–117. EDN: CCWJHO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-109-117
6. *Дхар А. П., Понька Т. И., Дхар П.* Проблема линии Дюранда в контексте отношений Пакистана и Афганистана // Международные отношения. 2019. № 2. С. 98–108. EDN: UDADHY. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.2.29903
7. *Кефели И. Ф.* Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 65–76. EDN: РСХРУJ
8. *Крылов А.* Постсоветское пространство: интеграция vs дезинтеграция // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 47–53. EDN: XVBLPV. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-47-53
9. *Лагутина М. Л.* Роль дезинтеграционного фактора в современной Евразии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 16–28. DOI: 10.5862/JHSS.239.2. EDN: YTCJH
10. *Лазарева В. Д., Ахтямова А. М., Рахматуллина Р. Ш.* Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия — Пакистан — Китай в Кашмирском конфликте // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. № 2. С. 21–46. EDN: JFNGVD. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.2
11. *Олимова С. К., Олимов М. А.* Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. С. 21-40. EDN: YKPMIZ
12. *Ормоналиев К. О., Закиров М. А.* Постсоветская Центральная Азия и территориальные пограничные споры // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 11. С. 507–514. EDN: RSDTVJG. DOI: 10.33619/2414-2948/84/65
13. *Харитоновна Н. И., Гуцин А. В.* Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 6. С. 597–609. EDN: VYHYJV
14. *Чернявский С. И.* Евразийский экономический союз — реалии текущей ситуации // Международная аналитика. 2017. № 1. С. 7–13. EDN: ZEJBWX
15. *Katzenstein J. P.* A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. 1st edition. Cornell University Press, 2005. 320 p. ISBN: 978-1-5017-0038-5.
16. *Palik J., Obermeier A. M., Rustad S. A.* Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper, Oslo : PRIO, 2023. ISBN: 978-82-343-0670-9.
17. *Pelkmans J.* The ASEAN Economic Community. A Conceptual Approach. Brussels : Centre for European Policy Studies (CEPS), 2016. ISBN: 978-11-075-9073-1.

Об авторе:

Нефедов Владимир Сергеевич, аспирант, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: vova.nefedov.01@mail.ru

References

1. Brzezinski, Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow : International Relations. 1999. 254 p. ISBN: 5-7133-0967-3. (In Russ.)

2. Vivier, V. N. Coverage of Eurasian Integration in American Scientific and Academic Discourse // International Organizations Research Journal. 2020. Vol. 15, No. 3. P. 307–327. (In Russ.) EDN: WESXUX. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-12
3. Gegelashvili, N. The Role of the USA and the EU in Central Asia in the New Geopolitical Realities // Russia and New States of Eurasia. 2023. No. 2. P. 112–126. (In Russ.) EDN: NTPLNJ. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-112-126
4. Gligich-Zolotareva, M. V. New Contours of Greater Eurasia // Federalism. 2020. No. 1. P. 143–160. (In Russ.) EDN: HRCMMV. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-1-143-160
5. Golub, K. Yu. Current Approaches to Improving Consensus Decision-Making Mechanisms in International Regional Organizations // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 1. P. 109–117. (In Russ.) EDN: CCWJHO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-109-117
6. Dkhar, A., Ponka, T., Dkhar, P. The problem of the Durand Line in the context of relations between Pakistan and Afghanistan // International Relations. 2019. No. 2. P. 98–108. (In Russ.) EDN: UDADHY. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.2.29903
7. Kefeli, I. F. Geopolitical Aspects of the Initiatives and Projects Forming Greater Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2019. No. 3. P. 65–76. (In Russ.) EDN: PCXPUJ
8. Krylov, A. The Post-Soviet Space: Integration vs Disintegration // Russia and the New States of Eurasia. 2018. No. 2. P. 47–53. (In Russ.) EDN: XVBLPV. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-47-53
9. Lagutina, M. L. Disintegrational Factor in the Modern Eurasia // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2016. No. 1. P. 16–28. (In Russ.) EDN: YTDCJH. DOI: 10.5862/JHSS.239.2
10. Lazareva, V. D., Akhtiamova, A. M., Rakhmatullina, R. Sh. The Interests of the South Asian Strategic Triangle India — Pakistan — China in the Kashmir Conflict // Russia in the Global World. 2024. Vol. 27, No. 2. P. 21–46. (In Russ.) EDN: JFNGVD. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.2
11. Olimova, S. K., Olimov, M. A. Conflicts on the Borders in the Fergana Valley: New Causes, New Participants // Russia and the New States of Eurasia. 2017. No. 1. P. 21–40. (In Russ.) EDN: YKPMIZ
12. Ormonaliev, K. O., Zakirov, M. A. Post-Soviet Central Asia and Territorial Border Disputes // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8, No. 11. P. 507–514. (In Russ.) EDN: RSDTVG. DOI: 10.33619/2414-2948/84/65
13. Kharitonova, N. I., Gushchin, A. V. Key Problems of Eurasian Integration in the Context of Modern International Transformations and Russia's Policy in the Eurasian Space // Post-Soviet Studies. 2023. Vol. 6, No. 6. P. 597–609. (In Russ.) EDN: VYHYJV
14. Chernyavsky, S. I. The Eurasian Economic Union — Realities of the Current Situation // Journal of International Analytics. 2017. No. 1. P. 7–13. (In Russ.) EDN: ZEJBWX
15. Katzenstein, J. P. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. 1st edition. Cornell University Press, 2005. 320 p. ISBN: 978-1-5017-0038-5.
16. Palik, J., Obermeier, A. M., Rustad, S. A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022 // PRIO Paper, Oslo : PRIO, 2023. ISBN: 978-82-343-0670-9.
17. Pelkmans, J. The ASEAN Economic Community. A Conceptual Approach. Brussels : Centre for European Policy Studies (CEPS), 2016. ISBN: 978-11-075-9073-1.

About the author:

Vladimir S. Nefedov, Postgraduate Student, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation);
e-mail: vova.nefedov.01@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нефедов В. С., 2026

Эволюция политики обеспечения информационной безопасности России в условиях геополитической турбулентности¹

Выходец Р. С. *, Щербань А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5910-9815

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено анализу трансформации ключевых периодов российской политики информационной безопасности, в котором рассматриваются изменение восприятия вызовов и угроз, а также институциональное и концептуальное оформление данной сферы.

Цель и задачи. Выявить этапы развития системы информационной безопасности России в контексте влияния технологических и геополитических факторов. Проанализировать основные концептуальные документы и нормативно-правовые акты, а также охарактеризовать деятельность ключевых ведомств, ответственных за реализацию обеспечения политики в области информационной безопасности. **Методология.** В ходе исследования авторами использовались следующие методы: хронологический подход, метод анализа документов, метод системного анализа, институциональный анализ и контент-анализ. **Результаты.** Авторы выявили четыре основных периода формирования политики информационной безопасности России. Начальный этап (1992–1999 гг.) связан с разработкой нормативно-правовой базы в области защиты информации, институционализации органов государственного управления. Второй этап (2000–2014 гг.) ознаменовал начало доктринального оформления политики информационной безопасности, а также разработку мер защиты технических систем, связанных с масштабными процессами компьютеризации. Третий этап (2014–2022 гг.) за информационным пространством закрепляет статус самостоятельного домена международных конфликтов. Россия проводит комплексную политику по обеспечению информационной безопасности, которая учитывает технологические и психологические аспекты. Четвертый этап (с 2022 г.) характеризуется усилением внимания к обеспечению информационно-психологической безопасности, в котором учитывается влияние высоких технологий. **Выводы.** Российская политика информационной безопасности формировалась в логике постоянной адаптации к трансформации системы международных отношений и развития технологий. В условиях геополитической турбулентности, связанной с продолжением специальной военной операции, Россия взяла курс на обеспечение технологического суверенитета и усиление механизмов защиты информационно-психологического компонента безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность России, гибридные угрозы, цифровой суверенитет, информационное противоборство, цифровизация, информационное воздействие

Для цитирования: Выходец Р. С., Щербань А. В. Эволюция политики обеспечения информационной безопасности России в условиях геополитической турбулентности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 164–174. EDN: XCGOIJ

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

The Evolution of Russia's Information Security Policy in the Context of Geopolitical Turbulence

Roman S. Vykhodets*, Anastasia V. Shcherban

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5910-9815

ABSTRACT

This study is devoted to the analysis of the transformation of key periods of the Russian information security policy, which examines the changing perception of challenges and threats, as well as the institutional and conceptual design of this area. **Aim and tasks.** To identify the stages of development of the Russian information security system in the context of the influence of technological and geopolitical factors. To analyze the main conceptual documents and regulatory legal acts, as well as to characterize the activities of key departments responsible for the implementation of information security policy. **Methods.** In the course of the research, the authors used the following methods: chronological approach, document analysis method, system analysis method, institutional analysis and content analysis. **Results.** The authors have identified four main periods of the formation of Russia's information security policy: The initial stage (1992–1999) was associated with the development of a regulatory framework in the field of information protection and the institutionalization of public administration. The second stage (2000–2014) marked the beginning of the doctrinal formulation of information security policy, as well as the development of measures to protect technical systems associated with large-scale computerization processes. The third stage (2014–2022) establishes the status of an independent domain of international conflicts for the information space. Russia is pursuing a comprehensive information security policy that takes into account technological and psychological aspects. The fourth stage (from 2022) is characterized by increased attention to information and psychological security, which takes into account the impact of high technology. **Conclusions.** The analysis of these stages allows us to conclude that the Russian information security policy was formed in the logic of constant adaptation to the transformation of the system of international relations and the development of technology. In the context of the geopolitical turbulence associated with the continuation of its military operations, Russia has embarked on ensuring technological sovereignty and strengthening mechanisms to protect the information and psychological component of security.

Keywords: Russia's information security, hybrid threats, digital sovereignty, information warfare, digitalization, information impact

For citation: Vykhodets R. S., Shcherban A. V. The Evolution of Russia's Information Security Policy in the Context of Geopolitical Turbulence // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 164–174 (In Russ.). EDN: XCGOIJ

Введение

В современном мире научно-технологический прогресс оказывает значимое влияние на все сферы жизни, включая область международных отношений. На это есть несколько причин. Прежде всего, динамичный рост пользователей интернет-пространства продолжает общемировые тенденции формирования глобального информационного общества, в котором быстрый обмен информацией играет ключевую роль [13, р. 9–10]. Только по последним данным 68% населения Земли являются активными пользователями интернета. Примечательно, что, используя сеть для поиска информации, чтения новостей, общения и развлечений, человек в среднем проводит онлайн более шести с половиной часов в день [11]. Это говорит о том, что интернет наряду с традиционными СМИ, образованием, воспитанием и социумом выступает ключевым элементом в формировании картины мира человека.

Не менее важным аспектом является факт того, что технологическое развитие становится новым критерием в определении лидерских позиций государств на арене международных отношений [4, с. 7]. Первая четверть XXI в. ознаменовала начало технологической гонки между КНР и США, которая привела к формированию вокруг них двух ИТ-пространств. В таких условиях страны, оценивая риски и возможности, стремятся примкнуть к более приемлемой модели высокотехнологического прогресса [2, с. 262]. С одной стороны, данное обстоятельство способствует росту экономических показателей инновационных государств-сателлитов, с другой — создает дополнительный рычаг давления и ограничивает технологический суверенитет.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что стремительная цифровизация и широкое распространение информационных технологий актуализирует проблему их противоправного использования. В настоящее время для реализации своих политических амбиций международные акторы все чаще прибегают к совершению атак, мишенью которых становятся не только информационно-коммуникационные системы, но и мировоззренческие установки граждан, системы общественного мнения и даже психика отдельного человека [6, с. 78].

С началом специальной военной операции (СВО) на территории Украины страны коллективного Запада усилили информационное противоборство против России. В нынешних условиях наметилась опасная тенденция проведения информационно-психологических операций, направленных на дискредитацию действий Москвы и формирование негативного образа государства в глазах мировой общественности. В таких обстоятельствах указанные последствия технологического прогресса демонстрируют значимость выстраивания эффективной системы информационной безопасности, поскольку она неразрывно связана с вопросами суверенитета России и обеспечением национальной безопасности.

Материалы и методы

Источниковая база исследования сформирована рядом официальных российских документов, затрагивающих вопросы обеспечения информационной безопасности. Теоретическую основу статьи составили весомые отечественные и зарубежные работы по данной теме.

В ходе исследования хронологический метод позволил выделить ключевые этапы в развитии системы обеспечения информационной безопасности России. Осуществив институциональный и нормативно-правовой анализ, авторы смогли оценить возможность реализации законов и определить компетенции ключевых государственных ведомств. Для исследования основных доктрин и концепций был применен контент-анализ. Благодаря системному анализу установлены факторы влияния международной напряженности и развития технологий на обеспечение информационной безопасности России.

Обсуждение и результаты

События февраля 2022 г. выступили мощным катализатором процессов мировой деглобализации, положив начало становлению новой системы международного порядка. Такая трансформация нарушила устойчивость привычных моделей глобального взаимодействия, что привело к усилению *геополитической турбулентности* — состоянию международных отношений, в котором традиционные практики управления утратили свою силу, а новые еще не обрели институционального оформления [1, с. 43]. Как следствие, происходит обострение международных конфликтов, в которых информационное пространство в настоящее время выступает обособленным измерением, сочетающим борьбу на информационно-технологическом и информационно-психологическом направлениях. В этих условиях обеспечение информационной безопасности становится стратегическим приоритетом защиты национальных интересов государства.

При этом некоторые исследователи указывают на существующие проблемы, связанные с разработкой эффективной модели информационной безопасности [10, р. 449–450]. В большинстве случаев государства не создают принципиально новые механизмы защиты информационного пространства,

а стремятся адаптировать традиционные практики безопасности к условиям цифровизации. Такой подход не всегда способен гарантировать возможность адекватного ответа на вызовы и угрозы цифровой эпохи.

Этапы становления политики информационной безопасности России

Современная система информационной безопасности России сложилась в результате поэтапной трансформации подходов к восприятию вызовов и угроз в информационной среде. Существенное влияние на ее формирование оказал ряд факторов, включающих процессы геополитической турбулентности, динамичного развития высоких технологий и смещения межгосударственного противоборства в информационное пространство.

В истории развития политики информационной безопасности России целесообразно выделить четыре основных этапа.

Первый этап: 1992–2000 гг. В этот период была заложена нормативно-правовая база, которая в будущем станет основой для разработки доктринальных документов, регламентирующих вопросы обеспечения информационной безопасности.

Впервые термин «информационная безопасность» в российском официальном дискурсе встречается в Законе РФ «О безопасности» от 05.03.1992¹ (в настоящее время утратил силу). Анализируя ст. 13 этого документа, можно отметить, что, несмотря на указание необходимости обеспечения информационной безопасности, в положении отсутствует ее определение и четкая конкретизация границ.

При этом появление электронных возможностей обработки, передачи и хранения данных, а также растущая зависимость государства от технологий продиктовали необходимость создания механизма координации мер защиты на федеральном уровне. С этой целью в 1992 г. была образована Государственная технологическая комиссия при Президенте РФ (в настоящее время — Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК)), осуществлявшая контроль в сфере технической защиты информации².

В то же время нельзя не отметить ряд принятых нормативно-правовых актов, в которых информация рассматривается в качестве объекта обеспечения безопасности:

- ФЗ «О средствах массовой информации» 1991 г.³ — регулирует вопросы информационной политики государства в целях обеспечения национальной безопасности. Документ закрепляет положение о недопустимости цензуры, а также устанавливает запрет на разглашение сведений, входящих в государственную тайну, открытых призывов к смене конституционного режима, пропаганде терроризма и экстремизма;
- ФЗ «О государственной тайне» 1993 г.⁴ — дает представление об информации, составляющей государственную тайну. Данный документ является первым законодательным актом, в котором защита информации напрямую связана с обеспечением государственных интересов;
- ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 г.⁵ (документ утратил силу) — координирует вопросы производства и распространения информации, устанавливает правила обработки и защиты информации, а также закрепляет права граждан на защиту своей конфиденциальной информации.

¹ Закон РФ «О безопасности» от 05.03.1992 № 2446-1 [Электронный ресурс] // Мэрия города Новосибирска. Департамент образования. URL: https://do.nios.ru/sites/do.nios.ru/files/no_2446-1_ot_05.03.92_o_bezopasnosti.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 05.01.1992 № 9 «О создании Государственной технической комиссии при Президенте Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/706> (дата обращения: 21.10.2025)

³ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/d30/qjw6klw1pa2yibljqkqh6y91lebabpsu/Zakon-RF-ot-21.07.1993-N-5485_1-O-gosudarstvennoy-tayne.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

⁵ Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/95876/> (дата обращения: 25.08.2025).

Отдельного внимания заслуживает ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» 1996 г.¹ (документ утратил силу), поскольку именно в нем было дано первое официальное определение «информационной безопасности»: состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства.

В 1998 г. по инициативе Комитета Государственной Думы по информационной политике и связи был разработан проект Концепции государственной информационной политики [7], в которой подчеркивалась необходимость «защиты информационных ресурсов и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры от информационного оружия». Это стало первым примером артикуляции на уровне официального политического дискурса качественно нового вида вызовов и угроз.

В том же году Россия обозначает национальные усилия в области обеспечения информационной безопасности на международном уровне. В октябре 1998 г. Российская Федерация внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», который впоследствии был принят (в декабре 1999 г.)². В документе подчеркивалась необходимость совместных усилий мирового сообщества в предотвращении неправомерного использования информационных технологий в преступных и террористических целях.

Таким образом, на начальном этапе были заложены нормативно-правовые основы для выстраивания системы обеспечения информационной безопасности, а также предприняты первые политические шаги в этом направлении на национальном и международном уровнях.

Второй этап: 2000–2014 гг. В 2000 г. в России была принята Доктрина информационной безопасности РФ — первый официальный документ, который, по сути, придал информационной среде статус самостоятельного домена национальной безопасности. В Преамбуле подчеркивалось, что Доктрина «развивает Концепцию национальной безопасности Российской Федерации применительно к информационной сфере»³. Поэтому с 2000 г. национальная безопасность России обрела самостоятельное информационное измерение.

Интенсификация процессов цифровизации отношений между гражданами и государством, чему во многом способствовала утвержденная Правительством в 2002 г. Федеральная целевая программа «Электронная Россия»⁴, потребовала системных мер по обеспечению безопасности процессов сбора, хранения и передачи персональной информации. Для решения этой задачи в 2006 г. Государственная Дума принимает Закон «О персональных данных»⁵, который определил основные принципы и подходы к обработке персональных данных граждан, что спустя двадцать лет, в эпоху искусственного интеллекта, станет одним из столпов обеспечения информационной безопасности.

Наряду с этим динамичное распространение информационно-коммуникационных технологий и ежегодный рост киберпреступности во всем мире продиктовали необходимость многоуровневого развития государственных механизмов контроля исполнения мер по обеспечению политики информационной безопасности. Так, в 2004 г. вопросы защиты критической информационной инфраструктуры, а также выдачи лицензионных сертификатов стали входить в компетенцию ФСТЭК⁶.

¹ Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/95876/> (дата обращения: 25.08.2025).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 53/70 от 04.01.1999 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/53/70> (дата обращения: 25.08.2025).

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895) [Электронный ресурс] // Контур Норматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴ Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/184120/> (дата обращения: 25.08.2025).

⁵ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 31.07.2025).

⁶ Сведения о полномочиях ФСТЭК России; перечень нормативных правовых актов, определяющих эти полномочия [Электронный ресурс] // Федеральная служба по техническому и экспортному контролю. URL: <https://fstec.ru/obshchaya-informatsiya/polnomochiya> (дата обращения: 03.08.2025).

Вместе с тем российское государство остро нуждалось в развитии надежной и безопасной системы правительственной связи и повышении уровня защиты информационной инфраструктуры. Реализация этих мер была включена в перечень полномочий Спецсвязи и Федеральной службы безопасности. Отдельно необходимо отметить деятельность Роскомнадзора, который осуществляет контроль соблюдения законодательных актов России в области связи, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и СМИ¹.

В это время по странам постсоветского пространства и Ближнего Востока прокатилась волна «цветных революций» под идеологической вывеской распространения западных ценностей и построения многовекторной внешней политики, нацеленной на сближение с США и ЕС [5, с. 71]. Как указывают некоторые исследователи, существует достаточно широкий диапазон в оценках феномена «цветных революций». Если в отечественной науке господствует точка зрения о внешнем вмешательстве во внутреннюю политику страны, то для западного социально-политического дискурса характерно рассмотрение данных событий в категориях ненасильственного сопротивления и демократизации государственных процессов [9, с. 947]. Так или иначе, и российские, и западные исследователи едины в том, что основным инструментом в подогревании протестных настроений и мобилизации оппозиционно настроенных граждан сыграли социальные сети. В частности, после массовых протестов в Молдове в 2009 г. в широкий обиход вошел термин «твиттер²-революция»³.

В результате этого как на уровне экспертов, так и на уровне политической власти становится очевидным, что некоммерческие организации, электронные СМИ, лидеры мнений, в распоряжении которых находится весь арсенал современных средств коммуникации, обладают достаточными ресурсами по дестабилизации социально-политической обстановки в любой стране мира, а действуя в интересах внешнего субъекта, они становятся влиятельными игроками в международных конфликтах. Осознание этого факта привело к закреплению самостоятельного статуса информационной безопасности в системе национальной безопасности и потребовало от России дальнейших шагов по защите своего суверенитета и национальных интересов в информационной сфере.

Третий этап: 2014–2022 гг. Началом нового этапа формирования в России целостной системы обеспечения информационной безопасности послужила «Крымская весна». В 2014 г. в результате государственного переворота, произошедшего на Украине при активной поддержке западных политиков и спецслужб, Республика Крым вошла в состав Российской Федерации. Данное событие послужило спусковым крючком к резкому обострению геополитической обстановки, многие годы остававшейся напряженной. В ответ на это коллективный Запад начинает активно применять тактику гибридной войны [12, р. 18] в отношении России, которую он открыто обозначает в качестве своей основной угрозы⁴.

Примечательно, что годом ранее, выступая в Академии военных наук, генерал В. Герасимов поднимал проблему расширения театра боевых действий и появления новых форм конфликтов. Основные положения его доклада дополнили новую редакцию Военной доктрины РФ (2014 г.)⁵. В документе отмечалось, что наметилась тенденция смещения межгосударственного противоборства в сферу информационного пространства и увеличения числа эпизодов использования ИКТ для дестабилизации внутриполитической обстановки.

События на территории Украины 2014 г., а также последующее участие Вооруженных сил РФ на стороне правительственных войск Сирии в 2015 г. дали старт разворачиванию Западом масштабных информационных кампаний по очернению и дискредитации России на международной арене.

¹ Публичная декларация целей и задач Роскомнадзора [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/about/public-declaration/> (дата обращения: 03.08.2025).

² Социальная сеть X (ранее Twitter) заблокирована на территории Российской Федерации по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

³ Moldova's Twitter revolution is NOT a myth [Электронный ресурс] // Foreign policy. 10.04.2009 URL: <https://foreignpolicy.com/2009/04/10/moldovas-twitter-revolution-is-not-a-myth/> (дата обращения: 28.12.2025).

⁴ Заявление глав государств и правительств, участвующих в заседании Североатлантического союза в Уэльсе — 4–5 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] // NATO. 05.12.2014. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 29.07.2025).

⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976) [Электронный ресурс] // Совет Безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/#> (дата обращения: 03.08.2025).

Неоднократно фиксировавшиеся в это время спланированные атаки на российские информационные системы и множественные кампании в информационной среде, направленные на усиление экстремистских настроений в обществе, разжигание национальной и религиозной розни, делигитимацию политического руководства страны, способствовали концептуальной дифференциации информационной безопасности и началу обособления двух ее сфер: информационно-технической и информационно-психологической.

В качестве ответных мер по укреплению информационно-технической составляющей в 2016 г. широкую огласку получили два федеральных закона, № 374-ФЗ и № 375-ФЗ, более известные как «пакет Яровой». Их основные положения касаются упрощения технических возможностей по идентификации личности в информационном пространстве. В частности, провайдерам и операторам связи предписывалось хранить весь пользовательский трафик в установленный период и предоставлять данную информацию по запросу правоохранительных органов¹.

В дополнение к этому в июле 2017 г. были приняты поправки в Федеральный закон «О связи»², целью которых являлось пресечение распространения SIM-карт без предоставления реальных паспортных данных абонента. А в октябре 2021 г. Правительство РФ приняло Постановление, которое определило порядок идентификации пользователей организаторами сервисов обмена мгновенными сообщениями. В частности, операторы обязаны идентифицировать личность при регистрации в мессенджерах, используя данные оператора мобильной связи³.

2016 г. ознаменовался началом милитаризации киберпространства. По итогам Варшавского саммита НАТО за киберпространством был закреплен статус самостоятельной сферы проведения стратегических операций⁴. В конце этого же года МИД РФ публикует обновленную Доктрину информационной безопасности⁵, в которой нашли отражение окончательно сложившиеся к тому моменту изменения геополитических реалий, а также форм и методов современных международных конфликтов. Прежде всего, в качестве объективных условий в документе констатировалось появление новых видов информационных угроз.

В качестве первых шагов по обеспечению информационно-психологической безопасности выступают принятые в 2019 г. изменения в КоАП РФ, предусматривающие ответственность за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность⁶.

Стремительные изменения структуры мирового порядка, а также непрекращающиеся попытки дестабилизации политической обстановки в стране послужили катализатором разработки нового стратегического документа в области обеспечения национальной безопасности. В 2021 г. В. В. Путиным была утверждена обновленная Стратегия национальной безопасности РФ, которая закрепляла положение о том, что реализация национальных интересов России невозможна без объединения усилий в приоритетных направлениях, к которым относится сфера информационной безопасности⁷.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 375-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/#dst0 (дата обращения: 05.08.2025); Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 374-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/#dst0 (дата обращения: 05.08.2025).

² Федеральный закон от 29.07.2017 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/50478.html> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 20.10.2021 № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/137122/> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴ Warsaw Summit Communiqué [Электронный ресурс] // NATO URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2016/07/09/warsaw-summit-communication> (дата обращения: 17.10.2025).

⁵ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 29.07.2025).

⁶ Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44089> (дата обращения: 09.09.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 01.08.2025).

Итогом третьего этапа стало формирование целостной системы идентификации личности в информационном пространстве, создание нормативно-правовой основы по противодействию распространению дезинформации, а в концептуальном аспекте наметилась четкая тенденция по обособлению информационно-технической и информационно-психологической сфер информационной безопасности.

Четвертый этап: с 2022 г. В феврале 2022 г., с началом проведения Россией специальной военной операции на территории Украины, стало ясно, что вооруженный конфликт на ограниченной территории является частью комплексного противоборства Москвы с коллективным Западом. В этом обострившемся противостоянии вполне отчетливо обозначались несколько фронтов: военный, финансово-экономический и информационный.

Обладая подавляющим преимуществом в контроле над глобальным медиапространством, странам Запада удалось сформировать необходимую для них в сложившихся обстоятельствах антироссийскую информационную повестку, которая позволяла на протяжении нескольких лет поддерживать негативное общественное мнение по поводу российских действий.

С момента начала СВО западные СМИ и социальные сети наполнились ярко выраженными русофобскими нарративами, активно создавались и тиражировались фейки в отношении действий российских военных на территории Украины, подверглись блокировке многие пророссийские каналы на популярных видеохостингах и группы в социальных сетях. Это дало основания говорить о развернутой против России полномасштабной информационно-психологической войне.

Ответные шаги Москвы не заставили себя ждать. В марте 2022 г. на территории России произошла блокировка продуктов компании Meta¹. Данное решение было обусловлено тем, что контролируемые ею социальные платформы официально сняли запрет на призывы к насилию в отношении российских военных.

На законодательном уровне также были предприняты необходимые шаги по укреплению информационно-психологического компонента информационной безопасности страны. В частности, введен контроль за деятельностью иностранных агентов². Документ предусматривал необходимость маркировки информации, производимой и (или) распространяемой иностранным агентом.

Безответственная популяризация нарративов, направленных на искажение сознания граждан и формирование ложных ценностных ориентиров, акцентировала необходимость дополнения законодательства. Так, была установлена уголовная ответственность за фейки о действиях Вооруженных Сил РФ, а также их дискредитацию³. На государственном уровне введен запрет пропаганды нетрадиционных семейных отношений⁴, а также запрет размещения рекламы на ресурсах с ограниченным доступом⁵.

Существующие проблемы, связанные с вербовкой и травлей детей, вовлечением их в преступную деятельность, а также распространением материалов с возрастными ограничениями посредством социальных платформ, потребовали разработки системных мер по созданию безопасной информационной среды. В 2023 г. Правительство РФ утвердило Концепцию информационной безопасности детей⁶, в которой закреплялась необходимость включения в образовательный процесс учебных дисциплин по информационной безопасности и цифровой грамотности.

¹ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

² Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 04.09.2025).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/1aa9268e7d3bd57bcd46a3016641c5af64b9c87/ (дата обращения: 04.09.2025).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/5b103e878283a04f8ea2130f38e19f10b516b626/ (дата обращения: 04.09.2025).

⁵ Федеральный закон от 07.04.2025 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” и Федеральный закон “О рекламе”» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504070018> (дата обращения: 04.09.2025).

⁶ Правительство утвердило Концепцию информационной безопасности детей [Электронный ресурс] // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/docs/48416/> (дата обращения: 11.12.2025).

Вхождение в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей выступило фактором совершенствования механизмов по интеграции местного населения в единое социокультурное пространство страны. Это положение в полной мере отражается в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года. Особая роль в документе отводится укреплению единства многонационального народа при сохранении этнического и языкового многообразия. В то же время русский язык занимает центральное место в формировании общероссийской гражданской идентичности¹.

Несмотря на существующую геополитическую напряженность, Россия продолжает развивать международное сотрудничество в области формирования системы международной информационной безопасности, что входит в число приоритетных задач Концепции внешней политики РФ². Ввиду этого можно отметить активизацию российских усилий в данном вопросе на региональных площадках. Так, в рамках деятельности ПА ОДКБ Российская Федерация и Республика Беларусь являются лидерами в продвижении инициатив, направленных на пресечение попыток фальсификации истории и реабилитации нацизма [3, с. 206]. В условиях непрекращающегося информационного давления против России такие предложения способствуют укреплению компонента информационно-психологической безопасности государства, поскольку защищают патриотическо-ценностные установки граждан и подвиг советского народа.

Таким образом, на текущем этапе в России завершается формирование целостной системы информационной безопасности, включающей информационно-техническую и информационно-психологическую сферы. При этом, как указывают некоторые авторы, в настоящее время самостоятельный статус начинает обретать когнитивная безопасность, связанная с противодействием вызовам и угрозам индивидуальной человеческой психике, основанная на передовых информационных технологиях, прежде всего, искусственном интеллекте [8, с. 317, 320]. На этом этапе обеспечение информационной безопасности обрело статус одного из ключевых элементов в сфере обеспечения технологического суверенитета России. Так, Концепция технологического развития на период до 2030 года придает приоритетное значение вопросам обеспечения безопасности высокотехнологических систем и защите информации. Что позволяет рассматривать информационную безопасность в качестве системообразующего элемента обеспечения технологической независимости России.

Заключение

Исследуя российскую модель информационной безопасности, авторы выделили четыре периода в истории ее становления. *Ранний этап — 1992–2000 гг.* — представляет собой принятие нормативных документов, которые заложили основу будущего формирования политики информационной безопасности. *В период с 2000 по 2014 г.* информационная безопасность обрела самостоятельность в системе национальной безопасности и получила доктринальное закрепление. Это объясняется активными процессами цифровизации и развитием ИКТ, которые стали инструментом и площадкой для проведения информационно-психологических операций, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки.

В период 2014–2022 гг. происходит геополитическая конфронтация между Россией и странами Запада, нашедшая воплощение в проведении информационной политики по дискредитации образа РФ на международной арене и росте прецедентов использования ИКТ в противоправных целях. Ответными мерами России была разработка новой доктрины и законодательных актов, регулирующих вопросы обеспечения информационной безопасности.

На современном этапе, с момента начала Россией СВО на территории Украины, произошел новый виток геополитической конфронтации, в котором информационное противоборство стало самостоятельной ареной проведения стратегических операций. Масштабное проведение кибератак, информа-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 13.12.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/fr/foreign_policy/official_documents/1860586/?lang=ru (дата обращения: 03.08.2025).

ционно-психологическое давление на российских военных и гражданских лиц и проведение такого рода стратегических операций, злонамеренное применение технологий искусственного интеллекта предоставило понимание серьезности вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности и необходимости обретения цифрового суверенитета для обеспечения защиты технологических систем.

Список литературы

1. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 42–59. EDN: LOGPEF. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3
2. Выходец Р. С. Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 256–270. EDN: FYNWU. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270
3. Выходец Р. С., Тюменцев И. О. Вопросы информационно-психологической безопасности в ракурсе Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 3. С. 201–211. EDN: YLZKPB. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.3.18
4. Караганов С. А., Лукьянов Ф. А. Россия в мире силы XXI века // Россия и мусульманский мир. 2014. № 5 (263). С. 5–13. EDN: SGGZKJ
5. Карпович О. Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2015. 111 с. ISBN: 978-5-238-02631-2. EDN: TBWKDJ
6. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с. ISBN: 978-5-89781-676-7. EDN: JSTIQP
7. Концепция государственной информационной политики / под общ. ред. О. А. Финько. М. : 1999. 47 с.
8. Прологомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели. СПб. : ИД «Петрополис», 2023. 487 с. ISBN: 978-5-9676-1526-9. EDN: MRECBE
9. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 940–950. EDN: ZAQKFV
10. Foulon M., Meibauer G. How Cyberspace Affects International Relations: The Promise of Structural modifiers // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 45, No. 3. P. 426–458. DOI: 10.1080/13523260.2024.2365062
11. Kemp S. Digital 2025: Global Overview Report. 05.02.2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report>
12. Mattis J., Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005. Vol. 132. Issue: November. P. 18–19. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars>
13. Webster F. Theories of the Information Society. 3th ed. London : Routledge, 2006. 314 p. ISBN: 978-0-415-40633-8. DOI: 10.4324/9780203962824

Об авторах:

Выходец Роман Сергеевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

Щербань Анастасия Владимировна, аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: n.shche@mail.ru

References

1. Balatsky, E. V. Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Accumulation of Global Contradictions // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15, No. 4. P. 42–59. (In Russ.) EDN: LOGPEF. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3
2. Vykhodets, R. S. Large AI spaces and Russia’s strategy in the context of the “Sanctions War” // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2022. Vol. 22, No. 2. P. 256–270. (In Russ.) EDN: FYNWU. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270.
3. Vykhodets, R. S., Tyumentsev, I. O. Issues of information and psychological security in the context of the Program of activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization for 2026–2030 // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations 2025. Vol. 30, No. 3. P. 201–211. (In Russ.) EDN: YLZKPB. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.3.18
4. Karaganov, S. A., Lukyanov, F. A. Russia in the World of the Forces of the XXI Century // Russia and the Moslem World. 2014. No. 5 (263). P. 5–13. (In Russ.) EDN: SGGZKJ
5. Karpovich, O. G., Manoilo, A. V. Color Revolutions. Theory and Practice of Dismantling Modern Political Regimes. Moscow : Unity-Dana Publishing House. 2015. 111 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-238-02631-2. EDN: TBWKDJ
6. Kefeli, I. F. Asphatronics: Towards a Theory of Global Security. St. Petersburg : Publishing and printing center of NWIM of RANEPa, 2020. 228 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-89781-676-7. EDN: JSTIQP
7. The Concept of State Information Policy / ed. by of O. A. Finko. Moscow : 1999. 47 p. (In Russ.)
8. Prolegomena of Cognitive Security. Collective monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg: Petropolis, 2023. 488 p. ISBN: 978-5-9676-1526-9. (In Russ.) EDN: MRECBE
9. Tsvetkova, N. A. The Discourse of “Color Revolutions” // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2, No. 2. P. 940–950. (In Russ.) EDN: ZAQKVV
10. Foulon, M., Meibauer, G. How Cyberspace Affects International Relations: The Promise of Structural Modifiers // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 45, No. 3. P. 426–458. DOI: 10.1080/13523260.2024.2365062
11. Kemp., S. Digital 2025: Global Overview Report. 05.02.2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report>
12. Mattis, J. Hoffman, F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // Proceedings Magazine. 2005. Vol. 132. Issue: November. P. 18–19. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars>
13. Webster, F. Theories of the Information Society. 3th ed. London: Routledge. 2006. 314 p. ISBN: 978-0-415-40633-8. DOI: 10.4324/9780203962824

About the authors:

Roman S. Vykhodets, Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

Anastasia V. Shcherban, PhD student, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: n.shche@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Выходец Р. С., Щербань А. В., 2026

Южный Кавказ в борьбе транзитных проектов: политика конкуренции маршрутов «Восток — Запад» и «Север — Юг»

Дудайти А. К.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Российская Федерация

e-mail: adudaiti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7103-959X

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются политические последствия соперничества двух осей транспортной связности, а именно направлений «Восток — Запад» и «Север — Юг», в региональной среде, где инфраструктура превращается в инструмент внешней политики, управления рисками и перераспределения ресурсов. **Цель и задачи.** Определить, каким образом контроль над ключевыми узлами связности, включая порты, пограничные переходы и железнодорожные стыки, изменяет переговорную силу Армении, Азербайджана и Грузии и усиливает вовлеченность внешних акторов в условиях постконфликтной неопределенности и санкционных ограничений на евразийские потоки. Показать, при каких условиях инфраструктурные решения способствуют стабилизации, а при каких воспроизводят конфликтность вокруг статуса коммуникаций, гарантий проходимости и допустимых форм внешнего посредничества. **Методология.** Используются сравнительно-политический анализ и геоэкономический подход, позволяющие сопоставлять интересы государств региона и внешних центров силы через призму доступа к потокам и правил их администрирования. Применены концепт «политики инфраструктуры» и кейс-стади «узких мест» коридоров, охватывающие режимы пропуска, тарифную координацию, цифровое сопровождение грузов и стандарты безопасности. **Результаты.** Установлено, что «коридоризация» переводит часть конкуренции из сферы декларативной дипломатии в сферу управляемости потоков, поскольку тарифные настройки, таможенные процедуры и требования к безопасности становятся предметом торга и каналом внешнего влияния. Выявлены типовые инструменты внешних акторов, к которым относятся финансирование, технологические стандарты и цифровые требования. Эти инструменты закрепляют зависимость через «правила входа» в коридор, усиливают асимметрии между участниками и повышают политическую ценность инфраструктурных «узких мест» как источников ренты и рычагов давления. **Выводы.** Конкуренция осей связности одновременно стимулирует прагматическое сотрудничество и повышает риски эскалации в тех случаях, когда транспортные решения интерпретируются как изменение баланса суверенитета, а не как технический компромисс. Наиболее устойчивой стратегией для государств региона выступает управление «портфелем связности», которое предполагает диверсификацию партнеров, унификацию процедур, снижение политизации тарифов и привязку инфраструктурных решений к механизмам доверия, верификации и предсказуемости.

Ключевые слова: геоэкономика, связность, инфраструктура, суверенитет, безопасность, посредничество, санкции

Для цитирования: Дудайти А. К. Южный Кавказ в борьбе транзитных проектов: политика конкуренции маршрутов «Восток — Запад» и «Север — Юг» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 175–186. EDN: XCQCSZ

South Caucasus in the Struggle of Transit Projects: The Politics of Competition between the “East — West” and “North — South” Routes

Albert K. Dudayti

North Ossetian State University after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

e-mail: adudaiti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7103-959X

ABSTRACT

The article examines the political consequences of rivalry between two connectivity axes — “East — West” and “North — South” — in a regional environment where infrastructure governance becomes a tool of foreign policy, risk management, and resource redistribution. **Aim and tasks.** To identify how control over critical connectivity nodes (ports, border crossings, rail junctions) changes bargaining power among Armenia, Azerbaijan, and Georgia and deepens external involvement under post-conflict uncertainty and sanctions-related constraints on Eurasian flows. To clarify when infrastructure choices support stabilisation and when they reproduce disputes over the status of communications, guarantees of passage, and acceptable forms of external mediation. **Methods.** The study combines comparative political analysis with a geoeconomic perspective, comparing regional states and external centres of power through access to flows and the rules that administer them. It applies the concept of infrastructure politics and focused case studies of corridor bottlenecks, including admission regimes, tariff coordination, digital cargo tracing, and security standards. **Results.** The findings show that corridorisation shifts part of competition from declarative diplomacy to the governability of flows: tariff settings, customs practices, and security requirements become bargaining objects and channels of external leverage. Typical external tools are identified — financing, technological standards, and digital requirements — that lock in dependency through “entry rules”, deepen asymmetries among participants, and increase the political value of bottlenecks as sources of rent and leverage. **Conclusion.** Connectivity rivalry can stimulate pragmatic cooperation, yet it also raises escalation risks when transport arrangements are interpreted as a redistribution of sovereignty rather than a technical compromise. A more resilient strategy for regional states is to manage a connectivity portfolio by diversifying partners, standardising procedures, reducing tariff politicisation, and linking infrastructure choices to trust-building, verification, and predictability mechanisms.

Keywords: geoeconomics, connectivity, infrastructure, sovereignty, security, mediation, sanctions

For citation: Dudayti A. K. South Caucasus in the Struggle of Transit Projects: The Politics of Competition between the “East — West” and “North — South” Routes // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 175–186 (In Russ.). EDN: XCQCSZ

Введение

Транспортную связность на Южном Кавказе сегодня уже трудно воспринимать как «обычную» инфраструктурную тему, ограниченную тарифами, тонно-километрами и графиками движения. Она все более отчетливо превращается в самостоятельный политический феномен: маршруты становятся рычагами влияния, а узлы движения — точками давления. В условиях нерешенных противоречий и дефицита доверия контроль над портами, пограничными переходами, железнодорожными стыками и терминалами означает больше, чем управление логистикой [9]. Он позволяет воздействовать на переговорную повестку, ускоряя одни потоки, сдерживая другие, изменяя «цену» транзита и вместе с ней корректируя политические позиции сторон.

В этой логике Южный Кавказ становится пространством соперничества двух «осей связности». Направление «Восток — Запад» связано с расширением транскаспийских мультимодальных маршрутов

и усилением роли Азербайджана и Грузии как транзитных платформ между Каспийским и Черноморским бассейнами. После 2022 г. интерес к «Среднему коридору» вырос, но его жизнеспособность определяется не декларациями о диверсификации, а согласованием пограничных процедур, единообразием стандартов и способностью «склеить» морскую, железнодорожную и автодорожную логистику в единую цепочку. Поэтому институциональная рамка Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ) и работа профильных структур важны не только в экономическом, но и в политическом отношении, поскольку именно они формируют правила доступа и определяют, кто и на каких условиях проходит по маршруту¹. При этом аналитика подчеркивает зависимость коридора от «узких мест» и координации на всем протяжении трассы [17, р. 21–22].

Коридор «Север — Юг» предлагает иную логику, ориентированную на связность с южными рынками и сопряжение каспийского пространства с иранской инфраструктурой. Его политический смысл в том, что он меняет географию «обязательных посредников» и перенастраивает доступ к транзитной ренте. Поэтому конкуренция двух осей представляет собой не просто спор о скорости и стоимости доставки, а борьбу за стандарты и режимы допуска, за институты, которые «закрепляют» маршруты, а также за право определять, что следует считать безопасностью транзита и кто уполномочен обеспечивать ее соблюдение.

На Южном Кавказе инфраструктурная повестка особенно чувствительна, потому что почти неизбежно упирается в статус, суверенитет и символику контроля. Там, где в более стабильных регионах дискуссии сводятся к пропускной способности и тарифам, здесь решения о коммуникациях превращаются в спор о политическом порядке: кто администрирует маршрут, какие гарантии приемлемы, допустимы ли внешние механизмы контроля и где проходит граница между посредничеством и ограничением суверенных полномочий [8; 14; 19]. Не случайно «разблокирование» транспортных связей закреплено в постконфликтной рамке и связано с вопросами процедур и обеспечения транзита. В итоге даже «технические» параметры, такие как режим пропуска, досмотр, охрана и сопровождение, воспринимаются как политические заявления².

Цель статьи заключается в выявлении политических эффектов конкуренции осей «Восток — Запад» и «Север — Юг» и в анализе механизмов, посредством которых инфраструктура становится инструментом перераспределения влияния. Исследовательский вопрос формулируется так: как конкуренция коридоров меняет переговорные позиции Армении, Азербайджана и Грузии и как внешние акторы конвертируют финансовые, технологические и нормативные инструменты в политическое влияние через режимы транзита? Рабочая гипотеза состоит в том, что «коридоризация» повышает стратегическую ценность «узких мест» и усиливает асимметрии: она одновременно стимулирует кооперацию ради транзитной ренты и воспроизводит конфликтность вокруг статуса коммуникаций и гарантий проходимости [18, р. 5–6].

Научная новизна исследования заключается в трактовке конкуренции осей связности как соперничества режимов управления потоками, т. е. политических моделей, задающих правила доступа, контроля и распределения выгод, а не как нейтрального сравнения маршрутов по протяженности и стоимости. В прикладном плане работа описывает стратегии, позволяющие государствам региона извлекать выгоды из транзита, не превращая логистическую зависимость в политическую уязвимость, и выделяет условия, при которых инфраструктурные решения поддерживают предсказуемость и доверие.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составляют материалы, которые позволяют рассматривать коридоры не только как «линию на карте» и набор объектов, но как институционально оформленный режим движения. В работе используются официальные документы и заявления, фиксирующие подходы

¹ Trans-Caspian International Transport Route (TITR/TMTM). Official website [Электронный ресурс]. URL: <https://middlecorridor.com/> (дата обращения: 30.12.2025).

² Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. П. 9 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 30.12.2025).

к разблокированию и администрированию коммуникаций, а также рамки допустимого контроля и гарантирования транзита. Дополнительный слой источников составляют аналитические доклады и исследования, в которых описываются «узкие места» и процедурные барьеры, начиная от портовой перевалки и времени прохождения границ и заканчивая согласованием стандартов по всей цепочке перевозки. Именно этот корпус материалов позволяет сопоставлять заявляемые политические цели с фактической конфигурацией ограничителей и издержек, которые делают коридор либо конкурентоспособным, либо уязвимым.

Методологически статья сочетает сравнительно-политический анализ и геоэкономический подход, поскольку конкуренция «Восток — Запад» и «Север — Юг» на Южном Кавказе одновременно означает борьбу за правила и за выгоды. Сравнительно-политический анализ позволяет сопоставить стратегии Армении, Азербайджана и Грузии: роль транзита в их национальных установках, воспринимаемые угрозы, приемлемые модели управления коммуникациями и пределы внешнего участия. Геоэкономический подход рассматривает коридоры как инструменты распределения транзитной ренты и доступа к рынкам, а также как способ перенастройки зависимости в условиях санкционных и военных рисков, когда маршрут становится активом, закрепляющим «правила входа» и издержки.

Связующим звеном исследования выступает фокус на инфраструктурных и процедурных «узких местах», т. е. точках, в которых геоэкономика непосредственно трансформируется в политику. Анализируются портовые и морские звенья, пограничные процедуры, пропускная способность железных дорог и «недостающие» участки, а также устойчивость цифрового сопровождения. Дополнительно применяется элемент дискурс-анализа, позволяющий оценить, каким образом коридоры описываются — как проекты устойчивости, развития или безопасности либо, напротив, как риски для суверенитета, — и как соответствующие нарративы легитимируют решения об администрировании и контроле.

В статье используются следующие рабочие определения и индикаторы: 1) «переговорная сила» государства понимается как способность изменять условия доступа к транзиту, включая тарифы, процедуры, требования безопасности и формат посредничества; 2) «незаменимость узла» определяется как степень, при которой исключение узла (порта, погранперехода, стыка) приводит к непропорциональному росту времени и (или) стоимости маршрута вследствие отсутствия эквивалентных обходных альтернатив; 3) «транзитная рента» трактуется как совокупность прямых доходов (сборов, тарифов, портовых и терминальных услуг, сервисной логистики) и косвенной политико-экономической ренты; 4) «стратегическая ценность» коридора или узла рассматривается как интегральная характеристика, отражающая масштаб потенциального потока, незаменимость или дефицит альтернатив, а также чувствительность к рискам, включая санкционные ограничения, угрозы безопасности и постконфликтный статус коммуникаций. Концептуально предложенная рамка опирается на исследования инфраструктурной власти и инфраструктурного пространства [7; 11; 15; 16].

Ось «Восток — Запад»: транскаспийская связность как политический ресурс

Ось «Восток — Запад» в южнокавказской проекции живет по логике «маршрута-режима»: ее конкурентоспособность определяется не только километрами и скоростью, но тем, насколько стройно выстроены правила допуска к потоку. На практике политический вес приобретают, казалось бы, «скучные» элементы, такие как единая технология перевозок, согласованные графики, сквозные тарифы, режим «единого окна», цифровое отслеживание и стандарты проверок. Не случайно в институциональном описании TITR среди целей выделяются интегрированные логистические решения, эффективная тарифная политика, унификация перевозочного процесса и сокращение административных и таможенных барьеров. Иными словами, борьба идет не столько за дорогу, сколько за «правила входа», которые распределяют транзитную ренту и транзакционные издержки между участниками.

Для Азербайджана и Грузии ставка на транскаспийскую связность является способом превратить географию в переговорный ресурс: чем предсказуемее и «управляемее» транзит, тем выше доверие грузоотправителей и тем легче переводить инфраструктурные проекты в инвестиции и долгосрочные стан-

дарты. Однако именно зависимость маршрута от координации делает его политически амбивалентным: усиливается соблазн закрепить управление через внешние площадки или «технические» требования. По оценке Всемирного банка, узкие места Среднего коридора во многом связаны с координацией и управлением коридором, портово-морским плечом, железной дорогой, погранпереходами и, что особенно показательно, обменом данными и информацией¹. В такой конфигурации «мягкая инфраструктура» (правила, цифровые контуры, совместимость процедур) становится тем самым пространством, где геоэкономика непосредственно превращается в политику.

Именно поэтому транскаспийская ось постоянно «проверяется» узкими местами, и каждая задержка быстро приобретает политическую окраску. По данным Всемирного банка, в 2022 г. перевозка по маршруту от Достыка/Хоргоса до Констанцы через Средний коридор в среднем занимала около 50–53 дней; среди причин отмечались дефицит судов и ошибки в судовых документах². В логистике это выглядит как проблема надежности, но в политике — как вопрос контроля: кто отвечает за «гарантию времени», кто определяет требования к документам, кто вправе вводить дополнительные проверки ради безопасности, и кто в конечном счете получает рычаг влияния через управление неопределенностью. Когда маршрут становится альтернативой в период турбулентности, цена непредсказуемости растет, а вместе с ней растет и привлекательность институтов, обещающих «сквозную» управляемость.

На этом фоне внешняя кооперация вокруг «Востока — Запада» почти неизбежно оборачивается конкуренцией за нормативное лидерство: технологические решения и стандарты, включая цифровые, становятся механизмом долгосрочного влияния через регулирование доступа к маршруту [12, р. 2]. Российские исследователи отмечают, что после Второй карабахской войны транспортная повестка приобрела характер жесткой конкуренции, вплоть до «транспортной войны», в которую вовлечены не только стороны конфликта, но и внешние акторы [1, с. 108–109; 2, с. 123–124]. Зарубежные работы по Среднему коридору также подчеркивают, что маршруты на Южном Кавказе выступают и экономическим ресурсом, и фактором региональной стабильности, требующим согласованных политических решений, а не только строительства [13, р. 149–150]. В итоге чем сильнее коридор зависит от процедурной согласованности, тем острее борьба за «правила письма» и тем выше вероятность, что технические настройки закрепят влияние во времени.

Оценки грузопотоков по двум осям связности см. в табл. 1.

Таблица 1

Оценки грузопотоков по двум осям связности, 2024–2025 гг.

Table 1. Estimated freight volumes for two connectivity axes, 2024–2025

Показатель	Ось «Восток — Запад» (транскаспийский маршрут)	Ось «Север — Юг» (коридор «Север — Юг»)
Объем перевозок за 2024 г.	4,5 млн т; контейнеры 56,5 тыс. TEU*	26,9 млн т (оценка); по железной дороге 12,9 млн т
Оценка/прогноз на 2025 г.	5,2 млн т (оценка ряда отраслевых обзоров)	28 млн т (проектная оценка в обзорах по развитию коридора)
Примечание об источниках	Данные и сообщения отраслевых агрегаторов и информагентств, ссылающихся на статистику участников маршрута	Оценки профильных ведомств и отраслевых аналитических обзоров по развитию коридора

Примечание: TEU* (twenty-foot equivalent unit) — условная единица вместимости, равная одному двадцатифутовому контейнеру.

Источник: составлено автором по данным The Astana Times [Электронный ресурс]. URL: <https://astanatimes.com/2025/03/kazakhstan-container-shipments-via-trans-caspian-route-increases-2-7-times-in-2024/>; OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/ru/publications/reports/2025/11/enhancing-the-competitiveness-of-the-trans-caspian-transport-corridor-in-central-asia_e989025f/16b38a02-ru.pdf (дата обращения: 29.12.2025).

¹ Middle Trade and Transport Corridor. P. 10–11 [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1773581849&tld=ru&lang=en&name=Middle-Trade-and-Transport-Corridor-World-Bank-FINAL.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

² Там же.

Ось «Север — Юг»: альтернативная связность и политика сопряжения интересов

Ось «Север — Юг» в южнокавказской конфигурации держится не столько на «красивой линии на карте», сколько на способности участников собрать разноскоростные участки и разнородные режимы контроля в единый предсказуемый транзитный механизм¹. Коридор здесь, прежде всего, юридически и процедурно «сшитая» связность: рамочное соглашение задает общую логику, но конкурентоспособность рождает повседневная управляемость маршрута, от пропускной способности границы до совместимости графиков, терминалов и цифрового сопровождения. Поэтому «Север — Юг» особенно чувствителен к «недостающим звеньям», когда один незавершенный участок обесценивает усилия на соседних направлениях [4, с. 35]. Показательный пример — соединение Решт — Астара, которое в экспертной литературе рассматривается как развязка, превращающая проект из политического лозунга в работающую сеть [6, с. 83–84].

Иран в этой оси выступает не только «южным якорем», но и держателем собственных «красных линий»: для Тегерана коммуникации на северной дуге представляют собой одновременно доступ к рынкам и вопрос стратегической глубины. Отсюда настороженность к конструкциям, где транзит начинает напоминать «особый режим» контроля, и, напротив, интерес к решениям, повышающим пропускную способность без переопределения статуса маршрута. В этой логике сопряжение интересов не должно превращаться в вытеснение, поэтому конкурирующие идеи «коридоризации» воспринимаются как попытка переписать транзитную географию и перераспределить рычаги управления. Здесь особенно заметна политическая природа оси «Север — Юг»: спор идет не только о километрах, но о том, кто и на каких условиях гарантирует проходимость и администрирование [10, р. 6–7].

Роль России и Азербайджана в «Север — Юг» уместно описывать как «политику синхронизации»: Москва заинтересована в устойчивом институциональном закреплении альтернативных направлений [21, р. 160–162], а Баку стремится к максимизации эффекта «стыка», при котором одна платформа обслуживает разные оси и расширяет пространство маневра. Но многовекторность повышает ценность процедур: чем больше маршрутов сходится в одном узле, тем сильнее искушение использовать тарифы, стандарты контроля и цифровые требования как инструмент перераспределения выгод. Симптоматично, что в евразийских интеграционных механизмах «узкие места» описываются как управленческая проблема транзитной архитектуры, а их устранение связывается с ростом доступности рынков и снятием инфраструктурных ограничений, включая направления «Север — Юг»². В итоге политическая эффективность коридора складывается из двух параллельных процессов: достройки материальных «разрывов» (где один участок способен «задушить» всю цепочку) и выстраивания согласованных правил, которые делают маршрут воспроизводимым и, следовательно, конвертируемым во влияние [5, с. 4–5].

Инструменты конкуренции и механизмы снижения конфликтности

Конкуренция за коридоры на Южном Кавказе проявляется не только в строительстве портов, линий, терминалов, но прежде всего в борьбе за режимы управления потоками, т. е. за правила допуска, стандарты, тарифы и «легитимные» форматы гарантирования транзита. Чтобы избежать повторения логики осей, этот раздел начинается с типологии инструментов конкуренции, которые используются как внутренними участниками, так и внешними акторами.

В аналитических целях инструменты сгруппированы в пять блоков: 1) финансирование и связанные с ним условности; 2) технологические стандарты и цифровые требования; 3) погранично-таможенные процедуры и «регулирование скорости»; 4) тарифная политика и перераспределение транзитной ренты;

¹ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). North-South Corridor (Sisian-Kajaran) Road Project [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebrd.com/home/work-with-us/projects/psd/51293.html> (дата обращения: 15.02.2026).

² Сводная информация государств — членов ЕАЭС о мероприятиях по развитию отдельных участков евразийских транспортных коридоров (маршрутов), выявлению и устранению «узких мест». С. 1, 6. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/ab9/ig5ddv96wt5nds7r27njp83yh3qfghx3/Uzkie-mesta-infrastruktury-_Protokol-Soveta-ruk_ley_-KA_9-ot-26.06.2025_.pdf (дата обращения: 30.12.2025).

5) секьюритизация инфраструктуры и протоколы безопасности. Для каждого блока выделяются риски политизации и практические механизмы деэскалации, позволяющие переводить соперничество из «политики статуса» в «политику процедур».

Первым инструментом является финансирование инфраструктуры и институтов управления коридором (кредиты, гранты, концессии, государственно-частное партнерство). На уровне экономики оно ускоряет ввод мощностей; на уровне политики оно закрепляет долгосрочные обязательства через условия закупок, технические требования и привязку к «правилам» эксплуатации. Снижение конфликтности требует диверсификации источников, прозрачных конкурсных процедур и разграничения коммерческих и политических условий участия (чтобы финансирование не превращалось в инструмент исключения и давления).

Вторым инструментом выступают технологические стандарты и цифровые процедуры. На первый взгляд речь идет лишь об удобстве, а именно — переходе на электронные документы, обмене данными и отслеживании грузов. Но фактически стандарты задают «правила входа» в маршрут: совместим, значит, проходишь быстро, не совместим — застреваешь в ручных проверках и повторных сверках [21, р. 160]. Всемирный банк связывает задержки на пограничных железнодорожных узлах в том числе с отсутствием электронного обмена данными и неэффективностью операций, а цифровизацию рассматривает как способ повысить координацию, прозрачность и сквозное отслеживание. Дорожная карта TRACECA (Transport Corridor Europe — Caucasus — Asia) также акцентирует гармонизацию транспортных и таможенных процедур при использовании электронных документов, переводя контроль из «бумажного» в сопоставимый цифровой формат. Отсюда механизмы деэскалации: взаимное признание документов, поэтапная гармонизация требований и интероперабельные платформы, чтобы стандарты не превращались в тихий барьер.

Третьим и наиболее «чувствительным» инструментом являются погранично-таможенные процедуры и «регулирование скорости»: приоритеты пропуска, глубина досмотра, разрешительные режимы, нормативные и фактические сроки. Политизация начинается там, где исчезают измеримые критерии: без прозрачных стандартов времени и оснований задержки любой сбой легко объясняется политическим мотивом и становится поводом для ответных мер. Поэтому снижение конфликтности связано с переводом границы из пространства интерпретаций в пространство метрик: цифровизация («единое окно», предварительное информирование), нормативные сроки, совместный мониторинг времени на границе и публикация агрегированных данных. Это согласуется с выводом о том, что эффективность коридора обеспечивается не столько новым строительством, сколько кооперацией, координацией процедур и общими логистическими стандартами [18, р. 51–52].

Четвертый инструмент связан с тарифной политикой и включает ставки, скидки, квоты, «временные акции» и исключения. Такие меры перераспределяют транзитную ренту и поэтому неизбежно приобретают политическое измерение. Снижение напряженности в этой сфере также носит процедурный характер и предполагает прозрачные формулы тарификации, понятные основания предоставления льгот и постоянный механизм урегулирования споров, опирающийся на проверяемые параметры.

Наконец, пятым инструментом выступает обеспечение безопасности инфраструктуры. Защита ключевых узлов необходима, однако чрезмерная секьюритизация может служить оправданием произвольных ограничений транзита. Компромиссной моделью являются совместные протоколы реагирования, обмен информацией и четкое разведение мер безопасности и коммерческих процедур. Показательно, что для «Север — Юг» устранение «нефизических барьеров» описывается как комплекс мер, начиная от согласования тарифов, пересечения границы и заканчивая цифровыми документами и механизмом управления коридором [20, р. 2], т. е. устойчивость предлагается строить на согласованных правилах, а не на исключительности и давлении.

В целом снижение конфликтности достигается переходом от «политики статуса» к «политике процедур». Чем правила «единее», проверяемое и совместимее, тем меньше пространства для подозрений и ответных шагов. Эти инструменты и меры деэскалации сведены в табл. 2 как набор практических «предохранителей» коридорной конкуренции.

Политические инструменты конкуренции за связность и их эффекты

Table 2. Political instruments of connectivity competition and their effects

Инструмент	Как проявляется	Политический эффект	Риски	Механизмы снижения рисков
Финансирование инфраструктуры	Кредиты, гранты, концессии, государственно-частные схемы	Закрепление долгосрочных обязательств и приоритетов	Зависимость от одного источника финансирования	Диверсификация инвесторов, прозрачные конкурсные процедуры
Технологические стандарты	Требования к безопасности, цифровому сопровождению, обмену данными	Контроль через «правила входа» в коридор	Исключение отдельных участников из-за несовместимости	Взаимное признание стандартов, поэтапная гармонизация
Процедуры на границах	Таможня, контроль, разрешительные режимы	Управление скоростью и предсказуемостью потоков	Политизация пропуска и «ручное управление»	Единые протоколы, цифровизация, независимый аудит процедур
Тарифная политика	Ставки, скидки, приоритеты, квоты	Перераспределение транзитной ренты	Конфликт из-за воспринимаемой дискриминации	Формулы тарифов, понятные всем участникам, механизмы урегулирования споров
Безопасность инфраструктуры	Охрана узлов, режимы доступа, специальные регламенты	Усиление роли силового и политического компонента	Секьюритизация логистики и рост недоверия	Совместные протоколы реагирования, обмен информацией, верификация

Источник: составлено автором на основе анализа материалов OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/ru/publications/reports/2025/11/enhancing-the-competitiveness-of-the-trans-caspian-transport-corridor-in-central-asia_e989025f/16b38a02-ru.pdf; Index1520 [Электронный ресурс]. URL: <https://index1520.com/en/analytics/preodolenie-infrastrukturnykh-barerov-na-puti-razvitiya-mtk-sever-yug/>; ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24428363> (дата обращения: 29.12.2025).

Результаты и обсуждение

Сопоставительный анализ показывает, что конкуренция осей «Восток — Запад» и «Север — Юг» повышает политическую ценность узлов связности и тем самым меняет распределение влияния в регионе. Переговорная сила государств растет не пропорционально протяженности их участков, а пропорционально незаменимости контролируемых элементов, а именно портов, погранпереходов, железнодорожных стыков, терминалов. Там, где узел становится обязательным для прохождения потоков, управляемость транзита превращается в дипломатический ресурс через приоритеты пропуска, условия доступа, рамки безопасности и режимы администрирования. В постконфликтной конфигурации это особенно заметно: тема коммуникаций встроена в логику урегулирования и потому неизбежно «нагружается» политическими смыслами, а инфраструктура работает как «материализованный аргумент», влияя на издержки и предсказуемость для партнеров.

Центр соперничества смещается от строительства к регулированию доступа к построенному. Конкурентоспособность коридора задается процедурными характеристиками, в частности, скоростью и прозрачностью таможенных действий, стандартами безопасности, цифровым сопровождением, тарифными режимами и контролем. В итоге именно стандарты и процедуры формируют «правила входа» и закрепляют долгосрочное влияние: актор, который определяет цифровые требования и протоколы обмена данными, задает институциональную рамку для остальных. При множественности границ ключевыми ограничителями становятся не только мощности, но и координация, обмен данными и управляемость коридора как системы. Стандартизация при этом двойственна: она снижает транзакционные издержки, но при низком доверии воспринимается как механизм исключения или фиксации асимметрий, когда «совместимость» означает зависимость.

По мере роста ценности узлов усиливается «безопасностное» измерение транзита. Охрана критической инфраструктуры и устойчивость цепочек поставок необходимы, но секьюритизация создает риск политизации, т. е. специальные режимы контроля могут трактоваться как скрытое ограничение транзита или попытка изменить баланс суверенного управления. Поэтому устойчивость зависит от прозрачных

критериев контроля, разграничения мер безопасности и коммерческих процедур и совместимых протоколов реагирования; в практике устранения «узких мест» акцент закономерно делается на управляемости и измеримости процедур, без которых безопасность превращается в оправдание исключений.

Эффекты конкуренции различаются по странам, что подтверждает неодинаковые «политические функции» транзита. Азербайджан, участвуя в нескольких направлениях связности, получает портфельную стратегию и расширяет внешнеполитический маневр, используя узлы и условия доступа как ресурс¹. Для Грузии ключевым фактором является институциональная предсказуемость и единообразие применения правил, определяющие доверие перевозчиков и партнеров [3, с. 483–484].

Для Армении первостепенны юридическая определенность режимов администрирования и процедуры верификации, поскольку коммуникации напрямую связаны с вопросами суверенитета и гарантий. Армянская стратегия в условиях конкуренции осей во многом носит компенсаторный характер: при отсутствии прямого выхода к морю и при сохраняющихся ограничениях коммуникаций с Турцией и Азербайджаном Ереван стремится одновременно (а) укрепить внутреннюю связность по линии Север — Юг (включая крупные проекты на южном, Сюникском участке) и (б) переопределить повестку «разблокирования» как восстановление региональной «сетевости» без экстерриториальных режимов. Инициатива Crossroads of Peace прямо фиксирует принципы суверенитета и юрисдикции государств транзита, а также взаимность и равенство в использовании инфраструктуры, тем самым предлагая «процедурную» альтернативу коридорным моделям, воспринимаемым как перераспределение контроля². Одновременно армянский пример наглядно демонстрирует, как внешние посреднические предложения (вплоть до идей внешнего управления по спорным участкам) становятся частью торга о гарантиях проходимости, усиливая чувствительность вопроса статуса коммуникаций и повышая политическую цену любого «технического» решения³.

В целом конкуренция осей не неизбежно конфронтационна: она становится конфликтной, когда инфраструктурные решения нагружаются символикой признания и трактуются как перераспределение суверенного баланса. Напротив, ориентация на «политику процедур», включающую совместимость стандартов, прозрачность тарифов, цифровизацию контроля и действенные механизмы урегулирования споров, переводит соперничество в управляемую форму. Следовательно, модернизация инфраструктуры должна сопровождаться институционализацией транзитного режима: сочетание инвестиций и согласованных правил обеспечивает предсказуемость и снижает риски эскалации, сохраняя пространство взаимной выгоды.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что конкуренция осей «Восток — Запад» и «Север — Юг» на Южном Кавказе представляет собой соперничество не столько маршрутов, сколько режимов управления потоками. Инфраструктура здесь быстро приобретает политический вес: контроль над ключевыми узлами (портами, погранпереходами, железнодорожными стыками, терминалами) превращает управляемость транзита в переговорный ресурс и позволяет влиять на доступ к рынкам и распределение транзитной ренты. Поэтому «коридоризация» делает узлы одновременно точками роста и потенциальными триггерами напряженности: сбой воспринимаются как политический сигнал, а не как случайность.

Решающую роль играют не столько стройки, сколько нормативно-процедурная «начинка» коридора, включающая стандарты, таможенные практики, цифровое сопровождение, тарифы и баланс мер безопасности. Эти элементы задают «правила входа» и могут закреплять асимметрии при непрозрачном или избирательном применении, тогда как их институционализация (совместимость стандартов,

¹ Azerbaijan. Transport Connectivity (brochure) [Электронный ресурс]. Baku : Transit.gov.az, 2025. URL: <https://transit.gov.az/storage/Transport-Connectivity-Brochure-15092025.pdf> (дата обращения: 15.02.2026).

² The Government of the Republic of Armenia. The Crossroads of Peace (brochure). URL: https://www.courrier.am/sites/default/files/pdf/the_crossroad_of_peace-brochure-1.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

³ US has told Armenia it is ready to manage transport corridor with Azerbaijan, Armenpress reports // Reuters. 16.07.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/us-has-told-armenia-it-is-ready-manage-transport-corridor-with-azerbaijan-2025-07-16/> (дата обращения: 15.02.2026).

измеримые сроки на границе, предсказуемые тарифы, интероперабельные цифровые решения) переводит соперничество в управляемую взаимозависимость и повышает устойчивость маршрутов.

Для государств региона рациональнее управлять портфелем связности, а не ставить все на один маршрут: диверсифицировать направления и партнеров, удерживая недискриминационные правила доступа и работающие механизмы урегулирования споров. Критически важно разделять безопасность и коммерческие процедуры: охрана инфраструктуры необходима, но ее секьюритизация легко превращает контроль в инструмент давления. В итоге коридорная конкуренция может работать на стабилизацию, если материальные инвестиции сопровождаются формированием институциональной архитектуры транзита, т. е. понятных, измеримых и совместимых правил, обеспечивающих предсказуемость и снижающих риск эскалации при сохранении пространства для прагматического взаимодействия.

Список литературы

1. *Давтян В. С., Маргарян Н. И.* Стратегический потенциал транспортного коридора «Армения — Иран — Индия» // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 1 (62). С. 99–112. EDN: ABWFOC. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-99-112
2. *Давтян В. С., Маргарян Н. И.* Транспортные коммуникации Южного Кавказа после войны в Нагорном Карабахе // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1 (LIV). С. 123–135. EDN: HQRTFY. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-123-135
3. *Дудайтис А. К.* Грузия и США: региональные последствия партнерства для Южного Кавказа // Регионология (Russian Journal of Regional Studies). 2025. Т. 33. № 3. С. 483–499. EDN: DZLYTW. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202503.483-499
4. *Лузянин С. Г., Семенова Н. К.* Международный коридор «Север — Юг»: транспортный проект или большая геополитика? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 12. С. 5–14. EDN: SJKGLM. DOI: 10.31857/S032150750029003-5
5. *Малышева Д. Б.* Международный транспортный коридор «Север — Юг» и страны Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 4 (8). С. 7–21. EDN: YLOANH. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01
6. *Федулов И. В.* Международный транспортный коридор «Север — Юг» в новых геополитических условиях: современное состояние и перспективы // Восточная аналитика. 2023. Т. 14. № 3. С. 81–97. EDN: YQIZFQ. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-81-97
7. *Anand N., Gupta A., Appel H.* (Eds.). The Promise of Infrastructure. Durham : Duke University Press, 2018. 264 p. ISBN: 978-1-4780-0018-1. DOI: 10.1215/9781478002031
8. *Claessen K.* Connectivity and Competition in the South Caucasus. ICDS Analysis. Tallinn : International Centre for Defence and Security, January 2026. URL: https://icds.ee/static/icds_analysis_connectivity_and_competition_in_the_south_caucasus_koen_claessen_january_2026.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
9. *Cowen D.* The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. 326 p. EDN: VGIGOJ
10. *De Waal T.* Russia, the South Caucasus and the Black Sea. Policy Paper. Transatlantic Foundation // Russia Strategic Initiative, 2025. P. 1–10. URL: <https://www.transatlantic.org/wp-content/uploads/2025/05/TLN-RSI-Caucasus-Policy-Paper-De-Waal.pdf>
11. *Easterling K.* Extrastatecraft: The Power of Infrastructure Space. London; New York : Verso, 2014. 256 p.
12. *Fraioli P.* Greater consensus on improving the Middle Corridor // Strategic Comments. 2023. Vol. 29. No. 10. P. IX–XII. EDN: EPSWFO. DOI: 10.1080/13567888.2023.2295138
13. *Gafarlı T.* Unlocking the Potential in the South Caucasus: The Zangezur Corridor’s Impact on the Trans-Caspian International Transport Route (Middle Corridor) // Perceptions: Journal of International Affairs. 2025. Vol. 29, No. 2. P. 148–173. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4154376>
14. *Guliyev F.* The South Caucasus: Connectivity Initiatives and Regional Fragmentation // Third World Quarterly. 2026. DOI: 10.1080/01436597.2026.2621911

15. *Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. P. 27–343. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522.
16. *Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie*. 1984. Vol. 25, No. 2. P. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239
17. OECD. *Realising the Potential of the Middle Corridor*. Paris : OECD Publishing, 2023. 142 p. DOI: 10.1787/635ad854-en
18. *Prause G.* (Ed.). *The South Caucasian transport corridor: A new Eurasian transport option* // *Wismarer Diskussionspapiere (Wismar Discussion Papers)*. No. 03/2024. Wismar: Hochschule Wismar — Wismar Business School, 2024. 74 p. ISBN: 978-3-948862-16-9.
19. *Smolnik F.* Dis/Connectivity in the South Caucasus: Imaginaries, the Effects of Power, Ambivalences. SWP Research Paper 2023/RP 09. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2023. DOI: 10.18449/2023RP09
20. *Vinokurov E.* (Ed.), *Ahunbaev A., Usmanov N., Zabojev A.* International North-South Transport Corridor: Investments and Soft Infrastructure. Reports and Working Papers 22/2. Almaty, Moscow : Eurasian Development Bank, 2022. 82 p.
21. *Vinokurov E. Yu., Ahunbaev A. I., Zabojev A. I.* International North — South Transport Corridor: Boosting Russia's "Pivot to the South" and Trans-Eurasian Connectivity // *Russian Journal of Economics*. 2022. Vol. 8, No. 2. P. 159–173. EDN: ZWFPOW. DOI: 10.32609/j.ruje.8.86617

Об авторе:

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, Российская Федерация);
e-mail: adudaiti@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7103-959X

References

1. Davtyan, V. S., Margaryan, N. I. Strategic Potential of the "Armenia — Iran — India" Transport Corridor // *Russia and New States of Eurasia*. 2024. No. 1 (62). P. 99–112. (In Russ.) EDN: ABWFOC. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-99-112
2. Davtyan, V. S., Margaryan, N. I. Transport Communications of the South Caucasus after the War in Nagorno-Karabakh // *Russia and New States of Eurasia*. 2022. No. 1 (LIV). P. 123–135. (In Russ.) EDN: HQRTFY. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-123-135
3. Dudayti, A. K. Georgia and the United States: Regional Consequences of Partnership for the South Caucasus // *Regionology (Russian Journal of Regional Studies)*. 2025. Vol. 33, No. 3. P. 483–499. (In Russ.) EDN: DZLYTW. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202503.483-499
4. Luzyanin, S. G., Semenova, N. K. The International North–South Corridor: A Transport Project or "Big Geopolitics"? // *Asia and Africa Today*. 2023. No. 12. P. 5–14. (In Russ.) EDN: JKGLM. DOI: 10.31857/S032150750029003-5
5. Malysheva, D. B. The International North-South Transport Corridor and the Countries of Central Asia // *Middle and Post-Soviet East*. 2024. No. 4 (8). P. 7–21. (In Russ.) EDN: YLOAHH. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01
6. Fedulov, I. V. The International North-South Transport Corridor in the New Geopolitical Conditions: Current State and Prospects // *Eastern Analytics*. 2023. Vol. 14, No. 3. P. 81–97. (In Russ.) EDN: YQIZFQ. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-81-97
7. Anand, N., Gupta, A., Appel, H. (Eds.). *The Promise of Infrastructure*. Durham : Duke University Press, 2018. 264 p. ISBN: 978-1-4780-0018-1. DOI: 10.1215/9781478002031

8. Claessen, K. Connectivity and Competition in the South Caucasus. ICDS Analysis. Tallinn : International Centre for Defence and Security, January 2026. URL: https://icds.ee/static/icds_analysis_connectivity_and_competition_in_the_south_caucasus_koen_claessen_january_2026.pdf
9. Cowen, D. The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. 326 p. EDN: VGIGOJ
10. De Waal, T. Russia, the South Caucasus and the Black Sea. Policy Paper. Transatlantic Foundation // Russia Strategic Initiative, 2025. P. 1–10. URL: <https://www.transatlantic.org/wp-content/uploads/2025/05/TLN-RSI-Caucasus-Policy-Paper-De-Waal.pdf>
11. Easterling, K. Extrastatecraft: The Power of Infrastructure Space. London; New York : Verso, 2014. 256 p.
12. Fraioli, P. Greater consensus on improving the Middle Corridor // Strategic Comments. 2023. Vol. 29. No. 10. P. IX–XII. EDN: EPSWFO. DOI: 10.1080/13567888.2023.2295138
13. Gafarlı, T. Unlocking the Potential in the South Caucasus: The Zangezur Corridor’s Impact on the Trans-Caspian International Transport Route (Middle Corridor) // Perceptions: Journal of International Affairs. 2025. Vol. 29, No. 2. P. 148–173. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/4154376>
14. Guliyev, F. The South Caucasus: Connectivity Initiatives and Regional Fragmentation // Third World Quarterly. 2026. DOI: 10.1080/01436597.2026.2621911
15. Larkin, B. The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. 2013. Vol. 42. P. 27–343. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522
16. Mann, M. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie. 1984. Vol. 25, No. 2. P. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239
17. OECD. Realising the Potential of the Middle Corridor. Paris : OECD Publishing, 2023. 142 p. DOI: 10.1787/635ad854-en
18. Prause, G. (Ed.). The South Caucasian transport corridor: A new Eurasian transport option // Wismarer Diskussionspapiere (Wismar Discussion Papers). No. 03/2024. Wismar: Hochschule Wismar — Wismar Business School, 2024. 74 p. ISBN: 978-3-948862-16-9.
19. Smolnik, F. Dis/Connectivity in the South Caucasus: Imaginaries, the Effects of Power, Ambivalences. SWP Research Paper 2023/RP 09. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2023. DOI: 10.18449/2023RP09
20. Vinokurov, E. (Ed.), Ahunbaev A., Usmanov N., Zaboev A. International North-South Transport Corridor: Investments and Soft Infrastructure. Reports and Working Papers 22/2. Almaty, Moscow : Eurasian Development Bank, 2022. 82 p.
21. Vinokurov, E. Yu., Ahunbaev, A. I., Zaboev, A. I. International North-South Transport Corridor: Boosting Russia’s “Pivot to the South” and Trans-Eurasian Connectivity // Russian Journal of Economics. 2022. Vol. 8, No. 2. P. 159–173. EDN: ZWFPOW. DOI: 10.32609/j.ruje.8.86617

About the author:

Albert K. Dudayti, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of World History, North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russian Federation);
e-mail: adudaiti@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7103-959X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дудайти А. К., 2026

Проблема недостаточности нормативной регламентации использования в медиаиндустрии изображений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта

Качук В. Н.¹, Коростелев С. В.^{2,*}, Соколов Д. А.¹, Студеновский В. В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Государственный научно-исследовательский навигационно-гидрографический институт, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: stakor@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2650-1826

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются проблемы и риски, связанные с быстрым развитием и усовершенствованием технологии дипфейков, которые становятся все более доступными и трудно отличимыми от настоящего контента. Приводятся примеры технологических достижений и их применение. **Цель.** Обоснование необходимости правового регулирования использования изображений, синтезированных с помощью искусственного интеллекта, в медиаиндустрии, важности международного диалога по вопросам законодательства, кодификации запретов на использование изображений должностных лиц и распространение дипфейков, а также установления ответственности за их создание и распространение. **Задачи.** Выделить и сформулировать направления концентрации усилий органов публичной власти при движении к обеспечению защиты прав и свобод личности в условиях цифровизации, а также защиты медиаконтента, исходящего от органов публичной власти и их должностных лиц. **Методология.** Рассматриваются формы ответственности за противоправное использование дипфейков и средства противодействия этому явлению, в том числе через введение обязательной маркировки официальных фото- и видеоматериалов с использованием стеганографических методов для их идентификации и верификации, создание правовых механизмов для защиты авторских прав и предотвращения незаконного использования и распространения поддельных материалов. **Результаты и выводы.** Действия органов публичной власти должны быть направлены на согласование воли государств с целью разработки соответствующей международной конвенции и интеграции ключевых принципов борьбы с дипфейками в национальные законодательные системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративно-состязательные сети, синтезированные изображения, цифровая подделка, ответственность за дипфейки, стеганографические методы

Для цитирования: Качук В. Н., Коростелев С. В., Соколов Д. А., Студеновский В. В. Проблема недостаточности нормативной регламентации использования в медиаиндустрии изображений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 1. С. 187–195. EDN: XCYAWK

The Problem of Insufficient Regulatory Framework for the Use of Images Created Using Artificial Intelligence Technologies in the Media Industry

Veronika N. Kachuk^a, Stanislav V. Korostelev^{b,*}, Denis A. Sokolov^a, Victor V. Studenovskiy^a

^aState University of Film and Television, Saint Petersburg, Russian Federation

^b State Research Navigation-Hydrographic Institute, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: stakor@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2650-1826

ABSTRACT

This article examines the challenges and risks associated with the rapid development and improvement of deepfake technology, which is becoming increasingly accessible and difficult to distinguish from genuine content. Examples of technological advances and their applications are provided. **Aim.** To substantiate the need for legal regulation of the use of images synthesized using artificial intelligence in the media industry, the importance of international dialogue on legislation, the codification of prohibitions on the use of images of officials and the dissemination of deepfakes, and the establishment of liability for their creation and dissemination. **Tasks.** To identify and formulate areas for public authorities to focus their efforts in ensuring the protection of individual rights and freedoms in the context of digitalization, as well as the protection of media content emanating from public authorities and their officials. **Methods.** The challenge lies in determining the areas of public authorities' efforts and coordinating their international efforts in the area of information protection (media content emanating from them), which manifests itself in the distortion of the state's true intentions in the implementation of foreign policy. The article examines the forms of liability for the illegal use of deepfakes and measures to combat this phenomenon, including the introduction of mandatory labeling of official photos and videos using steganographic methods for identification and verification, and the creation of legal mechanisms to protect copyright and prevent the illegal use and distribution of counterfeit materials. **Results and conclusions.** Public authorities should work to align the wills of states with the goal of developing an appropriate international convention and integrating key principles for combating deepfakes into national legislation.

Keywords: artificial intelligence, generative adversarial networks, synthesized images, digital forgery, liability for deepfakes, steganographic methods

For citation: Kachuk V. N., Korostelev S. V., Sokolov D. A., Studenovskiy V. V. The Problem of Insufficient Regulatory Framework for the Use of Images Created Using Artificial Intelligence Technologies in the Media Industry // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 187–195. (In Russ.) EDN: XCYAWK

Введение

В настоящее время развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) приобретает ключевое значение для многих сфер жизни общества, включая экономику, образование, медицину и правоохранительную систему. Российская Федерация активно участвует в этой глобальной тенденции, стремясь создать благоприятные условия для разработки и применения ИИ. В частности, были приняты важные нормативные документы, такие как Федеральный закон № 123-ФЗ¹, регулирующий эксперимент по специальному регулированию ИИ в Москве, и Указ Президента Российской Федерации № 490², определяющий стратегическое развитие ИИ в стране. В начале 2021 г. предполагалось внедрение «цифровых песочниц», позволяющих более гибкое регулирование и быструю адаптацию законодательства к новым вызовам, и в июле того же года в Москве был запущен такой эксперимент.

¹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 21.11.2025).

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 21.11.2025).

Целью данной статьи является обоснование необходимости — в свете недавних событий, связанных с распространением дипфейков¹, — разработки новых правовых норм, которые бы регламентировали частное использование нейросетей и обеспечивали правовые основы для организации защиты информационного пространства от подобных угроз.

Дипфейковая технология, или «глубокие подделки», представляет собой сравнительно новую разработку в сфере компьютерных технологий, характеризующуюся использованием алгоритмов искусственного интеллекта для модификации аудиовизуальных данных с целью создания высококачественных иллюзорных репрезентаций. А инструменты для их создания становятся все более простыми и доступными, не требующими от пользователей глубоких специализированных знаний, что представляет серьезные угрозы для общества, так как поддельные материалы могут подрывать доверие к официальным источникам информации, вызывать социальные конфликты и даже влиять на политические процессы.

Модификации медиаконтента могут охватывать лицо, тембр голоса, элементы одежды и окружающую среду, что позволяет синтезировать цифровые конструкции, внешне неотличимые от реальности, которые могут использоваться для различных целей, включая политическую пропаганду, мошенничество и распространение дезинформации.

Применение дипфейков не ограничивается одним видом медиаконтента, оно распространяется на фотографии, видеопоследовательности, аудиозаписи и тексты, в то время как первичным объектом изменений являются фото- и видеоматериалы.

Результаты и обсуждение

Первое документированное использование подобных средств состоялось в 2017 г., когда участник платформы Reddit, известный как *deerfakes*, обнародовал видеоролики, созданные на основе искусственного интеллекта, в которых изображались известные личности в непристойном контексте [10].

В основе технологии дипфейков лежат генеративно-состязательные сети (GAN), представляющие собой класс нейронных сетей, обучающихся на создании правдоподобных имитаций данных, которые использовались в их тренировке [7]. На сегодняшний день GAN широко применяются для генерации фальсификаций, включая методы «замены лица», позволяющие менять анатомические черты лица субъекта или полностью замещать его, «замены выражений», которые воспроизводят слова и фразы с точным имитированием тембра голоса, и «синтеза изображений», способного создавать новые цифровые образы или модифицировать уже существующие.

Несмотря на то, что наиболее убедительные цифровые имитации создаются с помощью инструментов, доступ к которым пока что ограничен, даже применение некоммерческих программ позволяет производить фото- и видеоподделки достаточного качества, чтобы нанести значительный ущерб репутации индивидов и безопасности на государственном и международном уровне. Так, например, М. В. Федоров акцентирует внимание на двух ключевых аспектах, способствующих вирусной распространенности дипфейков среди пользователей интернета, политических технологов, а также мошенников и экстремистов: относительная простота процесса создания и мощный эмоциональный эффект, порождаемый подделками [8].

Статистические данные, обнародованные на платформах, таких как Всемирный экономический форум, демонстрируют экспоненциальный рост количества дипфейков в интернете, которое, согласно исследованиям, увеличивается примерно на 900% ежегодно². В течение первых четырех месяцев 2023 г. наблюдалось трехкратное возрастание визуальных дипфейков и восьмикратное — аудиодипфейков в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года.

В нашей стране ситуация также имеет сложную негативную динамику: «Согласно информации АНО «Диалог Регионы» с января по сентябрь 2025 года в Рунете выявлено 342 уникальных дипфейка. Этот

¹ Термин «дипфейк» не закреплен в технической или юридической документации и употребляется в публичном дискурсе как слияние терминов «глубокое обучение» (deep learning) и «подделка» (fake).

² ВЭФ назвал дипфейки и ИИ главными угрозами для выборов в разных странах [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/01/2024/659fe9ff9a79475f70435f09?from=copy (дата обращения: 21.11.2025).

показатель в 4,1 раза превышает общее число подобных фальсификаций за весь 2024 год — тогда было зарегистрировано 84 случая... За неполный 2025 год обнаружено в 5,9 раза больше копий фейковых видео, чем за весь предыдущий год: 55 тысяч против 9,3 тысячи. Суммарное число просмотров достигло 122,5 млн, что в 3,1 раза выше результата за весь 2024 год»¹.

С ростом распространения контента, сгенерированного с использованием технологии deepfake, усугубляются проблемы манипулирования общественным мнением, нарушения как имущественных, так и личных неимущественных прав индивидуумов, а также проблемы, связанные с обработкой персональных данных. Технологии deepfake, оставаясь вне полного правового регулирования, представляют собой инструмент для распространения дезинформации и манипуляции общественным сознанием, что создает потенциальную угрозу не только для личных прав, но и для общественной безопасности в широком смысле. Они могут привести к массовой панике и подорвать доверие как к традиционным информационным каналам, так и к фундаментальным принципам демократического государственного устройства.

Например, в июне 2023 г. жители нескольких регионов России столкнулись с трансляцией поддельного обращения, фальсифицированного от имени Президента страны Владимира Путина, в котором говорилось о введении военного положения и начале полной мобилизации. Это обращение транслировалось как по телевидению, так и по радио, однако позже было установлено, что данное сообщение является дипфейком².

В декабре 2019 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности начала рассматривать вопросы, связанные с нарушением прав индивидов, вызванным использованием технологии deepfake. В «Проекте концептуального документа по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта»³ подчеркивается важность регулирования вопросов нарушения авторских прав на оригинальные изображения, прав на созданный с их помощью контент и необходимость обеспечения компенсации людям, чьи внешность и голос используются для создания deepfake-материалов. Также в источниках отмечается, что deepfake-технологии могут нарушать и иные личные права и свободы⁴.

А. И. Овчинников отмечает, что цифровизация может влиять на человеческую индивидуальность. По его словам, современный человек, внося свои данные в всевозможные цифровые системы, становится лишь частью этой цифровой среды, теряя уникальность и даже собственное имя, которое заменяется логинами и паролями. Это создает впечатление, будто цифровая среда стала более важной, чем человек, для которого она изначально была создана. Указывается на необходимость умения использовать современные технологии и соглашаться с условиями обработки личных данных для получения преимуществ цифрового мира. Граждане испытывают опасения по поводу кражи личной информации и несовершенства защиты своих устройств, включая угрозу безопасности мобильных устройств, содержащих доступ к личным и банковским данным. Несмотря на развитие биометрических систем защиты, проблемы с доступом и ошибочная авторизация по-прежнему вызывают беспокойство среди пользователей. Такое состояние информационного элемента общественной безопасности ставит перед органами публичной власти задачи по выделению и формулированию направлений концентрации своих усилий при движении к обеспечению защиты прав и свобод личности в условиях цифровизации, а также защиты медиаконтента, исходящего от органов публичной власти и их должностных лиц.

В России вопросы использования и защиты биометрических данных обрели особую актуальность, когда в 2019 г. была введена программа создания единой системы биометрических данных, к которой подключились основные банки страны, включая Сбербанк, который стал пионером в сборе биометрических данных. Сбербанк пообещал и в целом добился того, что к концу 2021 г. многие его услуги стали доступны с использованием биометрии. Система СберID, позволяющая распознавать людей по их физи-

¹ В России зафиксирован рекордный рост числа дипфейков [Электронный ресурс]. URL: <https://kolymaplus.ru/news/v-rossii-zafiksirovann-rekordnyj-rost-chisla-dipfejkov/> (дата обращения: 10.01.2026).

² «Обращение» Путина о мобилизации и военном положении оказалось дипфейком [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2023/06/05/fake_radio/ (дата обращения: 21.11.2025).

³ Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053 (дата обращения: 11.01.2026).

⁴ The deepfake dilemma: Detection and decree [Электронный ресурс]. URL: <https://www.barandbench.com/columns/deepfake-dilemma-detection-and-desirability> (дата обращения: 21.11.2025).

ческим характеристикам, упростила такие задачи, как оплата коммунальных услуг, совершение платежей, получение кредитов и другие операции [1].

Возникают резонные сомнения: реально ли подделать биометрические данные? Специалисты отдела безопасности Сбербанка уверены, что «в практике не было обнаружено полных совпадений голосовых отпечатков. Все попытки обмануть систему путем модификации голоса без применения электронных устройств оказались неудачными». С юридической точки зрения финансовые учреждения имеют полномочия самостоятельно регулировать уровень защиты клиентов, не нарушая их личные права.

В то же время Р. Б. Гасанова высказывает противоположное мнение, заявляя, что «несмотря на прогресс в изучении голосовых данных, нельзя говорить о стопроцентной точности» [3]. Ошибки в голосовой идентификации не исключены, они не гарантируют полную защиту финансов. Например, представители банков не упоминают о возможности записи голоса клиента и его последующего воспроизведения для незаконного доступа к банковским услугам.

В связи с этим в России в рамках Единой биометрической системы (далее — ЕБС) применяется усиленный уровень защиты данных. Стимулом к созданию данной системы послужила национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Основной принцип ЕБС — многоступенчатая аутентификация: помимо голоса, используется лицевое распознавание, а специфическое программное обеспечение анализирует уникальные черты лица: форму носа, подбородка, скул, контур губ, разрез глаз, расстояние между ними. Для удаленной верификации требуется совокупность голосовых и визуальных параметров, а используемые механизмы защиты исключают возможность подмены фотографий [6].

Казалось бы, с внедрением таких технологий опасения за безопасность банковских счетов могли бы исчезнуть, однако такое утверждение было бы слишком упрощенным, учитывая существующие угрозы, например, дипфейки.

Следующим шагом становится необходимость детального изучения концепции «искусственной нейронной сети», выступающей в роли фундаментального инструмента для создания дипфейков. Подобные компьютерные модели, базирующиеся на принципах, заимствованных из организации и функционирования биологических нейронных структур живых организмов, осуществляют сложнейшие вычислительные операции и имитируют процессы, присущие человеческому обучению [2].

В современном мире мы сталкиваемся с многообразием типов дипфейков — аудиальных, визуальных, а также гибридных, объединяющих видеоизображение и голос для формирования чрезвычайно реалистичных подделок. Яркой иллюстрацией служит DeepFaceLab — программный комплекс с открытым исходным кодом, созданный российским разработчиком под псевдонимом iReгов. Данный инструмент предоставляет возможность не просто подменять лица в видеофайлах, но и корректировать артикуляцию губ, что влечет за собой трансформацию смысла произносимой речи. Корпорация Vera Voice демонстрирует иной вектор развития в сфере создания аудиодипфейков, генерируя голоса с такой степенью достоверности, что отличить сгенерированную речь от подлинной без применения специализированного софта практически нереально. Специалисты компании воспроизводят голоса ушедших деятелей искусства, опираясь на сохранившиеся фонограммы, как это было проделано с голосом Владимира Высоцкого.

Пройдя этап обучения на аудиоматериалах с голосом определенной личности, искусственная нейросеть обретает способность с исключительной точностью генерировать речь этого человека, начитывая произвольный текст без ощутимых дефектов или неестественного акцента. Создатели технологии отмечают широкие перспективы внедрения этой разработки в таких областях, как озвучивание литературных произведений, видеоигр, кинопродукции, а также при разработке виртуальных ассистентов. Вместе с тем они отдают себе отчет в том, что технология Vera Voice может эксплуатироваться как в развлекательных целях, так и в мошеннических схемах, включая подделку голосов известных политиков и публичных персон, что способно повлечь крайне негативные последствия. Осознавая эти риски, разработчики ведут активный поиск легитимных и этических путей применения своего продукта.

Искусственные нейронные сети также способны самостоятельно генерировать музыкальные произведения в классическом стиле, обучаясь на творениях знаменитых композиторов, хотя пока и не способны

создавать полностью оригинальные композиции; они могут воспроизводить стиль игры лучше, чем многие люди.

Чтобы копировать лица и голоса на видео, нейросетям требуется обучающий материал, и чем он обширнее, тем точнее будет итоговый результат. Генеративно-состязательные сети строят карту лица, используя десятки точек и соединяющих их линий, создавая цифровой аналог в кратчайшие сроки [9].

Искусственные интеллектуальные системы, включая нейронные сети, сегодня находят применение в многочисленных областях деятельности, в том числе и в юриспруденции. Эти технологии способны безошибочно интерпретировать рукописный текст и трансформировать его в цифровой формат, а также ассистировать в составлении электронных документов, включая резюме. Они также используются для предсказания будущих событий, ведения криминалистических экспертиз и оценки государственных закупок, расширяя возможности аналитической поддержки в различных отраслях.

В своем исследовании Л. М. Кирова и М. Л. Макаревич упоминают о том, как в России юридическая компания «Право.ру» интегрировала искусственный интеллект для прогнозирования продолжительности и исходов судебных дел. Система основывается на анализе предшествующих судебных решений, что позволяет ей делать точные предположения о результатах. К тому же компания разработала бота, который способен отвечать на юридические запросы в Telegram, обрабатывая как текст, так и голосовые сообщения. Также известно, что в одном из университетов создана система Dare, которая может выявлять ложь в показаниях, анализируя мимику, голос и жесты, при этом эффективность ее работы достигает 92% [4].

В своем исследовании В. А. Лаптев выражает обоснованную тревогу о том, что такие технологии могут использоваться для фальсификации финансовых операций или изменения доказательств в уголовных делах [5]. Со временем дипфейки станут главной угрозой в идентификации подлинности аудио и видео в интернете, увеличив риск мошенничества, например, когда от имени руководства компании будут исходить ложные финансовые указания. Несмотря на это, искусственный интеллект может помочь в борьбе с преступностью.

На сегодняшний день понятия «дипфейк» и «нейросеть» юридически не закреплены, хотя они уже вошли в нашу жизнь. Применение этих технологий может нести как пользу, так и вред. Полностью запретить или контролировать использование нейросетей не представляется возможным, так как любой пользователь может установить соответствующее ПО или создать его самостоятельно. Следует сосредоточить усилия на разработке законодательных мер, направленных на привлечение к ответственности за злоупотребление нейросетями.

Необходимо принятие нового законодательства, так как вышеприведенный Федеральный закон № 123-ФЗ, регламентирующий в порядке эксперимента использование искусственного интеллекта в одном из субъектов Российской Федерации (Москве) и изменения, касающиеся персональных данных, не охватывает частное использование нейросетей. Также в приведенном Указе Президента № 490 определены лишь стратегические цели развития ИИ, заявлена возможность его применения в экономике для повышения эффективности бизнеса.

Предполагается очевидным, что цифровой образ личности схож с интеллектуальной собственностью, так как он является нематериальным правом. Однако он не является результатом творческой деятельности, поэтому должен регулироваться отдельными нормами.

Методология противодействия незаконному распространению дипфейков может использовать подход, аналогичный защите изображения гражданина по ст. 152.1 ГК РФ. Но правовые последствия обращения к дипфейкам имеют серьезные отличия от использования обычных изображений и видео — они, как показывает практика, могут нанести вред репутации человека, искажая историю его поведения. Существующие ст. 152.1 ГК РФ, ст. 5.61 КоАП РФ и ст. 128.1 УК РФ не учитывают особенностей таких деяний. Очевидно, что нужны новые организационно-технические решения, обоснованные нормами права.

Не вызывает также сомнения, что использование дипфейков может оказать влияние на историческую оценку фактов и событий. Поэтому авторы предполагают необходимым внести изменения в уголовное, административное и гражданское законодательство, предусмотрев особую ответственность за противоправное использование дипфейков, и предлагают средства противодействия этому явлению,

в том числе: введение обязательной маркировки официальных фото- и видеоматериалов с использованием стеганографических методов для их идентификации и верификации, создание институциональных механизмов для защиты авторских прав и предотвращения незаконного использования и распространения поддельных материалов, пропаганду знаний об ответственности за нарушение правил маркировки и распространение поддельных материалов.

Заключение

В заключение считаем необходимым отметить, что перед обществом стоят серьезные вызовы в связи с быстрым развитием технологий создания дипфейков, и это, в свою очередь, подтверждает необходимость системного подхода к правовому регулированию этой области. Наличие пробелов и недостаточность регулирования в существующем законодательстве как в России, так и на международном уровне, особенно в части регулирования частного использования нейросетей и синтезированных изображений, очевидны. Основываясь на анализе современных рисков и потенциальных последствий, рекомендуем разработку и принятие новых законодательных актов, которые включали бы четкие нормы относительно использования и распространения дипфейков, обеспечения защиты личности и общественного порядка, а также вводили ответственность за незаконное использование искусственного интеллекта для создания ложных изображений. Помимо этого, предполагаем целесообразным создание и внедрение международной конвенции в сфере унификации правовых механизмов противодействия проблеме дипфейков и облегчения межгосударственного сотрудничества. Считаем важным также акцентировать внимание на развитии и внедрении технологий искусственного интеллекта, направленных на распознавание и подтверждение аутентичности контента, что может стать важным инструментом в борьбе с информационным искажением и предотвратить множество негативных последствий, связанных с мошенничеством и подрывом доверия в обществе.

В результате анализа существующего политико-правового режима и международного опыта в данной очень важной сфере обеспечения информационной безопасности отмечаем, что ряд зарубежных государств предпринимают активные шаги по ограничению негативного влияния дипфейков. Однако системных нормативных решений, охватывающих одновременно вопросы маркировки, верификации и юридической ответственности за распространение подобного контента, на сегодняшний день не существует ни в одном государстве.

Предполагаем, что разработка проекта модельного закона Содружества Независимых Государств «О маркировке и обеспечении достоверности фото- и видеоматериалов, освещающих деятельность органов публичной власти и должностных лиц» (рабочее название) приобретает исключительную актуальность и своевременность. В ходе работы над проектом данного акта могут быть согласованы гармонизированные международные правовые основы для эффективного противодействия распространению недостоверной информации о деятельности органов публичной власти и должностных лиц посредством введения обязательных процедур маркировки официального контента и установления механизма его независимой верификации. А включение разработки проекта модельного закона в перечень приоритетных направлений деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ является необходимым и достаточно обоснованным.

Проект модельного закона СНГ должен, по нашему мнению, обязательно предполагать введение инновационных технических решений, таких как использование стеганографических методов встраивания метаданных в оригинальный контент, что сможет обеспечивать высокую степень защищенности и устойчивости к несанкционированному изменению или удалению общественно важной информации.

Кроме того, проект модельного закона СНГ должен предусмотреть создание специализированной системы верификации, доступной широкому кругу пользователей, а также закрепление мер административной и уголовной ответственности за нарушение предлагаемых норм маркировки и распространение заведомо недостоверного контента.

Принятие указанного модельного акта позволит, во-первых, повысить уровень доверия в Содружестве Независимых Государств к официальной информации, укрепить основы информационной безопасности

и снизить риски, проистекающие из манипулирования общественным сознанием; во-вторых, данный модельный закон может послужить основой для согласования волей государств в процессе разработки соответствующей международной конвенции, как минимум, в Содружестве Независимых Государств.

Список литературы

1. Берлин С. И., Батори Г. А., Копылова Д. В. Биометрия в банковской сфере. Исследования вопроса безопасности хранения биометрических данных // Вестник Академии знаний. 2019. № 3 (32). С. 329–336. EDN: QRSWNV
2. Вожегов А. В. Понятие искусственных нейронных сетей // Актуальные современные проблемы и перспективные отрасли инновационного развития. Екатеринбург : Научно-исследовательский центр Technical Innovations, 2021. № 7. С. 256–259. EDN: KRLCXG
3. Гасанова Р. Б. Идентификационное значение голосовых сообщений при расследовании преступлений // Закон и власть. 2021. № 2. С. 43–46. EDN: JRFYRG
4. Кирова Л. М., Макаревич М. Л. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1 (27). С. 58–63. EDN: YQСХУК
5. Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11 (132). С. 180–186. EDN: HOMQCG. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186
6. Маслова Е. В. Российская Единая биометрическая система: насколько она безопасна для банковского сектора? // Современные проблемы и перспективы развития банковского сектора: Материалы IV Всероссийской научно-практической (заочной) конференции / отв. ред. Я. Ю. Радюкова. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2019. С. 76–83. EDN: LXJEIJ
7. Сухань А. А. Генеративно-состязательные нейронные сети в задачах определения трендов // Московский экономический журнал. 2019. № 6. С. 32. EDN: BGTFFH. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-16031
8. Федоров М. В. Социально-экономические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта // Исследования в цифровой экономике. 2023. Т. 1, № 1. С. 6–60. EDN: MGIURM. DOI: 10.24833/14511791-2023-1-6-60
9. Халтурин Е. Д., Макарец А. Б. Генеративно-состязательные сети: комбинирование нейронных сетей для стимулирования обучения и облегчения вычислительной нагрузки // Математика и математическое моделирование. Сборник материалов XIII Всероссийской молодежной научно-инновационной школы. Саров : Интерконтакт, 2019. С. 297–299. EDN: ZOFOXD
10. Getman A. A., Ling Yilan. The Deepfake Technology: Threats or Opportunities for Customs // Управленческое консультирование. 2023. № 4 (172). Р. 30–36. EDN: TWWJO. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-30-36

Об авторах:

Качук Вероника Николаевна, доцент кафедры проектной деятельности в медиаиндустрии, ученый секретарь Ученого совета, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

e-mail: kachuk-vn@spbgikit.ru;

Коростелев Станислав Валентинович, старший научный сотрудник, Государственный научно-исследовательский навигационно-гидрографический институт (Санкт-Петербург, Российская Федерация); SPIN-код 8294-5755;

e-mail: stakor@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2650-1826

Соколов Денис Андреевич, доцент кафедры аудиовизуальных систем и технологий, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: sokolov-da@gikit.ru; ORCID: 0009-0008-7282-2712

Студеновский Виктор Владимирович, старший преподаватель кафедры проектной деятельности в медиаиндустрии, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, IP/IT юрист, партнер Консалтинговой группы «О.С.В.» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: victor_spbmk@mail.ru

References

1. Berlin, S. I., Bathory, G. A., Kopylova, D. V. Biometrics in the Banking Sector. Studying the Question of Security of the Storages of Biometrics Data // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. No. 3 (32). (In Russ.) EDN: QRSWNV
2. Vozhegov, A. V. The Concept of Artificial Neural Networks // Actual Modern Problems and Promising Branches of Innovative Development. Ekaterinburg : Scientific Research Center Technical Innovations, 2021. No. 7. P. 256–259. (In Russ.) EDN: KRLCXG
3. Gasanova, R. B. Identification Value of Voice Messages for Investigation of Crimes // Law and Power. 2021. No. 2. P. 43–46. (In Russ.) EDN: JRFRYG
4. Kirova, L. M., Makarevich, M. L. Legal Aspects of the Use of Neural Networks // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. 2018. No. 1 (27). P. 58–63. (In Russ.) EDN: YQCXYK
5. Laptev, V. A. Deepfake and Other Artificial Intelligence Products on the Way to the Development of Online Justice // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 11 (132). P. 180–186. (In Russ.) EDN: HOMQCG. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186
6. Maslova, E. V. The Russian Unified Biometric System: How Safe Is It for the Banking Sector? // Modern Problems and Prospects for Development of the Banking Sector: Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical (Correspondence) Conference / ed. by Y. Y. Radyukova. Tambov : Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2019. P. 76–83. (In Russ.) EDN: LXJEIJ
7. Sukhan, A. A. Generative Adversarial Neural Networks in Trend Determination Tasks // Moscow Economic Journal. 2019. No. 6. P. 32. (In Russ.) EDN: BGTFFH. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-16031
8. Fedorov, M. V. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies // Journal of Digital Economy Research. 2023. Vol. 1, No. 1. P. 6–60. (In Russ.) EDN: MGIURM. DOI: 10.24833/14511791-2023-1-6-60
9. Khalturin, E. D., Makarets, A. B. Generative Adversarial Networks: Combining Neural Networks to Stimulate Learning and Ease Computational Load // Mathematics and Mathematical Modeling: Collection of Materials of the XIII All-Russian Youth Scientific and Innovative School. Sarov : Intercontact, 2019. P. 297–299. (In Russ.) EDN: ZOFOXD
10. Getman, A. A., Ling Yilan. The Deepfake Technology: Threats or Opportunities for Customs // Administrative Consulting. 2023. No. 4 (172). P. 30–36. EDN: TWWJO. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-30-36

About the authors:

Veronika N. Kachuk, Associate Professor of the Department of Project Activities in the Media Industry, Academic Secretary of the Academic Council, State University of Film and Television (Saint Petersburg, Russian Federation);

e-mail: kachuk-vn@spbgikit.ru

Stanislav V. Korostelev, Senior Researcher, State Research Navigation-Hydrographic Institute (Saint Petersburg, Russian Federation); SPIN 8294-5755;

e-mail: stakor@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2650-1826

Denis A. Sokolov, Associate Professor of the Department of Audiovisual Systems and Technologies, State University of Film and Television (Saint Petersburg, Russian Federation);

e-mail: sokolov-da@gikit.ru; ORCID: 0009-0008-7282-2712

Victor V. Studenovskiy, Senior Lecturer, Department of Project Activities in the Media Industry, State University of Film and Television (Saint Petersburg, Russian Federation), IP/IT Lawyer, Partner, O.S.V. Consulting Group (Saint Petersburg, Russian Federation);

e-mail: victor_spbmk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Качук В. Н., Коростелев С. В., Соколов Д. А., Студеновский В. В., 2026

2026. Том 20, № 1

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
eijournal@ranepa.ru

Корректоры
Е. В. АНТОНОВА,
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Дата выхода в свет 31.03.2026.
Подписано к печати: 16.03.2026
Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,25. Тираж 50 экз.
Заказ № ЕИ1/2026.

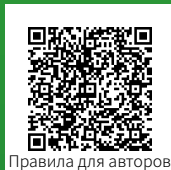
УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Распространяется бесплатно.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

Правила для авторов

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal’s partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。